

ISSN 0134–8515

СЕВЕРНО-
РУССКИЕ
ГОВОРЫ

ВЫПУСК

13

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ КАБИНЕТ
им. проф. Б. А. Ларина

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Издается с 1969 года

В ы п у с к 13

Межвузовский сборник

Отв. редакторы проф. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая

УДК 800.87

ББК 81.2Рус-67я5

C28

Редакционная коллегия: д.ф.н. проф. *А. С. Герд* (отв. редактор, С.-Петербург), д.ф.н. проф. *Л. А. Ивашко* (С.-Петербург), к.ф.н. доц. *И. С. Лутовинова* (С.-Петербург), к.ф.н. доц. *Л. П. Михайлова* (Петрозаводск), д.ф.н. проф. *С. А. Мызников* (С.-Петербург), к.ф.н. *Е. В. Пурицкая* (отв. редактор, С.-Петербург).

Редакционный совет: д.ф.н. проф. *Н. В. Богданова* (С.-Петербург), д.ф.н. проф. *В. В. Колесов* (С.-Петербург), к.ф.н. доц. *Н. В. Маркова* (Петрозаводск), д.ф.н. проф. *И. И. Муллонен* (Петрозаводск), д.ф.н. проф. *Е. А. Нефедова* (Москва), д.ф.н. проф. *Н. С. Сергиева* (Сыктывкар), д.ф.н. проф. *Г. В. Судаков* (Вологда), д.ф.н. проф. *О. А. Черепанова* (С.-Петербург).

Рецензент: д. филол. наук, проф. *В. М. Мокиенко*

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета
С.-Петербургского государственного университета*

Севернорусские говоры. Вып. 13: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. С. Герд. — СПб.: Изд-во «Нестор-История». — 347 с.

Сборник (вып. 12 вышел в 2012 г.) продолжает традиции сборника «Слово в народных говорах Русского Севера», издававшегося под редакцией Б. А. Ларина. За прошедшие годы у сборника сложился прочный коллектив авторов от Петербурга до Мурманска, Вологды, Кирова, Новгорода, Петрозаводска, Пскова. И сегодня авторитет, признание и нестарение сборнику приносят тематическое единство, стабильность названия, оформления, авторский коллектив, свежесть материалов и идей.

Для филологов-русистов, финно-угроведов, диалектологов, этнографов.

ББК 81.2Рус-67я5

Л. П. МИХАЙЛОВА, Т. Е. РУТТ

СОСТАВ И ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ ГОВОРОВ КАРЕЛИИ*

Аннотация. Авторы статьи показывают, что имеющиеся этнографические описания локальной культуры Беломорья, Заонежья, Водлозерья и других территорий позволяют выявить существенные черты, характеризующие жизненный уклад, мировосприятие, духовный мир, нравственные устои жителей Карелии как особого полиэтнического региона, и представить их отражение в специальном словаре, который одновременно мог бы служить дополнением к известному «Словарю русских говоров Карелии и сопредельных областей».

В качестве источников будущего словаря предполагается использовать работы этнологов, ономастологов, историков, фольклористов, музыковедов, исследователей культуры народов Карелии, архивные материалы, содержащие сведения этнического характера.

Ставится вопрос об отборе лексики в словарь, о представлении материала по тематическим группам, приводятся образцы словарных статей.

Ключевые слова: диалектная лексикография, этническая культура, лингвистические источники.

Лексика русских говоров Карелии, зоны активных этнических контактов с давних времен по настоящее время, содержит разные по происхождению единицы, среди которых значительное место занимают финно-угорские элементы¹. Лексикографическое представление говоров Карелии имеет богатую историю. Наиболее значи-

*Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

¹Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ / С. А. Мызников. Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2004. 492 с.

тельными по объему после трудов Г. Куликовского и А. Подвысоцкого², представивших соответственно лексику южной и северной части Карелии, являются словари И. М. Дурова и С. А. Мызникова³ по Поморью. Результатом большой работы по описанию лексического состава говоров Русского Севера стал «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей»⁴. Однако не подлежит сомнению тот факт, что «никакой один диалектный словарь не в состоянии исчерпать лексику диалекта. Полное представление о ней может дать, по-видимому, только круг смежных словарей»⁵, в том числе словарей, в которых могут быть сосредоточены сведения по материальной и духовной культуре этнолокальных групп.

Своеобразие этнокультурной картины мира коренных жителей Карелии заключается во взаимопроникновении этнических признаков культуры русского и прибалтийско-финского населения. Каждый народ удерживает в своем сознании и образе жизни вековые традиции своего этноса. Сосуществование народов в течение многих веков приводит к естественной интерференции в разных областях соприкосновения, в первую очередь — в языке, лексическая система которого охватывает все жизненные сферы. Относительно богатый лексикографический багаж Карелии, этнографические описания локальной культуры Беломорья, Заонежья, Водлозерья и других территорий позволяют выявить существенные черты, характеризующие жизненный уклад, мировосприятие, духовный мир,

²Куликовский Г. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898; Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

³Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / И. М. Дуров. Соловки, 1929. 180 с.; Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 455 с.; Мызников С. А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря / С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 496 с.

⁴Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6.

⁵Герд А. С. Предисловие // Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1. СПб, 1994. С. 5.

нравственные устои жителей Карелии как особого полиэтнического региона, и представить их отражение в специальном словаре.

1. Источники и материал. В этнокультурном словаре русских говоров Карелии (ЭСРГК) при определении семантической структуры слова предполагается активное использование разных источников, среди которых отметим: новейшие записи диалектной речи, произведенные в полевых экспедициях преподавателями и студентами вузов Петрозаводска; этнографические сведения, опубликованные в периодических изданиях XIX в.⁶, сочинения деятелей науки и культуры XVIII–XIX вв.⁷, описания традиционной материальной культуры, в частности домашних крестьянских ремесел и промыслов⁸. Определенное место должны занять материалы по духовной культуре — описания магии и колдовства, свадебных обрядов и обычаев⁹, игр и развлечений. В ЭСРГК могут быть отражены

⁶Материалы для истории и этнографии. Вытегорская Кондужи // Олонецкие губернские ведомости, 1874, №№ 4–6, 9, 10, 12, 14–16, 21–24, 26–27, 29, 31; *Петров А* О льняном хозяйстве и льняной промышленности / А. Петров // Олонецкие губернские ведомости, 1856, №№ 9–10; *Петров К. М.* Повенецкие карелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания / К. М. Петров // Олонецкие губернские ведомости, 1863, №№ 12–16.

⁷*Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озёрам Ладожскому и Онежскому / Н. Я. Озерецковский. Петрозаводск: Карелия, 1989. 208 с.; *Поляков И. С.* Три путешествия по Олонецкой губернии / И. С. Поляков. Петрозаводск: Карелия, 1991. 216 с.

⁸*Логинов К. К.* Этнокультурная группа русских Водлозерья / К. К. Логинов; [отв. ред. А. К. Байбури]: Ин-т языка, литературы и истории КарНЦ РАН. М.: Наука, 2006. 276 с. (В словарных статьях обозначаем: Логинов 2006). Он же. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты / К. К. Логинов. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 424 с.

⁹*Калашникова Р. Б.* Беседы и беседные песни Заонежья второй половины XIX в. / Р. Б. Калашникова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 162 с.; *Кузнецова В. П.* Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.) / В. П. Кузнецова, К. К. Логинов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 327 с.; *Логинов К. К.* Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты / К. К. Логинов. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 424 с.; Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче) / А. П. Разумова, Т. А. Коски. Петрозаводск: Карелия, 1980. 221 с.; *Монахова А. С.* Дивная Водла-земля / А. С. Монахова. М.: ООО «Вариант», 2012. 726 с.

и сведения специальных исследований в области ономастики¹⁰.

В качестве примера приведем некоторые данные из материалов К. К. Логинова по Водлозерью. При описании особенностей рыболовства, рыбацкого быта и магии¹¹ исследователь использует местные слова и выражения, многие из которых не представлены в СРГК: *ашкут, веснованье, весновальщик, деловуха, ельга, жаровик, евдушка, хвоцевик, кортех, кряжевик, нотодельный рыбац (ср. натодельный в СРНГ, натодель в СРГК), перепряд, овернички, порежник, пякунда, скирдянка, ситник, тарбижанье, шипичник, четвергушка, черемушник, шальский сиг*. Иную семантику в говорах Водлозерья имеют слова: *глев, межонник, мошник, коровушки*. Дополнительную географию в сравнении с данными СРГК — помету «Пуд.» — с учетом материалов К. К. Логинова получают лексемы *калежить, саковище, чокмарь*. Оказывается, немногие слова из тех, которые активно употребляет исследователь, описаны в СРГК: *овсяник, тóрбало*.

Особое внимание в ЭСРГК должно быть уделено лексике, связанной с обрядами и магическими действиями. Например, при опоре на материалы К. К. Логинова даем развернутое толкование слова: *корóвушки* мн., а именно: ‘неровные сколы с поленьев, собираемые у полениц до восхода солнца на Великий четверг и имеющие магическую силу увеличения рыбного улова в будущем году’, ср.: *корóвушки* мн. ‘обрядовое печенье, обычно имеющее форму домашних животных, птиц’ в западных новгородских говорах (СРГК 2: 433). При водлозерском слове *корóвушки* следует дать более

¹⁰Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики: рассказ о топонимических названиях Карелии / Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова. 3-е изд., испр. и доп. Петрозаводск: Карелия, 2008. 118 с.; Мамонтова Н. Н. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии / Н. Н. Мамонтова, И. И. Муллонен. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1991. 162 с.; Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями / И. И. Муллонен. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 242 с.; Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 672 с.

¹¹Логинов К. К. Этнокультурная группа русских. . . С. 107–133.

полное описание зимней обрядовой подготовки к будущему лову¹².

Несомненный интерес представляют слова прибалтийско-финского происхождения, например, *ровжить* ‘красить в горячем отваре ивовой коры, о полотнище сети’ Водлозеро¹³, не отмеченное в СРГК, но известное говорам Олонецкой губернии в к. XIX в.: *рoвжить* ‘окрашивать (новую сеть и т. п.) краской — ровгой’ Заонеж., Великогуб., Кондоп., Петрозав., ср. *рoвга* ‘ольховая кора (служащая для окраски тканей, нитей и т. п. в коричневый цвет)’ Олон., КАССР (СРНГ 35: 111, 113). *Рoвга* «из олон. *rougu* ‘кора ольхи’, фин. *roukka* ‘чернь, дубильный отвар из коры’» (Фасмер III: 488). Ср. также в диалектах соседних прибалтийско-финских языков: собственно карельское *rougata* Тунгуда Белом., Юостозеро Кондоп., северновепское *rougata* Каскесручей, Шелтозеро Прион¹⁴. (ССДКВСЯ: 231).

В этимологическом аспекте интересны слова с омонимичными корнями, относящиеся к другой тематической группе — «Льнообработка»: *рoвга* и *рoвгать*, территориально ограниченные в основном говорами Карелии. *Рoвга* ‘палка для обработки льна’: *Это растили лён, а сямя ровгали. Скажешь: «Есть ли ровга выровгать лён?»*. Палка така, один конец тоўше, другой конец тоньше. Медв. Иллюстрации при слове *выровгать* ‘обмолотить’, известном в близких говорах — Кондоп., Прион., Плес., отражают связь его с такими реалиями, как пест и ступа. Ср. *рoвгать* ‘толочь (в ступе)’ олоонецк. «из карельск. *rouhata*, *rouhie*, фин. *rouhata*, *rouhia* ‘толочь’» (Фасмер III: 488). В медвежьегорских же говорах слова *рoвгать* и *выровгать* обозначают процесс обмолачивания головок льна с помощью специального орудия — палки с утолщенным концом, называемого ровгой в некоторых говорах Карелии. В ладого-тихвинских, белозерских и примыкающих к ним некоторых новгородских говорах в этом значении бытует слово *колотушка*, известное и медвежьегорским говорам, а процесс обозначается словом *колотить*, широко распространенным в говорах

¹²Там же. С. 114.

¹³Там же. С. 113.

¹⁴Сокращение названий районов Карелии даем в соответствии с обозначениями, принятыми в СРГК.

Карелии и сопредельных районов. Таким образом, существуют параллельные словесные пары русского происхождения — *колотить* и *колотушка* и субстратного — *рѡвгать* и *рѡвга*. Последнее связано лишь с говорами Карелии. Подобные материалы могут найти представление в ЭСРГК.

Важный лексический материал содержится в этнографических очерках, опубликованных в периодических изданиях XIX в., особое место среди которых занимают «Олонецкие губернские ведомости» (ОГВ) — газета, учрежденная в 1838 г. и выходившая до 1917 г. Она состояла из двух частей: официальной и неофициальной, содержала информацию о событиях внутривластической и социально-экономической жизни страны и региона, публиковала сведения о положении сельского хозяйства, о развитии промышленности и торговли, образования и культуры. Многие страницы ОГВ посвящены вопросам материальной и духовной культуры населения Олонецкой губернии XIX в.

Этнографические данные ОГВ свидетельствуют о соблюдении в XIX в. обрядов, связанных с определенными этапами хозяйственных работ (см. словарную статью *Рябея*). Интересны, например, слова и выражения, используемые при выполнении ритуальных действий в первый день выгона скота: *через топор* (выгонять) ‘через ворота, на выходе из которых зарыт топор (выгонять, чтобы скот был здоров и крепок, как железо)’; *стын* в тексте заговора: «*Стань около стада моего коровьяго, стынъ железный отъ земли до небеси: нельзя бы обойти серому волку около стада коровьяго. . . нельзя бы облететь черному ворону*» Заонежье¹⁵. Ср. *стын* ‘забор’ в выражении *стын забрать* ‘сделать забор’ Орл. 1850 (СРНГ 42: 115). В заговорном тексте слово *стын* обознача-

¹⁵Петров К. М. Повенецкие карелы. . . // Олонецкие губернские ведомости, 1863, №13. О других приметах и ритуалах, описанных К. Петровым, см: Максимкин В. А. Очерки К. М. Петрова «Повенецкие карелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания» в «Олонецких губернских ведомостях» как источник по истории и культуре Заонежья XIX в. // Региональная история. Краеведение. Московведение: сб-к материалов VII–X Всероссийских научно-практических студенческо-аспирантских конференций / отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. Вып. 2. М.: Издательский центр «Краеведение», 2013. С. 21–25.

ет не просто забор, а непреодолимую стену необычного большого размера и крепости, которая может существовать только в воображении и создаваться сверхъестественными силами. Вряд ли *стын* этимологически связано с *тын*, однако встают вопросы о направлении семантических преобразований, о первоисточнике лексем, отмеченных в удаленных точечных ареалах: заонежское мифологическое или орловское будничное *стын* является исходным.

В описаниях таких обрядов, как свадьба, содержится также своеобразный этнолокальный материал. Ср., например, сведения о слове *подголосница*: «Обойдя всех мужчин, невеста и подголосница обращались к брудгам, в первую очередь к матери жениха»¹⁶ д. Леликово Медв.; в значении ‘плакальщица на похоронах, поминках, свадьбах’ *подголосница* имеет относительно широкий северный ареал: Петрозав. Олон., Рыбников. Олон., Арх., КАССР, Помор., Беломор., Север. (СРНГ 27: 377), в значении ‘плакальщица’ ограничено восточными говорами Карелии: Белом., Кем., Медв., Пуд. (СРГК 4: 621). См. также словарную статью *Брудга*.

Помимо свадебной лексики в словарь могут войти названия молодых людей и девушек в добрачный период, когда влюбляются, ухаживают, ревнуют и т. п., составляющие отдельную тематическую группу. Чаще всего лексика, касающаяся любовных отношений, употребляется в частушках, ср. слова, обозначающие любимого, любимую, зафиксированные А. С. Монаховой¹⁷: *милёнок, ягодиночка, забавочка, милый, милой, полюбовница, мил, девушки-беляночки, моя любезная, паренёк, милка, подманилка, залётка, супостатка, супостаточка, соперница, миленький, товарочка*.

Ценным источником для изучения истории и культуры родного края являются сочинения академика Н. Я. Озерецковского¹⁸ и члена Императорского Русского Географического общества И. С. Поля-

¹⁶ Кузнецова В. П. Русская свадьба Заонежья... С. 198.

¹⁷ Монахова А. С. Указ. соч. С. 254–261.

¹⁸ Озерецковский Н. Я. Путешествие по озёрам Ладожскому и Онежскому / Н. Я. Озерецковский. Петрозаводск: Карелия, 1989, 208 с.

кова¹⁹. Записи ученых содержат слова, отражающие особенности растительного и животного мира, гидрографическую и орографическую лексику. Это не только общеизвестные, но и диалектные названия рыб, птиц, зверей, растений, явлений природы, наименования озер, рек и возвышенностей, а также лексемы, связанные с родом занятий и хозяйственной деятельностью местного населения в XVIII–XIX вв.

Внимания заслуживают некоторые слова, например, *паруши́на* и *парушиновáт* (отсутствующие в СРГК), использованные Н. Я. Озерецковским при описании Тивдийского месторождения мрамора, его разновидностей и способов добычи: «Цветом мрамор красноват с белыми струями и пятнами; в исподи горы красный цвет кажется на нем темнее нежели в середине оной, а наверху встречаются глыбы и совсем белого мрамора. Верхний мрамор много на себе имеет трещин, по большей части разнородным веществом наполненных, которые называются там *паруши́нами*, о самом мраморе говорят, что он *парушиновáт*. По сим *паруши́нам* наиболее он трескается, когда его отрывают от горы порохом или оторванные кабаны обтесывают»²⁰. Слово *парушиновáт* Н. Я. Озерецковский употребляет и при описании берегов реки Пяльмы: «Низменные берега реки Пяльмы состоят из красного мрамора, который лежит к воде наискось. Выше по реке за деревнею Пяльмою такой же камень составляет высокие реки сей берега, в которых он снаружи очень *парушиновáт* или щелист»²¹.

По данным СРГК, современные лодейнопольские, вытегорские и пудожские говоры сохраняют многие слова, записанные И. С. Поляковым на территории бытования этих говоров во время первой экспедиции ученого в апреле – сентябре 1781 г.: *бочáга*, *борови́нка*, *бузунóк*, *гни́ла*, *го́рма*, *жи́то*, *заго́ска*, *крежъ*, *ко́рба*, *ла́хта*, *леди́на*, *лугови́на*, *лúда*, *малéнка*, *мáндера*, *менéкъ*, *назёмъ*, *повéтеръ*, *опо́ка*, *пи́нда*, *разойти́сь*, *сузёмки*, *ча́стик*, *яма*. Имеются в его записях и лексемы, представленные в СРГК, но

¹⁹Поляков И. С. Три путешествия по Олонецкой губернии / И. С. Поляков. Петрозаводск: Карелия, 1991. 216 с.

²⁰Озерецковский Н. Я. Указ. соч. С. 135.

²¹Там же. С. 182.

не отмеченные в говорах Пудожского района: *завáл, извáл, кéнда, мошник, нáволок, нетёлочка, прóска, скопá, ўда, уртáк*. Значения некоторых лексических единиц отличаются от зафиксированных в СРГК: *матерйца, полёсникъ, подклётъ, сйтникъ, ўрбá, копéйка, путйна, чурá*. Такие слова и выражения, как *ветлюк, глушйца, евдошка, котрус, мéнда, мéндак, моховйце, становáть, чегрá; сележные места, рел, уже*, по всей видимости, не употребляются в вытегорских и пудожских говорах или собирателям не удалось их выявить.

В ЭСРГК найдут отражение и некоторые архивные материалы. Например, интерес представляет слово *изба*, которое в необычном употреблении зафиксировано в одном из документов, касающихся Сорокского (Беломорского) порта: «*Запретить, местным крестьянам ставить в глубь заборы для ловли семги, если это окажется невозможным, то обязать их заборы эти после окончания лова убирать, а не оставлять в воде, как это практикуется ныне, потому что заборы эти засоряют избу, а осенью задерживают лед*»²². Проведенные сопоставления приводят к выводу о том, что слово *изба* обозначает один из видов рыболовных снарядов²³.

Указанные и многие другие источники, чрезвычайно важные для изучения особенностей этнического самосознания, репрезентированного в русской народной речи Карелии в прошлом и в настоящем, содержат разнообразные сведения по материальной и духовной культуре, отражают контакты с соседними народами и могут служить основательной базой для «Этнокультурного словаря русских говоров Карелии», дополняя существующие лексикографические материалы.

II. Содержательная сторона словаря. Богатство и разнообразие материала служит основанием для структурирования лексики

²²Об учреждении в Сорокском порту портового управления 1915 г. — Национальный архив Республики Карелия. Фонд 733. Опись 1.

²³*Швайко И. В.* Памятники письменности Беломорья XIX — нач. XX вв. как лексикографический источник // Современная русская лексикография: сб-к статей / отв. ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2010. С. 274.

по тематическим группам. Сложным является вопрос отбора лексем, отражающих отличительные этнические признаки региона, как правило, известные на территории, ограниченной Карелией и смежными районами сопредельных областей. Представление материала по темам может показать не только своеобразие лексического наполнения группы, но главным образом дает возможность обнаружить этнические особенности той или иной реалии, касающейся материального и духовного мира жителя Карелии.

III. Построение словарной статьи. Помимо начальной формы, грамматических помет, толкования слова, в словарной статье приводятся иллюстрации, которые отражают не столько употребление слова, сколько его содержательную часть, свидетельствующую об особенностях той или иной реалии, в связи с чем значительное место отводится цитатам из указанных источников.

Указывается география слова, источник. Включаются варианты слова, причем они могут относиться к слову в целом, и тогда помещаются в конце статьи, а могут быть и при одном значении слова, следовательно, занимают позицию внутри соответствующего блока, также с обозначением географии бытования. В словарной статье приводятся устойчивые словосочетания.

При словах с нерусскими корневыми основами за знаком * приводится этимология, с опорой на известные источники. Существенным звеном словарной статьи должен быть сопоставительный материал по другим русским говорам, особенно в том случае, если представляемая лексема имеет субстратное происхождение или описывает общеизвестную реалию, а также широко распространенный обряд.

Примеры словарных статей по разным темам

РЯБЕ́Я, ж. Куча льняной кострицы, сложенная за деревней для сжигания. Кондуши Выт. > **Жечь рябе́ю**. Сжигать кострику в поле после уборки льна. «Поздним вечером молодежь выносила кострику на поле, с громкими веселыми песнями сжигала ее, при этом участники должны были перескочить горящую кучу, с этим действием связано поверье, что *«въ следующий годъ леньъ будетъ*

ещё лучше; — это называется здесь жечь рябею» Кондушский погост Вытегорского уезда (ОГВ, № 10, с. 143²⁴). Ср.: **Рёбое**. Огонь, факел. «Раньше с костицы ребятишки рёбое делали. Возьмут палки и кричат: «Бариновы воши горят!» Лод. Ленингр. (СРГК 5: 503). Последнее, вероятно, переносное от вепс. *reboi* ‘лиса’ Шимозеро и Кривозеро Выт. (СВЯ: 466). > **Рябёйка, ребёйка**, ж. Горячая куча костры. Петрозав. Олон. 1896 > **Жгать ребёйку**. «Костицу не использовали — очень жестка. Ни на подстилку скоту, ни на корм. Везли на берег и сжигали. Детей звали: «На рябейку пошли, ребейку жгать» Бочилово Пуд. 80-е гг. XX в. (Набокова: 82)²⁵.

*Из вепс. *rebeikašk* ‘костер при сжигании кострики’ Залесье Прионежского района Карелии (СВЯ: 466).

Ср.: **Ба́бка**, ж. То же, что рябея. Никол. Волог. > **Жечь ба́бку**. «Костицу вывозят в поле и сваливают в кучи. Туда собираются ребята и жгут костицу. Об этом у нас говорят «бабку жгут». Горящую костицу бросают (палками) кверху, прыгают по ней голыми ногами и приговаривают: „Бабка, бабка, дай рубашку, бабка, бабка, дай штаны“». Вохом. Волог., 1939 (СРНГ 2: 24).

БРЮ́ДГА, ж. 1. Родственница со стороны жениха. Кондоп. *Варианты*: **Бру́дья** Медв. **Бры́дга** Кем. **Брызга́** Кем. **Брю́дья** Медв. **Брю́зга** Медв. **Брюзга́** Карг. **Брю́зда** Медв. **Брю́нга** Подп. 2. м. Посажённый отец жениха. Пуд. 3. м. и ж. Гость или гостья на свадьбе. Пуд. 4. Родственники мужа. Пуд. *Варианты*: **Брю́льга́** Родня жениха. Карг.

Варианты в близких значениях: **Брюдга́**, м. Жених (?). Пуд. **Брю́ньга**, м. Дружка. Тихв. **Бру́дга**, ж. Подружка невесты. Медв. (СРГК 1: 124).

В фольклоре: **Брюдга́**, **брюдьга́**, **брю́дгушка**, **брюля́**, **брю́ньюшка** (РСЗ²⁶).

²⁴Страница указывается в соответствии с данными электронного ресурса: <http://ogv.karelia.ru>. Дата обращения — 10. 02. 2013.

²⁵Набокова О. А. Выращивание и обработка льна крестьянами Пудоожского уезда на рубеже XIX–XX вв. / О. А. Набокова // Кижский вестник. Вып. 7 / отв. ред. И. В. Мельников. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2002. С. 67–85.

²⁶Кузнецова В. П. Русская свадьба Заонежья. . .

Иллюстрации (из причитаний — при обходе стола невестой, Заонежье):

Мой поклон да понизёхонек
Княжеям-**брюдгам**-боярыням.
Вы откуль, гости, приехали,
Из Новгорода, аль с Ладоги?
Это быть стольным гостыцам,
Молодого князя **брюдгушкам**. с. Сенная Губа (РСЗ: 199)

Ты **брюдга́**, **брюдга́**, боярыня,
Брюдга белая лебёдушка,
Встань на ножки, встань на резвые,
На сапожки на козловые. п. Ламбасручей (РСЗ: 200)

Мой поклон был понизешенек
От невольной красной девушки
Ниже им **брюльи** боярыны
Стоит **брюньюшка**-голубушка
Стоит в злате, стоит в серебре...
Ну, посядь-ко, **брюдьга** ты боярыня. д. Жарниково (РСЗ: 200)

* Из др.-шв. *brüptudga* ‘сватья от невесты’ (Фасмер I: 223).

ЧЕТВЕРГ:

> **Великий четверг**. Последний четверг перед Пасхой, в который совершаются обряды продуктивности животных в зимний период: «На Великий четверг водлозерские хозяйки вставали до рассвета. ... спешили к проруби набрать воды подойником, чтобы успеть сделать это первыми. Этой водой поили скотину, чтобы здорова была, себе умывали лицо тоже» (Логинов 2006: 72). Ср.: **Великий четверг**. Четверг на страстной неделе, перед пасхой. Гд. Пск. (ПОС 3: 70).

> **Четвергóвая соль**. Соль, освященная в Великий четверг и предназначенная для лечения животных: «Хлебцы принято было освящать в часовнях или по домам, обрызгивая святою водой, и хранить за иконами вместе с черверговой солью, которая предназначалась прежде всего для лечения животных» Водлозерье (Логинов 2006: 72–73).

> **Четвергúшка**, ж. Обрядовый хлебец с замешенной в нем шерстью животного: «Шерсть со лба и волоски с хвостов хозяйки измельчали ножницами, замешивали в пресном ржаном тесте и выпекали три округлых колобка. Назывались они в разных деревнях Водлозерья по-разному: *четверёжник*, *четвергуцка*, *четверёжка*, *колоб*, *буханочка*, *хлебinka*, *двинянка*. . . . Предназначалась эта выпечка для обряда первого выпуска скота на летние пастбища» Водлозерье (Логинов 2006: 72).

> **Четверёжка**, ж. То же, что четвергúшка. Водлозерье (Логинов 2006: 72).

> **Четверёжник**, м. То же, что четвергúшка: «Только пильмасозерский «*четверезжник*» выпекался прямоугольной формы» Пильмасозеро, Водлозерье (Логинов 2006: 72).

> **Четверёжная соль**. Поваренная соль, употребляемая в магических целях. Медв. (СРГК 6: 218).

> **Четверёжный хлеб**. Хлеб, который пекут в Великий четверг, перед Пасхой. Пуд. (СРГК 6: 784).

В ЭСРГК совмещаются алфавитный и гнездовой способы словорасположения. Одна словарная статья может содержать несколько слов и выражений устойчивого характера, если они являются родственными и объединены по семантике и содержанию, которое представлено в иллюстративном материале. Сопоставительные лексемы словарной статьи, не являющиеся родственными с заглавным словом статьи, выносятся в особый дополнительный список; при этом в скобках указывается заголовочная лексема статьи, в которую включена сопоставительная единица. Например, в такой список из приведенных словарных статей войдет слово **Ба́бка** (См.: **Рябе́я**).

В процессе работы над словарем будет проводиться тщательный отбор материала для лексикографирования, включение дополнительных источников; возможны уточнения, изменения.

СОКРАЩЕНИЯ

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б. А. Ларина, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой и др. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–2013. Вып. 1–24.

СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1972.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей /гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6.

СРНГ — Словарь русских народных говоров /сост. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2013. Вып. 1–46.

ССДКВСЯ — Сопоставительно-ономазиологический словарь диалектов карельского, вепского и саамского языков /под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М: Изд-во «Прогресс», 1964–1973. Т. I–IV.

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ
В ИЛЛУСТРАТИВНОЙ ЗОНЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СЛОВАРЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИСИСТЕМНОГО СЛОВАРЯ
КУБАНСКИХ ГОВОРОВ)**

Аннотация. В статье на материале регионального полисистемного Словаря кубанских говоров, работа над которым ведется в настоящее время, рассматривается роль диалектных прецедентных текстов в практической лексикографии, их жанрово-тематическое разнообразие и информативность.

Ключевые слова: иллюстративная зона диалектного словаря, прецедентный диалектный текст, этнокультурный фон словарной статьи, лингвокреативная личность.

Иллюстрации, как известно, являются важнейшей составляющей толкового словаря. Их роль для диалектного словаря трудно переоценить: в нем они не только служат дополнительным средством отражения значения лексической единицы, подтверждением ее стилистических характеристик, данных при помощи соответствующих помет, но и передают самобытную народную речь, ту языковую среду, в которой «живет» диалектное слово. Ценность словарных иллюстраций состоит также в том, что во многих из них отражается присущее носителям диалекта своеобразное видение мира.

Формируя иллюстративную зону полисистемного Словаря кубанских говоров, работа над которым ведется в настоящее время автором данной статьи, мы особое предпочтение отдаем оправдательным примерам, представляющим собой *прецедентные тексты* (термин Ю. Н. Караулова)¹. Данный феномен уже стал объек-

¹Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 16.

том изучения отечественных лингвистов. На диалектном материале весомый вклад в его описание внесли исследования Е. В. Иванцовой и В. Д. Лютиковой, в которых использование в речи прецедентных текстов проанализировано на примере отдельной диалектной личности². Следует, однако, признать, что роль прецедентных текстов в диалектной лексикографии еще недостаточно изучена.

По территориальному признаку прецедентные тексты можно разделить на общенародные и диалектные. К прецедентным *диалектным* текстам относятся широко распространенные и часто воспроизводимые носителями диалекта тексты, отражающие самобытную народную культуру. Среди них мы выделяем *собственно региональные* тексты, характерные для конкретной территории, в частности, территории распространения кубанских говоров (*Казáк нэ биз д́бли, ры́ба нэ биз лускы́.*), а также *региональные варианты* общенародных прецедентных текстов (ср., например: *Жысть прожыть — ны по́ле пэ́рэйты. — Жизнь прожить — не поле перейти.*).

Лексический состав диалектных прецедентных текстов, несмотря на устную форму их бытования, может лишь минимально варьироваться, чему во многом способствуют особый ритм, рифма, лаконичность и языковая традиция, которая, обладая определенной устойчивостью, не является незыблемой и застывшей, а раскрывает реальные возможности для творческого переосмысления исторически сложившихся фольклорных форм. Ср., например, как передают разные информанты формулу одного и того же рождественского гадания на жениха: *Як б́дуть могó чило́вика звать?* (ст-ца Старотитаровская) — «*А як могó чёлови́ка звать?*» (ст-ца Запорожская). Ср. также: *Ка́жуть: малэ́нька соба́чка до смэ́рти шарча́* (г. Усть-Лабинск) — *Манэ́нька соба́чка до ста́рости шарча́* (ст-ца Новомалороссийская). Допустима также некоторая редукция компонентов при сохранении общего смысла: *Май — сий да дбай, ию́нь — хочь сий, хочь плюнь* (пос. Пашковский). — *Май — дбай, ию́нь — хош плюнь* (ст-ца Старомышастовская).

²Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002; Лютикова В. Д. Языковая личность: идиолект и диалект: Автореф. дис... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2006.

Знание прецедентных диалектных текстов является одним из важных показателей принадлежности к одному диалектному сообществу. Приходится констатировать, что употребление прецедентных текстов в большей степени присуще представителям старшего поколения, унаследовавшим фольклорное богатство и сохраняющим его в активном запасе, благодаря чему их речь отличается образностью, особой задушевностью и эмоциональностью. А. П. Евгеньева справедливо отмечает, что глубокое внимание к слову, умение ценить его выразительность и меткость, характеризуют язык не только художников устного слова, но и рядового представителя того или иного говора³. Между тем речь не каждого рядового представителя говора этими качествами обладает. Среди идиолектных языковых личностей (ЯЛ) ученые выделяют два основных типа, для названия которых в разных работах используются разные термины: стандартная и нестандартная ЯЛ⁴, типичный, рядовой, средний носитель языка и творческая ЯЛ.

При выборе информантов мы особое предпочтение отдаем лингвокреативным языковым личностям, представляющим большой интерес в языковом плане, способным к пространным, насыщенным диалектным материалом монологическим высказываниям. Они легко идут на контакт с диалектологом, охотно отвечают на вопросы. К нестандартной, творческой языковой личности относится наш постоянный информант — коренная жительница ст-цы Старотитаровской А. Н. Котелевич (1947 г. рожд.). Записи ее речи ведутся с 2006 г.; в процессе работы с данным информантом применяется также метод самонаблюдения: по нашей просьбе Александра Николаевна записывает лексические единицы, являющиеся, с ее точки зрения, диалектными. А. Н. Котелевич работает директором местной детской библиотеки, владеет диалектно-литературным двуязычием, ее высказывания изобилуют пословицами, поговорками и присказками, многие из которых она фиксирует в рукописном словарики. Из бесед и предоставленных Александрой Николаевной записей нами

³Евгеньева А. П. Очерки по языку русской поэзии в записях XVII–XX вв. Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 17.

⁴Нерозник В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. С. 114.

было зарегистрировано около 400 лексических единиц. Следует отметить, что хранители народной мудрости находились практически в каждом населенном пункте, где собирался диалектный материал. Это Никонова Александра Николаевна (1939 г. рожд.), уроженка села Первореченского Пластуновского района Краснодарского края (отец украинец, мать русская), проживающая в настоящее время в ст-це Динской, Лемент Валентина Григорьевна (1939 г. рожд.), коренная жительница ст-цы Новомалороссийской, и многие другие. География оправдательных примеров демонстрирует, что прецедентные тексты чаще употребляют в своих высказываниях носители кубанских говоров с украинской языковой основой, в силу чего их речь отличается большей экспрессивностью и колоритом.

Фольклорные реминисценции, как показывают наблюдения, вводятся диалектоносителями в свои рассказы различными способами. Как правило, это подчеркивающие истинность коллективного опыта неопределенно-личные конструкции — *кажут(ь)*, *говóрят(ь)* и двусоставные предложения — *люди говóрят(ь)*, *люды кажут(ь)*, *есть/е така(я) песня/писня*, *присказка*, *прыказка* и т. д. Прецедентные тексты могут употребляться информантами спонтанно, органично вплетаясь в ткань повествования, но могут также произноситься целенаправленно в ответ на просьбу собирателя вспомнить какие-нибудь пословицы, поговорки, присказки и т. д. или представлять собой текстовую реакцию на диалектное слово-стимул. См., например:

КУПУВА́ТЬ... Так отó и живóуть: живóуть ни горюють, хлїба ни купóють (ст-ца Кущёвская). *БУ́СОРЬ... — Употребляют ли в вашей станице какие-то пословицы, поговорки? — В на́шэй станы́ци рáзни выражэ́ння употрыбляють: и шутлы́вы, и з насмі́шкою: чи ты чу́ла, чи ны чу́ла, як до тэ́бэ гопотів, чїри́з чє́ртову соба́ку, чїри́з бұ́сарь полытї́в* (ст-ца Новомалороссийская). *КОЗÁ... Кóзы? Е така́ пры́казка: в но́си ко́зы ночувáлы* (пос. Пашковский).

Часто во время записи на диктофон информант, рассказывая о своей жизни, сам переходит на песню, созвучную его эмоциональному состоянию и душевному настрою. Песенная стихия для коренных кубанцев — родная и привычная среда, в которой они ощущают

себя совершенно естественно. См., например:

НАСИ́НЯ... *Я ще малá булá и спивáла: «На горбди бузина, щей чёрнэ насиння, а хто мэнэ поцылѣе, заслужэ спаси́иння»* (ст-ца Старомышастовская). ТЭ́РЕН... *У мэнэ у мамы с пáпоу булá любыма пѣсня. Онѣ иѣ чáсто спивáлы: «Цвитэ тэрэн...»* (ст-ца Мингрельская). ЧУ́НИ... — Что такое чуни? — *Чуни? Щас заспивáю: Ой вы чу́ни, мои чу́ни, шоп собáкы ны почу́лы!* (ст-ца Челбасская).

Зафиксированные в рассказах информантов «включения» фольклорной речи в диалектную, а также «переключения» с диалектной речи на фольклорную и наоборот подтверждают тезис об их генетической связи, основанный на том, что исторически фольклор и диалект имели одних и тех же носителей.

Как показывает анализ иллюстративных примеров, прецедентные диалектные тексты, воспроизводимые диалектоносителями, принадлежат к различным фольклорным жанрам. Это пословицы, поговорки, присказки, прибаутки, строчки из народных песен, частушки, загадки, тосты, дразнилки, гадания, заговоры, а также народные приметы. Опираясь на устное народное творчество в процессе лексикографирования, нельзя было не учитывать того, что фольклор Кубани при всей своей самобытности испытал большое влияние украинского языка и украинской культуры, что особенно отразилось в паремиологии и в песенной стихии. Принимая во внимание данное обстоятельство, мы не рассматриваем фольклорные произведения в качестве источника словаря, который призван зафиксировать лексику и фразеологию, функционирующую в разговорной речи носителей кубанского диалекта. Прецедентные диалектные тексты используются нами в качестве иллюстраций к словам, подтвердившим свое существование в бытовом общении информантов:

ПЫ́КА... *А вин як даст ёму́ в пы́ку* (пос. Цибанобалка). *Прóсэ пы́ка чэрэвы́ка, та нэ як нэ вы́просэ* (ст-ца Марьянская).

В словарную статью включаются и такие оправдательные примеры, в которых лексикографируемое слово находится за пределами прецедентного текста. Иллюстрация подобной словарной статьи представляет собой своеобразный «текст в тексте»:

ЗАСТРАШИТЬ... *Смэртью мэна нэ застрашыш. Ой, дивчата, щас така жысть, шо бойся жыть, а нэ вмэра́ть* (пос. Пашковский). **КРОВАТЬ...** *Дівка кладэ у изголіввя крвати мэтери тайно сковороду́ и кáжэ: «С ким мині вик виковать, того́ тибé блына́мы угоща́ть»* (хут. Бойко-Понура). Бесспорно, прецедентные тексты здесь не способствуют семантизации диалектизма, их роль заключается в создании общего этнокультурного фона словарной статьи, что, как нам представляется, немаловажно для диалектного словаря.

Заложенный в прецедентных текстах смысл может поясняться информантами. Эти комментарии как часть иллюстрации мы также помещаем в словарную статью, поскольку они обладают важной информативной значимостью. См., например:

ВОВНА́... *Ищэ поговórка така: хоть кло́к, хоть вóвна, як бы кышка́ пóвна. Цэ тако́го значэ́ния: шо естэ йысты, нэ пэрэбыра́й и будэши сыты́й* (ст-ца Старотитаровская). **ПОБА́ЧИТЬ...** *Ще така́ посло́выця е: «Сказа́в слипы́й: побáчим, сказа́в глухы́й: почу́им». Цэ дило́ бызнадэ́жно, ничэ́го и жда́ть* (ст-ца Новомалороссийская). **СМАЛЫ́ТЬ...** *Свынни́ ны до порося́т, ёсли йиш смáлють. Цэ чёлови́ку ны до ко́го нымá дила́, колы́ ёго здóрово боля́чка прыда́вила* (ст-ца Новомалороссийская).

В отдельных случаях прецедентный текст оказывает диалектологу неоценимую помощь в семантической разработке диалектного слова. Рассмотрим некоторые примеры семантизации диалектных единиц с опорой на прецедентные тексты. Так, прилагательное *поспéлый/поспíлый* входит в состав широко бытующей на Кубани поговорки *мрут(ь)/у(в)мира́ют(ь) не старі́, а поспíлы/поспéлы*. Диалектизм *поспéлый/поспíлый* употребляется в местном диалекте в значении ‘спелый, зрелый (о плодах)’, отмеченном еще Словарем Академии наук 1847 г. (СРНГ 30: 201). Однако это слово может функционировать и в других ЛСВ, обнаружить которые помог анализ его употребления в составе прецедентных текстов. В книге «Рушничок на колышке...» приводится поговорка с этой лексемой: *мрутэ не поспілі́, а постиглі́*. Составители сборника дают ей следующий дословный перевод: умирают не созрев-

шие, а успевшие (подошедшие). И далее: Говорят часто во время похорон молодых людей. Считаю такое толкование не совсем точным. *Постиглі* в данном случае актуализирует значение ‘настигнутый’ (ср. укр. глагол *постигти* ‘1) Созревать, созреть. 2) Поспевать, поспеть, быть готовым. 3) Настигагать, настичь, придти. 4) Успевать, успеть. 5) Холодать, похолодать (Гриниченко III: 370). Итак, смерть настигает человека независимо от его возраста, поэтому *мрут(ь) не поспілі, а постиглі*, где *поспілі* ‘старые, дряхлые’, а *постиглі* ‘настигнутые смертью’. Записанная нами поговорка *мрут(ь)/у(в)мирають(ь) не старі, а поспілы/поспéлы* имеет двоякий смысл. Ее можно трактовать как ‘умирают не старые, а дряхлые’, где *поспілы/поспéлы* обозначает ‘дряхлый, очень старый’ (этот ЛСВ отмечен и в СРНГ с пометой Р. Урал (СРНГ 30: 201). Возможно и другое объяснение: смерть настигает человека независимо от возраста. В этом случае у прилагательного *поспілы/поспéлы* обнаруживается локальный ЛСВ ‘проживший отведенный ему свыше срок’.

Рассмотрим другой пример. Диалектное существительное *борошно* ‘мука’ в кубанских говорах является устаревшим, на что обращают внимание сами диалектоносители: *Борошно сіялы. Борошно — по-старому мука* (ст-ца Бородинская). В пословице *Як було борошно, так хліб йілы, як стала мука — стали мучиця* (ст-ца Нововеличковская) — этот диалектизм означает ‘мука высшего сорта’, а общенародное слово *мука* употребляется в значении ‘мука низшего сорта’. Подобная дифференциация значений обнаруживается благодаря их актуализации в прецедентном тексте и объясняется экстралингвистическими факторами. Архаичное слово *борошно* вызывает в сознании носителей диалекта воспоминания о муке высшего сорта, из которой в былые времена, до появления колхозов, пекли белый хлеб. Слово *мука*, находящееся в активном словарном запасе, напротив, ассоциируясь с советским периодом и современностью, может номинировать муку низкого качества. Представляется, что отрицательные коннотации у общенародного слова поддерживаются его временной соотнесенностью (настоящее в отличие от прошлого, как правило, оценивается негативно) и прозрачной внутренней формой: диалектоносители, веро-

ятно, связывают слова *мука* со словами *мúка*, *мúчить*, *мúчиться* и т. д.

У глагола *казать* в кубанских говорах, как и в некоторых южно-русских (воронежских, курских, орловских, тульских), кроме ЛСВ с интегральной семей 'говорить', зарегистрирован ЛСВ, имеющий интегральную сему 'петь' (СРНГ 12: 313). Благодаря бытующей на Кубани присказке *пáрубкы кáзаль, а дівчины спивáлы* у диалектного глагола *казать* обнаруживается оттенок значения, не отмеченный в СРНГ, — 'о мужском пении'. Наличие гендерных различий в манере исполнения песен и в их тематике подтвердили и наши информанты. Моя подруга детства В. Ганыч рассказала, что ее бабушка Н. И. Мамай 1920 г. р., жительница станицы Полтавской, оставшись в возрасте девяти лет круглой сиротой, во время обряда колядования *казала* только *парубковые* песни: других она просто не знала, поскольку воспитывалась старшими братьями.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют значимость прецедентных текстов для практической лексикографии. Обращение к ним позволяет глубже проникнуть во внутреннюю жизнь диалектного слова и раскрыть имеющийся у него семантический потенциал. На эту особенность фольклорных произведений, подчеркивая их важность для областного словаря, обращал внимание Ф. П. Сороколетов, справедливо отмечавший, что в них «слово предстает в словесном окружении, дающем возможность точнее представить его семантическое значение»⁵.

Прецедентные тексты часто служат базой для образования устойчивых выражений. Так, фразеологические единицы (ФЕ) *страшная Лю́тра* 'злая, некрасивая женщина' и *распалиться/распалиться как/як Лю́тра* 'разозлиться, прийти ярость' восходят к известным на Кубани казачьим преданиям о злой волшебнице Лютре, которая в борьбе казаков с турками помогала врагам. Докучная сказка про белого гуся трансформировалась во ФЕ *сказка про белого гуся* (ср. с лит. синонимом *сказка про белого бычка*).

⁵Сороколетов Ф. П. Произведения фольклора и диалектные словари // Избранные труды. СПб., 2011. С. 214.

Прецедентные тексты в подобных случаях предстают в словарных статьях в свернутом варианте — в виде ФЕ.

Промежуточное положение между ФЕ и прецедентными текстами занимают фразеологизмы-предложения, представляющие собой образные и выразительные эквиваленты слов, что сближает их с фразеологизмами-словосочетаниями (см., например: *Акулина задері хвосты* '13 июня', *без стўку, без грўку, перевезлі как сўку* 'тихо, незаметно', *при царё Митрўхе, колы людёй булў трўхи* 'очень давно', *Карпўшка за нўс хватўет(ь)/хватўе* 'шутл. холодно' и др.). По форме они больше тяготеют к прецедентным текстам, поскольку имеют структуру простых или сложных предложений. Некоторые фразеологизмы-предложения могут употребляться и в редуцированном варианте, превращаясь в устойчивые сочетания слов: *без стўку, без грўку; при царё Митрўхе; до царя Панькў*. При отборе иллюстраций для номинативных фразеологизмов-предложений, в которых они выступают как часть предложения, безусловно, предпочтение отдается тем оправдательным примерам, в которых максимально раскрывается значение ФЕ. См., например:

~ВЎВ(Л)КИ ВЎЮТЬ. ~ВЎВ(Л)КЫ ВЬЮТЬ... *Кругўм бурьян, аш вўвки вўють* (ст-ца Тенгинская). *У нўс есь поговорка. Раз зарўс горўт, кўжуть: «Там у нўх ужё вўлки вўють»* (ст-ца Старотитаровская). ~ХОТЬ ВОВ(Л)КЎВ ГОНЯЙ... *В хўти хўлодно: хўть вўкўв гоняй* (ст-ца Новодеревянковская). ~ВЎВ(Л)КЫ(Ў) ПОДЫХЎЮТ(Ь) С ЗУБЎМИ(Ы)... *Ну ужё минё пўзна курўть брасўть: валкў падыхўють з зубўми* (пос. Пашковский).

Зарегистрированные в полисистемном Словаре кубанских говоров прецедентные тексты весьма разнообразны по содержанию. Мировоззрение носителей диалекта находит отражение в текстах философского характера, касающихся универсальных категорий человеческого бытия. Приведем некоторые из них.

Рождение и смерть человека

ГОДЫ́НА... *Смэрт да родыны нэ ждуть годыны* (ст-ца Пластуновская). ДОМОВЫ́НА... *Я вжэ постарылась. Кажу́ внучки: «Хиба ты ны ба́чиш, яка́ я старá. Мини́ в до-мовы́ну ляга́ты порá»*. Е така́ пiсьня (ст-ца Елизаветинская). ЗАХОВА́ТЬСЯ... *Од смэрти, дивча́та, нэ заховáишся* (ст-ца Вышестеблиевская). ПОКЫ́... *Бох дýшу ны ви́зьмэ, покы́ вонá самá ны вы́лытэ* (пос. Пашковский). ПОСПЫ́ЛЫЙ... *Брат и нэстарый́ ще був, а умэр. Як кажуть: вмыра́ють не старí, а поспы́лы* (ст-ца Старомышастовская).

Жизнь и доля

ВАЖКЫ́Й... *Така́ в мэ́нэ тяжо́ла жысть, дивча́та. Я сы-ротá, муж погы́п, дiток нэмá. Як у той пiсьни: «Важка́ ж моя́ гiрка до́ля, знать така́я Бóжьё вóля»* (ст-ца Елизаветинская). ЖИСТЬ... *Жысть прожы́ть — ны по́ле пэрэ́йты»*. Так ы́ в мэ́нэ: *трудна́ жысть, така́ тяжо́ла жы́стя бу́ла* (ст-ца Бриньковская). ЛУ́СКА... *Казáк нэ биз до́ли, ры́ба нэ биз лускы́* (ст-ца Динская).

Свобода и воля

КОЗА́ЧИЙ... *Ще на́шы диды́ казáлы: «Хочь жы́знь соба́ча, затó во́ля коза́ча»*. Во́ля — *цэ для козака́ самэ гла́внэ* (ст-ца Динская). СОБА́КА... *Тот соба́ка, шо бiга́ет на во́ли, тот и лу́чче* (ст-ца Старомышастовская).

Вера

ВИДТИЛЯ́... *Бох нэ тыля́ — побáче и виттиля́* (ст-ца Старомышастовская). КРЫ́НЫЦЯ... *Скiльке ны палива́й из крыны́ци, то́го ны бiдэ, шо звэрху́ Госпо́дь пасыла́е* (хут. Шевченко).

Пространство

ВИКНО́... *Ра́ньшы дўмав, шо оцэ́ всэ́ и йи́сть, шо в ста́нїци, а раз по́йхав з ба́тько́м в го́рот, та як поды́вы́вся, так ы дыву́ да́вся: сты́ко всёго. Да, ны тикэ́ свит, шо в ви́кни́, и за ви́кно́м ще́ бильшэ́* (ст-ца Старомышастовская).

Время

ТРО́ХИ... *Цэ́ було́ при ца́рэ Ми́тро́хе, колы́ люде́й було́ тро́хи* (ст-ца Елизаветинская). **ЩЕ...** — *А по́мниш, как мы в де́цтви на кры́шу ла́зили, а дет нас ганя́л? — Та ты ще́ вспо́мни, шо бы́ла да ца́ря Па́нька́, кагда́ зямля́ бы́ла тонка́* (пос. Пашковский).

Осмысление и оценка прошлого, настоящего и будущего

БА́ЧИТЬ... *Жылы́ диды́ — ны ба́чили биды́, бу́дут жыть вну́кы — нэ́ обэ́рэ́шся му́кы* (ст-ца Старомышастовская). **БО́РОШНО...** *Як було́ бо́рошно, так хлиб йи́лы, як ста́ла мука́ — ста́лы му́чицця́* (ст-ца Нововеличковская). **ЗА́РА́З...** *За́раз и рак — ры́ба* (ст-ца Вышестеблиевская). **ЙИ́СТЬ...** *Щас та́ка жы́знь. Диды́ кы́слэ́ йи́лы, а у вну́ки́в оскóма на зубáх* (ст-ца Динская).

Причина и следствие

ДЕ... *В шы́сят дэ́вятом году́ було́ наводне́ние: пив-Тимрюка́ залы́ло. Ну дэ́ вода́, там и бидá* (г. Темрюк). **ХМА́РА...** *Дошцý бэ́з хма́ры нэ́ бува́е. На всэ́ е прычы́ны* (ст-ца Динская). **Ю́ШКА...** *Дэ́шова́ ры́пка — пога́на ю́шка* (ст-ца Вышестеблиевская).

Старость и болезни

ПЕРЕВЕРНУТЬСЯ... *Старый человек — це больный. Сама осталась, сама горот обробляю. Я пэрэвэрнуць, а трўт жэ ш жалко* (ст-ца Старотитаровская).

Молодость и красота

ГАНЧІРКА ... *Кажуть: красивой дівки хорошó и в ганчїрки* (с. Новопавловка). **НАРÁВЫТЬСЯ...** *Нэ славыця красавыця, а шо кому нарáвыця* (пос. Пашковский).

Любовь

А́БЫ... *Выходьть замиж, дивчáта, náдо по любви. Ну и шó, шо вин нэбогáтый. Як кажуть: хоть на камышы абы до души* (ст-ца Старомышастовская). **БÁЧИТЬ...** *Я чáсто спрашывала: «Бабўся, ты миня любиш? А анá: «Як нэ бáчу — душá мрэ. Як побáчу з души прэ»* (хут. Прикубанский). **ДРОБЫ́ТЬ...** *Ой, подру́га, дробы́, дробы́, а тó я бўду дробы́ть!* *Ой, подру́га, любви Кóлю, а тó я бўду любви́ть* (ст-ца Ленинградская). **ЖІ́НКА...** *З Бóгом ны бы́цця, як жінка ны любэ* (ст-ца Марьянская). **КИЛÓК...** *Ось ще я вам здўмала: «Тїда-тїда полюбы́ла бáпка дїда, повы́сила на килóк, шоб нэ бїгав до дивóк»* (хут. Братский). **НАСІ́НЯ...** *Я ще малá булá и спивáла: «На горóди бузинá, щей чёрнэ насїння, а хто мэнэ поцылўе, заслўжэ спасїння»* (ст-ца Старомышастовская). **ОТ-РИЦÁТЬСЯ...** *Вот былá чистўшка: «Я калхóзница, ни атрицáюсь я. Я любви́ть тибя ни сабираюсь»* (с. Суворовское).

Отдельную группу образуют тексты, отражающие морально-этические нормы, принятые в данном диалектном сообществе. Народная афористика, как справедливо отмечает К. Н. Прокошева,⁶ представляет собой «своеобразный неписанный моральный кодекс

⁶Прокошева К. Н. Очерки афористики Прикамья // Литературное краеведение Прикамья. Пермь, 1988. С. 9.

народной жизни, пронизанный заботой о создании высококонравленной личности».

Тексты, утверждающие важность для человека иметь собственный дом

ЗРУ́ЧНО... Як ка́жуть: в чужо́й ха́ти нэ зру́чно и пря́сты (пос. Пашковский). КАТ... *Вин каза́в: «Нэ пи́ду приймако́м жы́ть: чужа́ ха́та ху́жы ка́та»* (ст-ца Динская). ЛОБОДА́... *Внук як жыны́всь, я каза́ла, шоп вин стробився, мы з дидом поможым. Зна́йтэ такú пи́сню: «Зробы́ ха́ту з лободы́, а в чужу́ю нэ вэды́. Бо чужа́я така́я, як свэкру́ха лыха́я»* (ст-ца Пластуновская). СВЕКРУ́ХА... *Ой, дивча́та: чужа́ ха́та така́, як свыкру́ха лыха́* (ст-ца Елизаветинская).

Тексты, отражающие отношение к браку и отношения в браке

ВИВЦЯ́. ~СЫ́ВА(Я) ЯК ВИВЦЯ́... Буду́ сы́ва як вивця́, но нэ пи́ду за вдовця́ (ст-ца Старомышастовская). ГО́ЛКА... *Муш и жына́ — цэ одно́ цэ́лэ. Куды́ го́лка, туды́ и ны́тка* (ст-ца Динская). ГОРОБЕ́Ц(Ь)... *Ну́жно жыны́ця, шоб бу́ла симья́, диты́. И горобэ́ць одын ны жы́вэ* (ст-ца Елизаветинская). ДИ́РКА... *Черэвы́к, черэвы́к, яка́ в тэ́бэ ди́рка! Якый́ сам мужы́нёк, така́ в ёго́ и жы́нка* (хут. Братский). ДО́СВЕТКИ... *До́свиткы? Шо́ цэ́ такэ́? Ось я вам проспи́ваю: «Казав́ мині́ ба́тько, шоб я о жыны́всь, по до́свиткам нэ ходы́в та й нэ во́лочы́всь»* (ст-ца Старомышастовская). ЗАЖУ́РЫТЬСЯ... *Хиба́ ны вы́дно, хто нэ жына́тый — лы́чко билэ́нькэ, чу́пчик патла́тый, хиба́ нэ вы́дно, хто о жыны́всь — ско́рчивсь, змо́рщывсь и за́журывсь* (ст-ца Старомышастовская). ИНДЫ́К... *Ось, я вам за́спиваю́: «Мужы́к пробы́в инды́ка — жы́нка хо́дэ тры́ндыка́»* (ст-ца Нововеличковская). ПОКРО́ВА... *Прыхо́дэ Покро́ва, дівка́ рэ́вэ як коро́ва. Пот Покро́в обы́чно свата́ли де́вушэ́к. И рэ́вэ та де́вушка, котра́ оста́лась нэзасва́танной. Цэ́*

*щиталось позбром (ст-ца Старомышастовская). СТАРЕЦ(Ь)...
Хочь за старця, лыж бы нэ остация (ст-ца Елизаветинская).*

Тексты, отражающие взаимоотношения детей и родителей, вопросы воспитания

*ГАРНЫЙ... Покы вонь малі, усі хороби. Правду кажуть:
гарна Горпына, пока дытына. А повыростають, так куды
шо диваиця. Вжэ нэ такы хороби (ст-ца Елизаветинская).
МАНЭНЬКИЙ... Дытэй надо воспитувать, покы вонь малі.
Ще е така письня: «Ой, нэнько мо я, а я ж дбчка твоя, тоді
було быты, вчыты, як манэнька була» (ст-ца Динская). МАТЫ
... Маты одною рукою бье, а другою гладэ. Вона и поругае за
дїло, и пожаліе (ст-ца Динская). Дивчата шьють и спивають,
а матэ порэ и плаче (ст-ца Старомышастовская). НАСІНЯ...
Батько пыв, и вин пье. Отб и кажуть: якы корінья, такы
насіння (ст-ца Динская). ПОМОЧЬ... Як кажуть: «Даждалась
сўчка помачи: началі кутинята гавкать» (ст-ца Бородин-
ская). ~ЯК СКЛО... Праильна гаварят: «У якої матэри
совість як скло, у той и сын харош» (хут. Братский). ЦУ-
ЦЕНЯ ... Дождалась сўчка помочи: сама лыжыть, а цу-
цынята гавкають. Цэ як дїты пыдраслы да сталы помогать
(ст-ца Новомалороссийская).*

Тексты, отражающие особое отношение к материнству и детям

*БАБУНЯ... Бабуня наша часто казала: «Дїты до врэмя —
внўкы до гроба» (ст-ца Старомышастовская). ДЕТЫНКА... Ищэ
така поговорка була часто, и нэ то, шо там мама, а другі
лўды казали: «Мині надо яйцэ, мясцэ, сальцэ, бо у мэнэ
дэтынка сосэ» (ст-ца Старотитаровская). ДЕТЫНА ... Кажуть
лўды: колы малá дытына падае, Бох иий солóмку пыдстилáе
(ст-ца Новомалороссийская). ЖИНКА... Жінка шо тóрба: шо
положыш, то и нысэ. Цэ значит, шо хто родыця: хлòпэц
чи дивка, — цэ од жэницины ны завысыт (ст-ца Старомышастов-*

ская). МА́ТЫ . . . Ма́му нихто́ заминіть ни смóжыт, дивча́та. Нима́е у тэ́бэ ма́ты, нима́ тоби́ світу (ст-ца Бородинская). ЧЁ-ЛОВІ́К . . . Я вам, дивча́та, так скажў: чёлові́к нэ на ві́к, а ді́ты до грóба. Ді́ты — цэ для жэ́нщины са́мэ гла́внэ (ст-ца Старомышастовская).

Тексты, отражающие семейные, родственные отношения

ВИДТИЛЯ́ . . . — *Хтось усра́всь? — Ныві́стка. — А дэ вона́? — Та вівци́ пасэ́, а виттиля́ вітэр нысэ́* (ст-ца Старотитаровская). ДОЧКА́ . . . *Дочка́ ка́жэ: «Ма, иды́ть до нас жы́ть». А я нэ хо́чу до йі́х итты́: лу́чышы бу́ть у сы́на за столóм, чим у зя́тя пид столóм* (ст-ца Марьянская). КА́ЖНЫЙ . . . *Ка́жна ха́та свої́м го́рим напха́та* (ст-ца Вышестеблиевская). КІ́СТКА . . . *Нэві́стка — чужа́ кістка. Цэ зна́чит, шо чужа́ дыты́на, чужо́й ко́сти дыты́на, нэ твоя́, всэ равнó бу́дэ нэ родня́* (ст-ца Старотитаровская). ПОКЫ́ . . . *Ще ма́ма на́ша каза́ла: покы́ ді́да, покы́ и хлі́ба. Цэ зна́чит, шо колы́ есть в домі́ муці́на, симбе́ лу́чче жыве́цця, ужэ́ вона́ голодува́ть ны бу́дэ* (ст-ца Старотитаровская). СГАДА́ТЬ . . . *Як нэ йі́лы пивднэ́, то нэ зга́дувала риднэ́. А як прыйшо́в обід, так зга́в увэ́сь рид* (ст-ца Елизаветинская).

Тексты, отражающие отношения между людьми

ГОДЫ́ТЬ . . . *Вот так я усі́м годы́ла, усі́м робы́ла* (ст-ца Вышестеблиевская). ОГУ́ДИТЬ . . . *Ось я вам пра папа́ Якава расскажў. Вин так ка́зэв: «Ни грэх ку́шать у по́ст, а грэх чилаве́ка агуді́ть»* (ст-ца Бородинская). ПИШКИ . . . *Ра́ньшы вовко́в ляка́лысь, а ща́с — людэ́й. Мы ра́ньшы до Сла́вянска ходы́лы пішкы́* (ст-ца Черноерковская). ТРЭ́БА . . . *На прбы́нного го́стя бога́то трэ́ба. Раз прыгласы́лы гостэ́й, стил на́до бога́то накры́ть* (ст-ца Елизаветинская).

Тексты, отражающие отношения к представителям других народов и социальных групп

ГАМСЭЛ... Почимуж гамсэлы? Прыёжжые люди гаворять: «Мы, гамсэлы, люди взсэлы» (ст-ца Старомышастовская). Гамсэл, гамсэл! Прывязан да ясэл! Яслы усóхлы, усí гамсэлы здóхлы (ст-ца Челбаская). ДРАЖНІТЬ... Мать мая гаворить, как задирёмся и начнём дражнить: «Куркулі — люди дурныи, на палтйнник нидакрéциныи» (хут. Новопокровский). МАЗНІЦА... «Хахол — мазніца, давай дразніцца!» Это русскии украинцэв дразніли (ст-ца Гривенская).

Тексты, освещающие правила ведения хозяйства

ДБАТЬ... Май — сий да дбай, июнь — хочь сий, хочь плюнь (пос. Пашковский). Як кажутъ: «Май — дбай, июнь — хош плюнь». Цэ значить: в маю хорошó работай, а в июни мóжно оддыхнóуть (ст-ца Старомышастовская). МАТЫ²... Вонь хорошó жывóуть. Сыну машыну купылы. В йих тры тэпльци, пчёлы. Ну хто дбае, тот и мае (ст-ца Елизаветинская). НАДБАТЬ... Нас прыучалы к работи, шоб мы моглы надбать на зыму, заготовыть на зыму. Ёсли як надбайиши, так ы пойсы (ст-ца Крыловская). РУБАТЬ... Лйтом рубай дрова, а зымой будэ травá (ст-ца Елизаветинская).

Тексты, отражающие отношение к труду

БАТРАКОВАТЬ... Симья была балшыая, дитей многа... и фсй ййсты прóсятъ. Вот и пришлосъ мне с ранних лет батракаватъ. А батракаватъ — ни пёсни спивать (хут. Железный). ГЎЗНО... Як бы нэ рот и гўзно, то и робыть нэ нўжно (ст-ца Старомышастовская). ДÓБРЕ... На Кубани дбрэ жыть: одын робэ, сим лэжыть. А як сонцэ прыпычэ, и послйдний утычэ (ст-ца Динская). ЖНІВА... И гаворють так: «Патходитъ жнйва — и баба ни жыва»... Жнивá пайдóуть — бабы ёли жывуть... Сонцэ на нибисá — баба на жнивá (ст-ца Некрасовская). ОБРОБЫТЬ... Идóу с сапою, наморылась. А сусйтка: «Дэ ты

була?» Кажу: «Збя, есь така пісня: тры города обробыла, одна дыня уродыла — гуляю я» (ст-ца Вышестеблиевская). ПЕРЕРОБЫТЬ... Усэй роботы нэ пэрэробыш (ст-ца Марьянская). ТРУПЯК... От прыскаска у нас така: «Бох любэ трупяка, а работа — дурака» (ст-ца Ахтанізавская).

Тексты, отражающие социальную справедливость и несправедливость

РОБИТЬ... Тоді у кулаков работныкі булы. А тыпэр хто робэ, той и куша (ст-ца Старомышастовская). ХУДОБА... Для худобы бидняка дарога на поле вузка. Цэ значит трўдна жыть бідным людям (ст-ца Бородинская).

Тексты, отражающие правила торговли, товарно-денежных взаимоотношений

БАЗАРЬ... Базарь цэну скажэ (пос. Пашковский). ХОЧЬ¹... Деніх ны давалы, трудодэнь писалы: Трудодэнь, трудодэнь! Дайтэ хліба хочь на дэнь (ст-ца Новотитаровская).

Тексты, отражающие отношение к пище

АБЫ... А я гаварю: «Как назвал, так назвал, абы абедать назвал» (хут. Новопокровский). БУТЬ... Був бы хлеп, а ца́стте приде (хут. Железный). ВОВНА... Ицэ поговорка така: хоть клók, хоть вовна, як бы кышка пóвна. Цэ тако́го значэния: шо есть йісты, нэ пэрэбырай и бўдэш сытый (ст-ца Старотитаровская). ВЫБАЧАТЬ... Дивчата, кўшайтэ варэныкы: йіштэ, умочайтэ та другэ выбачайтэ (ст-ца Старомышастовская). ЙІСТЫ... — Дай мэні йісты. — Да нідэ сісты (ст-ца Нововеличковская). КУШТУВАТЬ... Куштувалы, куштувалы, тай нэ распрóбувалы ст-ца Нововеличковская). СНИДАТЬ... Як кажуть: «Снідалы, обідалы — раз йілы» (ст-ца Старотитаровская). СОЛОПЭТАТЬ... — Солопэтайтэ, солопэтайтэ! — Спасы́бо, я вжэ набурэндывся (ст-ца Нововеличковская).

Тексты, отражающие отношение к алкоголю и пьянству

ЛАВА... *Пьяному и пид лавой богáто мiста* (ст-ца Старомышастовская). СПИНА... *С пiва балiть спiна, с мiду — галава* (г. Лабинск). ХОЧЬ... *А горiлка як хорiша дiвка — хочь кiго з умá звидi* (ст-ца Старомышастовская).

Зафиксированные в словаре в прецедентные тексты осуждают и высмеивают отрицательные качества человека: глупость, болтливость, лень, жадность, непрозорливость, изнеженность, трусость, супружескую неверность.

АЛА... *Нет умá, хучь тада крычи «ала»* (Отважная — дШ.). ВУХО... *Смишно дураку, шо вiхи на бакi* (г. Усть-Лабинск). НЕМА... *Умá нымá — щитáй калика* (ст-ца Марьянская). НИКОЛЫ... *Пьяный проспiця, а дурак никiлы* (ст-ца Елизаветинская). ТИКО... *Тiтя пакiйна казала: «Дураки всю жись тiка сваiй дурью и украшаюцца»* (ст-ца Куцiвская). МЛЫН... *Млын мiлэ — мука бiдэ, язык мiлэ — лiхо бiдэ* (ст-ца Старомышастовская). ПИВЕНЬ... *Сказав пивень кiрыци, а вона всий iльци* (ст-ца Старомышастовская). ЛОДАРЬ... *Лодарю усiгда прáзнык* (ст-ца Елизаветинская). ЛЕДАЧИЙ... *Сыды, Вiкла, ще ны смiркло. Цэ кáжуть на лыдiчу бабу, шо всэ врэмя нычiго ны рiбэ, а сыдыть на лавочки до вiчира* (ст-ца Елизаветинская). ЛЮДЫНА... *Жáдна людiна свайм хлiбам нэ падiлицца* (пос. Цибанобалка). ЮШЕЧКА... *Як кáжуть: самá варiнычкы iисы, а нам iушычки дасы. Цэ так кáжуть про жáдну людiну* (ст-ца Старомышастовская). БАЧИТЬ... *Тю! Вин бiче за лiсом, а ны бiче пид нiсом* (ст-ца Старотитаровская). СПАСИВКА... *Погáному поросiти и в Спасивку хiлодно. Спасивка — цэ прáзнык в áвгусти мiсяци. Жарá, а хтось всэ замырiае* (ст-ца Новомалороссийская). ДЕ... *Тобi дэ сiро, там и вовк. Цэ кáжуть тамi, шо вин пуглiвий. Усiго бойциця. Всэ iмi кáжыциця стрáшнэ* (ст-ца Новомалороссийская). ~ГУЛЯТЬ ЯК ПiС. *Вин гулял як пiс, по всiм дворáм хвостiм вилял* (ст-ца Бриньковская).

Прецедентные тексты, отмечающие положительные качества человека, в наших иллюстративных материалах немногочисленны. Одобряются трудолюбие, выносливость в работе, покладистость, умение находить с людьми общий язык:

ДВУЖИЛЬНИЦА. . . *На мэна казэлы двужыльница: нэ йст, нэ пьэ, нэ сэрэ — тикэ робэ* (ст-ца Ленинградская). **ТЕЛЯ́.** . . *Я внўчки кажў: «Ны ругайся со свыкрўхой: покёрливэ тыля двух мэток сосэ»* (ст-ца Старотитаровская).

В словаре зафиксированы прецедентные тексты, в которых проявляется языковая рефлексия носителей диалекта:

~ГОВОРИТЬ НА «Г». . . — А как дразнили тех, кто по-русски разговаривал? — *Ну кацапы. А ищэ дразнилка такая былá: гўси гогóчут, гóрот горит, всякая гáдость на «гэ» гóворит. Говорит на «гэ» — по-ру́сски значит* (ст-ца Гривенская). **ПОЛЫ́ЦЯ.** . . *А шобы провўрыть людўну: хохól (кубáнэць) винчи ни, попросўть ёго сказа́ть: «На польцы лэжўть паляныця»* (с. Малый Бейсуг).

В прецедентных текстах проявляются также эмоциональные состояния человека: **ГОЛÓТА́.** . . *А мы рáди: разгулялась голотá, аж лохмóтья отлитá* (ст-ца Ленинградская).

Отдельную группу образуют прецедентные тексты, представляющие собой основанные на народной мудрости и проверенные опытом не одного поколения советы на различные случаи жизни:

ГÁРНЫЙ. . . *Вонá булá гáрна дўвчина, а зáмиш нэ вўшла. Отó так: нэ родўся крáсна, а рдўся щáсна* (ст-ца Бородинская). **ЖЫ́НКА.** . . *Хлóпцы, пўть нэхорошó. Ще старикў казэлы: «Дэржў, казák, в рўках жўнку, а нэ рўмку»* (ст-ца Елизаветинская). **ЙИСТЬ.** . . *Солóму йиш, а хвист трубой дэржў. Яг бы ты ны був бйдэн, а ны показуй цёго* (ст-ца Старомышастовская). **КРЫ́НЫЦЯ.** . . *Людў кажуть: «Ны погáнь крыныцы — самóму згодўиця»* (ст-ца Динская). *Вонá (невестка) с сыном розийшлáсь и щас внўку нэ разришáе до нáс ходўть. Э, кажў, Натáша, нэ плўй у крыныцю, прыгодўиця воды напы́ця* (ст-ца Старомышастовская). **КУПЛЯ́ТЬ.** . . *Сáмое гáвнэ, од гóворять як старўий людў: «Нэ купляй хату, а купляй сосўдэй»* (ст-ца Ахтанизовская). **ЛА́ЯТЬ.** . . *Вўтэр лáять низя. Ни вўтэр, ни дощ* (с. Ново-

павловка). ПРОСТЯГАТЬ... *Вона ны хоче купувать прыношыну машыну. Хоче нбву. А я кажю: «Йра, протыгай нбшкы по одёшкы. Дэ грёщи брать на нбву?»* (ст-ца Старомышастовская). САЖ... *Не сматры на дёвку, шо до цэркви идэ, а сматры, шо да сэжа* (ст-ца Некрасовская). СБУДУВАТЬ... *Жыть на́до в своёй х́ати. Вот так: збуду́й х́ату з лободы́, а в чужу́ю нэ иды́* (пос. Пашковский).

Зафиксирован один прецедентный текст, в котором раскрываются эстетические взгляды носителей диалекта. Он построен на отрицании и высмеивании качеств, не соответствующих эстетическим идеалам:

ЛУПА́ТЫЙ... *Вин лупа́тый: в ёго б́чи, як у ра́ка, и вин ры́жый, як соба́ка* (г. Усть-Лабинск).

Прецедентные тексты, отражающие казачий уклад, в иллюстративной зоне словаря немногочисленны. Это можно объяснить тем, что в них по большей части отсутствует диалектная лексика. См., например: *Душа — Богу, жизнь — царю, слава — казаку. Казак сам не ест, а лошадь кормит. Казака хлебом не корми, только дай ему коня с седлом. Конь для казака дороже всего. Конь — это душа казака* и др. В словаре зафиксирована полная горькой иронии присказка: *дид був ко(а)за́к, д́иты — сыны́ ко(а)за́ч(ь)и, а вну́ки — хвосты́ соба́ч(ь)и* (БУТЬ). На базе старинной половицы *каза́цкому/коза́цкому ро́ду нема́/нет перево́ду*, возникшей еще в XVII в. и отражающей первоначально процесс массового показаченья крестьянства и горожан, образовалась многозначная ФЕ, актуализирующая словесную реакцию на радостное известие о рождении мальчика и характеристику положительных качеств человека:

КАЗА́ЦКИЙ. ~КАЗА́ЦКОМУ РО́ДУ НЕМА́ ПЕРЕВО́ДУ. ~КАЗА́ЦКОМУ РО́ДУ НЕТ ПЕРЕВО́ДУ. 1. — *Васи́ль, ты чув, шо. Мары́я родила́ позавчэ́ра? — Та ты шо? — Да, ма́льчика найшла́! — О, э́та харашо́. Каза́цкаму ро́ду нет пирыво́ду. Адни́м казако́м бо́льшы ста́ла* (хут. Александровский — дЧ.). 2. Характеристика положительных качеств человека. *В нас джыгито́вки на ма́й бува́ють. Хто пе́рвай прыс вазьме́ть, прыятна пасма́трэ́ць: каза́цкаму ро́ду нима́ пирыво́ду* (ст-ца Новолабинская —

дЧ.).

См. также: КОЗА́К... *У козака́ и таракáны пáшуть* (пос. Пашковский). КУПУВА́ТЬ... *Дóброго атамáна выбэра́ють, а нэ купю́ють* (Старомыш.). СПИВА́ТЬ... *Есть така поговорка: «Колы́ (когда) каза́кы спива́ють, во́роги пла́чуть»* (ст-ца Старомышастовская). ТРÉБА... *Е ще така послóвыця: на граны́ци нэ трэ́ба свитлы́ци* (ст-ца Старотитаровская.).

Довольно многочисленны тексты, представляющие собой обрядовые формулы. Среди них куплеты песен, частушки, присказки, которые приводились информантами в рассказах о том или ином обрядовом действии. Достаточно устойчивыми, как показывают зарегистрированные контексты, являются формулы свадебного обряда. Обрядовые прецедентные тексты приводятся, как правило, в качестве иллюстраций к словарным статьям, отражающим обрядовую лексику и фразеологию:

ВАРЁХА... *Наўтра бисéда. Мать навары́ла варёху, и усé крыча́т: «Дай, ма́ти, варёхи хоть трóхи. Мы ш у тибé учэ́ра ни булі́, мы у тибé варёхи ни пулі́»* (ст-ца Каладжинская). ДРУЖКО́... *Ищэ́ пэ́сня а дружко́: «Ни тибé, друшко́, дружкава́ть, а тибé, друшко́, свынéй пасть з длі́ннаю лама́кай, с чэ́рнаю саба́каю* (ст-ца Отважная). *Дружко́ ка́жэ: «У вас тут, náче ка́жуть, хорóша дівчина́ есть»* (ст-ца Нововеличковская). ~ПРИВЯЗА́ТЬ ЧА́ЙНИК... *Ни гляди́ ты на миня́, на маю́ пахо́дачку. Привиза́ла тибé чайник, привижі́й калóдачку* (ст-ца Новолабинская). СВЕТЫ́ЛКА... *Свителька бу́ла. Свителька та́кжэ пэрэ́вязана, с цвито́чками сыды́ть в рука́х. А щэ́ по́мню я часту́шку пра свительчо́чку: «На́ша свителька манэ́нька (два́ раза), як жа́ба раба́нька. Пид сталом пры́где дру́жочик пуга́е»* (ст-ца Динская). ~СТА́РША(Я) СВА́ШКА... *А вот про ста́ршу сва́шку я такі́ часту́шку по́мню: «Ста́ршая сва́шка — рохля́ (два́ раза), пид порóгом здо́хла. А бо́яры танцюва́лы и ту сва́шку растопта́лы»* (ст-ца Динская).

Между тем в словарных статьях на лексемы, не имеющие отношения к обрядам, также возможны обрядовые прецедентные тексты:

ДБАТЬ... Так спивáлы: «А мы пírьячко дрáлы, ну кому́ там — Тáni или Вáли — подúшычкы дбáлы» (хут. Беликов). ПОДЫВЫТЬСЯ... Такiй пёсны грáли: «У нáшэва свáта салóмина хáта, прышла свыннiя падывылася, сó смиху закатылася» (Отваж.).

Немногочисленны в наших материалах тексты, передающие содержание тостов:

ГОРЛЯНКА... Шось в горлянки дэрэнчiть, мабуць, нáдо промочiть (ст-ца Ахтанизовская). НЕМА́... А я ицё такóй дэдушкин тост пómню: рюмачка Хрiстóва пришла к нам из Растóва, но пáчпарта у нéй нимá — так ы утúт ей и тюрьмá (г. Усть-Лабинск).

В словаре зарегистрированы лишь три гадальные формулы:

ГАДА́ЛКА... И булá такá гадáлка: пpыходыть до хáты, дэ жывúть люды, пид викно́. И спрашуеш: «Як бúдуть мого чиловiка звать?» (ст-ца Старотитаровская). ВИКНО́... А нiчью пид Хрэщённе бiгайм до викнá и кpычiм: «А як мого чёловiка звать?» (ст-ца Запорожская). КРОВАТЬ... Дiвка кладэ у изголóвья крóвати мáтэри тáйно сковородú и кáжэ: «С ким минi вик виковáть, того́ тибé блынáмы угощáть» (хут. Бойко-Понура).

Как показали имеющиеся записи диалектной речи, информантами очень редко упоминаются тексты заговоров. Это отчасти можно объяснить тем, что они известны определенному, достаточно узкому кругу людей, которые, как правило, с трудом идут на контакт с собирателями.

ГЫКАЛКА... Як гыкалка напáла, кажы́: «Гыкалка, гыкалка, пиды до воды, на другóго напады, хочь на быкá, хочь на корбву, хочь на дiвчину чёрнобрóву» (ст-ца Новокорсунская).

В ст-це Старощербиновской был записан заговор от ангины, который информант Д. А. Сковорода запомнил со слов своей бабушки: *Мая́ бабушка умéла личiть анги́ну. И вот я запómнил, што анá гаварiла: «Я по пóлю ходы́ла, зiньске щеня́ давы́ла, пятьмы пáльцáмы, сидьмо́ю долóнию» (ЗIНЬСКЕ ЩЕНЯ́).*

В словарных материалах зафиксирована только одна загадка:

ЛАСТИВКА... *Загáтка: спэ́рэди шы́льцэ, зза́ди вы́льцэ, на грудí бй́лый рушнычэ́к. Цэ́ ластивка* (ст-ца Старотитаровская).

В словаре есть прецедентные тексты «детской» тематики: при- сказки, прибаутки и т. д. См., например:

БУ́ЛЬБА... *Как у тётушки в Апро́си вы́дулися бۇ́льбы с но́су* (ст-ца Отважная — дШ.).

ВА́НЯ. ~ВА́НЯ-КУБА́НЯ... *Ва́ня-куба́ня, палитí на нё́пка, там твай дётки ку́шают канфе́тки. Э́та мы в де́цтви так гавары́ли* (ст-ца Архангельская)

ГО́РОСТЬ... *Мы какы́ш ййлы. Ото́ вйзмэм ко́рочку зны́мым, потóм поката́емо и ка́жэмо: «Кача́й-молоча́й, у мэ́ду мача́й». И тоди́ йимó. Вин тоди́ слáткий, дэ́сь го́рость дива́йицця* (ст-ца Нововеличковская).

КАВУ́Н... *Дóжжык, дóжжык, пырыста́нь! Мы пойдим на башта́н кавуна́мы бы́цця, ды́нямы мыры́цця* (ст-ца Челбасская).

Среди текстов, в которых сформулированы народные приметы, выделяются предсказания погоды и предсказания неудачи, несча- стья, беды.

Предсказания погоды

ВЁ́ДРО... *Лóвлят бо́жьё каро́фку и пыта́ють у ниё́: «Бо́жьё каро́фка, ве́дро йли нина́стье?» Ё́жыли палитíть — к ве́дру, папалзёт — бу́дэ плаха́я паго́да* (ст-ца Марьянская).

ГОРОБЕ́Ц(Б)... *Гарапцы́ в пы́лі купа́юцца — на ниго́ду* (ст-ца Зассовская).

ЗОЗУ́ЛЯ... *Морóз бу́дэ, колы́ зозу́ля на сухóм дэ́риви куку́е* (ст-ца Марьянская).

КАРГÁ... *Цэ́ у на́с ни га́лки называ́ють, а «каргéй». А каргéй налитéла, ски́льке каргéй на- литéла — бу́де дощ* (с. Шабельское).

СТАВО́К... *В наро́ди так гаваря́т: «Илья́ праро́к нассáл ф ставо́к». Э́та значит, што начинáйицця макрóта и да Ильи́й ну́жна лук убра́ть* (ст-ца Архангельская).

Предсказания неудачи, несчастья, беды

ВЕРТА́ТЬСЯ... *Вирта́цца — плаха́я приме́та* (хут. Андрию- ки). *Вся станы́ця шла козакíв провожа́ть. И та́к слидя́ть,*

як онѣ посидáють на конѣ и в галоп. Ёсли конь споткну́лся — коза́к нэ вэрта́ицца до до́му (ст-ца Гривенская). **ПОРЕ́ЧНЯ...** *Уж быть биде́: паре́шня пла́чить* (ст-ца Ярославская). **ПРЫЙМА́ТЬ...** *Ка́жуть, шо нычѣго чѣрэс поро́х ныззя́ прыйма́ть от людэ́й, бо у хату́ мо́жэ вийты́ бидá абó якэ́ дры́гэ нэца́стте* (ст-ца Старовеличковская).

Выявленное жанровое и тематическое разнообразие зафиксированных в речи носителей кубанских говоров прецедентных текстов демонстрирует, что они охватывают практически все области человеческого бытия, являясь своеобразной энциклопедией народной жизни. В них в языковой форме образно и лаконично, часто иронично отражаются система взглядов на мир: философия, мораль, нравственные устои, эстетические идеалы, а также живые наблюдения человека над природой и над самим собой, религиозные и мистические верования. Бесспорно, не все прецедентные тексты, помещенные в словарную статью регионального словаря, способствуют семантизации диалектного слова, раскрытию его внутреннего потенциала, демонстрации его устойчивых контактов с другими словами. Однако все прецедентные тексты содержат уникальную экстралингвистическую информацию, являются ярким украшением иллюстративной зоны словаря, свидетельствуя о богатстве народной речи и духовного мира ее носителей.

СОКРАЩЕНИЯ

Гриниченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка: В 4-х т.: Киев, 1958.

дЧ. — *Чалов В. П.* Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981. 292 с.

дШ. — *Шабалин М. Н.* Русские говоры на юго-востоке Кубани (к вопросу о взаимодействии близкородственных языков). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1952. 474 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–46. М.; Л.: Наука, 1965–2013.

ПРОЦЕССЫ ДЕГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ РОДА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. В статье рассматривается наиболее дивергентная грамматическая категория — род имен существительных в вологодских говорах. Выявляются две противоположные тенденции: 1) процессы деграмматикализации категории рода имен существительных, а именно утрата облигатности их оформления по определенному роду, широко распространенная вариантность рода; 2) процессы вторичной грамматикализации категории рода имен существительных, усиление их морфологического маркирования по роду. Оба процесса взаимосвязаны между собой: деграмматикализация рода приводит к его вторичной грамматикализации в диалектном языке.

Ключевые слова: вологодские говоры, категория рода, процессы деграмматикализации и грамматикализации, слабые формативы, вторичная суффиксация.

Исторические процессы в русском языке привели к созданию различных типов словоформ и морфологических парадигм, соотносительных с одной морфологической категорией. Эта морфологическая политипологичность характерна для многих морфологических категорий русского языка, что создает размытость границ их формообразования¹. Особенно это свойственно народным говорам, совмещающим на одном синхронном срезе архаичные и новые языковые

¹Яцкевич Л. Г. Вопросы русского формообразования: функционально-типологический подход в морфологии (на примере имен существительных). Минск, 1987. 128 с.; Яцкевич Л. Г. Русское формообразование. Процессы деграмматикализации и грамматикализации. Вологда: ВГПУ, 2010. 280 с.; Яцкевич Л. Г. Виды классификаций в морфологии и морфологическая систематика русского языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2010. № 5. С. 86–95.

формы, что приводит к формообразовательной дивергенции. Термин *дивергенция* < лат. *divergere* ‘отклоняться, расходиться’ является общенаучным и используется в различных отраслях знаний, в лингвистике он тоже употребляется неоднозначно. Мы используем этот термин для обозначения расхождения — разнообразия формообразовательных средств и способом структурного выражения одной и той же грамматической категории, одной и той же системы граммем и соотносительных с ними концептов². Если при функционально-семантическом подходе рассматривается семантическая дивергенция граммем, то при функционально-типологическом — формально-структурная дивергенция. Вместе с тем следует отметить, что причиной этого типа дивергенции являются как раз лексико-семантические и словообразовательные факторы, а также процессы грамматикализации и деграмматикализации словоформ. В статье рассматривается в этом аспекте наиболее дивергентная грамматическая категория — род имен существительных в вологодских говорах.

1. Процессы деграмматикализации категории рода. Исследователи уже обращали внимание на неустойчивость категории рода имен существительных в русских говорах³. Данная особенность диалектной речи формирует тенденцию к деморфологизации рода у множества диалектных слов. Далее описываются основные виды проявления этого процесса в вологодских говорах на материале «Словаря вологодских говоров» (СВГ) и Картотеки диалектных слов (КК), записанных автором статьи в д. Квасюнино и частично опубликованных.

1.1. Отсутствие облиigatorности морфологического оформ-

²Яцкевич Л. Г. Русское формообразование. Указ. соч. С. 226–250.

³См. например.: *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного.* М.: Наука, 1964. 600 с.; *Кодесникова М. И.* Категория рода имен существительных в русских говорах Удмуртии / М. И. Кодесникова // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 2. С. 28–31; *Худышкина А. Е.* Неустойчивость категории рода в камчатских говорах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 2.

ления по определенному роду неодушевленных имен существительных. Как известно, одним из главных свойств грамматических категорий является облигаторность их выражения в структуре слова или в его синтаксических связях. В устной диалектной речи категория рода далеко не всегда обладает этим свойством обязательности, поскольку нередко наблюдается вариантность родовых форм у неодушевленных имен существительных.

1.1.1. Колебание родовых окончаний и типа склонения неодушевленных имен существительных. Все разнообразные случаи колебания грамматического оформления субстантивных лексем по роду, на наш взгляд, следует рассматривать в рамках тенденции к деграмматикализации категории рода у неодушевленных существительных в устной диалектной речи. Далее приводятся неодушевленные имена существительные, зафиксированные в «Словаре вологодских говоров», у которых наблюдается варьирование родовых окончаний и соответственно типа склонения: *берёста/бересто* и *бересто* ‘береста, верхний слой коры березы’; *веред/вереда* ‘нарыв, гнойник, фурункул’; *выгород/выгорода* ‘участок земли вокруг деревни, обнесенный изгородью’; *выряд/вырыда* ‘наряд, праздничная одежда’; *говор/говорь* (ж)/*говоря* ‘речь, разговор’; *дерно/дернь* (м) ‘дёрн’; *изгреб/изгреба/изгребь* (ж) ‘очёски льна после первого чесания, а также льнянаяпряжа очень низкого качества из очёсков’; *истопель* (ж)/*истопель* (м)/*истопень* (м)/*истоплѣ/истопло/истопля* ‘количество дров на одну топку печи; одна топка печи’; *кадрель* (ж)/*кадрель* (м)/*кадреля* ‘танец кадрили’; *клеп* (ж)/*клеп* ‘приспособление для ловли зверей, капкан’; *кужель* (м)/*кужеля* ‘волокно льна или шерсти, приготовленное для прядения’; *куколь* (ж)/*куколь* (м) ‘коробочки льна с семенами’; *кут/куть* (ж) ‘кухня в крестьянском доме’; *кареводья/кареводье* ‘происшествие, неожиданный случай’; *качильно/качильня* ‘гибкий шест, на котором подвешивается детская колыбель’; *киот, киёт/киота, кивота* и *киѣта* ‘рама или шкафчик для икон, киот’, ‘небольшая рама для обрамления чего-либо’; *клеп* (ж) и *клеп* ‘приспособление для ловли зверей, капкан’; *потолок* и *потылок/потолока* ‘чердак над жилой частью избы’; *скором/скорома* ‘молочная и мясная пища’ и др. слова. Во всех рассмотренных случаях

морфологические варианты слов не подверглись лексикализации и имеют тождественное лексическое значение.

1.1.2. Варьирование суффиксов у производных неодушевленных имен существительных, приводящее к варьированию родовых окончаний. Процесс деграмматикализации рода имен существительных особенно активно проявляется в варьировании суффиксов у производных неодушевленных имен существительных, что приводит к варьированию родовых окончаний: *боровуха/боровик* ‘гриб с темно-коричневой шляпкой и беловатой маслянистой толстой ножкой; белый гриб’; *вертушка/вертушок* ‘запор дверей, окон в виде вертящейся планки’; *волденец/волденица/волдоница/волденка* ‘гриб волнушка’; *вороток/воротушка* ‘верхняя часть (чаще из ситца, сатина, колленкора) женской рубашки (приблизительно до талии), к которой пришивается нижняя часть — стан, становина (обычно из холста)’; *вязанец/вязаница/вязанка* ‘укладка улежавшегося льна, состоящая из 15 снопов, три «бабки», связанных в большой сноп’; *капустник/капустница* ‘огороженный участок земли, где посажена капуста’; *каравашек* и *коровашек/каравашка* и *коровашка* ‘булка, хлебец из пшеничной муки’; *картожник/картовешник* и *картовошник/картовешница* и *картовошница* ‘ботва, стебли картофеля’; *квасник/квасница* и *квашница* ‘деревянная кадка для приготовления и хранения кваса, пива, киселя’; *квашонник*, *квашеник/квашонница* ‘холщовая покрывка для квашни’; *казачок/казачина* ‘холщовая покрывка для квашни’; *кубырь* — *кубышка* ‘прическа в виде закрученного сзади пучка волос’; *куманец/куманка* ‘красная смородина’; *кумелка/кумелья* ‘куча, груды чего-либо’; *купалище, куплище/купальня/купанка* ‘удобное для купания место’; *колобок/колобушка* ‘выпечное изделие круглой формы’; *поставок/поставушка* ‘верхняя часть женской рубашки (чаще из ситца, колленкора и т. п.), обычно надеваемой под сарафан’; *посудник/посудница* ‘висячий открытый шкафчик для посуды в виде нескольких полок’; *похлебенье/охлебенька* ‘какое-либо жидкое кушанье; *преснец, пресник, пресняк/преснёнка, преснушка* ‘выпечное изделие из пресного теста в виде тонкой лепёшки с загнутыми краями с начинкой из картошки или крупы, реже тво-

рога'; *ремень, ремешок/ремёнка, ременница/ременье* 'ремень'; *резун, резунец/резунья* 'осока'; *разлев и разлёв, разлив, разлёвчик, разлевчик/разлёва, разлевка, разлёвочка, разливаха, разливашка, разливка* 'большой глиняный горшок для приготовления теста'. Приведенные выше (и многие другие) примеры грамматического варьирования диалектных неодушевленных существительных свидетельствуют **об утрате облигаторности их морфологического оформления по определенному роду**, а значит и о процессе деграмматикализации данной категории.

1.2. Сигнификативно слабые флексии одушевленных существительных. Сигнификативная значимость формативов в составе словоформ одушевленных имен существительных является неоднородной. Грамматические показатели формы рода могут быть как сигнификативно сильными, так и сигнификативно слабыми.

Формообразовательный анализ категории рода диалектных одушевленных имен существительных в данной работе основан на **теории сильных и слабых морфем**, разработанной автором этой статьи в ряде исследований⁴. Распределение грамматической информации о категории рода между внутренней и внешней грамматической оформленностью в различных структурных типах словоформ различно. Ср.: лит. *родная сестра* (ж.) и *родной дядя* (м.); вол. *родная мамуца* 'мать' (ж.) и *родной тятя* 'отец' (м.), *прожора* (м. и ж.) (*На этого прожору еды не напасешься. Ой, Светка, в детстве прожора была и сейчас уплетает за обе щеки.* (СВГ 8: 81). В одних случаях грамматический род выражен во внутренней и во внешней оформленности словоформы существительного, а в других — только во внешней оформленности, синтагматически. Соответственно, следует разграничивать **сигнификативно сильные формативы** (в словах *сестра, мамуца* флексия *-а*) и **слабые формативы** (в словах *дядя, тятя, прожора* флексия *-а/-я*) как разновидности сильных и слабых морфем. Сигнификативно сильные формативы определяют внутреннюю и внешнюю

⁴Яцкевич Л. Г. Морфемика русского языка. Вологда, 1993. 52 с.; Яцкевич Л. Г. Морфемика // Морфемика и словообразование русского языка. Учебное пособие. Вологда: «Русь», 2002, с. 8–71; Яцкевич Л. Г. Слова со связанными основами. Словарь. Вологда, 2006. 176 с.

грамматическую оформленность слова. А сигнификативно слабые формативы не выражают в полной мере или совсем не выражают грамматической информации, опустошаются, поэтому словоформы с такими слабыми формативами требуют, в качестве информационной компенсации, обязательной синтагматической грамматической оформленности. Так, в словах *дядя*, *тятя* грамматический род выражен только синтагматически: *родной дядя*, *родная мамлица*, *этого прожору*, *Светка прожора была*.

В связи с рассмотрением этого вопроса отметим, что для русского языка не характерна грамматическая типология, предложенная В. А. Плунгяном, согласно которой «языки с “сильными” морфемами нередко оказываются языками со “слабыми” словоформами», а языки с «сильными» словоформами имеют «слабые», т. е. плохо выделяемые морфемы⁵. Как уже отмечалось выше, в русском языке словоформы с сильными формативами так же являются сильными, как и словоформы со слабыми формативами. В силу преимущественно флективного строя русского языка сфера синтагматической компенсации охватывает весь состав словоформ, однако необходимая для словоформ со слабыми формативами, она кажется избыточной для словоформ с сильными формативами. Вместе с тем важно подчеркнуть, что количество словоформ со слабыми формативами в русском языке значительно⁶. Данные типы словоформ свидетельствуют о наличии в русском языке большого количества отклонений от аддитивной модели морфемной сегментации. В. А. Плунгян справедливо отмечает, что «в языках мира аддитивная модель отнюдь не является единственной и, может быть, даже не является явным образом преобладающей». Он, вслед за И. А. Мельчуком, рассматривает такие типы отклонений, как *кумуляция*, *идиоматичность* и *контекстная вариативность*⁷. Данная проблематика исследу-

⁵Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М., 2003. — 384 с.

⁶Яцкевич Л. Г. Русское формообразование. Процессы деграмматикизации и грамматикизации. Вологда, 2010. С. 21–76.

⁷Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I (Введение; Часть первая: Слово). М. — Вена, 1997; Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II (Часть вторая; Морфологические значения). М. — Вена, 1998; Плунгян В. А. Общая

ется также и в работах зарубежных авторов⁸.

Итак, сигнификативно слабый форматив — это аффикс, не способный самостоятельно выражать в структуре слова граммему определенной грамматической категории, что приводит к процессу деграмматикализации этой категории.

Ниже рассматриваются основные типы сигнификативно слабых относительно категории рода формативов у одушевленных существительных в вологодских говорах.

1.2.1. Слабые флексии имен существительных общего рода. В словах общего рода флексия сама по себе не способна к выражению мужского, женского или среднего рода, и эти функции берет на себя грамматический контекст, главным образом синтаксические формы согласования по роду зависимых от существительного слов или формы координации по роду подлежащего или сказуемого: *Адина какой, всё съес, другому не оставит; Адина растёт Танька, у всех всё съес; Ой, тот парень ботень хорошей. Ну и ботень она, знай шлеется* (СВГ 1: 42); *Экая девка вислейка, не робит, а гулеть любит. Парень-от вислейка не робит, у матери денег просит* (СВГ 1: 72); *Да она такая бухало! Ничево сказать нельзя. Тут же обнародует; В кого он такой бухало? Матка с батькой вроде молчуны были? Сестра-то ево — такое бухало. Ничево и сказать при ней нельзя!* (КК). Наблюдения показывают, что существительные общего рода могут иметь не только окончания *-а/-я* (по широко распространенному мнению), но и *-о/-ё*, а также *нулевое окончание*. Ср.: *адина, адище* ‘ненасытный, прожорливый человек’; *байло, баранда, бахолка, болтуха, боркотушка, брякотушка, брякушка* ‘пустомеля, тот, кто любит говорить попусту’; *батылка, болтовня, ботень-□, валёк-□, валень-□, валявка, варляня, веретень-□, вислень-□, вислядка,*

морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М., 2003. С. 37–80.

⁸*Baerman M., Brown D., Corbett G. G.* The syntax-morphology interface. A study of syncretism (Cambridge studies in linguistics, 109). Cambridge, 2005; *Corbett G. G.* Canonical typology, suppletion and possible words // *Language*. V. 83. 2007. № 1; *Hippisley A., Chumakina M., Corbett G. G., Brown D.* Suppletion. Frequency, categories and distribution of stems // *Studies in language*. V. 28. 2004. № 2.

вислядь-□, *висляйка* ‘бездельник, лентяй’. Все это создает дополнительные трудности при лексикографическом описании данного типа слов, особенно при выборе грамматической характеристики по роду. Поскольку эти флексии в данном случае являются сигнификативно слабыми морфемами, то, чтобы сделать объективный вывод, требуется дополнительное исследование синтагматических связей таких слов в тексте.

1.2.1.1. Одушевленные существительные общего рода со слабой флексией -а/-я. Если флексии -а/-я обычно являются сильным показателями грамматического женского рода (*стран-а, земл-я, сестра*), то в эмоционально-экспрессивных словах общего рода, способных обозначать в контексте лиц и мужского и женского пола, эти флексии, в силу несовместимости с лексической семантикой основы, утрачивают грамматическую функцию показателя женского рода и становятся слабыми морфемами: *каверза* ‘склонный к шалостям, озорству человек’ (*Экая девка каверза. Парень-от каверза растёт*); *истывота, каприза* ‘капризный ребенок’, *потёма* ‘нелюдимый, скрытный, угрюмый человек’ (СВГ). Если в литературном русском языке таких слов более двухсот⁹, то диалектные имена существительные общего рода — очень продуктивный класс слов, что, по мнению диалектологов, связано с их эмоционально-экспрессивной функцией в устной речи¹⁰. По данным «Словаря вологодских говоров» в 12 выпусках, эта же тенденция характерна и для вологодских говоров. Так, только в первом выпуске этого словаря было обнаружено более 40 существительных общего рода с флексией -а/-я, например: *баламыга* ‘бездельник, лентяй, праздношатающийся’; *безрозривица* ‘медлительный человек’; *безряха* ‘неряха’, *безумка* ‘человек, лишенный рассудка’; *безумница* ‘человек, поступающий безрассудно’; *вертёха, вертоха, ворохоба,*

⁹Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. Под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. М.: Наука, 1976. — 455 с.

¹⁰Литвинникова О. И. Структурно-семантическая характеристика имен существительных общего рода в русской диалектной речи // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сб. научных трудов. Ч. 2. Отв. ред. Г. В. Судаков. Вологда, 2008. С. 236–241.

вертуха ‘шаловливый, озорной ребенок’; *божка* ‘крестный отец или крестная мать’; *бормота* ‘человек, который говорит невнятно’; *брезгуля* ‘брезгливый человек’; *буба* ‘толстый человек невысокого роста’; *верхошовина* ‘заносчивый, невежливый человек’ и др.

1.2.1.2. Одушевленное существительные со слабой флексией -о/-ё. Довольно большой пласт одушевленных имен существительных с флексией -о/-ё, являющихся эмоционально-экспрессивными названиями-характеристиками человека, имеет неустойчивый грамматический род, поэтому и в диалектных словарях снабжается противоречивыми грамматическими пометами. Так, с СВГ производные от глаголов слова с суффиксом -л-(о) в одних случаях отнесены к **среднему** роду (*бормотало* ‘человек, который говорит невнятно, бормочет’, *байло* ‘тот, кто любит говорить попусту, болтать вздор’, *гузало* ‘человек, который не держит своего слова’, *гукало* ‘грудной ребёнок’, *рыкало* ‘громко и неразборчиво говорящий человек’, *садило* ‘бойкий, шаловливый ребёнок’), а в других к **общему** роду: *крутило* ‘человек, быстро выполняющий какое-либо дело’ (*Круто работает, и будет крутило, хоть девушка, хоть парнёк, всё одно — крутило* (СВГ, вып. 4: 6)). Одушевленные существительные с суффиксом -к-(о) и другими производными от него суффиксами также испытывают колебание в роде. В СВГ к **среднему** роду отнесено, например, слово *рожёнка* ‘ласковое обращение к ребёнку’ (*Ой ты, моё рожёнка, давай руцьки-то вымоём в тазике*) и к **мужскому** роду — слова *радийко* ‘человек веселого нрава, весельчак’; *радко* ‘добрый, бесхитростный, простодушный человек’; *редкобайко* ‘молчаливый, неразговорчивый человек’; *сёдко* ‘седой человек’ и др. У существительных с основой на -тj-(е) род также определяется в СВГ не однозначно, например: **средний** у слова *скорлатье* ‘худой, тощий человек’ и **общий** род у слова *слепотье* ‘слепой человек’.

1.2.1.3. Одушевленные существительные со слабой нулевой флексией. В СВГ зафиксировано довольно много одушевленных существительных со слабой нулевой флексией, которые также являются эмоционально-экспрессивными названиями-характеристиками человека независимо от его пола и испытывают колебания в грамматическом роде. Так, например, к **мужскому**

роду отнесены в словаре слова *взятыйш*-□ ‘приемный ребенок’; *ботень*-□, *валень*-□, *веретень*-□, *вислень*-□, ‘бездельник, лентяй’; *растрёныйш*-□ ‘неопрятный, растрепанный человек’ (*Куда побегла-то таким растрёнышем*); *рой*-□ ‘человек, хорошо собирающий грибы и ягоды’ (*Она рой эдакой, как пойдёт в лес, дак все грибы её*); *розночуй*-□ ‘плохо слышащий человек’. К **общему** роду отнесены, например, слова: *валёк*-□ и *вислядь*-□ ‘бездельник, лентяй’ (*Валёк какая, всё лежу сегодня. Валёк парень от растёт, не любит робить. Девка-то вислядь выросла, не помогает мне*); *крутобай*-□ ‘человек, который быстро и часто говорит’; *скидох*-□ ‘легко возбудимый, вспыльчивый человек’ (*Ой и девка, такая скидох, вертогляд!*).

Таким образом, в вологодских говорах наблюдается тенденция к деморфологизации категории рода у одушевленных существительных, являющихся эмоционально-экспрессивными названиями-характеристиками человека независимо от его пола. Синтагматическое выражение грамматического рода у данного типа слов зависит от речевой ситуации и коммуникативных категорий высказывания¹¹.

Следует отметить, что процессы деграмматикализации категории рода имен существительных порождают, в свою очередь, противоположную тенденцию в русских говорах — процесс вторичной грамматикализации этой категории.

2. Процессы грамматикализации категории рода. Грамматикализации обычно рассматривается как формализация автономных лексических единиц и переход их в служебные слова (См. работы В. Г. Гака, М. М. Гухман, В. М. Жирмунского, Т. А. Майсака, В. А. Плунгяна, Е. А. Реферовской, Б. А. Серебренникова, В. Н. Ярцевой, и др.). Этот термин используется также при описании внутренней формы слов, исторически мотивированной той или иной ис-

¹¹Яцкевич Л. Г. Вопросы русского формообразования: функционально-типологический подход в морфологии (на примере имен существительных). Минск, 1987; Лазарев В. А., Ласкова М. В. Категория рода личных имен существительных в коммуникативном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота, 2008. № 1. Ч. 2. С. 57–61.

ходной словоформой¹². В отличие от грамматикализации *лексемы* и грамматикализации *внутренней формы* лексемы, которые исследуются в указанных работах, в данной статье под грамматикализацией понимается явление *морфологического усиления структуры слова* путем вторичного присоединения к нему сигнификативно сильного форматива¹³. В частности, речь пойдет о распространенной в вологодских говорах вторичной суффиксации имен существительных, которая служит для усиления позиции граммы рода в их структуре. Вторичная суффиксация как эволюционный процесс ранее уже привлекала внимание исследователей¹⁴. Это явление в основном рассматривалось в аспекте исторического словообразования, в связи с проблемами морфемообразования или вопросами словообразовательной вариантности и синонимии. Однако вторичная суффиксация, как это будет показано ниже, имеет и грамматический аспект, поскольку обусловлена глубинным процессом грамматикализации структуры слов с целью формального выявления категориальных значений частей речи и грамматических значений отдельных морфологических категорий. Речь идет о присоединении к основе слова грамматически маркированных словообразовательных суффиксов, утративших в данной позиции свою исходную словообразовательную функцию.

Данный процесс стимулируется несколькими эволюционными причинами, которые будут рассмотрены далее на материале «Словаря вологодских говоров».

2.1. Еще в древнерусский период начала складываться тенденция, согласно которой род и тип склонения производных имен существительных предопределялись словообразовательными суффик-

¹²Петрова Н. Е. Грамматикализация внутренней формы слова как номинативный ресурс языка. Нижний Новгород, 2009. 338 с.

¹³Яцкевич Л. Г. Русское формообразование. . .

¹⁴Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительных и прилагательных / Под ред. В. В. Виноградова. — М., 1964. 682 с.; Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке. М, 1966. 160 с.; Граудина А. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Указ. соч.; Крючкова О. Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 27–45; Яцкевич Л. Г. Русское формообразование. . . С. 165–189.

сами, приобретающими в этот период продуктивность¹⁵. Можно предполагать, что усиление морфологической нагрузки суффиксов и привело к распространению в говорах вторичной суффиксации тех имен существительных, которые первоначально не имели в структуре основы морфологически маркированных по роду суффиксов. Далее рассмотрены основные типы вторичной суффиксации существительных.

Наиболее продуктивной является вторичная суффиксация с формативом **-к-(а)**, который присоединяется к бессуффиксным существительным женского рода: *беседа* → *беседка* ‘вечернее будничное собрание молодежи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют’; *божата* → *божатка* ‘тетка, сестра отца или матери’; *борода* → *бородка* ‘окончание какой-либо сельскохозяйственной работы’; *боровуха* → *боровушка* ‘белый гриб’; *борозда* → *бороздка* ‘полоса, линия, отличающаяся от общего фона’ *бьяша* → *бьяшка* ‘овца’; *вехоть* → *вехотка* ‘тряпка для различных хозяйственных надобностей’; *вечёра* → *вечёрка* ‘вечернее будничное собрание молодежи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют’; *выгорода* — *выгородка* ‘место для сенокоса, выгороженное среди пастбища’; *квашона* — *квашонка* ‘деревянная или глиняная посуда для заквашивания теста, квашня’; *кокова* — *коковка* ‘кончик носа’ и многие другие. Используются для вторичной суффиксации и другие менее продуктивные суффиксы **-иц(а)/-ниц(а)** (**голова* → *головица* ‘голова’; **борона* → *бороница* ‘борона’; *заспа* → *заспица* ‘общее название крупы’; **ведро* → *ведерница* ‘ведро’), **-от(а)** (*баса* → *басота* ‘красота’), **-еньк(а)/-яньк(а)** (*жица* → *жиценька* ‘шерстяная пряжа, нитка’; *слеза* → *слезянка*) и некоторые другие.

Обнаруживает продуктивность в указанной функции и суффикс **-ок**, который присоединяется к существительным мужского рода: *боров* → *боровок* ‘ряд, полоса посаженного картофеля’; *вал* → *вало́к* ‘ряд скошенной травы, лежащей вдоль прокоса’; *верх/и* → *вершо́к* ‘сливки’; *выруб* → *вырубо́к* ‘площадь, на которой про-

¹⁵Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984. С. 7–28.

изводилась рубка леса'; *гнёт* → *гнеток* 'жердь, которую кладут поверх воза для удержания уложенных на нем снопов'; *гребень* → *гребешок* 'расческа'; *гряддо* → *гряддок* 'группа плодов, развивающихся от одного корня'; *дрозд* → *дроздок* 'группа плодов, развивающихся от одного корня'; *зарод* → *зародок* 'большая укладка сена обычно продолговатой формы'; *заутор* → *зауторок* 'паз с внутренней стороны бочки, куда должно плотно входить дно'; *зуб* → *зубок* 'ткацк. крючок в бёрде, за который цеплялась нить'; *сузём* → *сузёмок* 'густой, дремучий, труднопроходимый лес'; *козёл* — *козелок* 'санки-ледянки в виде широкой доски, которая обливается водой и замораживается, и укрепленной на ней скамейки'. С целью вторичной грамматикализации мужского рода используются и другие, менее продуктивные суффиксы: **-ник-** (*вицелой* → *вицелойник* 'густой кустарник'; *загибеха* → *загибешник* 'пирог с начинкой, имеющий вид полукруга'; *заклад* → *закладник* 'основание сруба'; *залавок* → *залавочник* 'низкий кухонный стол'; *запечь* → *запечник* 'темное пространство между стеной и печью'; *заплот* → *заплотник* 'забор из жердей, вложенных в пазы вертикальных столбов), **-ек-** (*завёртыш* → *завёртышек* 'деревянный брусок для запора дверей'; *загибыш* → *загибышек* 'пирог с начинкой, имеющий вид полукруга'), **-ец-** (*боркун* → *боркунец* 'бубенец'; *зуб* → *зубец* 'ткацк. крючок в бёрде, за который цеплялась нить'; *зыбун* → *зыбунец* 'трясина'; *суц* → *суцец* 'сушеная рыба').

К существительным среднего рода для акцентирования граммы рода вторичные суффиксы, по нашим данным, присоединяются очень редко, например: **-j(ё)** (**дело* → *дельё*); **-ц(е)** (*зено* → *зенце* 'глаз').

Подчеркнем, что во всех указанных случаях лексические значения производящего и производного слов являются тождественными. Таким образом, суффиксы в данных выше словах объективируют только грамматическое значение рода и словообразовательной функцией не обладают.

2.2. Более сложным является второй эволюционный процесс, когда при вторичной грамматикализации рода к бессуффиксным существительным присоединяется суффикс, словообразовательная

семантика которого по содержанию соотносительна с субкатегориальным значением исходного слова, например: а) ‘лицо’: *караул* — *караульник* ‘сторож’, *каталь* — *катальник*, *катальщик* ‘мастер по изготовлению валенок’, *кулес* → *кулесёнок* ‘ряженный в святки’, *привал* → *привалыш* ‘муж, принятый в семью жены’; б) ‘место’: **двор* → *дворище* ‘усадебный дом со всеми примыкающими строениями, угодьями’, *запечь* → *запечье* ‘темное пространство между стеной и печью’, *предбаня* → *предбанье* ‘предбанник’; в) ‘действие, событие’: *игра* → *игранье*, *игрище* ‘гуляние молодежи на улице с песнями, плясками, играми в праздничные дни’. Таким образом, эволюционный процесс направлен как на объективацию грамматического значения рода, так и на объективацию субкатегориального компонента лексического значения существительного.

2.3. В вологодских говорах, как и в других говорах и в разговорной речи, в гораздо большей степени по сравнению с литературным языком распространен процесс грамматикализации значения отношения к полу (ЗОП) у одушевленных существительных.

В результате в этих говорах формируются **родовые морфологические парадигмы** различной структуры, в которых морфологически противопоставлены названия живых существ мужского и женского пола. Далее представлены их основные типы, начиная с простой, двучленной, а затем многочленные парадигмы.

Двучленные парадигмы

Последовательная суффиксальная деривация: М → Ж: *бахвал* ‘лгун, обманщик’ → *бахвалка* ‘лгунья, сплетница’; *баюн* ‘разговорчивый, словоохотливый человек’ → *баюнья* ‘разговорчивая, словоохотливая женщина’; *бобыль* ‘ленивый человек’ → *бобылка* ‘ленивая женщина’; *богач* → *богачиха* ‘богатая женщина’; *гнус* ‘человек который говорит в нос, гнусавет’ → *гнуся* ‘гнусовая женщина’; *казак* ‘батрак’ → *казачиха* ‘наемная работница в крестьянском хозяйстве’; *кувай* ‘глухонемой мужчина’ → *кувайка* ‘глухонемая женщина’; *ласкобай* ‘приветливый, обходительный человек’ → *ласкобайка* ‘приветливая, обходительная женщина’; *пошехон* ‘человек, который берется за многое, занимаясь всем по-

верхностно, не вникая в суть дела, не доводя его до конца; верхогляд' → *пошехонка* 'женщина, непоседливая, беспокойная, берущаяся за многие дела'; *гусь* → *гусиха* 'гусыня'; *слямун* 'медлительный, спокойный, тихий человек' → *слямунья* 'медлительная, спокойная, тихая женщина'; *ругач* 'мужчина, который много и часто ругает кого-нибудь, бранится' → *ругачка* 'женщина, которая много и часто ругает кого-нибудь, бранится'; *рябок* 'тетерев' → *рябчиха* 'самка тетерева'; *рябок* 'рябчик' → *рябушка* 'самка рябчика'; *свербень* 'непоседа' → *свербёшка* 'бойкая, очень подвижная девочка'.

Альтернатива суффиксов: М/Ж: *большак* 'старший сын' — *большуха* 'старшая дочь'; *глуханушко* 'глухой человек' — *глухоменья* 'глухая женщина'; *говорок* 'человек, любящий поговорить' — *говоруха* 'женщина, любящая поговорить'; *гуляк* 'женях' — *гуляна* 'невеста'; *искипильник* 'охотно и много работающий, трудолюбивый человек' — *искипильница* 'работящая, трудолюбивая женщина'; *кареводник* 'человек, склонный к предосудительному времяпрепровождению' — *кареводница* 'женщина, склонная к предосудительному времяпрепровождению'; *келейщик* 'верующий человек, самостоятельно отправляющий религиозный культ при отсутствии священнослужителей' — *келейщица* 'верующая женщина, самостоятельно отправляющая религиозный культ при отсутствии священнослужителей'; *киновщик* 'киномеханик' — *киношница* 'женщина-киномеханик'; *потаковщик* 'человек, который потакает кому-либо в чем-либо' — *потаковщица* 'женщина, которая потакает кому-либо в чем-либо'; *похабка* 'женщина, которая постоянно ругается, любит ругаться' — *похабник* 'мужчина, который постоянно ругается'; *почетник* и *почётник* 'друг', 'парень, который ухаживает за девушкой, поклонник' — *почетница* и *почётница* 'подруга', 'девушка, за которой ухаживает парень, открыто проявляя к ней любовь, симпатию'; *правленик* 'человек, умеющий вправлять вывихнутые кости; костоправ' — *правельщица* 'женщина, умеющая вправлять вывихнутые кости или правильно расположить переломанные; костоправ'; *пригожунчик* 'пригожий, красивый человек' — *пригожанка* 'пригожая, красивая девушка'; *годовик* 'годовалое животное, особь мужского пола' — *годовушка*

‘годовалое животное, особь женского пола’.

Трехчленные парадигмы смешанного типа

$M^1 \rightarrow M^2$ (вторичной суффиксации) \rightarrow **Ж**: *прохир* \rightarrow *прохирей* ‘мошенник, обманщик’ \rightarrow *прохирейка* ‘мошенница, обманщица’;

$M^1 \rightarrow M^2$ (вторичная суффиксация), $M^1 \rightarrow$ **Ж**: *лешак* \rightarrow *лешачина* ‘в суеверных представлениях — дух леса, его хозяин; леший’, *лешак* \rightarrow *лешачиха* ‘в суеверных представлениях — лесной дух в образе женщины; жена лешего’;

$M^1/M^2/$ **Ж**: *свадебник/свадеблянин* ‘каждый, кто приглашен на свадьбу, участник свадьбы’ — *свадебница* ‘женщина, которая ведет свадебное торжество’;

М \rightarrow **Ж**¹/**Ж**²/**Ж**³/**Ж**⁴ \rightarrow **Ж**⁵: *свёкор* \rightarrow *свекорка, свекриха, свекруха, свекрова* \rightarrow *свекровка* ‘свекровь’;

Ж¹ \rightarrow **М**¹ \rightarrow **М**², **М**¹ \rightarrow **Ж**², **Ж**¹ \rightarrow **общий род (М³/Ж³)**: *божа* ‘крестная мать’ \rightarrow *божат* \rightarrow *божатко* ‘крестный отец’, *божат* ‘крестный отец’ \rightarrow *божатка* ‘крестная мать’, *божа* ‘крестная мать’ \rightarrow *божка* ‘крестный отец или крестная мать’;

$M^1 \rightarrow M^2/M^3 \rightarrow$ **Ж**¹, $M^1 \rightarrow$ **Ж**²: *сват* \rightarrow *сватовщик/сватун* ‘человек, который по поручению жениха или его родителей сватает ему невесту, сват’ \rightarrow *сватунья* ‘женщина, сватающая невесту жениху или жениха невесте, сваха’, *сват* ‘человек, который по поручению жениха или его родителей сватает ему невесту, сват’ \rightarrow *сватуха* ‘женщина, сватающая невесту жениху или жениха невесте, сваха’.

3. Можно сделать следующие выводы. Если в современном литературном языке наблюдается развитие аналитизма в системе выражения грамматической категории рода имен существительных, в частности, отмечается увеличение количества общих названий для лиц обоего пола по профессии и роду занятий (типа *инженер, директор*) и несклоняемых заимствованных имен существительных и аббревиатур (типа *такси, СНГ*), у которых род выражается только синтагматически, то в вологодских говорах наблюдается иная типологическая тенденция: распространяются процессы усиления

морфологического маркирования по роду диалектных имен существительных. С этой тенденцией связаны: а) часто встречающееся в говорах присоединение к непроемным существительным грамматически значимого по отношению к роду суффикса, б) вторичная суффиксация существительных с помощью грамматически более яркого суффикса, в) суффиксальная объективация субкатегориальных значений субстантивов и закрепление их за определенным грамматическим родом, г) активное формирование морфологических парадигм различной структуры, в которых одушевленные существительные морфологически противопоставлены по значению отношения к полу.

Рассмотренный диалектный материал позволяет предположить, что в вологодских говорах действуют две противоположные тенденции: 1) процессы деграмматикализации категории рода имен существительных, а именно утрата облигаторности их оформления по определенному роду, широко распространенная вариантность рода; 2) процессы вторичной грамматикализации категории рода имен существительных, усиление их морфологического маркирования по роду. Оба процесса взаимосвязаны: деграмматикализация рода приводит к его вторичной грамматикализации в диалектном языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. /Ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вологда, 1983–2007.

КК — Картотека диалектных слов деревни Квасюнино Шекснинского р-на Вологодской области. См.: Слово о родной деревне. Автор-составитель — Л. Г. Яцкевич (Калачева). Вологда, 2011. С. 97–153.

О СТЕПЕНИ СОХРАННОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ ФОРМУЛ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ

Аннотация. В статье описываются уникальные формулы благопожеланий, зафиксированные в вологодских народных говорах, характеризуется семантика этих единиц, показываются некоторые структурные типы благопожеланий и оценивается степень сохранности формул в ментальности диалектоносителей на рубеже XX–XXI веков.

Ключевые слова: вологодские диалекты, категория вежливости, традиционные благопожелания.

Наше внимание в течение длительного времени занимают вологодские диалектные благопожелания¹. Предваряя свои рассуждения о степени их сохранности в диалектном языке, покажем некоторые зафиксированные в вологодских говорах выражения, обозначая при этом коммуникативные ситуации, в которых они произносятся.

Беленько мыть! — говорят тому, кто занимается полосканием белья. *Лебеди на бук!* — тому, кто на берегу водоема занимается тепловой обработкой, кипячением белья. *Белые лебеди летят!* — скажут тому, кто моет пол в доме. *Вёдро на грабли!* — тому, кто занимается сенокосением. *Дежень да каша!* — адресуют тому, кто занимается уборкой зерновых. *Лук — пук, репка — пик!* — тому, кто сажает лук. *Яма картови!* — тому, кто занимается уборкой картофеля. *Пух под ножницы!* — тому, кто стрижет овцу. *Море под коровой!* — желают женщине, которая доит корову. *Мясо — сахар!* — тому, кто режет скотину на мясо. *Спорынья в квашню!* — скажут тому, кто замешивает тесто. *Серебро в ведро!* — адресуется

¹Зорина Л. Ю. С малиновой речью // Русская речь. 1992. № 1. С. 91–95; Зорина Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. Вологда: ВГПУ, 2012. — 216 с.

тому, кто черпает воду из колодца. *Мёд да патока!* — тому, кто занят приготовлением домашнего пива. *Жарок да мелок!* — желают хозяйке, которая печет пироги. *Глины горсть!* — удачного завершения работы печнику. *Баско на шов!* — адресуют тому, кто занимается шитьем. *Сто стен на сновалочку!* — говорят тому, кто работает на ткацком станке. *Жарок да парок!* — желают идущему в баню. *Путём-дороженькой!* — говорят тому, кто отправляется в дорогу, и т. д.

Исходя из приведенного перечня, можно дать определение понятию «благопожелание». Это традиционно сложившееся устойчивое выражение, заключающее в себе пожелание одним лицом другому лицу (лицам) успеха в деле, добра, блага. Известный исследователь русского речевого этикета Н. И. Формановская справедливо считает, что многочисленные выражения, устойчивые формулы такого рода вербализуют важный концепт в русской коммуникативной культуре — концепт благопожелания². Судя по материалам традиционных вологодских говоров, этот концепт народной культуры вовсе не утрачен, а представлен множеством реально существующих единиц³.

Число приведенных выше фактов может быть значительно увеличено — вплоть до нескольких сотен ярких, специфичных в этнокультурном отношении формул⁴. Все они зафиксированы в беседах со старшими жителями вологодских сел и деревень. Помимо метода свободной беседы в процессе сбора материала нами были использованы метод сплошной выборки из источников по лексике воло-

²Формановская Н. И. Благопожелание как концепт в основе речевого этикета / Н. И. Формановская // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск: СФУ, 2011. — Вып. 12 (20). — С. 69–76; Формановская Н. И. В последнее время... (юбилейный сборник статей). — М., 2012. — С. 152–163.

³Ср.: Берестнев Г. И. О двух ключевых концептах, утраченных русским языковым сознанием: «спорина» и «благо» / Г. И. Берестнев, И. Ю. Вертелова // Структура текста и семантика языковых единиц. Сб. научных трудов. — Калининград: изд-во РГУ им. Канта, 2007. — Вып. 4. — С. 5–31.

⁴Зорина Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. — Вологда: ВГПУ, 2012. — 216 с.

годских говоров⁵, а также методы опроса и анкетирования — вплоть до рассылки специального вопросника через работников местных почтовых отделений.

Использованный в ходе этого исследования вопросник для изучения вологодского народно-речевого этикета был составлен нами исходя из перечня уже зафиксированных в полевых условиях реально прозвучавших благопожеланий. Представим ниже ту часть вопросника, которая применялась для сбора формул благопожеланий.⁶

Вопросник для изучения вологодского народно-речевого этикета

В русской деревенской культуре сохраняются традиции вежливого общения. Надеемся, что Вам удастся собрать интересный материал. Чрезвычайно важно получить ответы в ходе беседы со старшими жителями Вашей местности. Расспросите Ваших родителей о том, как общались их старшие родственники. Ответы фиксируйте в рабочей тетради, по возможности записывайте широкие, убедительные примеры. Фиксируйте район, деревню, год записи, фамилию информанта и собирателя материала.

Трудовые благопожелания

Общее — при любом виде работы

Тому, кто стирает белье

Тому, кто полощет белье

Тому, кто моет пол в избе

Тому, кто доит корову

Тому, кто стрижет овцу

Тому, кто режет скотину

Тому, кто плетет лапти

Тому, кто сбивает масло

Тому, кто замешивает тесто

Тому, кто копает картофель

⁵*Народное слово* Вологодского края в записях XVIII–XIX веков: хрестоматия по вологодской диалектологии / сост. Л. М. Кознева. — Вологда: ИЦ ВИРО, 2011. — Ч. 1. — 240 с.

⁶См. полный текст вопросника: *Зорина Л. Ю.* Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. — Вологда: ВГПУ, 2012. — С. 208–210.

Тому, кто в старину жал колосья в поле
Тому, кто везет воз с чем-либо
Тому, кто вычесывает голову ребенку
Тому, кто черпает воду из колодца
Тому, кто идет в баню; вышел из бани
Хозяину при появлении приплода у скота
Кузнецу
Мельнику
Рыболову
Охотнику
Плотнику
Печнику
Пасечнику
Каковы прочие трудовые пожелания?

Ситуативные пожелания

чихнувшему
зевающему
тому, кто ложится спать
тому, кто проснулся и т. д.

Событийные благопожелания

В связи с рождением ребенка
В связи с созданием семьи
В связи с постройкой дома
В связи с покупкой чего-либо и т. д.

Нельзя не обратить внимания на некоторые особенности этого вопросника. Он ориентирован только на вербальные реакции коммуникантов (мимика, жестикация при отсутствии специальной техники не фиксировались и поэтому далее во внимание не принимаются); отличается простотой формулировок, ибо они должны быть понятны любому информанту; включает в себя наиболее значимые для крестьянской жизни, а отнюдь не все вообще возможные коммуникативные ситуации.

Выборка из словарей обследуемой территории и прилежащих к ней областей (Дилакт., СВГ, СГРС, СРГК, ЯОС и др.) дала впоследствии лишь небольшое в количественном отношении дополнение. Причины этого различны. Во-первых, категории коммуникативной диалектологии стали изучаться сравнительно недавно, а ранее такие формулы специально не фиксировались и, соответственно, не

изучались. Во-вторых, описываемые выражения могли исследователями относиться к малым жанрам фольклора и при этом как лингвистические единицы не рассматривались. В-третьих, массив традиционных диалектных формул к современности оказался потерянным в связи с коренными преобразованиями жизни сельского населения, а на смену характеризуемой детализированной системе пришли унифицированные, емкие, но стандартные, как видим, лишенные яркой специфичности формулы *Удачи! Успеха! Всего доброго!* и др. Ввиду изложенных обстоятельств материал, собранный на территории со стабильным коренным населением, представляется весьма и весьма ценным.

Созданный и использованный нами вопросник в процессе проводимых исследований воспринимался как своеобразная матрица: «накладываясь» на коммуникативную систему, реализующуюся в конкретной местности, он позволяет выявить то, что еще действительно функционирует в говоре, и отметить то, что ранее было в этой местности, но оказалось со временем утраченным.

Показательны в этом отношении некоторые материалы Словаря вологодских говоров. В первом выпуске СВГ этих формул нет вообще. Во втором выпуске их предельно мало (СВГ 2: 3). В последующих выпусках СВГ — значительно больше (СВГ 4: 32; СВГ 7: 19; СВГ 8: 112; СВГ 9: 69, 94, 109; СВГ 10: 101–103; СВГ 11: 39, 63; СВГ 12: 85, 135 и др.). В итоге работы по целенаправленному сбору материала в текст планируемого второго издания СВГ будут введены многочисленные дополнения. Так, если в первом издании СВГ вообще нет словарной статьи на слово *Масло*, следовательно, нет и ни одного этикетного выражения, то словарная статья на это слово во втором издании СВГ с включенными в нее местными благопожеланиями может уже выглядеть таким образом:

Масло: ◇ **Добро на масле!** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* Добро на масле! — говорят человеку, который сбивает масло. В-У. Горб. ◇ **Ком (пуд, ушат, разлив) масла (тебе)!** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* Раньше взбиваешь масло — скажут: «Ком масла тебе!» Так и скажут. А как же? Кир. Ферाप. Пуд масла! В-У. Пал. «Ушат масла!» — женщине, которая мешает сметану. В-У. Мяк. Розлив масла! — поже-

ление человеку, взбивающему сметану. Тарн. Серг. ◇ **Масло желто да в крупиночку!** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* Масло желто да в крупиночку! — женщине, мешающей сметану. В-У. Черн. ◇ **Масло — пахтус!** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* «Масло — пахтус!» — скажут человеку, который сбивает масло. В-У. Горб. ◇ **Пахтус маслом!** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* В-У. Горб. ◇ **Сыр да масло!** *Благопожелание хозяйке, доящей корову.* Доишь корову, да как придет кто, и пожелает: «Сыр да масло!» Тарн. Шевд.

Анализируемые благопожелания в грамматическом отношении составляют зону так называемого фактитивного оптатива. Термином *фактитивный оптатив* мы, вслед за Е. Е. Корди, обозначаем те формулы, которыми говорящий выражает свое пожелание некоторому адресату, веря, что использованные им лексико-фразеологические средства могут так или иначе повлиять на исход дела⁷. Отсюда вытекает и частотность обращения адресанта к «высшим силам». Основной смысл передаваемого формулами грамматического значения благопожеланий таков: <я желаю (тебе, вам) ...> или <пусть будет так ...>. В семантике благопожеланий обязательно содержится сема добра, которая выражается либо прямо, непосредственно (*Беленько мыть!*, *Сыр да масло!*), либо символически (*Лебеди на бук!* — *лебеди* — символ чистоты, белизны, *Мясо — сахар!* — *сахар* — символ хорошего вкуса). Оптативные высказывания с пожеланием добра отвечают принципу вежливости, который является одним из условий общения. Благодаря реализации принципа вежливости в обществе соблюдаются «социальное равновесие и дружественные отношения»⁸.

При анализе диалектных благопожеланий некоторого комментария требует также соотнесенность анализируемого пласта языковых средств с единицами фольклора. Различные мнения относительно них представлены, с одной стороны, в известном труде Г. Л. Пермякова, где пожелания, проклятия фигурируют в раз-

⁷ Корди Е. Е. Оптатив и императив во французском языке / Е. Е. Корди / отв. ред. В. С. Храковский. — СПб.: Нестор-История, 2009. — С. 173.

⁸ Там же.

деле паремий, имеющих форму незамкнутых предложений⁹, а с другой стороны — в трудах Т. А. Агапкиной, Л. Н. Виноградовой, Н. И. Толстого, Гришановой В. Н., где говорится о благопожеланиях и проклятиях как лингвистических единицах. Понимаются они как «полуфразеология», выполняющая коммуникативную, развлекательную и орнаментальную функции¹⁰.

Наши наблюдения позволяют обосновать языковой, лингвистический статус интересующих нас единиц. Полагаем, что когда-то метко сказанное подходящее к коммуникативной ситуации выражение (например, *Ведро молока!* при доении коровы) понравилось коммуникантам, стало повторяться, стало частотным, переосмыслилось, превратилось в знак этой конкретной ситуации, стало передаваться от старших носителей говора к младшим и т. д. В пользу языкового статуса благопожеланий свидетельствует узуальность употребления таких единиц в деревенском социуме, где они выполняют коммуникативную функцию, предельная детализация в обозначении крестьянских коммуникативных ситуаций, тенденция к эллипсису выражений (*Беленько мыть!* > *Беленько!*) и др.

Однако сформировались эти единицы действительно при определяющем влиянии фольклора. Совершение многих действий выполнялось как ритуал и сопровождалось общепринятыми ритуальными фразами (например, *Сахар — мясо!* при забое скота и др.). Истоки многих благопожеланий кроются в календарной поэзии региона. Некоторые благопожелания восходят непосредственно к традиционному обряду колядования, в процессе которого людям в гиперболизированной форме желали богатства, благополучия, благо-

⁹Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). — М.: Наука, 1970.

¹⁰Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н. Благопожелание: Ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: верования, текст, ритуал / отв. ред. Н. И. Толстой. — М., 1994. — С. 168–208; Гришанова В. Н. Речевой этикет говора как элемент народной культуры // Славянский альманах 1997. — М.: Индрик, 1998. — С. 307–311; Гришанова В. Н. Устойчивые сочетания со значением недоброго пожелания носителей говора // Славянский альманах 2000. — М.: Индрик, 2001. — С. 467–471; Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. — М., 1995. — 512 с.

денствия. Ср.: *Наделил бы вас Господь и житьём, и бытьём, и богатством!, Дай Бог тому, кто в этом дому!, Дай им Бог из полна зерна пирог!, Дай те, Господи, на поле — прирост, на гумне — примолот, на столе гущина, в закромах — спорынья!, По три колоса на волосе!* и т. д.¹¹

Выявив таким образом примерный круг употребляемых формул и некоторые особенности их семантики, формирования и функционирования, обратимся к вопросу о степени их сохранности в менталитете и лексиконе людей. Вопрос этот отнюдь не праздный, ибо велико искушение считать все эти формулы только отражением практически ушедшей деревенской, крестьянской культуры.

С целью решения вопроса о степени сохранности традиционных формул благопожеланий в менталитете населения в последнее время нами было предпринято несколько экспедиций: в Сямженский (2009), Тотемский (2011), Тарногский (2012) и Нюксенский (2013) районы Вологодской области. Эти районы представляют собой зону распространения типичных вологодских говоров. Избранные территории удалены от областного центра на 200–300 километров. Говоры там существовали в значительном отрыве от процессов, протекавших в крупных административных центрах, и потому сохранили в основном свои традиционные черты.

Каждая экспедиция преподносит исследователям свежие материалы. Наблюдателям открываются как ранее неизвестные этикетные формулы, так и новые коммуникативные ситуации с соответствующими им этикетными формулами. Так, например, летом 2013 г. в деревне Пожарище Нюксенского района были записаны ранее неизвестные нам благопожелания чихнувшему человеку — *Будь охоч!*, *Будь охоча!* и пожелание девушке-невесте *Сто женихов на лестницу!*

Одним из итогов проведенных экспедиций стало выявление весьма высокой степени сохранности традиционной системы народного этикета. Степень сохранности системы градуируется, на наш взгляд, следующим образом:

¹¹ *Вавилова М. А.* Вологодский фольклор в контексте культуры. Пособие для учителя. — Вологда: ВГПУ, 2007. — 224 с.

1) высокая степень сохранности — информанты знают и употребляют формулы благопожеланий;

2) хорошая степень сохранности — информанты помнят некоторые старинные формулы, однако многие формулы находятся в пассивном запасе лексики представителей старшего поколения;

3) удовлетворительная степень сохранности — информанты самих формул не помнят, но знают, чего обычно в той или иной ситуации желали своим адресантам люди старшего поколения;

4) нулевая степень сохранности — информанты не помнят специальных этикетных выражений, не знают их вообще, удивляются, слыша их от интервьюера.

Разная степень сохранности традиционной системы благопожеланий может быть проиллюстрирована определенными свидетельствами. Так, высокая и хорошая степень сохранности системы формул речевого этикета проявляется при заполнении нашими информантами вопросника. Приведем в качестве примера фрагмент одной из таких записей:

— *Бог-то в помощь! — говорят, коуды говорят. Труд на пользу! — говорят обязательно. Цево делаёшь, идут, бывало, — раньше ведь на полях, што ли, дак Труд на пользу! — это говорят. — <А слава труду!> — Этово не знаю, не слыхла*¹².

Удовлетворительную степень сохранности формул демонстрируют фрагменты наших бесед с информантом А. П. Клементьевой, 95 лет, жительницей деревни Пожарище Нюксенского района:

В первой беседе:

— Чего желали женщине, которая доит корову?

— <Молчание>.

— *Море под корову?*

— *Море под коровой — дак утонёт.*

Во второй беседе:

— *Море под коровой! — говорили?*

¹²Зорина Л. Ю. Из наблюдений над средствами реализации категории вежливости в говорах Тарногского района Вологодской области // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов. Ч. 10 / Отв. редакторы Е. Н. Ильина, Г. В. Судаков. — Вологда: Легия, 2012. — С. 203–210.

— *Это тоже говорили — чтобы много было молока. А сейчас идут как попы — моуча.*

— *А когда овечку стригли?*

— *Чтобы овечка обрастала шерстью хорошей.*

Или еще пример из беседы с А. Ф. Поповой 96 лет, жительницей деревни Великая Тарногского района:

— *А Вozить не перевозить! — желали?*

— *Цё опять везёшь-то? — Ой, да у нас дополна всё, возить и не перевозить. Вот эка я слыхала. Богатые есь дак. Богаццити, дак они уж возят и возят, возят и возят. Дак не перевозить.*

Нулевая степень сохранности обычно проявляется отрицательными ответами: *А вот не знаю. У меня охотников не бывало. Дак цё им говорили? (Тарн.). Не знаю этово. Никто мне не говаривал, и я не говаривала (Тарн.). Ницё не скажут, не знаю. Не знаю, цё-то всё забыла (Тарн.).*

Высокая и хорошая степень сохранности формул традиционных народных благопожеланий поддерживается в говорах различными факторами. Безусловно, на нее влияют экстралингвистические факторы: сама среда обитания людей, род их занятий, степень образования, степень религиозности. Так, например, в селе Ферапонтово Кирилловского района, известном благодаря расположенному там монастырю с фресками Дионисия, а также в деревне Монастырская Сямженского района, где до сего дня сохранилась величественная пятиглавая Никольская церковь, а ранее проживал весь церковный причт, обслуживающий всю округу, степень религиозности жителей была высокой и, следовательно, были сильны традиции этикетного общения. Или еще пример: пенсионерка К. Я. Игнашева, в прошлом учительница начальных классов из названной выше деревни Монастырской, имеющая только восьмимесячное образование (*уцителей тогда на круту руку пекли!*), помогла нам составить вопросник-матрицу по народному речевому этикету, поскольку в силу специфики воспитательной работы с учащимися она обращала серьезное внимание на нюансы коммуникации людей в своей местности.

На степень сохранности этикетных формул в лексиконе жителей влияют и собственно лингвистические факторы. Так, сказывается определенная однотипность структуры выражений. Особенно частотны формулы, выражающие желаемое через парность наименований желаемого: *Дежень да каша!*, *Мёд да патока!*, *Жарок да мелок!*, *Жарок да парок!* Это означает, во-первых, что лучше не просто пожелать *Удачи!*, как это распространено в современном речевом этикете, а следует использовать стандартное, применяемое к конкретной ситуации благопожелание. Во-вторых, специализированное благопожелание строится по законам народно-речевого риторического канона, т. е. коммуниканты обычно желают адресату не просто чего-либо доброго, хорошего, а желают блага — с усилением и даже с удвоением смысла (*Дежень да каша!*, *Мёд да патока!*), с амплификацией, т. е. с перечислением всего насущного, необходимого для производства какого-либо действия (*Жарок да мелок!*, *Жарок да парок!*).

Сохранению традиционных формул благопожеланий в памяти этноса способствует их связь с обычаями и обрядами. Так, например, частотное благопожелание *Хлеб да соль!*, равнозначное современному *Приятного аппетита!*, удерживается в памяти дольше, поскольку люди старшего поколения вспоминают обычай употребления его в составе диалогических единств: *Хлеб да соль! — Едим да свой, а ты подальше стой!* (Сямж.); *Хлеб да соль! — А хлеба принеси да свой поеси!* (Вож.); *Чай да сахар! — А ты стой да ахай!* (Нюкс.). Надолго в памяти людей остается, прочно запоминается забавное, смешное. Так, пожелание *Поварёнка в лоб!* запомнилось людям в связи с тем, что в свадебном обряде шуточно желали, чтобы сватовство не состоялось, чтобы жениху отказали в доме невесты: *Как едут сватать, все выбегают на улицу и кричат: «Поварёнка в лоб!»* (Межд.). Это энантиосемическое пожелание выражает, напротив, пожелание благополучного завершения процесса.

Воздействуют на сохранность этикетных формул в современном речевом обиходе удачные маркетинговые действия. Так, продовольственный магазин в г. Вологде назван этикетной формулой *Хлеб да соль!* На уличной рекламной растяжке по одной из централь-

ных улиц города видим рекламу специализированного заведения — благопожелание тому, кто отправляется в баню: *Жарок да парок!*

Устойчивость функционирующей системы пожеланий поддерживается ее амбивалентностью. Многие благопожелания имеют прямо противоположные им, негативные соответствия, или злопожелания: *Лебеди летят!, Чайки летят! — Ворон летит!* (при полоскании белья); *Лебеди на бук! — Жуки на буки!* (при тепловой обработке белья в *буке*, т. е. в деревянном чане, в который для нагревания воды опускают раскаленные камни); *Спорынья в квашню! — Змей в руки!* (при замешивании теста и выпечке хлеба, пирогов) и т. д.

Таким образом, в результате многолетних полевых исследований нам удалось заметить в вологодских говорах функционирование детализированной системы народных благопожеланий. Степень сохранности выявленных в говорах диалектных формул различна. Сохранность их поддерживается различными факторами экстралингвистического и собственно лингвистического характера и варьируется от практически полного владения коммуникантами всеми единицами системы до уже окончательного забвения некоторых звеньев традиционной системы.

СОКРАЩЕНИЯ СЛОВАРЕЙ

Дилакт. — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. — СПб.: Наука, 2006.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–6 / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вып. 7–12 / под ред. Л. Ю. Зориной. — Вологда: ВГПУ/ВГПУ, 1983–2007.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. — Вып. 1–4. — Екатеринбург: изд-во УрГУ, 2001–2009.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. — Вып. 1–6. — СПб.: СПГУ, 1994–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. — Вып. 1–24 / гл. ред. Ф. П. Филин / ред. Ф. П. Сороколетов. — М.; Л.: Наука, 1965–1989. — Вып. 25–43. / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. — СПб.: Наука, 1990–2010.

СРРЭ — Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. — Изд. 2. — М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. — 672 с.

ЯОС — Ярославский областной словарь / под ред. Г. Г. Мельниченко. — Вып. 1–10. — Ярославль, 1981–1991.

СОКРАЩЕНИЯ РАЙОНОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В-У. — Великоустюгский,
Вож. — Вожегодский,
Кир. — Кирилловский,
Межд. — Междуреченский,

Нюкс. — Нюксенский,
Сямж. — Сямженский,
Тарн. — Тарногский.

Р. В. ГАЙДАМАШКО

**К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ
СЕВЕРНОРУССКИХ И ПРИКАМСКИХ ГОВОРОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНОЙ
ЛЕКСИКИ ЛАНДШАФТА)***

Аннотация. В статье приведена диалектная лексика ландшафта Прикамья, свидетельствующая о генетической связи севернорусских и прикамских говоров. После вводных замечаний, освещающих историю формирования говоров Прикамья в аспекте языкового взаимодействия, приведена топонимия Прикамья, образованная от севернорусских антропонимов, этнохоронимов. Центральное место в статье уделено рассмотрению севернорусской лексики ландшафта в прикамских говорах и дифференциации центральных ареалов этой лексики.

Ключевые слова: лингвогеография; говоры севернорусского наречия; русские говоры Прикамья; диалектная лексика ландшафта.

Целью статьи является рассмотрение ономастики и диалектной лексики ландшафта Прикамья, свидетельствующей о генетической связи севернорусских и прикамских говоров¹. Центральное место в статье уделено севернорусской лексике ландшафта в прикамских говорах и дифференциации её центральных ареалов. В задачи статьи не входит историко-этимологический анализ рассматриваемой лексики.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Финно-угорский субстрат в топонимии и русских говорах Верхнего и Среднего Прикамья», проект № 13–34–01018. «Сохранение и исследование лингвистического наследия поликультурного региона: применение информационных технологий», проект № 14–34–01279.

¹ Здесь и далее в статье не проводится различие между понятиями «прикамские говоры», «русские говоры Прикамья», «русские говоры Пермского края».

Непосредственно перед рассмотрением материала следует обозреть историю формирования русских говоров Прикамья в аспекте языкового взаимодействия².

Судя по сведениям русских летописей и результатам археологических разысканий, с конца XI в. в Прикамье изредка могли появляться новгородские и владими́ро-суздальские дружины³. В конце XII — начале XIII вв. на подступах к Прикамью Владимиро-суздальским княжеством были созданы условия для развития народной колонизации этого района из своих северных земель, но оседлое русское население появляется в Прикамье лишь в XIV–XV вв., в результате стихийной крестьянской колонизации края, шедшей в основном с севера, из бывших ростово-суздальских земель, из Поморья, а в XVI в. — из Новгородской, Вологодской, Вятской, Архангельской земель. К началу XVII в. русские заселили в Прикамье часть земель по Каме, Вишере, Колве, Чусовой, Сылве; южнее и севернее этих мест жило финно-угорское население⁴. Взаимодействии финно-угров Приуралья и русских колонизаторов привело к тому, что западные манси ушли за Урал или были ассимилированы, к XIX в. коми-пермяки, проживавшие на северо-востоке и

²Истории формирования русских говоров Прикамья посвящены сочинения Е. Н. Поляковой, повторять которые нет необходимости, см.: Полякова Е. Н. Региональная лексикология и ономастика. Пермь, 2006. С. 14–37; Полякова Е. Н. Русская речь Пермского края в историческом аспекте (XIII–XVIII вв.) // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования. Ч. 1. Пермь, 2007. С. 4–42; Полякова Е. Н. Лингвокультурное пространство Пермского края. Пермь, 2009. С. 52–61.

³Дмитриев А. А. Пермская старина: сб. исторических статей и материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. 1. Пермь, 1889. С. 64; Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 61 и далее; Полякова Е. Н. Региональная лексикология... С. 20. Тем не менее, даже если некоторые новгородцы в результате военных экспедиций и походов за пушшиной оседали в Прикамье (Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263–1881. Период 1. Пермь, 1881. С. 6), «это были лишь отдельные случаи, никак не влиявшие на языковую ситуацию в Пермском крае», см.: Полякова Е. Н. Русская речь Пермского края... С. 6.

⁴Оборин В. А. Указ. соч. С. 63, 73, 94; На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии севернорульского крестьянства XVII–XX вв. / отв. ред. В. А. Александров. М., 1989. С. 16; История Урала с древнейших времён до 1861 г. / отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1989. С. 161.

юге своей территории, пройдя этап билингвизма, полностью обрусели⁵, что подтверждается многообразием финно-угорского языкового субстрата в Прикамье⁶.

Следует также помнить, что после XVI в. вместе с русскими из Поморья в Пермь Великую приходили коми-зырянские семьи⁷ и в XVIII–XIX вв., очевидно, смешанное коми-ненецкое население Печорского бассейна⁸, т. к. к этому временному отрезку относятся тесные контакты верхнепечорского и верхнекамского населения друг с другом и с предками коми-зырян; не ослабевали эти родственные

⁵На путях из земли Пермской. . . С. 25; *Оборин В. А.* Указ. соч. С. 46. Следует отметить, что языковое воздействие не было односторонним: «С приходом русских начинается активный процесс взаимопроникновения русских слов в местные языки и наоборот. Известно, что в XVII в. на Урале были люди, знавшие не только два, но и три языка», см.: *История Урала*. . . С. 232.

⁶Так, например, выделен ряд фонетических особенностей, присущих исключительно пермскому региолекту (сложившемуся преимущественно на прикамской диалектной основе) и обусловленных взаимодействием с местным неславянским населением, см.: *Скитова Ф. Л.* Верхневишерские говоры Пермской области на современном этапе развития: дис. . . канд. филол. наук. Л., 1961; *Смолякова Л. П.* Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья (с учётом иноязычных влияний). М., 1977; *Штерн А. С., Ерофеева Е. В.* Фонетика говоров и литературного языка на территории Пермской области // *Е. В. Ерофеева, Е. Н. Полякова, А. С. Штерн.* Русские говоры Пермского региона: Формирование. Функционирование. Развитие. Пермь, 1998. С. 31–133; *Ерофеева Е. В.* Фонетические особенности русской речи билингвов Пермского края: языковые контакты и языковой континуум // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* 2013. Вып. 1 (21). С. 51–62.

⁷История Урала. . . С. 133.

⁸Случай упоминания научной литературой этого населения многочисленны, см.: *Лашук Л. П.* Очерки этнической истории Печорского края (опыт историко-этнографического исследования). Сыктывкар, 1958; *Микушев А. К.* Эпос колвинских ненцев в его исторических связях с фольклором финно-угров и самодийцев // *Вопросы финно-угроведения.* Вып. 5. Йошкар-Ола, 1970. С. 232; *Туркин А. И.* Коми местные географические термины ненецкого и обско-угорского происхождения // *Топонимия Урала и севера европейской части СССР* (Вопросы ономастики. Вып. 17). Свердловск, 1985. С. 118 и др. См. также о коми-ненецком населении в Северном Прикамье: *Гайдамашко Р. В.* Топооснова *яран* и *ненцы* в Верхнем Прикамье: предварительные замечания // *Материалы XL Международной филологической конференции 14–19 марта 2011 г. Уралистика.* СПб., 2011. С. 14–19.

связи и в XX в.⁹.

Таким образом, финно-угорское лексическое наследие в русских говорах Прикамья не ограничивается субстратом и заимствованиями в составе севернорусской лексики, но также, скорее всего, осложнено сравнительно поздним адстратом и суперстратом.

В монографии Е. Н. Поляковой, написанной на обширном материале русских деловых памятников письменности Прикамья XVI–XVIII вв., были подробно рассмотрены прозвища и образованные от них фамилии, указывающие на места, откуда приходили переселенцы в Пермь Великую¹⁰. Нередки в Прикамье топонимы (преимущественно — ойконимы), образованные от данных антропонимов (или же напрямую от этнохоронимов): село *Ярославлево* (Кар.) (ТК: О–40–51), д. *Тверитинова* (Ус.) (УКС: 129), руч. *Корел*, впадающий в р. *Корел*, приток р. Боровая (Сол.) (ТК: О–40–6), село *Поморцево* (Доб.) (ТК: О–40–42), д. *Ваганова* (Куд.) (ГНВП: 71), д. *Мезенцы* (Ныт.) (ТК: О–40–63), (Ор.) (ГНВП: 121), р. *Мезенка* (Черд.) (МСГН: 66), р. *Мезень*, вытекающая из оз. *Мезень* в р. Кама (Ус.) (ТК: О–40–29), ур. *Пинягинское жильё* (Черд.) (СГСЧ: 614), д. *Южанинова* (Краснов.) (СГСЧ: 798), ур. *Южаково* (гор. окр. Березники) (ТК: О–40–19), ур. *Южаковка* на р. *Южаковка* (Чус.) (ТК: О–40–67), село *Лузино* (Ныт.), н. п. *Нижняя Лузина* (Ил.) (ТК: О–40–51), н. п. *Кайгородово* (Кун.) (ТК: О–40–90), д. *Вятчаньы* (Черд.) (МСГН: 81), село *Вятчана* на р. Сива (Сив.) (ТК: О–40–50), ур. *Вяткино* и н. п. *Вяткино* на р. Обва (Кар.), н. п. *Вяткино* у р. Большая Тетля (Кар.) (ТК: О–40–51), н. п. *Рязаны* (Бер.) (ТК: О–40–92) и мн. др.

Необходимо при этом оговориться, что антропонимы, указывающие на места, откуда пришли переселенцы в Прикамье, могли быть присвоены не только носителям севернорусского наречия, но и отдельным финно-уграм, приходившим вместе с русскими¹¹ (о таких

⁹На путях из земли Пермской... С. 18.

¹⁰*Полякова Е. Н.* История имён жителей Пермского края в XVI–XVIII веках. Пермь, 2010. С. 24–28.

¹¹Подобное неразличение (в этническом смысле) на других территориях отмечено и прежде: «Е. А. Хелимский (частное сообщение) заметил, что в Заволочье, ввиду освоения его не только собственно новгородцами, но и русско-

случаях см. выше).

Генетическая связь русских говоров Верхнего Прикамья с говорами Русского Севера подтверждена не только ономастическим материалом, но и данными апеллятивной лексики, особенно — географической терминологией.

По материалам СРНГ, пермским говорам присущи такие апеллятивы севернорусского ареала, как, например:

ляга ‘болотистое место, топкое место; болото’ (Новг., Калинин., Петерб., Прионеж., Олон., Арх., Волог., Печор., Киров., Перм., Сиб.) (СРНГ 17: 253–254).

наволок ‘низменное поемное место на берегу реки’ (Новг., Твер., Костром., Яросл., Ленингр., Онеж., Олон., Мурман., Арх., Волог., Сев.-Двин., Перм., Сиб.) (СРНГ 19: 178–179).

подморина ‘низкое, сырое место среди поля’ (Арх., Киров., Перм., Приурал.) (СРНГ 28: 84).

прилук ‘берег речной излучины (напротив мыса)’ (Костром., Арх., Печор., Киров., Перм.), ‘крутой высокий берег, обрыв в излучине реки’ (Новг., Яросл., Арх., Волог., Коми, Прикам., Якут.) (СРНГ 31: 280).

пролой ‘проток, канал между двумя водоёмами’ (Арх., Перм., Том.) (СРНГ 32: 174).

релка, рёлка ‘возвышенность, холм, обычно продолговатая гряда среди равнины или в лесу’ (Калин., Пск., Арх., Перм., Сиб.), ‘сухое возвышенное место, гряда, островок среди болота или низменной местности’ (Новг., Твер., Калинин., Олон., Мурман., Арх., Вят., Перм., Сиб.) (СРНГ 35: 47–49).

сечище ‘место, где вырублен лес; вырубка’ (Арх., Беломор., Перм., Свердлов.) (СРНГ 37: 251).

слуда ‘высокий гористый берег реки’ (Арх., Волог., Сев.-Двин., Вят., Киров.) (СРНГ 38: 306–307), (Перм.)¹² и др.¹³

карельскими (вепскими) метисами, граница самосознания неизбежно проходила по линии „пришлый : местный“, а не „русский : финно-угр“. . . » (МСРЗ: 26).

¹²Специально о слове *слуда* см.: Полякова Е. Н. Лингвокультурное пространство. . . С. 149–156.

¹³Из восьми произвольно приведённых лексем: 8 имеют общий ареал в пре-

Некоторые севернорусские диалектные апеллятивы, в данный момент не употребляемые в пермских говорах, восстанавливаются на основе местной топонимии. Таковы, например:

**гляден* при *глядень* ‘возвышенное место, удобное для наблюдений за морем’ (Арх., Беломор.), ‘холм, горка, высокое место, используемое для караула и наблюдения’ (Сиб.) (СРНГ 6: 227–228), ср. д. *Гляден* (Ал.), д. *Гляденово* (Ос.), поле *Гляден* (Ерзовка Ал.) и др.;

**прость* при *прость* ‘канал’, ‘старое заросшее русло реки’ (Волог.), ‘прямой, мелководный проток’ (Костром., Киров.), ‘название пожни’ (Новг.) (СРНГ 32: 257), ср. оз. *Нижняя Прость*, оз. *Верхняя Прость*, луг *Против Верхней Прости* и др. (Черд.)¹⁴.

Результаты проведённого автором анализа неисконной севернорусской лексики ландшафта конспективно можно представить в виде кратких словарных статей¹⁵, в которых последовательно приво-

делах (Арх., Перм.); 6 — в пределах (Арх., Киров. (Вят.), Перм.); 3 — в пределах (Новг., Арх., Волог., Перм., Сиб.); 3 — в пределах (Новг., Твер. (Калин.), Арх., Перм., Сиб.) и т. д. Таким образом, ареальные данные помогают наметить изоглоссы общих лексических явлений, и, кроме прочего, подтверждают наблюдения М. Бартоли, согласно которому периферийные ареалы мало (или совсем не) подвержены инновациям, имеющим место в центральном ареале (*Polomé E. C. Linguistic paleontology: Migration theory, prehistory, and archaeology correlated with linguistic data // Research guide on language change (Trends in linguistics. Studies and monographs. 48). Berlin, 1990. P. 141*, см. также специальное исследование о центре и периферии: *Andersen H. Center and periphery: adoption, diffusion, and spread // Historical dialectology: regional and social (Trends in linguistics: Studies and monographs. 37). Berlin, 1988. P. 39–83*), и поэтому лучше сохраняют архаичные языковые (resp. диалектные или присущие наречию) черты.

¹⁴*Полякова Е. Н.* Лингвокультурное пространство... С. 141–149. Разработку проблематики см.: *Богачёва М. В.* Реконструкция русской апеллятивной лексики на материале ойконимии Пермской области. Дис... канд. филол. наук. Пермь, 2003.

¹⁵Подробно этот вопрос был рассмотрен в предыдущем выпуске сборника, см.: *Гайдамашко Р. В.* О севернорусской лексике финно-угорского происхождения в пермских говорах (на материале тематической группы «Ландшафт») // Севернорусские говоры. Вып. 12. СПб., 2012. С. 181–205. Упомянутая статья, однако, посвящена историко-этимологическому аспекту проблемы, в то время как в настоящей публикации основное внимание уделено больше географии, нежели истории лексических фактов. Кроме того, в пресловутой статье оста-

дятся: наиболее распространённая в прикамских говорах диалектная лексема, её предельно общая семантика, ареал внутри исследуемого региона в виде сокращённых названий районов Пермского края в скобках (список сокращений см. в конце статьи)¹⁶. За надписью «Топ.» следуют названия районов Пермского края, в топонимии которых отражена эта лексема. Прикамский апеллятивный и топонимический материал почерпнут из разного рода источников, полный список которых см. в конце статьи (АС; ГНВП; КАС; КЛАРНГ; Кривощёкова-Гантман 1981; КСРГСП; КСРНГ; Куклин 1938; ЛАРНГ; Матвеев 1959; МСГН; СГСРП; СГСЧ; СГТП; СЛПП; СПГ; СРГКП; СРГСП; СРГСУ; СРГСУД; СРГЮП; СРНГ; ТК; УКС). Доказательства севернорусского происхождения рассматриваемых прикамских слов, подробную ареальную дистрибуцию и вариативность лексем на общерусском фоне в синхронии и диахронии см. в: исторических словарях (МСДРЯ; СДРЯ XI–XIV; СЛПП; СлРЯ XI–XVII; СлРЯ XVI–XVII; СлРЯ XVIII); диалектных словарях — сводном (СРНГ) и региональных (АОС; НОС; ОСВГ; ПОС; РГБ; СГРС; СОВН; СРГК; СРГНП); а также в пробном выпуске «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). Так как в задачи настоящей статьи не входит историко-этимологический анализ рассматриваемых лексем, за подробной этимологией лексем отсылаем читателя к соответствующим трудам (Веске 1890; Ивашко 1958; Кривощёкова-Гантман 1981; Матвеев 1959, 1962, 1964; МСРЗ; МСФУСЗ; Мызников 2003, 2004, 2007; Погодин 1904; РЭС; ЭСРДС; ЭСРЯ; Kalima 1919, 1927; SKES; SSA).

вадья ‘озеро, окно в болоте, в трясине’ (Губ.). Топ. (Черд.).

вара ‘небольшая возвышенность’ (Черд.).

ворга ‘просека в лесу’ (Краснов., Черд., Коми-Перм., Сол., Губ., Сук.). Топ. (Краснов., Черд., Кос.).

лись без внимания или не учтены многие из приводимых далее лексем. Такие слова, как *ворга*, *кокуй*, *курган*, *курья*, *лабда*, *лыва*, *согра*, были сознательно упущены из виду по причине их неясной этимологии. Лексемы *ерник*, *кент*, *матка*, *мяндач*, *шаглы* обнаружены в неопубликованных источниках (КЛАРНГ, КСРГСП и др.).

¹⁶Обширные пометы (Перм.; Верх. Прикамье; Коми-Перм.; Сев. Урал; Сев. Приурал. и т. п.) указаны в тех случаях, когда источник лексем не даёт более точных географических привязок.

- едма* 'возвышенность, возвышенное место' (Черд.).
- ерник* 'мелкий лес, мелколесье' (Б.-Сосн., Ел.).
- кекур* 'высокое место, бугор, холм' (Черд., Ох.). Топ. (Черд., Ус., Ал., Куд., Сив., Кар., Ныт., Пермск., Оч., Ох., Уин.).
- кент* 'вершина с пологими склонами' (Сев. Урал).
- кокуй* 'малопродуктивный участок земли с песчаной почвой' (Пермск.). Топ. (Краснов., Черд., Сол., Ус., Юр., Ил., Вер., Оч., Ох., Кун., Ор., Сук., Черн.).
- корба* 'ложбина, сырая низменность, поросшая ельником' (Ус., Губ.).
- курган* 'глубокая яма естественного происхождения' (Перм.). Топ. (Коч.).
- курья* 'залив на месте бывшего русла реки' (Краснов., Черд., Гайн., Сол., Юр., Куд., Чус., Лыс., Ныт., Пермск., Ох., Кун.). Топ. (Краснов., Черд., Гайн., Коч., Сол., Куд., Ил., Чус., Горн., Киш.).
- лахта* 'прибрежная часть озера, поросшая травой' (Доб.).
- луда*₁ 'каменистое дно реки' (Ус.).
- лыва* 'лука' (Краснов., Черд., Гайн., Сол., Ус., Ал., Куд., Юс., Ил., Кар., Вер., Пермск., Лыс., Ох., Кун., Киш., Час., Ос., Ор., Сук., Черн.). Топ. (Черд., Ус., Кар., Ох.).
- майна* 'прорубь на реке (для ловли рыбы, для полоскания белья)' (Краснов., Черд., Юс., Бер., Сук.).
- матка* 'главная лесовозная дорога' (Краснов., Черд., Кун.).
- мыза* 'поселение на пологом верхе возвышенности' (Губ., Доб., Киш.). Топ. (Черд.).
- мяндач* 'низкосортный сосновый лес (молодой, гнилой или с большим количеством заболони)' (Краснов., Черд., Сол., Ил., Чус.). Топ. (Доб.).
- нарья* 'низкое место, поросшее кустарником, затопляемое во время разлива реки' (Чус., Лыс.).
- ропочажник* 'мелкий болотный березняк' (Сев. Приурал., Пермск.).
- рям* 'густо заросшее, непроходимое место в лесу' (Сол., Куд., Ил.).
- согра* 'низина, сырое место' (Краснов., Черд., Гайн., Сол., Ус., Юс., Губ., Ил., Лыс., Краснок., Пермск., Б.-Сосн., Бер., Кун., Киш.,

Час., Ос., Ор., Бар., Уин., Ок.). Топ. (Краснов., Черд., Куд., Пермск., Кун., Бер.).

сузём ‘глухой, труднопроходимый дальний лес’ (Краснов., Черд., Сол., Ус., Губ., Ил., Чус., Час.). Топ. (Черд., Сол., Доб.).

тундра ‘верховое болото; болотистая, торфянистая почва’ (Краснов., Черд., Гайн., Сол., Ус., Ал., Юс., Сив., Кар., Ил., Вер., Ныт., Краснок., Пермск., Бер., Киш., Ос.). Топ. (Краснов., Черд., Кос., Доб., Сив.).

уйта ‘озерко; яма в болоте, заполненная водой’ (Черд.).

холуй ‘место наноса на реке, прибрежном лугу во время половодья веток, кустов, деревьев’ (Краснов., Черд., Сол., Оч.). Топ. (Краснов., Черд., Гайн., Ал., Ос.).

шаглы ‘богатая рыбой заводь’ (Черд.).

Е. Н. Поляковой отмечено, что иногда нет возможности точно установить источник многих заимствований из пермских языков ввиду сходства коми-пермяцкой и коми-зырянской географической лексики¹⁷. Примечательно в этой связи, что и коми топонимия, распространённая от Поморья до Среднего Урала и Зауралья, в большинстве случаев сходна и потому не может служить верифицирующим инструментом при установлении источника. В то же время могли иметь место и случаи параллельного (возможно, неоднократного) заимствования одного и того же слова в разные русские говоры, которые контактировали с коми языком¹⁸. Указанные сложности, возникающие при попытке языковой/диалектной идентификации коми этимона, побуждают принимать во внимание все явные заимствования из коми, но без более точной языковой/диалектной идентификации, ввиду формального и семантического сходства предполагаемого этимона в коми языковом массиве (коми-зырянские и коми-пермяцкие диалекты, включая коми-

¹⁷См.: Полякова Е. Н. Источники русской народной географической терминологии Пермской области // Природное наследие и географическое краеведение Прикамья. II межрегиональная научно-практическая конференция (г. Пермь, 28–29 марта 2000 г.). Пермь, 2000. С. 89.

¹⁸См.: Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в говорах Русского Севера. I // Этимология. 1994–1996. М., 1997. С. 125–126.

язьвинское наречие) и, как следствие, аналогичным или сходным по форме и семантике заимствованием:

гурган ‘место карстового провала; яма; рытвина’ (Верх. Прикамье). Топ. (Черд., Куд., Доб.).

зыля ‘ржавое болото’ (Губ.). Топ. (Юс.).

керос ‘поляна в лесу на месте вырубки’ (Черд., Ил., Кар.). Топ. (Краснов., Черд., Гайн., Куд., Юс.).

лабда ‘крутой отвесный берег, подмываемый рекой’ (Краснов., Черд.). Топ. (Черд.).

ласта ‘покосное место, лужайка на берегу’ (Краснов., Черд., Сол., Ус., Юс., Ил., Пермск., Час.). Топ. (Краснов., Черд., Ал., Юс.).

*луда*₂ ‘неплодородная, глинистая почва’ (Черд., Юр., Ус., Чус., Вер., Пермск., Ох., Час., Чайк.). Топ. (Юр., Куд.).

няша ‘сырое, топкое место, грязь’ (Черд., Сол., Ус., Ил., Кар., Лыс., Кун.). Топ. (Доб., Пермск.).

парма ‘глухой лес на возвышенности; возвышенность, покрытая густым лесом’ (Краснов., Черд., Гайн., Сол., Ус., Куд., Юс., Ил., Кар., Доб., Чус., Лыс.). Топ. (Краснов., Гайн., Коч., Юр., Куд., Юс., Губ.).

роча ‘заливной луг’ (Черд.).

чумкас ‘расстояние в 5–7 км в лесу, на реке’ (Прикам., Черд.). Топ. (Гайн., Ос.).

Далее попытаемся дифференцировать центральные ареалы севернорусской лексики ландшафта в прикамских говорах. «Точность границ ареалов, изоглосс находится в прямой зависимости от полноты собранных сведений»¹⁹, поэтому география того или иного языкового явления, в т. ч. лексического заимствования, может быть достоверно установлена только в результате качественного фронтального сбора языковых материалов на сравнительно узкой территории²⁰. Различными диалектными словарями, тем не менее, по-

¹⁹См.: *Сороколетов Ф. П., Попов И. А.* Областные словари как источник лексических и ареальных исследований // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы докладов и сообщений, 9–12 февраля 1971 г. Л., 1971. С. 36.

²⁰Такая территория, очерченная максимальным числом дифференцирующих изоглосс, обозначается А. С. Гердом как «микрizona» (см.: *Герд А. С.* Мето-

крыта значительная часть Русского Севера, что способствует выделению центральных лексических ареалов. Немаловажное значение имеют также исторические словари, которые порой отражают ареал того или иного лексического факта в диахронии.

Так, среди рассмотренной ландшафтной лексики в русских говорах Прикамья возможно различить несколько пластов с пересекающимися иногда изоглоссами, но точно выстроить их в хронологической последовательности весьма сложно²¹:

1. лексика, центральный ареал которой лежит условно между Псковским озером, озером Кубенским и Обонежьем. См.: *майна* (Осташк. Твер.; Мал., Волх. Новг.; Петерб. (Ленингр.); Вытегор. Волог.; Олон.; Карел.; Северодвинск, Онеж., Холмог. Арх.)²², *мыза* (Фиров. Твер.; Бат., Кр., Новг., Чуд. Новг.; Пск.; Петерб.; Северо-Запад; Олон.; Прибалт.; Белорус.)²³.

2. лексика, центральный ареал которой выделить крайне сложно по причине повсеместного её распространения в говорах почти всего Северо-Запада. Примерный ареал изначального распространения данной лексики располагается в Заонежье, бассейне Онеги, нижнем Подвинье, западном Беломорье и на Кольском полуострове. См.: *вара* (Карел.; Мурман.; Арх.; особо — Двин. 1584; Кольск. 1608–1609; Арх. XVIII), *ерник* (Волог.; Беломор.; Сев.-Двин.; Арх. 1847; Печор.), *кекур* (Онеж., Кем., Кольск., Беломор. Арх.), *кент* (Хв. Новг.; Вытегор., Кадуйск. Волог.; Олон.; Карел.; Кольск.; Онеж.

ды лингвистической географии и сопоставление локальных микрозон // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы третьей конференции на тему «Методика лингво- и этногеографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы», 10–12 февраля 1975. Л., 1975. С. 20–21), а А. К. Матвеевым как «микрорегион» (см.: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I. Екатеринбург, 2001. С. 80–84, 293 и др.).

²¹Ср. также: «... этимология, как правило, не ставит вопроса о хронологии появления слова. В то же время очевидно, что полностью он не может быть снят... рано или поздно к хронологии появления конкретных слов в определённом ареале придётся вернуться», см.: Герд А. С. Региональный этимологический словарь // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот. М., 2006. С. 105–106.

²²С центральным ареалом данной лексемы, однако, не всё ясно, т. к. имеются пометы (Астрах. 1654), (Астрах. 1852), (Горьк. 1969), (Волж.).

²³Ср. также пометы (Покр. Влад. 1910), (Киржач. Влад. 1910), (Влад.).

Арх.), *корба* (Тихв., Борович., Сол. Новг.; Вытегор. Волог.; Ленингр.; Олон.; Карел.; Каргоп. Арх.; особо — Обонеж. 1391), *курган* (Волог., Кадн. Волог.; Беломор.; Каргоп., Лешук. Арх.), *лахта* (Пск.; Дем., Поозер., Хв. Новг.; Петерб.; Олон.; Беломор.; Каргоп., Онеж., Пинеж. Арх.; в диахронии — Сев.Зап. 1562; Лифлянд. (Эст.) 1577; Пск. 1587; Двин. XV; Двин. 1693; Сийск. Арх. 1629), *луда*₁ (Калин. (Твер.); Новг.; Пск.; Петерб.; Вытегор. Волог.; Олон.; Карел.; Беломор.; Мурман.; Арх.), *майна* (см. выше), *матка* (Волог.; Ленингр.; Карел.; Арх.), *мяндач* (Вельск. Волог.; Пудож. Олон.; Медвежьегор., Прионеж. Карел.; Шенк., Каргоп. Арх.; Арх.), *нарья* (Шенк., Примор., Холмог. Арх.; в диахронии — Двин. XV; Важ. 1623, 1654; Холмог., Устюж. 1595; Великоустюж. 1639, 1654; Сийск. 1663), *орга* (Вытегор. Волог.; Ленингр.; Олон.; Карел.; Шенк., Каргоп. Арх.), *ропочажник* (Тихв. Новг.; Тотем., Кадн. Волог.; Олон.; Карел.; Вельск., Каргоп. Арх.), *рям* (Новг.; Тихв. Ленингр.; Пудож. Карел.; Сольвыч. Волог.; Сев.-Двин.), *сузём* (Новг.; Волог.; Олон.; Карел.; Мурман.; Арх.), *тундра* (Олон.; Беломор.; Арх.; Сев.-Двин.), *уйта* (Вытегор. Волог.; Карел.; Прионеж.; Арх.), *шаглы* (Ленингр.; Олон.; Карел.; Мурман.; Волог.; Арх.).

3. лексика, центральный ареал которой находится в центральной части бассейна Северной Двины, т. е. в бассейнах Ваги, Сухоны и по нижней Вычегде. См. *вадья* (Ярен., Усть-Сысол., Никол., Тотем. Волог.; Сев.-Двин.), *гурган* (Усть-Сысол., Ярен. Волог.; Арх.), *зыля* (Ярен. Волог.), *парма* (Ярен., Усть-Сысол. Волог.; Арх.; Коми), *чумкас* (Сольвыч., Ярен., Устьсыс. Волог.; Мезен. Арх.; Печор.).

4. лексика, центральный ареал которой лежит в низовьях Северной Двины. См. *вадья* (Лен., Лешук. Арх.), *едма* (Сольвычег., Кадн., Кадуйск. Волог.; Арх.), *нарья* (Примор., Холмог., Шенк. Арх.), *роча* (Арх.).

5. лексика, в основном распространённая в Волго-Двинском междуречье. См. *луда*₂ (Костром.; Сев.-Двин.; Арх.; Удм.; Вят. (Киров.)).

6. лексика, центральный ареал которой располагается в Припечорье. См. *ерник* (см. выше), *керос* (Мезен. Арх.; Усть-Цилем. Коми; Коми), *лабда* (Печор.), *ласта* (Мезен. Арх.; Усть-Цилем. Коми; но и: Ярен. Волог.), *парма* (см. выше), *уйта* (Усть-Цилем. Коми),

чумкас (см. выше).

СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. *О. Г. Гецовой*. Вып. 1–14. М., 1980–2012.

АС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Под ред. *Ф. Л. Скитовой*. Вып. 1–6. Пермь, 1984–2011.

Веске М. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890.

ГНВП — *Кривощёкова-Гантман А. С.* Географические названия Верхнего Прикамья (С кратким топонимическим словарём). Пермь, 1983.

Ивашко Л. А. Заимствованные слова в печорских говорах // Уч. зап. ЛГУ. Серия филологических наук. Вып. 42. № 243. Л., 1958. С. 84–103.

КАС — Картотека Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимского словаря), хранится на кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

КЛАРНГ — Картотека «Лексического атласа русских народных говоров», хранится в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН.

Кривощёкова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 46–62.

КСРГСП — Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранится на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного национально-исследовательского университета.

КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров», хранится в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН.

Куклин С. А. Звери и птицы Урала и охота на них. 2-е изд., испр. Свердловск, 1938.

ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / ред. *И. А. Попов, Т. И. Вендина*. СПб., 2004.

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала (Уч. зап. Урал. ун-та. Языкознание. Вып. 32). Свердловск, 1959.

Матвеев А. К. Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1962. С. 127–142.

Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Hungaricae. Т. 14, f. 3–4. Budapest, 1964. P. 285–315.

МСГН — *Чагин Г. Н.* Материалы к словарю географических названий Прикамья // *Чагин Г. Н.* Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь, 2004. С. 66–98.

МСДРЯ — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.

МСРЗ — *Шилов А. Л.* Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М., 2008.

МСФУСЗ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1. А–И / *Н. В. Кабинина, А. К. Матвеев, О. В. Мищенко, О. А. Теуш* / под ред. *А. К. Матвеева*. Екатеринбург, 2004.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007.

НОС — Новгородский областной словарь / *А. В. Клевцова, А. В. Никитин, Л. Я. Петрова, В. П. Строгова*; ред. *А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова*; изд. подгот. *А. Н. Левичкин, С. А. Мызников*. СПб., 2010.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. *В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной*. Вып. 1–8. Киров, 1996–2012.

Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // *Варшавские университетские известия*. 1904. № 4. С. 1–72.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / ред. *Б. А. Ларин, Л. А. Ивашко, С. М. Глускина* и др. Вып. 1–23. Л.; СПб., 1967–2012.

РГБ — *Мызников С. А.* Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.

РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–8. М., 2007–2014.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. *А. К. Матвеева*. Т. 1–5. Екатеринбург, 2001–2011.

СГСРП — Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. *О. П. Беляева*. Пермь, 1973.

СГСЧ — *Кривощёков И. Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии, с приложением карты бассейна р. Камы и иллюстрациями. Пермь, 1914.

СГТП — *Полякова Е. Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.

СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. *Р. И. Аванесов, И. С. Улукханов, В. Б. Крысько*. Т. 1–10. М., 1988–2013.

СЛПП — *Полякова Е. Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века. Т. 1–2. Пермь, 2010.

СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. *С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелёв, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько*. Вып. 1–29. М., 1975–2011.

СЛРЯ XVI–XVII — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / под ред. *О. С. Мжельской*. Вып. 1–5. СПб., 2004–2012.

СлРЯ XVIII—Словарь русского языка XVIII века /гл. ред. Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова. Вып. 1–19. Л.; СПб., 1984–2011.

СОВН—Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. /изд. подгот. А. Н. Левицкий, С. А. Мызников. СПб., 2006.

СПГ—Словарь пермских говоров /под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.

СРГК—Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей /гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.

СРГКП—Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа /науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2006.

СРГНП—Словарь русских говоров Низовой Печоры /под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб., 2003–2005.

СРГСП—Словарь русских говоров севера Пермского края /гл. ред. И. И. Рушинова. Вып. 1. А–В. Пермь, 2011.

СРГСУ—Словарь русских говоров Среднего Урала /гл. ред. П. А. Вовчок, А. К. Матвеев. Т. 1–7. Свердловск, 1964–1988.

СРГСУД—Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения /под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

СРГЮП—Словарь русских говоров Южного Прикамья /Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных [и др.]; науч. ред. И. А. Подюков. Вып. 1–3. Пермь, 2010–2012.

СРНГ—Словарь русских народных говоров /гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Соколов. Вып. 1–45. М.; Л.; СПб., 1965–2013.

ТК—Топографические карты Генерального штаба. Масштаб 1:100000. М., 1988.

УКС—Кривощёков И. Я. Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии, составленный по сведениям Соликамской земской управы, литературным источникам и личным наблюдениям на местах. Екатеринбург, 1897.

ЭСРДС—Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000.

ЭСРЯ—Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV /перевод с нем. и предисловие О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.
Kalima J. Syrjänische Lehnwort im Russischen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1927. Bd. XVIII, hft. 1–3. S. 1–56.

SKES—Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

SSA—Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja /päätoim. E. Itkonen, U. M. Kulonen. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

СОКРАЩЕНИЯ РАЙОНОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Ал. — Александровский;	Ок. — Октябрьский;
Бар. — Бардымский;	Ор. — Ординский;
Бер. — Берёзовский;	Ос. — Осинский;
Б.-Сосн. — Большесосновский;	Ох. — Оханский;
Вер. — Верещагинский;	Оч. — Очёрский;
Гайн. — Гайнский;	Пермск. — Пермский;
Губ. — Губахинский;	Сив. — Сивинский;
Доб. — Добрянский;	Сол. — Соликамский;
Ил. — Ильинский;	Сук. — Суксунский;
Кар. — Карагайский;	Уин. — Уинский;
Киш. — Кишертский;	Ус. — Усольский;
Коч. — Кочёвский;	Чайк. — Чайковский;
Краснов. — Красновишерский;	Час. — Частинский;
Краснок. — Краснокамский;	Черд. — Чердынский;
Куд. — Кудымкарский;	Черн. — Чернушинский;
Кун. — Кунгурский;	Чус. — Чусовской;
Лыс. — Лысьвенский;	Юр. — Юрлинский;
Ныт. — Нытвенский;	Юс. — Юсьвинский.

МНОГОСЛОЙНОСТЬ ЛЕКСИКИ ФИННО-УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПИНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. В данной статье представлен этимологический анализ некоторых неисконных лексических данных пинежских говоров. Выделяются пласты лексики коми, саамского, прибалтийско-финского происхождения. Репрезентируются обратные коми заимствования, а также показаны возможные случаи контаминационного коми-саамского воздействия.

Ключевые слова: коми, саамский, прибалтийско-финский, финно-угорский, русские говоры.

Данная работа представляет продолжение автором этимологической разработки лексики севернорусских говоров финно-угорского происхождения¹. В настоящей статье исследуются некоторые лексемы коми, прибалтийско-финского и саамского происхождения в пинежских говорах.

¹Мызников С. А. О коми заимствованиях в севернорусских говорах // Сборник: Материалы XXXVII Международной филол. конференции 11–15 марта 2008 г. Вып. 11: Уралистика. Под ред. Н. Н. Колпаковой. СПб., 2008. С. 57–63; Мызников С. А. О коми влиянии на лексику севернорусских говоров // Лыткин: грани наследия. Материалы международной научной конференции, посвященной 115-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа Василия Ильича Лыткина. Сыктывкар, 25–26 ноября 2010 г. Сыктывкар, 2010. С. 197–200; Мызников С. А. О лексике коми происхождения в севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2010. СПб., «Наука», 2010. С. 297–302; Мызников С. А. О некоторых аспектах прибалтийско-финского и пермского языкового взаимодействия // Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (19–21 октября 2011 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2012. С. 125–129; Мызников С. А. О некоторых финно-угорских заимствованиях в пинежских говорах // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Выпуск 9. СПб., 2008. С. 46–54.

Разрабатываемый в настоящее время в ИЛИ РАН проект «Словаря пинежских говоров» дает возможность введения в научный оборот совокупности уникальных материалов, собранных под руководством Г. Я. Симиной. Лексический материал по пинежским говорам представляет собой две картотеки, суммарно насчитывающие примерно 200 тыс. словоупотреблений (карточек). Одна из них хранится в ИЛИ РАН (примерно 120 тыс. карточек), другая в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ (примерно 80 тыс. карточек).

Пинежские говоры достаточно хорошо изучены с различных точек зрения. В субстратной топонимии² в бассейне Пинеги А. К. Матвеев выделяет саамский и прибалтийско-финский пласты³. Кроме того, при фиксации саамских топооснов на Средней Пинеге отмечается 14 таких единиц (больше только в Белозерье — 15 основ)⁴.

По нашим сведениям, среди неисконных автохтонных данных выделяются три пласта лексики финно-угорского происхождения: прибалтийско-финского (карельско-вепсского), саамского и коми языков.

В настоящее время групп комиязычного населения на Пинеге нет, хотя антропонимические и топонимические данные свидетельствуют о былом обитании на этой территории пермского населения. А. И. Туркин предполагал, что пинежские пермяне были этнически близки с нижневычегодскими и удорскими пермянами и говорили на диалектах, мало отличавшихся друг от друга⁵.

²См.: *Сими́на Г. Я.* Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимии Пинежья), Л., 1980. 110 с.; *Saarikivi Я.* Финно-угорский субстрат в говорах Пинежья. Перспективы историко-лингвистического изучения // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 1. Екатеринбург, 2000. С. 49–56; *Saarikivi Janne.* On the Uralic Substrate Toponymy of Arkhangelsk Region: Problems of Research Methodology and Ethnohistorical Interpretation // *Borrowing of Place Names in the Uralian Languages.* Edited by Ritva Liisa Pitkänen, Janne Saarikivi. Debrecen—Helsinki, 2007. S. 45–110.

³*Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Карта № 7, С. 345.

⁴*Матвеев А. К.* Указ. соч. Ч. 2. С. 217.

⁵*Туркин А. И.* Топонимия Коми АССР. Дис. д-ра филол. наук. Таллин,

1. Лексика коми происхождения

Среди лексики коми происхождения выделяются единицы, с фиксацией преимущественно (или только) в пинежских говорах.

Сáница ‘женщина, кормящая грудью’ Пинеж. (Марьяна Гора) (Сими́на). **Сáница** ‘кормящая мать’ Пинеж. Арх., 1963. ‘О животном, выкармливающим детеныша’ Пинеж. Арх., 1963 (СРНГ, 36, 119). Вряд ли следует сопоставлять с ливв. *süöttäi, süöttiene* ‘кормилец, кормилица’ (СКЯМ, 358), вепс. *sõtai, sôtei* ‘кормилец’ (СВЯ, 54), более вероятен коми источник, ср.: коми *сёйны* ‘есть, съесть’ (ССКЗД, 333), *сёян* ‘еда, пища; кушанье; снедь; продовольствие’ (КРОЧ, 484).

Чури́ка ‘двоюродная сестра’: — *Мы-то все неруси, у нас-дак-чурика, а у вас-то кузика*. Пинеж. (Нюхча), (Сульца) (Сими́на). Можно сопоставить с коми *чойчукор* ‘сестры’ (ССКЗД, 419).

Ша́дина ‘кол, палка’ Пинеж. (Вонга) (Сими́на). Ср. коми *шадер* ‘хворостина, длинный прут’ (ССКЗД, 424).

Ша́йбать ‘ворошить угли кочергой’ Пинеж. (Хаймусово) (Сими́на). Ср. коми вымск. *шобйыны* ‘сгребать, сгрести мякину в кучу, отделив от вымолоченного хлеба’ (ССКЗД, 431).

Шахтары́ ‘ил, сор на лугу весной’ Пинеж. (Березник) (Сими́на). Восходит к коми *шактар* ‘накипь’, *шавара* ‘сор на пожне, нанесенный весенней водой’ (ССКЗД, 424).

Часть данных представлена как в пинежских говорах, так и в смежных с ними в русских говорах.

У́джать, унжать «уметь, знать, смыслить, суметь, смочь справиться с чем-либо» Онеж, Холмог., Пинеж., Шенк. (Подвысоцкий, 177). Для Фасмера это темные лексемы. Скорее всего восходит к коми источникам, ср. коми *уджавны* ‘работать, заниматься какой-л. работой’ (ССКЗД, 396), при удм. *уж* ‘работа, дело’ (КЭСКЯ, 295). Вероятно сюда же относятся и следующие данные: **Унжа́ть** ‘уметь что-л. делать’ Пинеж. (Кобелево) (Сими́на). **У́нжать** ‘то же’ Пинеж (Айново, Кротово). **У́ньжать** ‘то же’ Пинеж. (Юрас, Шар-

1989. 747 с.; *Сажина С. А.* Сравнительная морфология коми-зырянских диалектов (именные части речи). Ареальный аспект исследования. АКД. Сыктывкар, 2004.

донемь) (Сими́на). **Су́нжить** ‘суметь что-л. сделать’: — *Не сунжит не умеет делать, не унжа она*. Пинеж. (Кротово) (Сими́на). **У́нжа** ‘умелец’: — *Он унжа делать печи*. Пинеж. (Кротово) (Сими́на). Данный материал представляет собой результат варьирования [дж] — [нж], при первоначальном **уджать**. Ср., например: пиджак — пинжак.

Часть пинежских данных имеет общий ареал с русскими говорами бассейна рр. Мезени и Печоры.

Лоча́к ‘кузнечик’ Пинеж. (Вихтово, Нюхча) (Сими́на). ‘Жук’ Пинеж. (Веегора, Вальтево, Козлово) (Сими́на). **Лача́к** ‘божья коровка’ Пинеж. (Сульца). ‘Черный жук’ Пинеж. (Кеврола) (Сими́на). **Лочаша́к** ‘небольшой таракан’ Усть-Цилем. Арх., 1953 (СРНГ, 17, 164). **Лочашки́** ‘жучки’ Пинеж. (Вальтево) (Сими́на). **Лоча́к** ‘таракан’ Усть-Цилем. Арх., 1955. ‘Жук’ Мезен. Арх. (Подвысоцкий, 84; Даль). Печор. Арх. (СРНГ, 17, 164). Слово восходит к результатам влияния коми языка, ср. коми *лотшак* ‘жук’ (КРС, 354), ср. также коми *лотшкыны* ‘хрустеть’ (КЭСКЯ).

Сюда же этимологически относятся следующие данные: **Чала́к** ‘жук’ Пинеж. (Веркола, Карпогоры, Кобелево, Березник, Богатка) (Сими́на). **Чола́к** ‘жук’ Пинеж. (Карпогоры) (Сими́на). Представляет собой метатезу [ча] — [ла], [чо] — [ло] более близкий к коми источникам вариант — **лоча́к**.

2. Обратные коми заимствования

Поскольку коми-русские контакты насчитывают сотни лет, то и результаты взаимовлияния хронологически многослойны. Имеются лексические единицы, которые вошли в коми язык из русского континуума, а затем, спустя какое-то время вновь вернулись в русские говоры.

Чу́ски ‘мочки уха’: — *В чуски вдергивают сережки*. Пинеж. (Юрас) (Сими́на). **Чу́ски, цю́ски** ‘серьги с подвесками’ Печор. (СРНП, 2, 430). **Чу́ски** ‘серьги большого размера’ Верхнетоем. (Окуловка) (КСРНГ). **Чу́ски** ‘серьги’ Мезен. (Подвысоцкий, 190). ‘Серьги с подвесками’ Печор. Арх., 1927 (КСРНГ). **Чюси** ‘серьги’ Великий Устюг (Симони). **Чу́сы** ‘серьги’ Волог. Волог. 1846

(КСРНГ), Устюж., Ярен. Волог. (Опыт). **Чўска** ‘серьга’ Великоуст. (Устье), 1923 (КСРНГ). **Чўсы** ‘пряди волос, выпущенных на лоб из-под платка’ Кадн. (Дилакторский). Маслова отмечает, что восточнославянские украшения вообще и серьги в частности недостаточно изучены этнографически, отмечая, что металлические серьги с длинными подвесками по всему Северу назывались **чўски** (Маслова, 1956, 728). Явно связано с коми данными, ср. коми ижем. *чусу*, удор. *чусі*, вымск. *чусы* ‘серьга, серьги’ (ССКЗД, 422). Хотя коми слово рассматривается как русское заимствование (SYRW, 308; Фасмер, 4, 387).

Штур ‘дождевой червь’ Пинеж. (Кучкас) (Сими́на). **Штёрник** ‘дождевой червь’ Пинеж. (Сульца) (Сими́на). **Щур** ‘дождевой червь’ Пинеж. (Веркола, Вихтово, Еркино, Вальтево, Козлово, Нюхча, Ревполе, Сульца, Чакала, Чучепога, Шиднема) (Сими́на). «Земляной червь, дождевик для наживки на уду» Арх., Волог., Перм. (Даль). Каргоп. (Куликовский). Холмог. (Гранди́левский). Онеж. КАССР (КСРНГ, 1933). Сольвыч. Волог. (КСРНГ). Ярен. Волог. (КСРНГ; Дилакторский). «Земляной червь, надеваемый на крючок уды при ловле рыбы» Шенк. Арх., Волог., Челяб. Оренб. (Опыт). Тюмен. (КСРНГ, 1894). «Употребляемый для наживления уды красный червь (дождевик)» Арх., Мезен., Шенк. (Подвысоцкий, 195). **Шур** Арх., Мезен., Шенк. (Подвысоцкий, 195). **Щур** ‘глиста’ Р. Мста (КРНГ, 1955). **Шура́** ‘приманка для рыбы’ Верхнекет. Том. (КСРНГ, 1986). Восходит к коми *тшур* ‘дождевой червь’ (ССКЗД, 388). Место слова из коми языка на финно-угорской почве не ясно. Фасмер, на наш взгляд совершенно оправданно сомневается в связи материалов Даля со словом **щур** ‘кузнечик’ (Фасмер, 4, 551).

3. Лексика коми или саамского происхождения

В ряде случаев довольно сложно свести лексические данные к конкретным этимонам, поскольку сходные материалы представлены как в коми, так и в саамском языке.

Чуха́рь ‘глухарь’ Пинеж. (Богатка, Валдокурье, Засурье, Козлово, Марьяна Гора, Пинега, Сульца, Веркола, Вихтово, Нюхса, Кучкас, Вонга, Церкова Гора, Усть-Ежуга, Чучепога, Шиднема, Юрола)

(Сими́на). Ср. коми *чукчи* ‘глухарь (самец)’ (ССКЗД, 419). Хотя на почве коми языка может быть неисконно, ср. саам. нот. *čukča* ‘глухарь’, сопоставляемое с мар. *сузо, шузьо* ‘глухарь (самец)’, морд. мокш. *suvəz* (КЭСКЯ, 313).

Сарты́на ‘лучина’ Пинеж. (Веркола) (Сими́на). **Са́ртинье** ‘лучина’ (Похурово, Нюхча, Кушкопала, Сульца, Сура, Шиднема) (Сими́на). «Полоска бересты или древесный прут для связывания или плетения чего-л.» Пинеж. (Комягина, ЛААО, 82). **Сарты́на** ‘лучина’ Каргоп. Арх., 1928. ‘Лучина, используемая для плетения корзин’ Каргоп. Арх., 1928 (СРНГ, 36,148). **Сортиньё́** ‘дранка’ Пинеж. (Веркола, Засурье) (Сими́на). Данный материал может быть связан с коми *сарди* ‘расщеп, образующийся на полозе или обруче, когда их гнут’. (ССКЗД, 330). Наличие каргопольских данных позволяет сопоставлять их с прибалтийско-финскими источниками, ср. люд. *säres* ‘лучина’, вепс. *särkta* ‘щепать лучину’ (1-е л. ед. число. *särgen*), вепс. *säres, särez* ‘лучина’ (SKES, 1171). Не исключена возможность связи с саамскими источниками, ср. саам. лул. *sarrte*, саам. норв. *sarde, sardde* ‘кострика, осколок’, ‘щепа’, ‘заноза’, ср. также коми *сартас* ‘лучина’, соотносимое с мокш. *сарда* ‘заноза’, *сардоня* ‘спичка’, морд. эрз. *сардо* ‘заноза’, ‘жало’ (КЭСКЯ, 250), мокш. *сардоня* ‘спичка’ (МКРСБ, 243).

4. Лексика саамского происхождения

Отмечаются данные, которые можно сопоставить с саамскими источниками.

Соба́ ‘острие рога у коровы’, ‘внутренняя часть коровьего рога’ Пинеж. (Кеврола) (Сими́на). **Соба́** ‘основание рога у коровы’ Пинеж. (Карпогоры, Кеврола) *Одна соба сломилась, сломила корове рог.* Пинеж. (Кеврола) (Сими́на). Слово не рассматривалось ранее в этимологической литературе. По-видимому, оно связано с саамскими источниками, ср. фин. *saakki* ‘остроконечный олений рог’, саам. лул. *saggē*, норв. *sag’ge* ‘колышко, деревянный гвоздь’, ‘олень с острыми рогами’ (SKES, 934). Настораживает наличие на этой же территории лексемы **соба́** ‘мягкая, пористая внутренность

рога (коровы и т. п.) беловатого цвета’, а также мар. *suž* ‘пористое, хрящевое основание кости’ (SKES, 978, 979).

5. Лексика прибалтийско-финского происхождения

В ряде случаев зафиксированные на Пинеге материалы представляют собой единый ареал с данными Обонежья, Беломорьякарельско-вепского типа.

Чаповица ‘переплетенный прут, которым присоединяется загнутый полоз саней с копылом’ Пинеж. (Веегора, Валдокурье, Еркино, Кеврола, Кучкас, Сульца, Усть-Ежуга) (Сими́на). **Чапови́ца** ‘переплетенный прут, которым присоединяется загнутый полоз саней с копылом’ Медвежьегор. (Космозеро, Кефтеница), Кондоп. (Тулгуба), Плесецк., Онеж. (ПЛГО). Прионеж. (Суйсарь). «Палка, связывающая головки полозьев с копылом» Арх. (Даль, 4, 599). «Идущая наискось от переднего копыла до верха загнутого полоза палка у саней» Шенк. (Подвысоцкий, 186). ‘Передок дровней’ Медвежьегор. (Космозеро) (ПЛГО). **Чапови́ца** «черемховая связка, соединяющая верхние концы полозьев с первыми копыльями» Петрозав., Пудож., Вытегор., Заонеж. (Куликовский, 127). ‘Прут, розга’ Прионеж. (Суйсарь) (ПЛГО). ‘Часть оленьей упряжки’ Лоух. (КСРГК). **Чаповка** ‘переплетенный прут, которым присоединяется загнутый полоз саней с копылом’ Онеж. (КСРГК). Хотя слово имело фиксации в XIX веке, оно не рассматривалось в этимологической литературе. В данном случае лексема представляет собой композит, где первая часть соотносится с веп. *seba* ‘передок саней’ (СВЯ, 502), ливв. *seba* ‘передок саней’ (СКЯМ, 328); кар. твер. *šebävičča* ‘крупный вязок, соединяющий передние концы полозьев в головку саней’ (СКЯП, 266), кар. *tšoappavittša* ‘прут, соединяющий головки полозьев саней’ (KKS, 5, 339). Тип консонантизма первой части слова предполагает саамское или вепское посредство, ср. саам. кильд. *t’š’iebp^e* ‘горловина кожаного мешка’, которое относится к этому гнезду. Вторая часть композита — **ви́ца** имеет соответствия с прибалтийско-финскими данными, ср. вепс. *vits*, фин. *vitsa* ‘ветка, прут без листьев и сучков’, хотя и является русским по происхождению (SKES, 1798, 1799). Отмечаемое в коми удор. *чапавич* ‘палка,

связывающая головки полозьев с копылом⁷ (ССКЗД, 337), представляет собой заимствование из прибалтийско-финских языков, хотя нельзя исключать посредство смежных русских говоров.

Многослойность лексики финно-угорского происхождения в пинежских говорах обусловлена всей историей заселения региона и его полиэтничностью в прошлом.

СОКРАЩЕНИЯ

Грандилевский — Грандилевский А. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сб. ОРЯС. 1907. Т. 83. № 5. С. 87–304.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Тт. 1–4. М.-СПб., 1880–1882 (2-е изд.).

КРОЧК — Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-рочквычукор. Сыктывкар, 2000. 814 с.

КСРГН — Картотека Словаря русских народных говоров.

Куликовский, 1898 — Куликовский Г. И. Словарь областного олонцкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

КЭСКО — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

Маслова, 1956 — Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX века // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.

МКРСБ — Мокшанско-русский словарь / Под ред. Д. В. Бубриха. М., 1949. 359 с.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров. Вып. 1,2. Киров, 1996–1998.

ПЛИГО — Полевые лингвогеографическое обследование автора.

Подвысоцкий — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

СГДА — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Глав. ред. Ф. Л. Скитова. Вып. I–VI. Пермь, 1984–2011.

Симина — Картотека Словаря пинежских говоров Г. Я. Симиной (Хранится в ИЛИ РАН и Словарном кабинете им. Б. А. Ларина СПбГУ).

СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск. 1990. 495 с.

СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Тт. 1–45. М., Л., СПб., 1965–2013.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры. Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб., 2003–2005.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 489 с.

Фасмер — Этимологический словарь русского языка. Тт. 1–4. М., 1986.

Kalima, 1927 — Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen // FUF, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.

KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 // LSFU, XVI, 1–6. Helsinki, 1968–2005.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

SYRW — Wichman Y., Uotila T. E. Syrjänischer Wortschatz // LSFU. VII. Helsinki, 1942. 487 S.

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ ПСКОВСКИХ
ГОВОРОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:
ДИНАМИКА И УСТОЙЧИВОСТЬ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ПСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО
СЛОВАРЯ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ»)***

Аннотация. В статье анализируются единицы двух лексических систем: лексической системы современных псковских говоров и лексической системы псковских памятников письменности XIV–XVIII в., представленные в «Псковском областном словаре с историческими данными»; выявляются особенности их функционирования; делаются наблюдения о динамических процессах в псковских говорах.

Ключевые слова: лексикология, диалектология, диалектная лексикография, Псковский областной словарь с историческими данными.

Одна из задач «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС) — описание системных связей слов: как внутренних системных связей псковских говоров, так и соотношения с другими системами — с системой литературного языка, а также, насколько возможно, и с лексической системой литературно-письменных памятников Средневековья. В «Псковском областном словаре» не просто показана историческая перспектива развития словаря народной речи: в нем последовательно сопоставляются две лексические системы: лексическая система современных псковских говоров и лексическая система псковских памятников письменности XIV–XVIII в. Возможность сопоставления двух разновременных лексических систем в ПОС определяется тем, что в историческом отделе

*Статья подготовлена при поддержке гранта СПбГУ «Региональные формы русского языка в исторической перспективе», 31.38.291.2014.

ПОС используются все принятые в современной части приемы анализа значений слов и семантических оттенков, а также типы определения значений: значение, оттенок и употребление. На материалах ПОС и его Картотеки¹ проследим особенности функционирования слов в псковских средневековых памятниках письменности и в современных говорах, и, как бы заглядывая в прошлое языка, попытаемся увидеть в нем будущее псковских говоров.

Исследователи сегодня пишут о «размывании», исчезновении старых диалектов, постепенной замене их литературным языком в его народно-разговорном варианте или более широкими региональными формами². «В современной социолингвистике все чаще говорят... о видоизменении форм пространственного варьирования языка, приводящем к появлению промежуточных идиомов. Новые формы бытования диалекта называют полудиалектами (Halbmundart — термин германской школы диалектологов) или региолектами (régiolecte — термин романской школы диалектологов)»³. Однако, на наш взгляд, изменение лексики диалектов имеет несколько другую направленность: исчезают региональные слова (особенно предметная лексика, утратившая актуальность), но при этом те слова, которые, по словам Б. А. Ларина, относятся к древнему общерусскому словарному фонду и большинство из которых со-

¹Хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ.

²См.: *Бородина М. А.* Диалекты или региональные языки? // *Вопр. языкознания.* 1982. № 5. С. 29–38; *Трубинский В. И.* Современные русские региолекты: приметы становления // *Псковские говоры и их окружение: Межвуз. сб. науч. тр.* Псков, 1991. С. 156–162; *Герд А. С.* Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001; *Герд А. С.* Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // *Русский язык сегодня.* Вып. 1. М., 2001. С. 45–52; *Беликов В. И.* Сравнение Петербурга с Москвой и другие сообщения по социальной лексикографии // *Русский язык сегодня.* Вып. 3. Сб. ст. / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2004. С. 23–38; *Ерофеева Е. В.* Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005; *Грузберг Л. А.* Региолект // *Филолог.* 2010. № 11.

³*Хорошева Н. В.* Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // *Вестник Пермского университета.* 2011. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (15). С. 32.

хранились в широком употреблении со времен Средневековья⁴, сохраняют устойчивость. Именно такие слова, которые представлены в ПОС и современными, и историческими материалами, составляют «древнейшее ядро словаря русского языка в его устно-разговорных разновидностях и литературно-письменной традиции»⁵. Зачастую они входят и в состав литературного языка, однако употребление их на исследуемой территории — территории исторического бытования псковских говоров — имеет свои особенности. Именно такой пласт слов имел в виду Ф. П. Филин, когда писал о том, что «в речи широких народных масс господствовала общенародная основа, без которой не было бы великорусского языка» и «многие теперь литературные слова были когда-то локальными, и наоборот, современные диалектизмы имели общерусское распространение»⁶.

Особенности функционирования литературных и диалектных слов в исторической перспективе становятся заметными при наблюдении над синонимичными и семантически тождественными лексемами. Возьмем для анализа группу лексем с семантикой отрицания, означающих отсутствие какого-либо свойства или качества, а в ней — прилагательные с актуальным для народной речи значением ‘не имеющий за собой вины, невиновный’. В современных псковских говорах это значение реализуется в прилагательных **невинный** (ПОС, вып. 21, с. 43), **невиновáтый** (ПОС, вып. 21, с. 43), **неповинный** (ПОС, вып. 21, с. 187), **безв́инный** (ПОС, вып. 1, с. 149), исторические памятники включают прилагательные **невинный** (ПОС, вып. 21, с. 43) и **неповинный** (ПОС, вып. 21, с. 187). Из этого ряда наиболее употребительно **неповинный** — это прилагательное имеет два значения в современных говорах: ‘невиновный’ и ‘о девушке: сохранившая девственность до бра-

⁴Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Ларин Б. А. Филологическое наследие. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 673.

⁵Мжельская О. С. Псковский областной словарь с историческими данными и историческая лексикография // Псковские говоры: Псковский областной словарь с историческими данными и актуальные проблемы региональной лексикографии. Псков: ПГПИ, 2001. С. 139.

⁶Филин Ф. П. О свойствах и границах литературного языка // Вопросы языкознания. 1975. № 6. (см. тж. Филин Ф. П. О словарном составе языка великорусского народа // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 18–28).

ка'; зафиксировано в составе устойчивого сочетания **непови́нная душа́** 'о невинном человеке': *Я непави́нная душа́, — Маруся гъварит, — зацём ты хочишь мне фтарой рас атамсти́ть?*, а также употребляется в значении существительного: *Непави́нных жгли дъ расстрели́вли* (ПОС, вып. 21, с. 187). Историческая часть словарной статьи на **непови́нный** демонстрирует фиксацию этого слова в средневековых памятниках — в «Псковской первой летописи»: *А в началъ второсотнаго лѣта и како и откуда начашася сия злая быти, многая кровопролития и неповиннымъ человеком великимъ и малым горкия муки от цареи* (1611 г., ПОС, вып. 21, с. 188) и «Житии... преподобного отца нашего Никандра», памятнике XVI в.: *Клоснии же старецъ помысли в себѣ, яко да убьет мя, а не вѣдая святаго поспѣшения, смиривъ себе старецъ: аще убьет мя неповинна, Богъ вѣсть* (1547 г., ПОС, вып. 21, с. 188). В то же время прилагательные **невино́вный** и **невиновáтый** 'не причастный к преступлению' в говорах не встречаются, не зафиксированы они и в исторических памятниках. В литературном языке, по данным НКРЯ, наиболее употребительным является **неви́нный** (**неви́нный** — 3137 документов, **непови́нный** — 471 документ), в говорах ему соответствует **непови́нный**.

Рассмотрим также ряд прилагательных без **не-** — со значением 'совершивший проступок, преступление': **ви́нный**: *Расстрели́вают и ви́нных и неви́нных*. (ПОС, вып. 4, с. 19), **вино́вный**: *Вы са́ми ви́дिति, што вино́вен*. (ПОС, вып. 4, с. 19), **виновáтен**: *Если он чем виновáтен и ево́ абвини́ли, гаварят: павини́ли ево́*. (ПОС, вып. 4, с. 20), **виновáтый**: *Ага́, виновáтый, так помáлкивай* (ПОС, вып. 4, с. 20); *Ево ни брани́, ён не виновáтее иё, анá тóжа винава́та*. (ПОС, вып. 4, с. 20), **виновáчий**: *Жэ́нька, ты винава́чий* (ПОС, вып. 4, с. 20). В исторических памятниках зафиксированы прилагательные **ви́нный**: *А 10-ти человекомъ головы отсѣкли и в ров вмета́ша, и винным и неповинным*. («Псковская третья летопись», 1609 г., ПОС, вып. 4, с. 19), и **виновáтый**: *Ты правой чело́вкъ да я виноват* («Разговорник» Тённиса Фенне, 1607 г., ПОС, вып. 4, с. 20). *И правых виноватых творяше, и виноватых правых*. Введение к рассказу

о псковском взятии, 1510 г., ПОС, вып. 4, с. 20). В говорах наиболее частотное прилагательное **виновáтый**, а **вино́вный**, видимо, пришло в народную речь из литературного языка, где чаще употребляется в юридической сфере: *виновный в краже, преступлении* (БАС, т. 2, с. 577); *Подсудимый не признал себя виновным. Кони, Судебные речи* (МАС, т. 1, с. 176); по данным НКРЯ, **виновáтый** более частотно (316 документов), чем **вино́вный** (216 документов).

Похожее соотношение в ряду синонимичных и тождественных лексических единиц можно видеть на примере прилагательных со значением ‘относящийся к коню’. Ряд прилагательных, зафиксированных в псковских говорах, включает литературные единицы **кóнский** (ПОС, вып. 15, с. 175), **кóнный** (ПОС, вып. 15, с. 167) и диалектные **конёвый**: *конёвый навос* (ПОС, вып. 15, с. 151), **конёвин**: *конёвин хвост* (ПОС, вып. 15, с. 149), **конíнный**: *конíнный вóлос* (ПОС, вып. 15, с. 166), **коня́вий**: *коня́вья корзína* (ПОС, вып. 15, с. 188), **коня́чий**: *коня́чья кóжа* (ПОС, вып. 15, с. 188), **коня́ший**: *коня́шье мя́со* (ПОС, вып. 15, с. 189). В литературном языке наиболее употребительно **кóнский**, в говорах это слово также встречается, но оно гораздо менее употребительно, чем **конёвий** — последнее демонстрирует более разветвленную семантическую схему, разнообразную фразеологию, шире представлено в средневековых письменных источниках, имеет несколько фонетических вариантов. Надо сказать, что богатство устойчивых сочетаний с компонентом **конёвий** достигается за счет наименований растений — это во многом определяет употребительность прилагательного, поскольку все, что связано с лошадьми, сегодня утратило актуальность. Так, в говорах зафиксированы устойчивые сочетания **конёвий щавель** ‘конский щавель’ (ПОС, вып. 15, с. 151) и его синонимы: **конёвья кисли́ца**, **конёвий цвето́к**, **конёвый столб** (столбе́ц), **конёвья сячь**, а также названия других растений: **конёвьи хвосты** ‘полевой хвощ’, **конёвий глаз** ‘чертополох’ (там же). В исторических материалах видим иную фразеологию, более актуальную для XV–XVII вв.: **коновой тать** ‘кто крадет лошадей, конокрад’, **коновая рать** ‘конница’, **коновое валище** ‘место, укатанное лошадьми’ (ПОС, вып. 15, с. 152–153). Кроме того, корень **конь-** более продуктивен — хотя прилагательное **лошади́нный**

в говорах тоже употребляется, но ему трудно «конкретизировать» с **коневий** (меньше свободных употреблений, меньше фразеологии — всего два устойчивых сочетания **лошадиный врач** ‘ветеринар’ и **лошадиные стволы** ‘конский щавель’ (ПОС, вып. 17, с. 196).

В современных псковских говорах употребляются и демонстрируют активное словообразование лексемы, в литературном языке давно вышедшие из употребления. Так, прилагательное **неподобный** в словарях литературного языка имеет помету *устар.* (БАС, т. 12, с. 144, МАС, т. 2, с. 464), а в некоторых вообще не зафиксированы (Ожегов, БТС). является, например, прилагательное **неподобный**. С пометой *псковское* это слово зафиксировано в «Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля» и в «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря», что свидетельствует о широком бытовании динного прилагательного в псковских говорах: НЕПОДОБНЫЙ, ая, ое. 1. Неправильный, не соответствующий норме. *Он взял и ят вѣпил, вѣт дѣ чавѣ даводѣят нипадѣбныи свѣдѣббы* (ПОС, вып. 21, с. 140). 2. Непристойный, неприличный, предосудительный. *Смех такой непадѣбный*. (ПОС, вып. 21, с. 140). 3. Гадкий, худой, нехороший. (Доп., с. 142). 4. Не по вкусу. (Даль, вып. II, с. 528).

В источниках XIX в. зафиксированы также однокоренные слова: **неподобица** ‘что-н. непохожее’ (Доп., с. 142), ‘несуразное, несообразное ни с чем дело, невероятное’ (Даль, вып. II, с. 528), ‘вздор, чепуха’ (Даль, вып. II, с. 528), **неподоба** ‘нечно невероятное’ (Доп., с. 142), **неподобаться** ‘не понравиться’ (Доп., с. 142), а в современных говорах — характеризующее речевое поведение существительное **неподобность** ‘неприличное, скабрзное высказывание’: *Ой как она азарнавая, фсякии нипадобности гѣварѣт.*) (ПОС, вып. 21, с. 190). В исторических источниках прилагательное **неподобный** встречается в значении ‘непристойный, неприличный’ и также описывает речевое поведение: *Пришолъ, государь, я, холопъ твой, к вечерни къ Дмитрею Вселуньскому во Гдовѣ помолитися, а тотъ, государь, Офонасей тутъ въ церкви жѣ и учалъ меня, холопа твоего, лаяти и позорить всякую неподобною лаю... (Писцовая книга, 1632 г., ПОС, вып. 21, с. 191); Бысть-же отрокъ той молчаливъ и кротокъ никому жесто-*

ка словеси и неподобна не извъщеваше. («Повесть о явлении чудотворных икон. . .», XVII в., ПОС, вып. 21, с. 191). Прилагательное **неподобающий** в говорах не зафиксировано, но это единица другой системы — литературного языка — и словообразовательной связи между **неподобный** и **неподобающий** нет, поскольку **неподобный** без **не** не употребляется (хотя в Картотеке ПОС есть запись песни: *Вёрю дьявол вас смушидаёт не на падобные дела и любить царкву мяшдаёт мимо Бога и Христа* (КПОС), но это скорее результат метатезы — «на неподобные дела»).

Аналогичную тенденцию демонстрирует местоимение **некий** в значении ‘какой-то, точно не определенный’: очень употребительное в памятниках письменности и как будто бы характерное именно для письменной речи, оно все же встречается и в современных говорах: *Некии девушки тут ходят, пишут; Мы и ня видели, как птўшка неккая у сёни улятёла; Некии капёйки за лён палучáli* (ПОС, вып. 21, с. 130). Особенно характерен пример с инверсией *птўшка неккая* (ср.: *И в то время господь богъ в церкви прости жену нькую. . .* Псковская первая летопись, 1542 г., ПОС, вып. 21, с. 130). О том, что **некий** — живое явление говоров, свидетельствуют слова семантического тождества: **неыйкий**, **некакий** в том же значении: *Рядам неыйкий станок вёртят. Был он неыйкий нерўский; У нас Прасинья знахаркай была: усё лёта травинки неыйкии ды карёння збирála* (ПОС, вып. 21, с. 129). В современном литературном языке местоимение **некий** употребляется в том же значении, но его употребление осложнено прагматическим компонентом, поскольку содержит оценку объекта речи, причем это отрицательная оценка неопределенности там, где хотелось бы большей ясности: *Их вполне устраивает ситуация, когда в России некий не очень понятный им порядок* (НКРЯ); *В январе 1942 года за некий проступок был осуждён на два года заключения* (НКРЯ). В говорах никакой оценочности **некий** не несет, местоимение употребляется в том значении, которое дошло до наших дней с XVI в.

До сих пор шла речь об общерусских словах, бытующих в народной разговорной речи и входящих в литературный язык. Их употребительность как бы поддерживается связью с системой литератур-

ного языка, и это не дает им исчезнуть из говоров. Какова же судьба диалектных слов, зафиксированных памятниками Средневековья? Здесь можно наблюдать такую зависимость: чем более употребительно диалектное слово в современной речи, чем разветвленнее его семантическая схема (в основном у глаголов) и богаче словообразовательное гнездо, чем больше фиксаций памятниками, тем выше вероятность его дальнейшей устойчивости, употребительности в говоре. Это слова, составляющие «ядро» диалекта, его наиболее устойчивую лексическую основу: **неті́на** ‘ботва’, **конопе́ль** ‘конопля’, **корнева́тка** ‘корзина, сплетенная из корней’, **зень** ‘земля’, **зоба́ться** ‘беспокоиться, хлопотать’ и ‘заботиться о ком-н.’, **йжно** ‘даже’, **ко́лько** ‘сколько’ и др.

Так, например, глагол **зы́кнуться** в значении ‘устремитесь, броситься куда-то’ находим в средневековой «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»: *Стену же ту городовую егда и от тое стороны, от Великие реки по леду уже приступаху; яко гетманом их и рохмистом на конех заезжая, саблями — гайдуков секуще, к городу приступати понужая. Они же егда к городу зыкнутица, из города же их. . . яко мост по леду положишиа* (XVI в., ПОС, вып. 13, с. 160; эта же цитата приведена в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: Слов. XI–XVII вв., т. 6, с. 72). В современных говорах существует словообразовательное гнездо с корнем **зык-**, включающее глаголы **зы́кать**, **зы́каться** ‘бегать, метаться, спасаясь в жару от укусов насекомых (о коровах)’ *Са скати́най де́лать не́цева, зы́кают, им жа́рка, машка́рье их куса́ет, ани́ бегу́т, е́та и есь зы́кать; Сляпни́ куса́ют ка́роф, вот яны́ и зы́каюцца, хвост крью́ком и пабягу́т* (ПОС, вып. 13, с. 134), **зы́кнуть** ‘броситься бежать, спасаясь от жары и укусов насекомых’ *Ка́рову бу́дим пу́там пу́тать, но́ги ей, што́п ни зы́кала, а то бу́дут яё слипни́ куса́ть, яна́ как пады́ни хвост и зы́кни ф кусты́.* (там же, с. 135), существительные **зык**, **зы́канье** ‘беспокойное беганье, метание коров в жару от укусов оводов и других насекомых’ *Пабяжы́т тьялёнак ат сляпне́й, е́та называ́лись зыки́.* *Ка́ровы ат сляпне́й зы́кают, йих патом не найдёш* (там же, с. 133), прилагательное **зыкливо́й** (там же, с. 135).

Автор средневековой повести «О Приходе Стефана Батория

на град Псков», видимо, сравнивая нападающих с коровами, бегущими от оводов, употребил глагол **зыкнуться** в переносном значении, — следовательно, и прямое значение глагола было ему известно (по внутренней форме глагол **зыкать**, очевидно, звукоподражательный: **зыкювка**, **зыкюха** ‘муха, больно кусающая скот’ (ПОС, вып. 13, с. 135).

Конечно, далеко не всегда лексика, зафиксированная в древних памятниках и описанная в исторической части ПОС, употребляется в современной народной речи. Если же слово, пусть и известное памятникам, мало употребляется в говорах, то, как правило, оно претерпевает определенную модификацию, изменение формы или значения. Так, наречие **изнёвести** ‘неожиданно, случайно, ненароком’: *Меня спужал изнёвести; Изнёвести навалился, ня знал, а навалился* (ПОС, вып. 13, с. 245). Это же наречие встречаем в «Псковской судной грамоте»: *А которой человекъ кому закладъ положитъ в чемъ грамоты или иное што в серебри, да изымаетъ своего исца изневести* (1462–1472 гг., ПОС, вып. 13, с. 245). Однако сегодня это дошедшее до наших дней с XV в. слово зафиксировано уже в составе устойчивого сочетания **с изнёвести** ‘на первый взгляд, сначала’: *С изнёвести явб и ни узнать* (ПОС, вып. 13, с. 245). А также с **изнавести**, когда ударение перемещается на первый слог и изменяется гласный в корне: *Рас фтёрнулся крющбк, ктб-та мне с изнавести выташил* (ПОС, вып. 13, с. 245). Непрозрачная для современного носителя говора внутренняя форма слова ведет к варьированию фонемного состава и употреблению — тавтологичному — с предлогом (хотя **изневести** предлога не требует, поскольку изначально являлось предложно-падежным сочетанием **из невести** буквально ‘по неведению’, где **невесть** ‘незнание, неведение’).

Сопоставляя лексику современных псковских говоров и лексику средневековых псковских памятников письменности, можно увидеть, что современная диалектная речь сохраняет слова глубокой древности, не зафиксированные никакими другими источниками и не известные литературному языку. Один из примеров — прилагательное **канфорный** (**канфёрный**, **канфарный**). В «Домашней книге псковитина посадского торгового человека Н. И. Ямского»

XVIII в. читаем: *Стаканъ золоченый, канфарный, 30 золот.* (до 1726 г., ПОС, вып. 13, с. 465). Значение слова определено как ‘украшенный насечками’. В современной части словарной статьи видим примеры из современной диалектной речи, где слово употреблено в другом значении ‘сделанный из хрусталя’: *Канфорный стакан, канфор чистый, светицца насквось; Канхорный стакан* (ПОС, вып. 13, с. 465). Кроме того, данное прилагательное употребляется и в значении ‘фарфоровый, сделанный из фарфора, обычно тонкого’: *Канфърная пасуда бѣлая, чѣшки, блютки, дарага пасуда бѣла; Бѣленькие канфѳорные чѣшки, фся наскрѳь светицца* (ПОС, вып. 13, с. 465). Поскольку внутренняя форма слова неясна говорящим, перед нами, по всей видимости, случай расширения значения: **канфорный** говорят не только о хрустальной посуде, но и о дорогой посуде вообще, в данном случае — фарфоровой. Играет свою роль и созвучие **канфѳорный** — **фарфѳоровый**, то есть не исключена контаминация (об этом говорит и смещение ударения). Есть в говорах и производное от данного прилагательного существительное **канфор** ‘хрусталь’: *Канфор чистый*. «Словарем русского языка XI–XVII вв.» зафиксированы слова **канфаренный, канфареный, канфарский** ‘украшенный пунктирными насечками’, **канфаренье** ‘вид чеканки или резьбы по металлу’, **канфарити** ‘украшать пунктирными насечками (о чеканке или резьбе по металлу)’ (Слов. XI–XVII вв., т. 7, с. 59). Сегодня слова с корнем **канфар-** составляют специальную терминологию чеканщиков и граверов (например: «*Декор серебрянного основания состоит из двух фигурных ручек, в верхней части украшенных двумя скульптурными женскими полуфигурами. . . с чеканным орнаментом стилизованным, растительным с завитками на канфаренном фоне*» (из экспертного заключения ювелира, интернет-форум, 2013); «*Чекан с концом в виде острого шила называется канфарником. В древности техника канфарения была известна под названием «торевтика».* **Канфарником** наносят на поверхность металла рисунок, им же «**канфарят**» фон орнамента, изображения или надписи, т. е. делают поверхность матовой, зернистой. На **канфаренном** фоне четко вы-

деляются чеканные блестящие узоры»⁷). Зафиксированы слова с этим корнем и некоторыми региональными словарями: **канфáрник икон**. ‘чекан, имеющий острый торец несколько толще, чем острие иглы. Употребляется для создания на позолоте изображений мелкими точками’ (Литвинов 2010).

Очевидно, в период расцвета ремесел слова с корнем **канфар-**, описывающие технику гравирования, широко бытовали в живой речи древних псковичей (поскольку были зафиксированы региональными памятниками), однако в письменной речи эти слова «не прижились» и не вошли в литературный язык, — а в говорах употребляются и сегодня, хотя и в другом значении. Это достаточно редкий пример того, как говоры сохраняют древнее слово (причем заимствованное), и сохраняют именно потому, что его значение не утрачивает своей актуальности и обозначаемая им реалья существует и сегодня.

Итак, чтобы диалектное слово сохраняло устойчивость, «нужно», чтобы оно было известно на исторической территории распространения псковских говоров и актуально для народной речи. Чтобы слово имело будущее, ему необходимо не только «богатое прошлое», но и системная «поддержка» литературного языка, т. е. чтобы оно было соотносимо со словом литературного языка, но при этом не вступало в конфликт с престижным способом выражения. Ведь если слово «не похоже» на литературное, то возникает жесткая оппозиция, выражаемая диалектоносителями формулой «*по-нашему (по-деревенскому и т. д.) так-то, а по-городскому (по-культурному, по-настоящему и т. д.) так-то*» (Кружэва назывáлись карúнкам, такúе языкú **сукóнные бýли**; И асúнина и берёзина есть, вéкша есть, **па-настáяшшему бéлка**; Раньшы старикú **сэрыи** бýли, ни пахáли, а ара́ли; Крыльцо назывáют фсё бóльшы верáнда — нарбт-тэ **культúрней** стал; Жýто по-деревéнски, а ячмéнь **по-гра́мотному** (КПОС)), и диалектный член этой оппозиции маркируется народным языковым сознанием отрицательно. Кроме того, устойчивой употребительности слова способствует и его прозрачная внутренняя форма.

⁷ Федотов Г. Я. Чеканка, басма, насечка. М.: Знание, 1989.

СОКРАЩЕНИЯ

БАС — Большой академический словарь русского языка /Под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда и др. Тт. 1–21. М.; СПб.: Наука, 2004–2012. (издание продолжающееся)

БТС — Большой толковый словарь русского языка /Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

БЭС — Большой энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 1997.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I–IV.

Доп. — Дополнение к Опыту Областного великорусского словаря. СПб., 1858.

Литвинов 2010 — *Литвинов М. И.* Словарь профессиональной лексики ремесел, промыслов и кустарных производств Шуйского региона. Шуя, 2010. [<http://sspu.ru/projects/litvinov/index.html>], Дата доступа 15.12.2013.

МАС — Словарь русского языка /Под ред. А. П. Евгеньевой. Тт. I–IV, 1982–1984.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [<http://www.ruscorpora.ru/>].

Ожегов — Словарь русского языка /Под ред. С. И. Ожегова. М., 1989.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. Л.; СПб., 1967–2013 (издание продолжающееся).

Слов. XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29, М.: Наука, 1975–2011 (издание продолжающееся)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУФФИКСА *-ЕНЬ* В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. Статья посвящена описанию функционирования суффикса *-ень* в смоленских говорах в пределах словообразовательной ниши. Данная ниша понимается как объединение четырех словообразовательных типов с тождественным суффиксом и показывает специфику диалектного словообразования.

Ключевые слова: смоленские говоры, суффикс *-ень*, словообразовательная ниша.

Традиционно в аффиксальном словообразовании с позиций структурно-семантического анализа выделяются несколько основных словообразовательных единиц — словообразовательный тип, словообразовательное гнездо, способ словообразования. Каждая из этих единиц представляет собой довольно крупное абстрактное объединение сходных в определенном, структурно-семантическом, отношении мотивированных слов. Каждая из названных единиц предполагает существование более мелких образований, безусловно соотносимых с названными и вступающих с ними в таксономические отношения. Такими единицами по отношению к словообразовательному гнезду являются словообразовательные пара и цепочка, по отношению к морфологическому способу словообразования — конкретные аффиксальные реализации этого способа. Словообразовательный тип также потенциально может формировать таксономические отношения, причем как с единицами более простой, так и с единицами более сложной структуры.

В рамках аффиксального словообразования словообразовательный тип определяется: А) единством ономаσιологической структуры, Б) единством лексико-грамматического характера словообра-

звательной основы и В) тождеством форманта во всех его обязательных частях»¹. Это классическое определение словообразовательного типа Милоша Докулила уточняется на основании включения типа в более крупные языковые общности, основанные на перегруппировке признаков. Докулил рассматривает возможные комбинации трёх указанных признаков, или плоскостей в его терминологии — А, Б и В, и выделяет «словообразовательные плоскости с меньшим, чем у трёхмерной плоскости словообразовательного типа (АВВ), числом измерений (и, следовательно, более общие): одномерные: А) плоскость, заданная единством ономаσιологической структуры (объединяющая, например, названия носителей свойства, образованные от прилагательных и от существительных, названия производителей и носителей действия), Б) плоскость, заданная единством лексико-грамматического характера основы (например, плоскость отглагольных слов, плоскость отымённых слов, разделяющихся на производные от существительных и от прилагательных), В) плоскость, заданная единством форманта (например, плоскость с формантом -(е)с, охватывающая ряд словообразовательных типов); двумерные, соединяющие два измерения: АБ (так называемые словообразовательные категории; например, названия носителей свойств, производные от прилагательных), БВ (слова, производные от прилагательных с формантом -(е)с)»².

Таким образом, намечаются два разнонаправленных по отношению к форманту, как доминирующему элементу словообразовательного типа, возможных вектора исследования: в одном случае отправной точкой является словообразовательная семантика производных слов (по терминологии Докулила, плоскость, заданная единством ономаσιологической структуры), с которой плотно взаимодействует частеречная семантика производящих слов (или уже упоминавшаяся «плоскость, заданная единством лексико-грамматического характера основы»), в другом случае доминантой является именно формант, объединяющий несколько словообразовательных типов. Нужно отметить, что оба направления исследования пред-

¹Докулил М. Словообразование в чешском языке. Прага, 1962. Т. 1. С. 202.

²Там же, с. 202–203.

ставляются весьма интересными и важными для словообразования, особенно для словообразования диалектного, и позволяют получить разные результаты, а именно описание словообразовательных категорий и словообразовательных ниш в рамках определенной группы говоров.

Рассмотрим функционирование одной крупной языковой единицы, а именно словообразовательной ниши³, включающей производные слова с суффиксом -ень, в смоленских говорах⁴. Выбор данного суффикса был обусловлен его яркой диалектной спецификой: среди более чем десятка потенциальных словообразовательных диалектных ниш (учитывались лишь наименования артефактов) именно ниша с суффиксом -ень занимает особое место. Это объясняется количественным наполнением ниши — в ней 85 производных единиц, что является относительно высоким показателем для данной категории (число слов в диалектных словообразовательных нишах может варьироваться от нескольких сотен, например, у регулярных и высокочастотных в смоленских говорах формантов -к(а), -ник, -ниц(а), до нескольких десятков — у формантов -к(и), -н(я), -ух(а) и др.).

В данной нише, выстроенной на основании описания соответствующих диалектных словообразовательных типов, отмечено 50

³ Данное понятие описывается в разных терминах в следующих работах: *Улуканов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977 — «словообразовательный супертип»; *Ширшов И. А.* Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1981. — «словообразовательный архетип», *Манучарян Р. С.* Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках: Учеб. пособие. Ереван, 1981. — «словообразовательный макротип». В работах Л. А. Араевой, И. П. Фаломкиной, Т. В. Ковалевой — с использованием термина «словообразовательная ниша» (*Араева Л. А.* Функционирование словообразовательных типов в пределах словообразовательных ниш // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. Материалы международной научно-практической конференции 22–24 сентября 2004г. Бийск, 2004; С. 45–53; *Фаломкина И. П.* Пропозиционально-фреймовое моделирование словообразовательной ниши с формантом -н(я) (на материале русских народных говоров): дисс. . . . канд. филол. наук. Кемерово, 2012; *Ковалева Т. В.* Производные с -атор/-тор в деривационной системе русского языка: дисс. . . . канд. филол. наук. Кемерово, 2004).

⁴ Слова выбраны из Словаря смоленских говоров. (Тт. 1–11. Смоленск, 1974–2005) и картотеки Словаря.

отглагольных слов, 24 отсубстантивных, 8 отадективных и 3 от-
нумеративных — т. е. по наполнению ниша является полной, демон-
стрирующей деривационные отношения с предельно большим ко-
личеством мотивирующих основ, принадлежащих к разным частям
речи.

Конкретное наполнение диалектной словообразовательной ни-
ши на каждом из ее участков заслуживает отдельного внимания.
В основу описания ниши положим логику описания словообразо-
вательных типов — с учетом их словообразовательной семантики,
специфики отношений производящих и производных слов в смо-
ленских говорах и морфологических явлений.

Отглагольные существительные с суффиксом *-ень* значительно
преобладают в смоленских говорах и формируют ядро ниши — оно
представлено 50 словами. Все эти слова укладываются в рамки од-
ного словообразовательного типа (далее СТ).

Словообразовательное значение данного типа имеет четыре раз-
новидности: объекта действия; объекта и частично результата дей-
ствия; объекта, служащего средством для осуществления действия;
субъекта действия. Значение суффикса в смоленских говорах сов-
падает со значением, характерным для слов общерусского языка⁵.

Значение объекта действия выделяется у 24 отглаголь-
ных существительных. В рассматриваемой подгруппе выделяет-
ся лишь одна семантическая подгруппа — названия приспособле-
ний (*переворотень* ‘рыболовная снасть, сеть’, *покатьень* ‘при-
способление для перекачивания тяжестей, каток’, *поставень* ‘ры-
боловный снаряд’, *постановень* ‘рыболовная снасть, жерлица’,
привязень ‘жердь, которой прижимают уложенные на возу сено,
солому и под., привязанная на противоположных краях повозки’,
прикладень ‘жердь, которой прижимают уложенные на возу сено,
солому и под., привязанная на противоположных краях повозки’,
шерстень ‘ёршик для мытья посуды’); остальные существитель-
ные разнородны по семантике и не образуют подгрупп: *волочень*
‘маленькая копна сена, которую перетаскивали волоком с помо-

⁵Совпадение/несовпадение с общерусским языком устанавливается по сле-
дующим источникам: Русская грамматика. Т. 1. М., 1982; Ефремова Т. Ф. Тол-
ковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005.

шью веревки’, *клепень* ‘обруч’, *крашень* ‘крашеное яйцо’, *лазень* ‘веник’, *навязень* ‘лапоть’, *обгибень* ‘загнутый по краям пирог’, *перекрестень* ‘лапоть, головка которого переплеталась крест-накрест’, *подмотень* ‘валик для волос’, *покровень* ‘обрядовое покрывало невесты’, *постелень* ‘матрац’, *потягень* ‘деталь ткацкого стана’, *прикопень* ‘небольшой стог, небольшой сноп’, *распашень* ‘широкая верхняя одежда’, *рубень* ‘деревянная доска с ручкой и с вырубленными поперечными желобками для прокатывания белья’, *седень* ‘сосуд для жидкости, обёрнутый берестой’, *слипень* ‘приспособление для переноски пищи в виде двух горшков, соединенных вместе общей ручкой; судок’, *ставень* ‘специальный стол, используемый в обрядах, посвященных окончанию каких-либо работ’.

Значение объекта и частично результата действия не характерно для типа и определяется у пяти производных существительных. Три из них называют кушанья (*ляпень* ‘корж из ржаной муки’, *сгибень* ‘загнутый по краям пирог; булка, пирог с начинкой или без нее’, *стюдень* ‘стюдень’), два — обувь (*верзень* ‘легкий лапоть’, *каверзень* ‘лапоть, сплетенный из лыка; лапоть, сплетенный из бересты; веревочный лапоть’).

Значение объекта, служащего средством для осуществления действия, присуще 12 словам. Среди описываемых существительных можно выделить две семантических подгруппы: названия орудий труда (*перепашень* ‘плуг или соха для окучивания картофеля’, *распашень* ‘небольшой плуг с отвалом в обе стороны’, *скобень* ‘скобель’) и названия разного рода приспособлений и их частей (*выхватень* ‘ухват’, *перевязень* ‘перевясло’, *поскребень* ‘нож, которым очищают от теста квашню’, *прудень* ‘приспособление для ловли рыбы, сплетенное из мелких прутьев и крепких ниток’, *прястень* ‘веретено с пряжей’, *розматень* ‘приспособление для перематывания пряжи в мотки’). Остальные производные существительные семантических подгрупп не образуют (*болтень* ‘длинный шест с переладиной на конце, употребляемый во время ловли рыбы’, *курень* ‘курильная трубка’, *потопень* ‘грузило в рыболовном снаряде’).

Значение субъекта действия не является характерным для типа и представлено лишь у четырех существительных (*лежень* ‘прут,

одинаковой длины с навоем, которым придерживают начало основы в ткацком стане’, *лопотень* ‘сверло для сверления отверстия во втулке колеса’, *скробень* ‘об изношенной обуви’, *тяпень* ‘специальный нож для рубки овощей; сечка’). Все слова разнородны по семантике.

Производящие основы в рассматриваемом словообразовательном типе представлены как производные, так и непроизводные; известные общерусскому языку и диалектные.

Непроизводные основы, известные общерусскому языку, встречаются в 13 случаях (*болтать* — *болтень*, *волочить* — *волочень*, *красить* — *крашень*, *курить* — *курень*, *лежать* — *лежень*, *прясть* — *прястень*, *размотать* — *розматень*, *рубить* — *рубень*, *сидеть* — *седень*, *скоблить* — *скобень*, *ставить* — *ставень*, *студить* — *стюдень*, *тлпать* — *тлпень*). Непроизводные диалектные основы обнаруживаются в восьми парах: *верзать* — *верзень*, *каверзать* — *каверзень*, *клепить* — *клепень*, *лазить* — *лазень*, *лопотеть* — *лопотень*, *ляпать* — *ляпень*, *прудить* — *прудень*, *скробать* — *скробень*.

Производные основы, выступающие в роли производящих, принадлежат большей частью литературному языку (19 пар: *выхватить* — *выхватень*, *навязать* — *навязень*, *обгибать* — *обгибень*, *перевязать* — *перевязень*, *перекрестить* — *перекрестень*, *подмотать* — *подмотень*, *покатить* — *покатень*, *покрыть* — *покровень*, *поставить* — *поставень*, *слепить* — *слепень* и др.), пять основ функционируют в смоленских говорах (*переворотить* — *переворотень*, *поскрёбать* — *поскробень*, *постановить* — *постановень*, *потягать* — *потягень*, *прикладывать* — *прикладень*).

Морфонологические явления в СТ представлены во всех словах, за исключением одного (*прястень*), т. е. являются необходимым условием для функционирования типа. Наиболее распространенными морфонологическими явлениями в типе являются усечения конечных гласных производящих основ с сопутствующим смягчением парно-твердых согласных. Кроме того, встречаются чередования гласных и согласных звуков.

Вторым по значимости в рамках описываемой ниши является словообразовательный тип существительных с суффиксом -ень, об-

разованных от субстантивных основ. Данный тип включает 24 производных слова.

В СТ представлены модификационное и мутационное словообразовательные значения. Модификационное значение отмечается у десяти производных существительных, мутационное — у одиннадцати. Словообразовательное значение суффикса -ень в смоленских говорах не совпадает со значением, присущим литературному языку (единичное наименование животного).

Модификационное словообразовательное значение имеет два подвиды: тождества и подобия. Значение тождества выделяется у трех существительных (*сдобень* ‘любая сдобная выпечка или тесто’, *ухватень* ‘ухват’, *чепелень* ‘сковородник’), значение подобия — у девяти (*глыбень* ‘о плохо распаханной земле’, *кляпень* ‘деревянная пробка, затычка, гвоздь в бочке’, *коржень* ‘сухарь’, *оборотень* ‘веревка’, *парень* ‘паровая земля’, *покровень* ‘обрядовое покрывало невесты’, *правилень* ‘толстая изогнутая лопатка с рукояткой, употребляемая для выколачивания белья при его полоскании или для обмолотки льна, зерна; валёк’, *пралень* ‘толстая изогнутая лопатка с рукояткой, употребляемая для выколачивания белья при его полоскании или для обмолотки льна, зерна; валёк’, *хвостень* ‘подол’).

Мутационное словообразовательное значение выделяется у 12 существительных, называющих кушанья (*гречень* ‘печеное изделие из гречневой муки’, *листень* ‘овощной суп’), одежду (*копотень* ‘рубашечка для малыша, имеющая только вырез для головы и рукава, без застежек и украшений’, *сыморотень* ‘сыромятный ремень’), посуду (*берестень* ‘корзина, кузовок из бересты’, *сковородень* ‘сковородник’), приспособления (*верхень* ‘верхний камень жернова’, *ледень* ‘приспособление в виде решета, корзины, ящика и под с замороженным дном или кусок льда для катания с гор’) и другие предметы (*оборень* ‘лыко, которое вставляется по краям лаптя’, *ручень* ‘горсть, пучок’, *улень* ‘улей’, *хрестень* ‘верх стога’).

Производящие основы в рассматриваемом словообразовательном типе — непроезводимые и производные, известные литературному языку и говорам.

Непроезводимые производящие основы, известные общерусско-

му языку, в данном типе преобладают, поскольку встречаются в 12 случаях (*береста — берестень, верх — верхень, глыба — глыбень, кляп — кляпень, лед — ледень, лист — листень, обора — оборень, пар — парень, рука — ручень, сдоба — сдобень, сковорода — сковородень* и *хвост — хвостень*). Непроизводные основы, известные смоленским говорам, отмечены лишь в восьми случаях: *греча — гречень, копоть — копотень, корг — коржень, обороть — оборотень, сымороть — сыморотень, уль — улень, хрест — хрестень, чепел — чепелень*.

Производные производящие основы представлены в четырех парах, в двух из них встречаются основы литературного языка (*покров — покровень и ухват — ухватень*), и в двух — диалектные (*правило — правилень, прало — пралень*).

Морфонологические изменения происходят в 17 словах рассматриваемого типа, или в большинстве случаев, и представлены разнообразными чередованиями согласных.

Периферийное положение в словообразовательной нише, оформленной суффиксом *-ень*, занимают два СТ отадъективных и отнумеративных существительных. Рассмотрим типы подробнее, для того чтобы определить их диалектную специфику.

Словообразовательный тип отадъективных конкретных существительных с суффиксом *-ень* включает девять производных слов.

Существительные обозначают предметы, которые характеризуются признаками, названными мотивирующими словами, и имеют общее словообразовательное значение «носитель признака». В общерусском языке подобные слова не отмечены.

Все диалектные существительные, принадлежащие типу, разнородны в семантическом отношении: *витень* ‘кнут’, *голень* ‘вытертый от употребления, оголенный веник; голик’, *крестовень* ‘разновидность лаптя, передняя часть которого состояла всего из трёх лычек’, *отбитень* ‘глиняный кувшин с отбитыми краями’, *простень* ‘часть веретена, которую крутят руками и на которую наматываются нитки’, *сбитень* ‘кусоч сбитого масла’, *седень* ‘сосуд для жидкости, обёрнутый берестой’, *слепень* ‘коптилка’, *суровень* ‘грубое небеленое домотканое полотно’.

Все производящие основы известны общерусскому языку, пять из них непроизводные (*голый — голень, простой — простень, седой — седень, слепой — слепень, суровый — суровень*), четыре производные (*витой — витень, крестовый — крестовень, отбитый — отбитень, сбитый — сбитень*).

Мотивация в СТ характеризуется двумя основными моделями: в качестве производящих используются первообразные прилагательные (*голый, простой, седой, слепой, суровый*) и причастия (*витой, отбитый, сбитый*). В единичном случае фиксируется отсубстантивное прилагательное (*крестовый*).

Морфонологические процессы происходят во всех словах типа и представляют собой последовательное чередование парного твердого согласного с мягким перед суффиксом -ень.

Словообразовательный тип отнумеративных конкретных существительных с суффиксом -ень включает три слова.

Существительные называют неодушевленный предмет по отношению к количеству, названному мотивирующим словом. В общерусском языке суффикс не отмечен среди действующих в сфере отнумеративной деривации. Диалектные существительные данного типа разнородны по семантике: *девятиень* ‘грубое полотно’, *десятиень* ‘бердо в десять пасм основы’, *шестерень* ‘лапоть, сплетенный в шесть лык’.

Производящие основы известны общерусскому языку, две из них непроизводные (*девять — девятиень, десять — десятиень*), одна производная (*шестеро-шестерень*).

Мотивация в СТ характеризуется разными вариантами: в качестве производящих используются первообразные (*девять, десять*) и собирательные (*шестеро*) числительные.

Морфонологические изменения происходят в одном слове типа и представляют собой позиционное смягчение согласной производящей основы перед суффиксом -ень (*шестеро — шестерень*).

Таким образом, функционирование суффикса -ень в смоленских говорах закономерно рассматривать в рамках словообразовательной ниши.

Нужно отметить, что в данном случае словообразовательная ниша формируется прежде всего за счет общности форманта и самого обобщенного словообразовательного значения, которое можно сформулировать как «предмет по отношению к другому предмету, признаку, действию, количеству». Лексическое наполнение ниши чрезвычайно пестрое — это названия одежды, обуви, кушаний, рыболовных снастей, деталей ткацкого стана, орудий труда и разного рода хозяйственных приспособлений и т. д. В то же время можно предположить, что именно агентивная семантика форманта является причиной существования данной ниши — в пользу этого утверждения говорит преобладание отглагольных существительных над всеми остальными.

Представляется, что описание словообразовательных ниш является важным элементом для характеристики того или иного участка частной диалектной деривационной системы, поскольку позволяет использовать комплексный подход к описываемому явлению и учитывать максимально большое количество слов с заданным формантом. Можно утверждать, что каждая словообразовательная ниша в рамках смоленских говоров, как полная, демонстрирующая разнообразную сочетаемость с мотивирующими разными частями речи, так и неполная, характеризующаяся ограниченной сочетаемостью, например, только с основами существительных и глаголов, в любом случае является уникальным, присущим данной группе говоров, словообразовательным явлением.

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕХОДА [Ó] > [Á] В РУССКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. В статье представлена большая группа русской лексики, испытавшей преобразование гласного **о** в позиции под ударением, переход в **á**. Выделяются ареалы бытования лексических единиц с необычным фонемным составом, которые на начальном этапе являлись фонетическими вариантами общеизвестных или диалектных слов. Устанавливаются формальные отношения описываемых слов с исходными лексемами, а также характер семантических связей между ними. Делается попытка установить причины описываемого явления, распространенного в разных говорах.

Ключевые слова: фонетика, диалектная лексика, ареальные явления, языковые контакты.

Во многих русских говорах функционируют лексемы, в которых отражено изменение гласного [o] в позиции под ударением в [a] без смещения акцента. Подобное явление, связанное с переходом предударного [o] в ударный [a], описано ранее¹. Замена [ó] на [á] не может рассматриваться как закономерный процесс, в связи с чем возникает необходимость поиска причин, приведших к указанному преобразованию. Представляется, что в первую очередь требуется установить ареал лексико-фонетических вариантов и самостоятельных лексических единиц, возникших в результате перехода [ó] > [á]. Именно определение территории распространения лексем, репрезентирующих указанный переход, и является основной задачей данной статьи. Материалом исследования служат сведения, извлеченные путем сплошной выборки из известных областных словарей.

¹См: Михайлова Л. П. Рефлексы процесса удлинения гласных звуков в лексике русских говоров (o > a) // Севернорусские говоры: межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд. Вып. 12. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С 228–249.

Описываемое явление характерно для разных говоров. Считаю целесообразным представить материал по основным диалектным зонам.

1. Северная и северо-восточная зоны

1.1. Лексикализованные единицы, содержащие [á] на месте [ó], исходными для которых послужили *общеизвестные слова*, отмечены в говорах севернорусского наречия:

1.1.1. в архангельских: **гáрлица** ‘птица горлица’ Мезен. Арх.², (СРНГ 6: 142), ср. *гóрлица* ‘небольшая птица сем. голубиных с красивым оперением и нежным приятным воркованьем; дикий голубь’ (БАС 3: 293); **вагáнка** ‘узкая доска для обшивки строения’ Вин., Леш. Арх. (АОС 3: 22), ср. *вагóнка* ‘то же’ Вель., Вин., Карг., Кон., Красн., Леш., Онеж., Пин., Холм. Арх. (АОС 3: 23);

1.1.2. в вологодских, архангельских, примыкающих к ним говорах Терского берега, говорах Белозерья: **кошáлка** ‘мешок, сумка’ Тер. Мурман. (СРГК 3: 5), ‘котомка, сумка из холста, носимая за спиной’ Сольвыч. Волог., Волог., Арх., ‘кожаный или суконный мешок, затягивающийся шнурами’ Шенк. Арх., Кадн. Волог., ‘корзинка’ Кирил. Новг., а также Васильсур. Горьк. (СРНГ 15: 138), ср. *кошёлка* ‘корзина, короб из лыка или бересты’ (БАС 5: 1557);

1.1.3. в говорах Карельского Поморья и Южного Обонежья: **кошáлочка** уменьш.-ласк. к кошáлка ‘котомка, сумка из холста, носимая за спиной’ Беломор. Карел. (СРНГ 15: 138), ‘мешок, рюкзак’ Подп. Ленингр. (СРГК 3: 5); **хлáпать** ‘производить звуки, хлопать хвостом’ Пуд. Карел. (СРГК 6: 720), ср. *хлóпать* ‘производить глухой, короткий звук, звуки, ударяя чем-н.’ (БАС 17: 202);

1.1.4. в отдельных пунктах восточных среднерусских окающих говорах: **кошáлка** ‘корзинка’ Васильсур. Горьк., а также Кирил. Новг. (СРНГ 15: 138), **излáман** ‘изломан’ Ильин.-Хован. Иван. (ЯОС 4: 138) < *излóман*.

²Географические пометы словарей не изменяем, в некоторых случаях добавляем указание на отношение представленного в сокращении говора к области (типа Кр. Пск., Кр. Новг., а не Кр.).

В целом данные слова занимают восточную часть северного наречия.

1.2. Единицы, возникшие на основе *семантических диалектизмов*, по ареалу совпадают с предшествующей группой. Слову *бот* ‘небольшое парусное, гребное или моторное судно’ (Ожегов: 54) соответствует диалектизм *бот* ‘выдолбленная из дерева лодка’ Тобол., Том. (СРНГ 3: 127), который в архангельских и вологодских говорах преобразовался в **бат** ‘лодка-долбленка, обычно с досками по бокам для устойчивости’ Вель., Вин., Кон., Нянд., Плес. Арх.; В.-Важ., В.-Уст., Сямж., Хар. Волог. (СРГС 1: 72), ‘небольшая лодка, выдолбленная из цельного куска дерева’ Хар. Волог., ум.-ласк. **ба́тик** Верх. Волог. (СВГ 1: 23–24). Широко известное в говорах по всей территории России слово *погода* ‘плохая погода, непогода, ненастье’ (СРНГ 27: 297) имеет вариант **пога́да** ‘ненастье, плохая погода’ Пинеж. Арх. (СРНГ 27: 285). Вместо слова *морда* ‘плетенка из ивовых прутьев для ловли рыбы; верша’ (БАС 6: 1256) употребляется **ма́рда** ‘рыболовный снаряд из прутьев в виде воронки: морда’ Арх., Белозер., Онеж. (СРНГ 17: 370). Лексема *охлопок* перен. ‘об очень плохом человеке’ Ветл. Костром., ‘об озорном, не в меру шаловливом подростке’ Весьегон. Твер. (СРНГ 25: 35) имеет междиалектнвй вариант **вохла́пок** экспр. ‘о неподходящем женихе’ Красн. Арх. (АОС 5: 135); *то́рнуть* ‘стукнуть, резко ударить’ Вашк., Кирил. Волог., Кондоп. Карел., Онеж. Арх., Подп. Ленингр., Чуд. Новг. (СРГК 6: 493) сменилось на **та́рнуть** ‘то же’ Пуд. Карел. (СРГК 6: 493). Ср. также *гро́хнуть* ‘упасть с шумом’ В.-Т., Котл., Шенк. Арх. (АОС 10: 80) и **гра́хнуть** ‘упасть, рухнуть’ В.-Т. Арх. (АОС 10: 28).

1.3. Варианты *фонетических диалектизмов*, содержащие [á] в соответствии с [ó], имеют точечные ареалы в пределах архангельских и вологодских говоров с продлением на ярославскую территорию: **вап** и **ва́па** ‘крик, вопль, вой’ Арх. (СРНГ 4: 39), ср. *воп* 1. ‘крик; вопль, громкий плач’ Арх., Моск., Пск., Самар., Симб., 2. ‘причитание на свадьбе или похоронах’ Олон., Север., Влад., Самар., Кем. Арх., *во́па* ‘то же, что воп 1’ Пск. (СРНГ 5: 95); **каравáд** ‘хоровод’ Пинеж. Арх. (СРНГ 13: 64), ср. *коровóд* ‘то же’ широко в русских говорах (СРНГ 14: 354); **наискáс** ‘наискось’ Вашк. Во-

лог. (СРГК 3: 326), ср. *наискѡс* ‘то же’ Карг. Арх. (СРГК 3: 326); **загрáхать** ‘застучать’ Шексн. Волог. (СРГК 2: 109), ср. *загрѡхать* ‘начать грохать, сильно стучать’ простореч. (БАС 4: 381); **пайво** ‘корм (какой?)’ Брейт. Яросл. (ЯОС 7: 78), ср. *пѡйво* ‘пойло для скота’ Волог., Яросл., Новг., Ленингр., КАССР, Арх., Мурман., Олон., Север., Латв. ССР, *пѡйвá* Кольск. Арх. (СРНГ 28: 351); ср. также *пѡйло*. Отнесем сюда и слово **брáжный** ‘гуляющий, блудливый’ Бокс. Ленингр. (СРГК 1: 104), ср. *брѡженный* ‘такой, по которому кто-л. ходил, бродил (о потоке, воде)’ Агренева-Славянская Олон. ? (СРНГ 3: 193).

1.4. Варианты *собственно лексических диалектизмов* представлены отдельными, удаленными друг от друга точками в архангельских, белозерских, обонежских, ладого-тихвинских говорах: **зарáд** ‘скирд, стог сена, соломы или снопов (обычно большого размера), удлиненной формы и разделенный кольями на секции-промежки’ Мезен. Арх., ‘всякий стог сена’ Мезен. Арх. (СРНГ 11: 376), ср. *зарѡд* ‘то же’ Волог., Костром., Яросл., Твер., Новг., Волхов., Пск., Смол., Ленингр., Олон., Сев.-Двин., Беломор. КАССР, Арх., Вят., Киров., Север., Перм., Урал., Сиб. (СРНГ 10: 386); **ста́йно** ‘так же, как кто-н.’ Кирил. Волог. (СРГК 6: 307), ср. *стаѡйно* ‘подобно кому-, чему-н., вроде’ Пест. Новг., Белоз., Кирил., Чаг., Чер., Шексн. Волог. (СРГК 6: 341); **та́снуть** ‘проявлять душевную тревогу, грусть и скуку; тосковать’ Медв. Карел. (СРГК 6: 498), ср. *таѡснуть* ‘то же’ Подп., Тихв. Ленингр., Медв. Карел., Кирил., Выт. Волог. (СРГК 6: 498); **ха́лзать** ‘двигаться, мешая другим’ Бор. Новг., Тихв. Ленингр. (НОС 12: 6), ср. *хаѡлзать* ‘двигаться, скользить’ Мал. Новг. (НОС 12: 20); **сола́щий** ‘любящий поесть, неразборчивый в еде’ Пудож. КАССР, Кадн. Волог. (СРНГ 39: 254), ср. *солаѡщий* ‘обладающий хорошим аппетитом, неразборчивый в еде (о человеке); поедающий любой корм, прожорливый (о скотине)’ Вышневол. Твер., Твер., Моск., Влад., Иван., Яросл., Костром., Волог., Арх., КАССР, Петерб., Новг., Нижегород., Симб., Куйбыш., Урал., Перм., Свердлов., Курган., Сиб. (СРНГ 39: 305). Отнесем к этой группе и слово **почáга** ‘огонь, пламя’ Лод. Ленингр. (СРГК 5: 125), в котором наряду с переходом [ó] > [á], вероятно, отражается изменение *дж* > *ч*, ср. *поджѡга* ‘поджог’ Смол. Смол., Пск., Брян., ‘растопка

(щепки, лучина и т. п.)’ Ржев. Твер. (СРНГ 28: 11). Лексема **поча́га** семантически и этимологически связана также со словом **пожа́га** ‘костер из отходов льна’ Выт. Волог. (СРГК 5: 20), ‘горящая куча льняной кострички’ Вытегор. Олон. (СРНГ 28: 287), в котором также имеем переход [ó] > [á], ср. *пожо́га* ‘костер’ устар. и обл. (БАС 10: 749–750), *пожо́г* ‘костер, куча дров, сучьев, используемая для обогрева, нагрева чего-н.’ Кирил. Волог., Пест. Новг. (СРГК 5: 24). Лексемы **остержа́нок** ‘полено, от которого щиплют лучину’ Пудо-ж. Олон. и **остержо́нок** ‘березовое полено, от которого отделено несколько лучин’ Тихв. Новг. (СРНГ 24: 67), помимо перехода [ó] > [á] в суффиксе, отражают, вероятно, и незакономерную протезу **tt-** > **att-**, ср. *стержо́нок* ‘тонкое сосновое полено для щипания лучины’ Тихв. Новг. (СРНГ 41: 150).

Указанный ареал дополняется ярославскими говорами: **валáга** ‘всякое жидкое кушанье, родовое название щей, супа, похлебки’ Яросл. Яросл. (ЯОС 2: 45; ЯОС 3: 30), ср. *воло́га* ‘то же’ Солигалич. Костром., Брейт., Гавр.-Ям. Яросл. (ЯОС 3: 30); **дра́ля** ‘возлюбленный, возлюбленная, милый, милая (чаще — в частушках)’ Ильин. Яросл. (ЯОС 4: 20), ср. *дро́ля* ‘то же’ широко в ярославских говорах (ЯОС 4: 20).

1.5. Словообразовательные диалектизмы с переходом [ó] > [á] имеют исходную непроезвонную основу без перехода, но большей частью, вероятно, образовались самостоятельно, не имея полного исходного варианта: **гра́бель** ‘гроб’ Тихв. Ленингр. (СРГК 1: 385), ср. *гроб*; **перепáлзаться** ‘беспорядочно переплестись, перепутаться (о растениях)’ Медв. Карел. (СРГК 4: 459), **гарма́нька** ‘гармонь’ Кир. Волог. (СРГС 3: 15), ср. *гармо́нь*; **па́йвало** ‘пойло’ Пуд. Карел. (СРГК 4: 371), ср. *по́йво* ‘пойло для скота’ Волог., Яросл., Новг., Ленингр., КАССР, Арх., Мурман., Олон., Север., Латв. ССР (СРНГ 28: 351), ср. также *по́йло*. Ареал — точки в Ладого-Тихвинской группе, Белозерье, Юго-Восточное Обонежье.

2. Псковско-тверская зона

2.1. Литературным лексемам соответствуют следующие фонетически преобразованные слова, бытующие в псковских и твер-

ских говорах: **ва́рот** ‘вырез, разрез в одежде для надевания ее через голову; воротник’ Вл. и *во́рот* Гд., Остр., Пуст.³; **жа́сткий** ‘твердый, жесткий’ Тор. Твер. и *жё́сткий* ‘твердый, крепкий; не мягкий’ Вл., Пл.; **зада́р** ‘желание, стремление соревноваться’ Печ. и *задо́р* Оп.; **изва́зчик** ‘кучер наемного экипажа, повозки’ Оп. и *изво́зчик* Н.-Рж., Беж. (ПОС); **лам** 1. ‘кряжи, корни деревьев’ Пск., Осташк. Твер., ‘сухой хворост’ Пск., Твер. (СРНГ 16: 252), 2. ‘отходы при рубке дров’ Печ. Пск., 3. мелкий кустарник на сенокосном лугу’ Кар. Пск. (ПОС 16: 488) и *лом* ‘валежник, бурелом в лесу’ Тихв. Новг., Бельск. Смол., Новг., Олон., Сев.-Двин., Арх., Костром., Киров., Ср. Урал, Енис. (СРНГ 27: 115); **вашь** ‘вошь’ Осташк. Твер., Твер. (СРНГ 4: 79), ср. *вошь*.

2.2. На базе *семантического диалектизма загво́здка* ‘чека у повозки, телеги’ Беж., Себ., Холм. Пск. возникло слово **загва́здка** ‘деталь самопрялки: стержень, закрепляющий ось колеса’ Пуст. Пск.

2.3. Преобразование *фонетического* диалектизма представлено в данной зоне двумя лексемами: **жа́луд** ‘плод дуба’ Беж. и *желу́д* Локн., Оп., Пуст.; **кра́пин** ‘укроп’ Себ. и *кро́пина* Пск., ср. *укропина*. В последней отмечается также изменение рода.

2.4. В псковских говорах более всего переход [ó] > [á] отмечен в *собственно лексических* диалектизмах, ср. данные ПОС: **за́блиться** ‘заботиться’ Беж. и *зо́блиться* в близких значениях широко в псковских говорах; **ка́рбик** ‘небольшой ящичек с крышечкой, коробка’ Гд. и *корб* ‘резервуар в ветряных мельницах, куда засыпается зерно перед поступлением в жернов’ Гд. как вариант к *короб* Гд., Порх.; **ка́рза** ‘плетеное изделие из прутьев, драмки, камыша для упаковки, хранения, переноса чего-н., корзина’ Ляд. и *корзо́вка* Порх., *корзи́на*; **крача́нники** ‘лапти, свитые из веревок’ Оп. и *кручо́нки* ‘лапти, сплетенные (связанные) из льняных крученых веревок’ Порх.; **ла́сканка** ‘повреждение, причиненное ударом; ушиб’ Пушк. и *ло́скать* ‘бить, наносить удары’ Твер., Новг., Тихв. Новг., Казаки-некрасовцы, ‘ударять (бичом), шлепать по воде

³Здесь и далее, если используются данные ПОС, источник, как правило, не указывается.

плашмя' Новг., Пск. (СРНГ 17: 151), при отсутствии гипотетического *лѡсканка.

Некоторые лексемы известны только тверским говорам: **пронáжки** 'проножки в ткацком стане' Меднов. Калинин. (СРНГ 32: 194), ср. *пронѡжка* 'планка для скрепления ножек стула, стола и т. п.' (БАС 11: 1241); **барáба** 'деревянный барабан из дощечек, предназначенный для сматывания пряжи' Пен. Твер. (Селигер 1: 27), ср. *ворѡба* 'вьюшка для наматывания пряжи' Новоторж. Твер. (СРНГ 5: 102) — наряду с переходом [ѡ] > [á] здесь наблюдается и мена в/б; **ватáрга** «шум или возня, производимые детьми» Калязин. Твер. (СРНГ 4: 70), ср. *тѡргать* 'производить быстрые энергичные движения, обычно сопровождаемые шумом, резким звуком' Тихв. Ленингр., Вашк., Кирил. Волог. (СРГК 6: 490); **вáять** 'выть, плакать' Осташк. Твер. (СРНГ 4: 79; Селигер 1: 128), ср. *вѡять* 'выть, плакать в голос' Онеж., Олон., Арх., Курск., *вѡять* Петергоф., Лужск. Петерб., Пск., Твер., Вят. (СРНГ 5: 169).

2.5. Среди модифицированных *словообразовательных* диалектизмов представлены следующие: **бáйка** 'маслобойка' Вл. и *бѡйка* 'ручная маслобойка в виде небольшой кадучки с крышкой' Вл., Кр., Локн., Нев., Н.-Рж., Н.-Сок., Пуст., Себ., Холм.; **мáчиво** 'яма с водой' Пск. (СРНГ 18: 56) и *мѡчиво* 'влага' Нев. Пск. (ПОС 19: 10); **превозмáга** 'превозмогание' Пск., Осташк. Твер., ср. *превозмѡга* (СРНГ 31: 73).

3. Южная зона

3.1. Рассматриваемые лексические единицы с [á] на месте обычного [ѡ] в *общеизвестных словах* отмечены и в южнорусских говорах: **вáлосы** 'волосы' Брян., Орл. (СРНГ 4: 21), ср. *вѡлосы*; **лáхмы** 'длинные растрепанные волосы; космы; лохмы' Ряз., 'клочья (материи), лохмотья, отрепья' Ряз. (СРНГ 16: 296), ср. простореч. *лѡхмы* 'пряди спутанных, всклокоченных волос, шерсти; космы' (БАС 6: 378); **корáтенький** 'коротенький' Боров. Калуж. (СРНГ 14: 310), ср. *корѡтенький*; **охлáпок** 'льняные охлопья, очески' Смол. (СРНГ 25: 32), ср. *охлѡпок* обычно мн. 'остатки от обработки волокнистых веществ в виде хлопьев; очески' (БАС 8: 1755);

пра́сека ‘просека’ Глинк., Ерш., Кард., Поч., Росл., Рудн., Смол., Шум., Ярц. Смол. (ССГ 9: 8), ср. *прóсека*.

3.2. Семантическому диалектизму *грóхнуть* ‘повредить ударом, ушибить’ Вил. Арх. (АОС 10: 80) соответствует лексема **грáхнуть** ‘повалить, сбить кого-, что-л.’ Дон. (СРНГ 7: 118), ср. *грóхнуть* ‘с шумом, с силой бросить что- или кого-л.’ (БАС 3: 425).

3.3. Фонетические диалектизмы, отражающие не только преобразование ударного гласного, но и утрату начального гласного звука, соответствуют слову *овод*: **вад** ‘овод’ Орл. (СРНГ 4: 10), **ват** ‘овод’ Карач. Брян., Орл. (СРНГ 4: 67). Однако следует учитывать и возможное безаффиксное образование от **ва́день** ‘овод’ Смол., Калуж., перен. ‘тот, кто надоедает, пристаёт, докучает’ Смол. (СРНГ 4: 11), в котором отражен перенос ударения на первый слог и переход [o] > [á], ср. *водéнь* ‘насекомое, личинки которого паразитируют на теле животных, овод’ Вл., Нев., Себ. Пск. (ПОС 4: 72).

3.4. К преобразованным *собственно лексическим* диалектизмам отнесем **пра́ща** ‘о простом, нежадном человеке’ Сыч. Смол. (ССГ 9: 9), ср. *прóща* ‘простодушный, бесхитростный, доверчивый человек’ Борович. Новг. (СРНГ 33: 54); известное также среднерусским говорам **ка́рчик** ‘маленький корец (ковшик)’ Калуж., Моск., Оренб. (СРНГ 13: 109), ср. уменьш.-ласк. *ко́рчик* ‘корец; ковшик’ Смол., Оренб., Брян., Орл., Курск., Дон., Калуж., Тул., Ворон., Ряз., Влад., Ленингр., Пск., Медвежьегор. КАССР (СРНГ 15: 32).

3.5. Среди *словообразовательных* диалектизмов выделяется группа слов с корнем *вод-*, отражающих описываемый переход: **ва́дкий** ‘жидковатый, водянистый’ Смол. (СРНГ 4: 338), ср. *во́дкий* ‘жидковатый’ Красн. Смол. (СРНГ 4: 338), *во́дкий* ‘мокрый, сырой’ Подп. Ленингр. (СРГК 1: 213), ср. также *водá*. **ва́дко** 1. ‘жидковато, водянисто’ Росл. Смол., Холм. Пск., Пск. (СРНГ 4: 12), 2. ‘жидко’ Холм. Пск. (ПОС III: 16). **ва́денький** ‘жидкий’ Нев. Пск. (ПОС III: 16). Ср. также **ва́дный** ‘то же, что ва́дкий’ б. м. (СРНГ 4: 338).

4. Говоры Урала, Сибири, Дальнего Востока

4.1. Модифицированные *общеизвестные* слова: **ла́дарь** ‘лодырь’ Амур. (СРНГ 16: 229), ср. *ло́дырь*. **ла́дырь** ‘лодырь’ Ки-

рен. Иркут. (СРНГ 16: 240); **ла́пасть** ‘широкая часть весла’ Н.-Кол. Якут. (СРГЯ 3: 46), ср. *ло́пасть*; **ма́трáс** ‘матрос’ Н.-Колым. Якут. (СРГЯ 3: 64), ср. *ма́трóс*; **плав** ‘плов’ р. Урал (СРНГ 27: 64), **пала́в** ‘плов’ Ср. и нижн. теч. р. Урал (СРНГ 25: 163), ср. *плов* (в последнем добавляется эпентеза, по формуле *tt- > tat-*); в значении ‘откуда’ — **отка́ль** Охан. Перм., Волго-Камье, Урал, Свердл., Иркут., **отка́ле** Манчаж. Свердл. (СРНГ 24: 206), ср. *отко́ль* и *отко́ле*, широко известные в разных говорах (СРНГ 24: 206); ср. устар. и простореч. *отко́ле* и *отко́ль* ‘откуда’ (БАС 8: 1408).

4.2. Семантическое и фонетическое изменение слова представлено в лексической единице **буга́рь** ‘возвышенность на границе двух низменностей’ Приамур. (СРГПриамур.: 31), ср. *бугóр*.

4.3. Фонетическим диалектизмом, отражающим наряду с переходом [ó] > [á] и другие процессы, является лексема **ла́хти** ‘локоть как мера длины’ Лен. Якут. (СРГЯ 3: 47), ср. *ло́коть* ‘старинная мера длины, приблизительно равная длине локтевой кости человека’ (БАС 6: 339).

4.4. Модифицированные собственно лексические диалектизмы: **га́бзиться** ‘жить плохо, бедно’ Урал. (СРНГ 6: 82), ср. *го́бзить* ‘подкармливать, обильно кормить’ Ростов. Яросл. (ЯОС 3: 83); **испа́дки** ‘варежки, надеваемые под рукавицы’ Енис. (СРНГ 12: 225), ср. *испо́дка* обычно мн. ‘вязаная варежка, обычно надеваемая под другую — кожаную рукавицу’ Арх., Олон., Пск., Великолукск., Новг., Волог., Смол., Свердл., Усть-Цилем. Коми АССР, Прейл. Латв. ССР, Перм., Урал., Оренб., Уфим., Иркут., Якут., Тюмен., Тобол., Приангар., Алт. (СРНГ 12: 232), **кра́шни** ‘сумка (?)’ Жигал. Иркут. (СРНГ 15: 205), ср. *кrhóшни* ‘заплечная дорожная сума, котомка’ Яросл., Север., Вост., Арх., Сев.-Двин., Волог., Свердл., Костром., Олон., Киров., Онеж. Арх., Иркут., Том. (СРНГ 15: 291), **ла́пать** ‘одежда; то же, что лопоть’ Аллаих. Якут. (СРГЯ 3: 46), ср. *ло́поть* ‘общее название одежды’ Аллаих. Якут. (СРГЯ 3: 54), **сва́ра** ‘ремень, при помощи которого собаки пристегиваются к по тягу’ Аллаих. Якут. (СРГЯ 4: 31), ср. *сво́рка* ‘поводок, ремень, на котором водят собаку’ Вашкин. Волог. (СРНГ 36: 325).

4.5. В группе модификаций словообразовательных диалектизмов представлены: **буга́рчик** ‘небольшая сопка, на вершине кото-

рой нет растительности' Амур. (СРГПриамур.: 31), ср. *бугорчик* 'куча навоза, удобрения (сваленного с телеги на землю)' Ворон. (СРНГ 3: 238); *отка́лича* Свердл. (СРНГ 24: 195), ср. *отка́ль* (см. п. 4.1.).

5. Разные говоры

Как показывает материал, явление перехода [ó] > [á] отражено в значительной по объему группе лексики, причем почти нет совпадающих слов, за исключением глагольной лексемы **гра́хнуть**, несколько различающейся семантически в северных и южных говорах.

Однако выделяется небольшая группа слов, известных в разных зонах.

5.1. Модифицированные общеизвестные слова: **па́лзать** 'ползать' Чуд. Новг., Тихв. Ленингр. (СРГК 4: 378), Мон., Росл. Смол. (ССГ 8: 9), ср. *пóлзать*; **на́ров** 'нрав, характер, норов' Шенк. Арх., Арх., Олон., Пск. (СРНГ 20: 126), 'нрав, характер' Карг. Арх. (СРГК 3: 364), ср. *но́ров* 'характер, совокупность душевных свойств' (БАС 7: 1403); **плат** 'плот' Новос. Тул. (СРНГ 27: 94), ср. *плот*; **па́сконь** 'сорная трава во льну' Олон., Орл. (СРНГ 25: 255), ср. *пóсконь* 'лен, убранный недозревшим и идущий на изготовление толстых грубых ниток' Петрозав. Олон., 'растение, похожее на коноплю' Шенк. Арх., *Galeopsis Tetrahit L.*, сем. голубоцветных, Labiatae (СРНГ 30: 167), ср. также *пóсконь* 'мужская особь конопли, а также волокно, получаемое из нее' (БАС 10: 1476).

5.2. Семантические изменения коснулись слов с корнем **лам** < *лом*: **ла́маний** 1. 'подвергшийся ломке, сломанный' Вл., Локн., Пск., Остр., Кр., Печ., 2. 'разрушенный, пришедший в негодность' Остр., Пск., 3. перен. 'утративший здоровье после физической травмы' Н.-Рж. (ПОС 16: 488), 4. 'такой, который испытал много лишений, испытаний, подвергался физическим наказаниям' Ростов. Яросл., 5. 'кривляющийся, гримасничающий', 'любящий пошалить, повозиться' Ростов. Яросл. (СРНГ 16: 252), ср. *ломаний* 'мятый (о льне)' Нолин. Вят. (СРНГ 16: 252), ср. *лома́ть* 'бить, разбивать (по-

суду, что-л. бьющееся) Медвежьегорск. КАССР, Краснояр., Камч., 'бить, колотить кого-л.' Петрозав. Олон. (СРНГ 16: 117).

5.3. Слова с диалектной корневой морфемой. В псковских, тверских и некоторых соседних с ними говорах бытует глагольная лексема **пáрснуть** сов. 1. 'рвануть' Осташк. Твер., Пск., 2. 'неожиданно ударить изо всех сил; треснуть' Осташк. Твер., Пск., Бельск. Смол. (СРНГ 25: 242), Ельн., Мон., Поч., Саф., Шум. Смол. (ССГ 8: 16), ср. *пóрскнуть* 'разорваться с шумом, треснуть (о ткани, одежде)' Печор. (СРНГ 30: 90), *пóрснуть* 'ударить, стукнуть' Тихв. Новг., Новг., Влад., Пск., Твер., Калинин., Моск. Яросл., Сиб., *порснѹть* 'ударить чем-л. острым' Бельск. Смол., Шуйск. Влад., Волж., Сиб., 'сечь розгами, бить беспощадно' Пошех., Молог. Яросл., Яросл. (СРНГ 30: 90). На севернорусской территории известен глагол несовершенного вида— **пáрскать** 'разрывать бумагу, материю и т.п.' Волог. (СРНГ 25: 242), Ярен. Волог. (СОВН: 348), ср. *пóрскать* 'рвать бумагу, лист, ситец и т.п.' Ярен. Волог., *пóрска́ться* 'рваться с краев, теряя нити, осыпаться (о ткани)' Курск. (СРНГ 30: 90–91).

Представленный материал показывает, что переход [ó] > [á] отмечен в значительной группе слов (обнаружено на данном этапе более 80 лексических единиц), системно изолированных друг от друга. Исключение в этом отношении касается лишь единиц с корнями **вад-** (< вод-) на юге, **откáл'**- (< *откóл'*-) на Урале, в Сибири, **лам-** (< *лом-*) в районе Пскова, Твери, Иванова. Кроме того, каждый элемент видовой пары с корнем **парс(к)-** известен в отдаленных друг от друга регионах: сов. вид — Смоленск, Псков, Осташк. Твер., несов вид — Вологда. Безусловно, необходимо при этом учитывать недостаточность подобного рода материала, зафиксированного словарями.

Весьма существенным является ареальный аспект. Количественное соотношение единиц с указанным переходом [ó] > [á] в северной, псковско-тверской и южной зонах Европейской части соотносится как **3 — 2 — 1**, что свидетельствует о более интенсивно протекающем процессе именно в севернорусских говорах.

Подчеркнем, что пока вслед за А. А. Шахматовым⁴ мы ограничились попыткой объяснить подобное явление (переход [á] < [o] при переносе ударения на предшествующий слог), распространенное довольно широко в северных и южных русских говорах, влиянием особенностей карельского языка относительно севернорусской территории, а именно зоны активных этноязыковых контактов⁵. Надо полагать, что оба явления, связанные с преобразованием гласного [o] в [á], — как в ударной, так и безударной позиции — взаимно обусловлены и развились параллельно. Скорее всего причина этих изменений кроется не столько во влиянии одного (в данном случае карельского) неродственного языка на произношение русских слов, как в стремлении прибалтийско-финских и финно-угорских билингвов сохранить элементы родной речи при переходе на русскую речь. Рассматриваемая замена гласных в ударной позиции, по всей вероятности, является своеобразным «эхом» тех древних изменений, которые А. А. Шахматов связывал с общеславянской эпохой, в частности при заимствовании славянских слов с сочетаниями **or*, **ol* и усвоении последних в западнофинских языках в виде *ar*, *al*⁶. Соответствие русского [o] и прибалтийско-финского [a] относится к раннему периоду соприкосновения славян и финнов⁷. Отдельные лексемы, представленные нами выше, рассеяны по обширной территории русского языка, но, как показал материал, все же сосредоточены в основном в северо-восточной части Европейской России и псковской зоне с примыкающими к ней с юга и востока районами. Обе основные зоны исторически связаны с финно-угорской территорией; ученые признают подвижность древнего ареала финских и других финно-угорских племен, в частности А. А. Шахматов предполагал, что исконной родиной западных финнов являлся бассейн

⁴Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени // Шахматов А. А. Русская диалектология: лекции / под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. (Филологическое наследие). С. 35.

⁵Михайлова Л. П. Указ. соч. С. 241–242.

⁶Шахматов А. А. К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях // Известия Императорской Академии Наук. 1911. № 10. С. 808–811.

⁷См., напр.: Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск: УрГУ, 1990. С. 26.

Припяти, современная Минская и Гродненская губернии, Волынь, исконной родиной мордвы был бассейн верхнего течения Днепра и Десны, современная Могилевская, Смоленская и Черниговская губернии⁸.

При рассмотрении вопроса о лексикализации перехода [ó] в [á] мы можем лишь предполагать наличие субстратного фонетического элемента в русской лексике, причины этого явления еще предстоит установить⁹. В этой связи обратим внимание, например, на следующие факты, отмеченные современными исследователями фонетических особенностей русских говоров. В одном из рязанских говоров под фразовым ударением фонема /o/ «обычно реализуется звуком /ɔ/, слабо лабиализованным и более открытым, чем в литературном языке»¹⁰, который может представлять собой двумерный звук, при этом «более длинная открытая часть гласного иногда приближается по качеству к ударному [a]»¹¹. В слободских говорах Вологодской области фонема /ɔ/ также может реализоваться «иногда в более открытом звуке типа [a]»¹². Примечательно, что оба говора в прошлом находились в зоне контактов разных этносов. Приведенные фонетистами факты подтверждают наличие рассматриваемого пе-

⁸Шахматов А. А. К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях // Известия Императорской Академии Наук. 1911. № 9. С. 711.

⁹Заметим, что при рассмотрении рефлексов прибалтийско-финского вокализма в лексике финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада С. А. Мызников, приводя слово *кабры* в сравнении с исконным прибалтийско-финским *кобры*, считает нетипичным [a] на месте исконного [o], не связывает с русскими диалектными данными; автор относит *кабры* к единицам прибалтийско-финского субстратного типа, «исходя из того, в диахронии возможно чередование [a] — [o] на прибалтийско-финской почве» (Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2004. С. 369).

¹⁰Савинов Д. М. К вопросу о зависимости типов аканья и яканья от семифонемного вокализма // Материалы и исследования по русской диалектологии / [отв. ред. Л. Л. Касаткин]; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Наука, 1949 — III (IX). 2008. С. 184.

¹¹Там же. С. 185.

¹²Касаткин Л. Л. Фонемы /ɔ/, /ω/, /a/ в слободских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии / [отв. ред. Л. Л. Касаткин]; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Наука, 1949 — III (IX). 2008. С. 53.

рехода как живого процесса, который, по нашему предположению, следует интерпретировать как результат лингвоэтнической ассимиляции. При массовой смене коренным населением языка «местный язык, исчезая, оставляет четкие следы в языке-победителе, которые ведут к определенной перестройке самой структуры последнего»¹³. Данное положение может подтверждаться представленным в данной статье материалом.

СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой: Вып. 1–14. М., 1980–2012. Вып. 3, 1983.; вып. 5, 1987; вып. 10, 1999 (продолжающееся издание).

БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965.

НОС — Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород. 1992–2000. Вып. 12, 1995.

Ожегов — Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1981.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными: вып. 1–24. Л.; СПб., 1967–2013; вып. 3, 1976; вып. 4, 1979; вып. 16, 2004; вып. 19, 2008 (продолжающееся издание).

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007. Вып. 1, 1983.

Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии: словарь / гл. ред. А. С. Герд; вып. 1–4. СПб., 2003–2010. Вып. 1, 2003 (продолжающееся издание).

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд: вып. 1–6., СПб., 1994–2005. Вып. 1, 1994; вып. 2, 1995; вып. 3, 1996; вып. 4, 1999; вып. 5, 2002; вып. 6, 2005.

СРГПриамур. — Словарь русских говоров Приамурья / отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983.

СРГС — Словарь говоров Русского Севера Севера / под ред. А. К. Матвеева: т. 1–5. Екатеринбург, 2001–2011. Т. 1, 2001; т. 3, 2005 (продолжающееся издание).

СРГЯ — М. Ф. Дружинина. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: учеб. пособие. Вып. 1–4. Якутск, 1997–2007. Вып. 3, 2007; вып. IV, 2007.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–44. М.; Л.; СПб., 1965–2011. Вып. 1, 1965; вып. 2, 1966; вып. 3, 1968; вып. 4, 1969; вып. V., 1970; вып. 6, 1970; вып. 7, 1972; вып. 9, 1972; вып. 10, 1974; вып. 11, 1976; вып. 12, 1977; вып. 13, 1977; вып. 14, 1978; вып. 15, 1979; вып. 16, 1980; вып. 17, 1981; вып. 18, 1982;

¹³ *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 32.

вып. 19, 1983; вып. 20, 1985; вып. 21, 1986; вып. 22, 1987; вып. 23, 1987; вып. 24, 1989; вып. 25, 1990; вып. 27, 1992; вып. 28, 1994; вып. 29, 1995; вып. 30, 1996; вып. 31, 1997; вып. 32, 1998; вып. 33, 1999; вып. 36, 2002; вып. 39, 2005; вып. 40, 2006; вып. 41, 2007 (продолжающееся издание).

ССГ — Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005. Вып. 8, 1998; вып. 9, 2000.

ЯОС — Ярославский областной словарь: вып. 1–10, Ярославль, 1981–1991. Вып. 2, 1982; вып. 3, 1984; вып. 4, 1985; вып. 7, 1988.

СОКРАЩЕНИЯ — ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОМЕТЫ СЛОВАРЕЙ

Аллаих. Яаут. — Аллаиховский улус Республики Саха (Якутия)

Алт. — Алтайское

Амур. — Амурское

Арх. — Архангельская область (губерния)

Беж. — Бежаницкий район Псковской области

Белозер. — Белозерский район Вологодской области

Белом. — Беломорский район Республики Карелия

Бельск. Смол. — Бельский район Смоленской губернии

Бокс. Лен. — Бокситогорский район Ленинградской области

Бор. — Боровичский район Новгородской области

Боров. Калуж. — Боровский уезд (район) Калужской губернии (области)

Борович. Новг. — Боровичский район Новгородской области

Брейт. Яросл. — Брейтовский район Ярославской области

Брян. — Брянская область

Васильсур. — Васильсурский район Горьковской (ныне Нижегородской)

области

Вашк. — Вашкинский район Вологодской области

Вашкин. — Вашкинский район Вологодской области

В.-Вашк. — Верховажский район Вологодской области

Вель. Арх. — Вельский район Архангельской области

Верх. Волог. — Верховажский район Вологодской области

Весьегон. Твер. — Весьегонский уезд Тверской губернии

Ветл. Костром. — Ветлужский уезд Костромской губернии

Вил. — Вилегодский район Архангельской области

Вин. — Виноградовский район Архангельской области

Вл. — Великолукский район Псковской области

Влад. — Владимирская область (губерния)

Волго-Камье — по рр. Вольге и Каме у впадения ее в Волгу

Волог. — Вологодская область

Волог. Волог. — Вологодский район Вологодской области

Волхов. — по р. Волхов

Волхов. Ленингр. — Волховский район Ленинградской области

Ворон. — Воронежская область
Вост. — Восточное
В.-Т. — Верхне-Тоемский район Архангельской области
В.-Уст. — Великоустюгский район Вологодской области
Выг. — Вытегорский район Вологодской области
Вышневол. Твер. — Вышневолоцкий уезд Тверской губернии
Вят. — Вятская губерния
Гд. — Гдовский район Псковской области
Глинк. — Глинковский район Смоленской области
Горьк. — Горьковская (ныне Нижегородская) область
Дон. — Донское (по р. Дону)
Ельн. — Ельнинский район Смоленской области
Енис. — Енисейская губерния
Ерш. Смол. — Ершичский район Смоленской области
Жигал. Иркут. — Жигаловский район Иркутской области
Иван. — Ивановская область
Ильин. — Ильинский район Ярославской области
Ильин.-Хован. — Ильинско-Хованский район Ивановской области
Иркут. — Иркутская область
Кадн. — Кадниковский уезд Вологодской области
Казаки-некрасовцы — Станицы, расположенные по верхне-среднему течению
р. Дон (Краснодарский край и Ставропольский край)
Калин. — Калининская (ныне Тверская) область
Калуж. — Калужская область (губерния)
Калязин. Твер. — Калязинский уезд Тверской губернии
Камч. — Камчатское
Карач. Брян. — Карачевский район Брянской области
Кар. — Карамышевский район Псковской области
Карг. — Каргопольский район Архангельской области
Кард. Смол. — Кардымовский район Смоленской области
Карел. — Республика Карелия
КАССР — Карельская АССР
Кем. — Кемский район Республики Карелия
Кем. Арх. — Кемский уезд Архангельской губернии
Кирен. Иркут. — Киренский район Иркутской области
Кирил. — Кирилловский район Вологодской области
Кирил. Новг. — Кирилловский уезд Новгородской губернии
Киров. — Кировская область
Кольск. Арх. — Кольский уезд Архангельской губернии
Коми АССР — Коми АССР
Кон. — Коношский район Архангельской области
Кондоп. — Кондопожский район Республики Карелия
Костром. — Костромская область (губерния)
Котл. Арх. — Котласский район Архангельской области

Кр. — Красногородский район Псковской области
Красн. Арх. — Красноборский район Архангельской области
Красн. Смол. — Краснинский район Смоленской области
Краснояр. — Красноярский край
Куйбыш. — Куйбышевская (ныне Самарская) область
Курган. — Курганская область
Курск. — Курская область
Латв. ССР — Латвийская ССР
Ленингр. — Ленинградская область
Лен. — Ленский улус Республики Саха (Якутия)
Леш. — Лешуконский район Архангельской области
Лод. — Лодейнопольский район Ленинградской области
Локн. — Локнянский район Псковской области
Лужск. — Лужский район Ленинградской области
Мал. — Маловишерский район Новгородской области
Манчаж. Свердл. — Манчажский район Свердловской области
Медв. — Медвежьегорский район Республики Карелия
Медвежьегор. — Медвежьегорский район Республики Карелия
Медвежьегорск. — Медвежьегорский район Республики Карелия
Меднов. Калинин. — Медновский район Калининской (ныне Тверской) области
Мезен. — Мезенский район Архангельской области
Молог. — Мологский район Ярославской области
Мон. — Монастырщинский район Смоленской области
Моск. — Московская область
Мурман. — Мурманская область
Нев. — Невельский район Псковской области
Нижегор. — Нижегородская область (губерния)
Н.-Кол. — Нижнеколымский улус Республики Саха (Якутия)
Н.-Колым — Нижнеколымск (Республика Саха — Якутия)
Новос. Тул. — Новосильский уезд Тульской губернии
Новоторж. Твер. — Новоторжский район Тверской области
Нолин. Вят. — Нолинский уезд Вятской губернии
Н.-Рж. — Новоржевский район Псковской области
Н.-Сок. Пск. — Новосokolьнический район Псковской области
Нянд. — Няндомский район Архангельской области
Олон. — Олонецкая губерния
Онеж. — Онежский район Архангельской области
Оп. — Опочецкий район Псковской области
Оренб. — Оренбургская область (губерния)
Орл. — Орловская область (губерния)
Осташк. — Осташковский район Тверской области
Остр. — Островский район Псковской области
Охан. Перм. — Оханский уезд Пермской губернии
Пен. — Пеновский район Тверской области

Перм. — Пермская область (губерния)
Пест. — Пестовский район Новгородской области
Петерб. — Петербургская область (губерния)
Петергоф. — Петергофский уезд Петербургской губернии
Петрозав. — Петрозаводский уезд Олонецкой губернии
Печ. — Печорский район Псковской области
Печор. — Печорское (по р. Печоре)
Пин.- Пинежский район Архангельской области
Пинеж. — Пинежский район Архангельской области
Пл. — Плюсский район Псковской области
Плес. — Плесецкий район Архангельской области
Подп. — Подпорожский район Ленинградской области
Порх. — Порховский район Псковской области
Поч. — Починковский район Смоленской области
Пошех. Пошехонский район Ярославской области
Прейл. Латв. — Прейльский район Латвийской ССР
Приамур. — Приамурское
Приангар. — Приангарское
Пск. — Псковская область (губерния)
Пск. Пск. — Псковский район Псковской области
Пуд. — Пудожский район Республики Карелия
Пудож. — Пудожский уезд Олонецкой губернии
Пуст. — Пустошкинский район Псковской области
Ржев. — Ржевский район Тверской области
Росл. — Рославльский район Смоленской области
Ростов. — Ростовский район Ярославской области
Рудн. — Руднянский район Смоленской области
Р. Урал = по течению р. Урал
Ряз. — Рязанская область (губерния)
Самар. — Самарская губерния (область)
Саф. — Сафоновский район Смоленской области
Свердл. — Свердловская область
Себ. Пск. — Себежский район Псковской области
Сев.-Двин. — Северо-Двинское (по р. Северной Двине)
Север. — Северное
Сиб. — Сибирское
Симб. — Симбирская губерния
Смол. — Смоленская область (губерния)
Смол. Смол. — Смоленский район Смоленской области
Солигалич. Костром. — Солигаличский район Костромской области
Сольвыч. — Сольвычегодский уезд Вологодской губернии
Ср. Урал — в районах Среднего Урала
Сыч. Смол. — Сычевский район Смоленской области
Сямж. — Сямженский район Вологодской области

Твер. — Тверская область (губерния)
Тер. — Терский район Мурманской области
Тихв. — Тихвинский район Ленинградской области
Тобол. — Тобольская губерния
Том. — Томская область (губерния)
Тор. — Торопецкий район Псковской области
Тул. — Тульская область (губерния)
Тюмен. — Тюменская облвсть
Урал. — Уральское
Усть-Цилем. — Усть-Цилемский район Республики Коми
Уфим. — Уфимская губерния
Хар. Волог. — Харовский район Вологодской области
Холм. Арх. — Холмогорский район Архангельской области
Холм. Пск. — Холмский район Псковской областим
Чаг. — Чагодощенский район Вологодской области
Чер. — Череповецкий район Вологодской области
Чуд. — Чудовский район Новгородской области
Шексн. — Шекснинский район Вологодской области
Шенк. — Шенкурский район Архангельской области
Шуйск. Влад. — Шуйский район Владимирской области
Шум. — Шумячский район Смоленской области
Якут. — Республика Саха (Якутия)
Ярен. Волог. — Яренский уезд Вологодской губернии
Яроsl. — Ярославская область
Яроsl. Яроsl. — Ярославский район Ярославской области
Ярц. — Ярцевский район Смоленской области

ДИАЛЕКТНЫЕ ПЕРФЕКТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ОДНОМ ЗАОНЕЖСКОМ ГОВОРЕ И ИДИОСТИЛЕ

Аннотация. В статье, посвященной разным формам причастного и деепричастного перфекта в одном говоре, утверждается, что конкурирующие формы на -но/-то, -ность/-тость и на -ши являются синонимами. Устанавливается количественное соотношение двух форм перфекта в отдельном идиолекте и идиостиле писателя, пишущего на говоре. Отмечается вытеснение деепричастных форм формами страдательных причастий.

Ключевые слова: квазипосесивный перфект, квазипассивные конструкции, синтаксические синонимы, частная диалектная система, идиолект, идиостиль.

Интерес к северо-западному перфекту — грамматическим единицам, специально предназначенным для выражения значения состояния, явившегося результатом предшествующего действия, чрезвычайно высок¹.

К перфектным конструкциям в современных русских говорах относятся «сочетания кратких причастий прошедшего времени действительного и страдательного залога с разными временными формами глагола *быть*: (*Есть*) поставлен- (*есть*) вставши; *Был*

¹См. в частности: Tommola H.: On the perfect in North slavic. In Tense and Aspect in the languages of Europe. In: Ö. Dahl (ed.). Empirical approaches to language typology. Berlin and New York, 2000. 441–478; Seržant I. A. The so-called perfect in North Russian and Circum-Baltic area. A diachronic and areal approach, 2011 — http://org.no/iecastp/ilja/perfect_REVISED.pdf. Этой теме был посвящен доклад Я. И. Бьёрнфлантена «Преобразование перфектов в северо-западных русских говорах» на международной конференции «Слово в пространстве и времени», организованной Представительством Университета Осло в Санкт-Петербурге 22–24 апреля 2013 г.

поставлен- был вставши; Будет поставлен — будет вставши»².

На уровне диалектного языка, представляющего собой «макро-систему, или систему систем»³, двусоставные личные обороты с формой на *-ши* (*он ушедши*) и односоставные безличные обороты с формой на *-н-, -т-* (*у него уйдено*) оказываются противопоставленными по отношению друг к другу. По свидетельству лингвогеографии, перфектные конструкции с формами на *-ши* имеют распространение в западной зоне севернорусских и южнорусских говоров, а причастный перфект непереходных глаголов с формами на *-н-, -т-* фиксируется преимущественно в северо-восточных территориях⁴. И. Б. Кузьмина отмечает, что «в той части севернорусских говоров, где регулярно употребляются конструкции типа *у него уйдено, у меня выспанось*, почти не отмечаются формы на *-ши* в предикативной функции»⁵.

Однако для северо-западной зоны — «для говоров псковских, новгородских, ладого-тихвинских и части онежских характерно существование форм на *-ши* и форм с суффиксами *-н-, -т-*»⁶.

Данные конструкции, в силу перфектного значения предикатов, оказываются, строго говоря, непротивопоставленными по отношению к общерусскому предложению *он ушел*, хотя форма прошедшего времени русского глагола (при отсутствии специальных перфектных форм в глагольной системе современного литературного языка) не ограничивается аористным значением, а выражает и перфект. Исследователи давно указывали на семантическую близость диалектных и общерусских синтаксических оборотов⁷, на то обстоятельство, «что семантическая противопоставленность данных

²Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. История причастий // Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол. М., 1982. С. 409–410.

³Аванесов Р. И. Введение // Русская диалектология. М., 1964. С. 10.

⁴Кузьмина И. Б. Синтаксис русских народных говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993, с. 136, 162.

⁵Кузьмина И. Б. Синтаксис русских народных говоров. С. 151.

⁶Там же, с. 162.

⁷См., в частности: Трубинский В. И. Об особенностях системы глагольных времен в русских говорах Карелии // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1969. Т. 366. Гуманитарные науки.

форм в современных говорах, в том числе и северо-западных, последовательно не выдерживается — наблюдается тенденция сближения форм на *-ши* и на *-л*»⁸.

В настоящей работе рассматриваются конструкции с краткими действительными и страдательными причастиями от непереходных глаголов, которые в дальнейшем именуются деепричастными типа *он ушелши* и причастными типа *у него уйдено*, которые существуют в говоре деревни Кузаранда, одном из замечательных диалектов Заонежья⁹, представляющим большой научный интерес и для диалектологов,¹⁰ и для лингвофольклористов¹¹.

Кроме того, в работе рассматриваются диалектные перфектные конструкции в идиостиле автора¹², который пишет на говоре д. Ламбасручей, принадлежащей также Заонежью.

Полуостров Заонежье, находящийся в северной части бассейна Онежского озера, оказывается в зоне, где проходит граница диалектных конструкций с предикативными причастиями с суффиксами *-н-*, *-т-* и деепричастиями на *-ши*¹³, перфектных причастных и деепричастных форм¹⁴.

В современном говоре д. Кузаранда¹⁵ среди конструкций с при-

⁸ Кузьмина И. Б. Синтаксис русских народных говоров. . . С. 155.

⁹ Заонежьем называют Заонежский полуостров и прилегающие острова, в том числе и Кижы, расположенные в северной части Онежского озера.

¹⁰ См., в частности: Ардентов Б. П. К изучению заонежского диалекта // Уч. зап. Кишиневского ун-та. Кишинев, 1955. Т. 10. С. 73–88; Доля Т. Г. Синтаксические особенности говора Заонежья Карельской АССР // Лингвистический сборник. Петрозаводск, 1962. Вып. 1. С. 54–65; Трубинский В. И. Об особенностях системы глагольных времен в русских говорах Карелии // Уч. зап. Ленингр. ун-та, 1969. Т. 366. С. 118–132.

¹¹ Герд А. С. Язык причитаний северного края // Причитания Северного края, собранные Барсовым: В 2-х т. СПб., 1997. Т. 2. С. 603–617.

¹² Агапитов В. А. Завтра, в день прекрасный. Петрозаводск: Verso, 2011; Агапитов В. А. Изотчина: Сборник стихов и песен. Петрозаводск, Verso, 2012.

¹³ Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993. С. 162.

¹⁴ Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984. С. 179–186.

¹⁵ Наблюдение выполнено на материалах диалектологических экспедиций Петрозаводского государственного университета 2007–2008 гг. в д. Кузаранда.

частиями от непереходных глаголов по частоте употребления выделяется безличный оборот на *-но, -то, -ность, -тость*, обладающий отчетливым значением результативности, например: *дак смотрю: два волка, уж к этим к воротам **схожено*** [следы указывают на появление волков]; *было устроенось на работу, потом рассчитался, что лежал в больнице дак* [для того, чтобы рассчитаться с долгом, надо было сначала устроиться на работу]; *меня-ко долго отсюда не выпускали, хоть уже и **было выйдено** на пенсию* [речь идет о трудностях получения прописки в городе сельскому жителю]; *ведь и **работано** на разных: на силосе и на сеносе* [на сенокосе].

В безличных конструкциях такого типа субъект действия чаще всего выражается детерминантом *у* + род.падеж местоимения или одушевленного существительного, лишённого, однако, значения possessивности, и обозначающего чистый агенс: *как раз Андрюша был с Таней, да и **у сына**, кажется, **приехано*** [сын приехал раньше Андрюши с Таней]; *когда уж всё, с лагеря пришла, **у этого жененось*** [когда женщина вернулась из лагеря, человек, за которого она хотела выйти замуж, уже был женат]; ***у них теперь в Толвую уехано**, дак с Толвуи приезжали на каждый праздник*. Некоторые исследователи даже усматривали в этой форме аналог подлежащего¹⁶.

Посессивное значение детерминанта *у* + род. падеж проявляется отчетливо в предложениях с образованиями на *-ность*, мотивированными возвратными глаголами: ***у нее выученось** на бухгалтера; а тут выходит, что **у них разойденось***, встретившихся в речи уроженцев деревни Кузаранда (ср.: *у нас была договоренность*). Возможно, перед нами факты отпричастных существительных, зафиксированные исключительно в Заонежье.¹⁷ Здесь, как ви-

¹⁶См. *Филин Ф.П.* Заметки о записях материалов по синтаксису // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР. М.:Л., 1948. Вып. 4. С. 41; *Трубинский В.И.* Очерки русского диалектного синтаксиса. С. 149.

¹⁷*Маркова Н.В.* К вопросу о конструкциях с причастными формами, образованными от основы непереходных глаголов с помощью суффиксов *-н, -т-*, в онежских говорах // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М.,

дим, с особой силой сказывается двойственная природа причастий. При этом, как и в причастных оборотах, в соответствии с детерминантом *у* + род.п. зафиксирована форма дат.падежа субъекта в единственном примере с образованием на **-ость**: *мне прописаность у детей, а на лето приезжаю* [\approx^* *у меня прописаность у детей* — речь идет о том, что мать прописана у детей]. Таким образом, нельзя исключить и фонетическую природу явления — гиперкоррекцию.

Наряду с квазипосессивным¹⁸ причастным перфектом в кузарандском говоре отмечаются двусоставные причастные обороты с им.падежом субъекта действия (в соотношении 10:4). В их число попадают предложения без координации главных членов, например: **Серёжка тоже было падено с этого с причала**; а также с координацией главных членов, например: **эта Катя с города приехана; дак в город потом я была съехана, работала от рыбокомбината; ну я сама не записанась была**.

В кузарандских материалах разного времени отмечаются примеры координирующих с подлежащим возвратных причастных форм женского и мужского рода, множественного числа (*выученась, уехан, расписанись*).

Чистый агент в роли подлежащего определенно указывает на залоговую нейтрализацию причастия, страдательного по форме, но не по сути.

Квазипассивными оказываются не только причастия от переходных глаголов, но спорадически и причастия от переходных глаголов, например: *я куплено одеколон, купила* [представляется важным — в качестве пояснения — повтор лексемы в общерусской форме].

В записях кузарандского диалекта встретились односоставные предложения с причастиями на *-но, -то* и субъектом действия в дательном падеже: *мне привыкнуто*. Предложения такого типа, по-видимому, территориально ограничены Заонежьем, а лексически — синонимическим рядом: *привыкнуто, поважено, оповаже-*

1987. С. 172.

¹⁸*у* + род.п. не указывает на обладателя результата действия, подробнее см.: *Маркова Н.В.* К вопросу о конструкциях с причастными формами... с. 173.

но¹⁹. Характеризуя в большей мере результат, причастная форма в этой конструкции семантически ближе к предикативному наречию, выражающему состояние субъекта и регулярно распространяемому инфинитивом (*нам свойственно ошибаться*). При этом в нашем говоре для передачи состояния как результата привыкания используются двусоставные и односоставные конструкции с обычным для говора способом выражения агенса — *у + род.п.*: *я была привыкну-та; у меня привыкнуто было плавать*.

Существенно, что при отсутствии выраженного субъекта действия безличные причастные конструкции характеризуют действие известного из конситуации агенса, ср.: *тоже уж скоро маленький будет — жененось; женка, работат тоже, выученось и работат тоже* — или неопределенного: *а тоже привыкнуто в деревне дурака валять до армии — да пить да всё*. То есть, безличные обороты семантически соотносятся с неполными личными (с пропущенным подлежащим) и неопределенно-личными предложениями.

Примечательно, что в оборотах с невыраженным субъектом, близких неполным конструкциям, появляются формы на *-лось*, соответствующие в этом говоре формам на *-но, -нось*, ср.: *у меня [т. е., я] кассиром работала дак, и так уехалось туда* [ср.: *у меня... уехалось туда*]; *а это Алешенька, мурманчан, а теперь уже женелось и девочка большая* [ср.: *Алешенька... женелось*]. Как видим, конструкции с образованиями на *-лось* от возвратных и невозвратных глаголов (*уехать, жениться*) соотносятся с односоставным и двусоставным перфектными единицами, но формы с глагольным суффиксом *-л-*, не являясь квазипассивными, сохраняют, как нам кажется, перфектное значение.

Обращение к истории функционирования конструкций с причастиями на *-но, -то, -нось, -тось*, образованных от непереходных глаголов, в онежских говорах позволяет говорить о развитии конструкций от безличных к личным²⁰.

¹⁹Маркова Н.В. К вопросу о конструкциях с причастными формами... С. 170–171.

²⁰Маркова Н.В. К вопросу о конструкциях с причастными формами, образованными от основы непереходных глаголов с помощью суффиксов *-н-, -т-*,

Безличные причастные обороты с разными формами детерминантов, а также двусоставные обороты, функционирующие в одном говоре, являются, на наш взгляд, разными моделями, связанными «с одной семантико-синтаксической ситуацией», т. е. семантически тождественными. Следовательно, их можно квалифицировать как синтаксические синонимы: *у него приехано = он приехано = он приехан; у меня привыкнуто = я привыкнуто = мне привыкнуто*. При установлении синонимических отношений между конструкциями в частной диалектной системе мы придерживаемся методики М. Н. Преображенской — в своих наблюдениях отталкиваемся «от конкретной семантико-синтаксической ситуации к средству ее выражения, т. е. к модели»²¹.

В рассматриваемом говоре причастные обороты с выраженным субъектом действия семантически тождественны деепричастным конструкциям типа *он приехалши*. И те и другие характеризуются как переходные от синтаксических единиц к морфологическим, перфектным²². Обращает на себя внимание лексическое тождество деепричастных и причастных форм, при залоговой нейтрализации последних. Напомним, что, формы на *-ши*, в отличие от причастного перфекта, характеризуют действия не только одушевленного субъекта, но это, на наш взгляд, существенно не расширяет их лексического диапазона, ср.: *озеро замерши было почти: здесь один домик есть и вот сарайка внизу упавши*²³.

Перфектные причастные и деепричастные диалектные конструкции в кузарандском говоре оказываются взаимозаменяемыми. Так, в идиолекте крестьянки²⁴, рано оставшейся вдовой с тремя детьми,

в онежских говорах // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М., 1987. С. 173.

²¹Преображенская М. Н. О некоторых проблемах исследования синтаксиса диалектного русского языка. С. 124. Под семантико-синтаксической ситуацией М. Н. Преображенская имеет в виду «совокупность логических и событийных явлений».

²²Подробнее см.: Кузьмина И. Б. Указ. соч. С. 148–149.

²³Спорадически отмечаются примеры с неодушевленным субъектом и в причастных оборотах: *у цветов совсем засохнуто* Кузаранда (СРГК).

²⁴Дорохова М. С., коренная жительница д. Кузаранда.

в рассказе о своей жизни, отмечаются синонимичные конструкции: *вот обязательно вечер придет, надо ехать* [на озеро рыбу ловить], *так у меня было привыкнуто*; . . . *а так я к спириту не привыкши*. В ее же рассуждении о молодежи, об отсутствии воспитания в семье, синонимичными оказываются бессубъектная причастная конструкция, соотносительная с неопределенно-личным предложением, и двусоставная деепричастная: *а тоже привыкнуто в деревне дурака валять* \approx *они же не привыкши в своих семьях: родители не могут ничего спрашивать*.

В наших материалах встретились двусоставные деепричастные предложения: *у меня брат был приехадши, дак я туда ходила на поминки*; а также конструкции с род.п. субъекта, весьма частотного в глагольных предложениях²⁵: *еще откуда-то наехавши народу с других районов*. Зафиксированы и неполные — с пропущенным подлежащим — конструкции: *ну в общем много народу было, со многих городов было наехавши, начальство всякое; с Петрозаводска было очень много приехадши*.

Посвященные одному эпизоду — празднованию Ивана Купалы в Кузаранде — эти семантически тождественные обороты, на наш взгляд, представляют собой разные модели деепричастного перфекта. Исходя из семантико-синтаксической ситуации, синонимичной деепричастной можно считать глагольную конструкцию: *сильно много народу не наезжало; тоже приезжали ни по один год*. Ср.: *когда я раньше тут жила, тоже приезжали ни по один год, но сильно много народу столько не наезжало, только начальство, наедет несколько машин*.

По нашим наблюдениям, деепричастные формы используются жителями д. Кузаранда значительно реже, не каждый информант их употребляет. Однако в целом соотношение конкурирующих форм в кузарандском говоре сохраняется со второй половины 20 века: в среднем в речи информантов на 10 случаев причастного перфекта

²⁵Ср. общерусский оборот *наехало народу*, а также см.: *Маркова Н. В.* Глагольные конструкции с родительным падежом субъекта и объекта в онежских говорах // Севернорусские говоры: Межвузовский сборник. Вып. 9. СПб., 2009. С. 146–155.

приходится 5 деепричастных форм²⁶.

Итак, в рассмотренном говоре складывается следующая система синтаксических синонимов: *у него приехано = он приехано = он приехавши; всех приехано = все приехавши = всех наехавши; у меня привыкнуто = я привыкнуто = мне привыкнуто = я привыкши*.

Основной моделью, принадлежащей центру категории перфекта в частной диалектной системе д. Кузаранда, является, на наш взгляд, причастная конструкция *у него уйдено*. Однако доминирующее положение по емкости значения и частоте употребления занимает общерусский оборот *он ушел*. Синонимический ряд возглавляет, таким образом, «изосемическая» — основная модель, которая отображает «соответствующие отношения внеязыковой действительности наиболее «прямыми», экономичными языковыми средствами, без дополнительных языковых наслоений и модификаций»²⁷.

Именно двусоставная глагольная конструкция оказывает решающее влияние на то, что в современном говоре увеличивается роль двусоставных предложений с причастиями с суффиксами *-н-*, *-т-* от непереходных глаголов. При этом, конечно, нельзя недооценивать влияния семантически тождественных двусоставных деепричастных перфектных оборотов, для которых отсутствие выраженного субъекта не характерно и которые еще употребительны в говоре.

Явление синтаксической синонимии на уровне конкретного диалекта представляется бесспорным²⁸, что же касается синтаксической синонимии на уровне диалектного языка, то здесь синонимический ряд, по-видимому, образуют только противопоставленные диалектные различия.

Примечательным является то обстоятельство, что в избранной для анализа ЧДС зафиксированы почти все известные на сегодняш-

²⁶См.: Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. С. 183.

²⁷Золотова Г. А. Синонимические конструкции в свете компонентного анализа // Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 211.

²⁸О синтаксических синонимах в частной диалектной системе см.: Преображенская М. Н. О некоторых проблемах исследования синтаксиса диалектного русского языка // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 124.

ний момент диалектные различия, связанные с выражением категории перфекта, что позволяет говорить о синонимии не только на уровне одного говора, но и на уровне диалектного языка в целом.

Обратимся к идиостилю, отражающему в художественном произведении идиолект, где деепричастный перфект абсолютно потеснен причастными формами.

Известный в Карелии историк, поэт и художник В. Агапитов в своем творчестве запечатлел один из замечательных севернорусских говоров.

В произведениях В. Агапитова²⁹ утверждается значимость особых временных форм — причастного перфекта. Так, в поэме «Ламбасруцкий сказ»³⁰ используется исключительно причастный перфект со страдательными формами непереходных глаголов, как невозвратных, так и возвратных, приведем все три случая: *С той поры вот так и **жито*** (И, 93). *Раз **проснулось** — флаги алы* (И, 95); *У мя **не быто** тут с лета* (И, 95).

В одном из стихотворений использована конструкция с формой будущего времени: *Тая леденцем наше свиденье, Уйдешь, скроешься в стане рук. Во снях, ведаю, **буде придено** С тихой причетью: «Тосну, друг»* (И, 81).

В прозаических текстах³¹ автор использует исключительно неизменяемые причастные формы: употреблены 22 перфектные конструкции с причастными формами от непереходных глаголов на -но/-то (3, 14) и -нось/-тось (3, 8): *Скоко **не быто!** Навестили* (3, 88); ***Было** давно **встато*** (3, 95); — *Опять гди-то **напитось**. Поте отсюль!* (3, 97); ***Наряженось** комедно* (3, 97); *Волосьями*

²⁹Подробнее об опыте создания образцов диалектной литературы см.: Маркова Н. В. Диалектная литература: лингвогеографический аспект // Русистика в начале третьего тысячелетия: проблемы, итоги, перспективы: Материалы 1 Международной конференции (20–22 сентября 2012 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2012. С. 107–110.

³⁰Агапитов В. А. Изотчина. . . В дальнейшем при ссылке на сборник в скобках дается буква И и номер страницы через запятую.

³¹Агапитов В. А. Завтра, в день прекрасный. . . При ссылке в скобках дается буква З и номер страницы через запятую.

оброс, точно монах клименецкий. **Стоснулось** было аль что — к родителям пришел. Оны его не признали (3, 65).

Субъект выражается преимущественно (в 8 из 22 конструкций с причастиями от непереходных глаголов) с помощью самого употребительного в заонежских говорах способа — предложно-падежной формы *у* + род. п.: *Другой раз у него было прийдено, а родны отец да мать даже не зорят в его сторону.* (3, 65); *Было раз: согнал народ деревенский на берег к Онегу известьем, что у возричан прибыто с рыбой.* (3, 87); *Оногдас приехано было в Кижси у него.* (3, 91); *А у нас, бажоный, похожено, потруженось* вдосталь. *А в лесу, помню пожого жгли, кетовины делали.* (3, 74–75); *Вольным казаком сразу стал: ни домов, ни дела, ни места. У него и было тогда возвернутось* домой. *Другой раз женился.* (3, 76); *К пабедью до перины добрались. Аккурат этто у мужичонка было возвернутось.* *Слышат, мостовирья в сенях зыбят* (3, 72).

Поссесивный изначально оборот, оказавшийся формализованным, у В. Агапитова используется для называния неодушевленного предмета в иронично-лирическом рассказе о школьном вокально-инструментальном ансамбле «Мяляйдун» (*По нашему мяляйдать — значит мычать*³²): *В сенях скрипнуто у двери. На приступке лыбится Витька* (3, 95). Как видим, неодушевленный субъект предстает в условиях метонимического переноса.

Для рассматриваемого идиостиля исключением в способе выражения субъекта действия в причастной конструкции стала форма именительного падежа количественно-именного словосочетания: — *На свадьбку Алексееву много было людей собранось* (3, 65).

Деепричастный перфект не представлен в произведениях на диалекте — байках, за исключением диалектизма в речи крестьянки из рассказа «Письма к Щеголенку»: — . . . *Ягод было столько, что ведрами брали. Нуньку все ольхой да черемухой заросши. Этто съездила на днях на наволок — три воза ольхи нарубила. К зиме готовлюсь* (3, 7). Такое употребление формы на *-ши* вполне обычно для заонежских говоров в целом.

³² Агапитов В. А. Завтра, в день прекрасный. . . С. 96.

Безусловно, идиостиль не тождествен идиолекту. Образный язык писателя легко преодолевает ограничения, накладываемые диалектной системой на способ выражения деятеля в рассматриваемой причастной перфектной конструкции.

Интересно, что в результате возврата к материнскому языку восстанавливается система времен, присущая говору, но, возможно, с некоторыми потерями. Так, в идиостиле В. Агапитова синтаксическими синонимами можно считать только квазипосессивные конструкции и двусоставные причастные конструкции: *у людей придено ≈ много людей собралось*.

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ГОВОРАХ ПРИЛАДОЖЬЯ И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Аннотация. В статье рассматриваются зафиксированные в говорах Приладожья и Беломорья случаи отсутствия ожидаемого предлога в обстоятельственных синтагмах. В качестве материала для сравнительного анализа приводятся сходные данные из другого контактного региона — Среднего Поволжья.

Ключевые слова: диалектология, синтаксис, обстоятельственные синтагмы, предлоги.

Основным материалом для данного исследования послужили записи диалектной речи, сделанные в двух регионах: в Приладожье и в Беломорье в 1990-е и 2000-е гг.

Материалы по Приладожью, использованные в данном исследовании, записаны в Волховском (Сясьстрой), Всеволожском (Морье), Подпорожском, Лодейнопольском, Бокситогорском, Киришском и Тихвинском районах Ленинградской области. Материалы достаточно однородны по своим лингвистическим, в том числе и синтаксическим, особенностям. Территориально и лингвистически они соотносятся с Ладого-Тихвинской группой говоров. Эта группа расположена на территории, сопредельной с территорией новгородских говоров, и исторически входила в состав Новгородской Земли. Однако периферийное положение ладого-тихвинских говоров определило их своеобразное развитие, а также открыло возможность их включения в общие процессы языкового развития с говорами, расположенными к востоку от них.

Материалы по Беломорью собраны на территориях, примыкающих к Белому морю, в Республике Карелия, в Мурманской, Архан-

гельской областях, а именно: в Онежском районе (Анциферовский Бор, Кянда, Нюхчозеро, Тамица, Солозеро), в Холмогорском районе (Ломоносово), в Беломорском районе (Сумский Посад, Сальнаволок, Шижня), в окрестностях г. Северодвинска (Кудьма, Солза), а также в Карельском Поморье, охватывающем территорию от г. Кандалакши до с. Нюхчи, включает большую часть Беломорского района Карелии: г. Беломорск (ранее с. Сорока), с. Шижня, с. Нюхча, с. Сумской Посад, с. Колежма, д. Сумостров, д. Ендогуба, д. Выгостров, с. Вирма.

При анализе материалов Приладожья обращает на себя внимание следующая особенность: в автобиографических рассказах информантов, как правило, содержащих указания на конкретное время (например, год) и место (деревня, колхоз) описываемых событий, зачастую можно наблюдать отсутствие предлога в синтагмах, обозначающих обстоятельства времени и места. Всего в рассмотренных материалах было зафиксировано 39 обстоятельственных словосочетаний без ожидаемого предлога. В 32 случаях отсутствует предлог *в* при имени в предложном падеже, из них 25 оборотов представляют собой обозначения года: *Там было сорок первом году двадцать пять хозяйств*. Подп. (Озёра); *А Подовинники как-ком году кончились, при тебе или не?* Подп. (Озёра); *Отец умер двадцать восьмом году от восполения лёхких*. Волх. (Сясьстрой). Остальные случаи употребления предложного падежа без предлога *в* отмечены при обозначениях места: *Балтифлоты работали, и я там Балтифлоты, а брат работал ф церкви*. Волх. (Морье); *Пела теперь клубе частушек*. Подп. (Озёра); *Там ётой вони-то, ётой пахнет-то лесу*. Лодейноп. (Кяргино).

В четырёх случаях отсутствует предлог *в*, а в двух — предлог *на* — при винительном падеже: *Слушай, у нас новая столовая открылась, давай столовую*. Волх. (Сясьстрой); *Наверно сорок третьем году я уже кончила четыре класса и на работу по-ле и фсю жизнь работала*. Подп. (Курпово); *И я пять минут опоздала на работу*. Подп. (Озёра). Встретился и один случай опущения предлога *с* при родительном падеже: *Такая тагда была бамбёшка, двинаццати часов и до пшти часов*. Всевол. (Морье).

Исходя из характера примеров с данной синтаксической осо-

бенностью, в дальнейшем автором отбирался для анализа преимущественно материал с соответствующими жанровыми характеристиками, а именно: автобиографические повествования с большим числом обстоятельственных синтагм. Были проанализированы значительные по объёму аудиозаписи из различных районов Приладожья и Беломорья. Для сравнения были изучены меньшие по объёму аудиозаписи из Белозерья. Для сопоставления с данными территориально отстоящих говоров, при этом также находящихся в контактной зоне, в окружении типологически отличных языков, проанализированы записи, сделанные в Среднем Поволжье, а именно, в Старомайском районе Ульяновской области. Также были привлечены материалы по южнорусским говорам: опубликованные звучащие хрестоматии по тамбовским и курским говорам¹ и аудиозаписи автора по пензенским говорам.

В результате проведённого анализа материала обнаружили следующие особенности функционирования обстоятельственных синтагм в севернорусских говорах.

В Приладожье беспредложные конструкции зафиксированы в населённых пунктах Подпорожского района (Озёра, Немжа, Ладва, Винницы, Адмозеро), Волховского района (Сясьстрой), Всеволожского района (Морье) и лишь единичные примеры — в Киришском и Лодейнопольском районах. В Беломорье беспредложные синтагмы зафиксированы в Кандалакшском (Княжая Губа, Колвица), Онежском (Нюхчозеро), Сегежском (Сенная Губа), Беломорском (Воренжа) районах. В Белозерье подобные примеры отмечены в населённых пунктах Вашкинского района (Ухтома, Ботыгино).

Примеры с беспредложными конструкциями фиксируются у отдельных информантов, чередуясь при этом с аналогичными предложными синтагмами: *Ну и дрожжей не было, дак у нас **деревне** растут ёто хмель раньше.* Подп. (Озёра); *Ну дак там **в деревне** жыли ешо. А там **в деревне** фермеры жывут кто-то.* Подп. (Озёра).

¹Звучащая хрестоматия. Южновеликорусские говоры тамбовской области. Вып. 2. Тамбов, 2003; Волкова Н. А., Праведников С. П. Курские говоры. Звучащая хрестоматия. Части 1, 2. Курск — Бохум, 1999–2002.

В общей сложности в материалах по севернорусским говорам было выявлено 102 примера с беспредложными синтагмами. Обстоятельственные значения времени и места распределяются в этих синтагмах примерно поровну. В абсолютном большинстве обстоятельственных синтагм — в 93 случаях — отсутствует предлог *в*. Чаще всего — в 73 примерах — отсутствие предлога в наблюдается при формах предложного падежа, как в значении места: *Говорят, колхозе худо, Мне очень нравится*. [Из частушек] Подп. (Озёра), так и в значении времени (в большинстве случаев при обозначении года — 41 пример): *И трицать васьмом гаду у меня атец репресированный*. Всевол. (Морье). В 20 примерах предлог *в* отсутствует при формах винительного падежа при обозначении времени и места: *И давай столовую к нам работать, давай в хлебарезку*. Волх. (Сясьстрой).

Отмечены также единичные случаи отсутствия других предлогов: 5 примеров с опущением предлога *с* при родительном падеже в значении времени и места (*Дровни, сани такие и везёшь Кандалакши сюда*. Кандалакш. (Княжая Губа); *А косач берёзы и уходит ф сторону*. Сегеж. (Сенная Губа); 3 примера с опущением предлога *на* при винительном падеже в значении места и времени: *Пять минут опоздала ты севодня на работу*. Подп. (Озёра); *Лёд делалось, я пошла пролуб катаце*. Подп. (Озёра); 1 пример с опущением предлога *к* при дательном падеже в значении времени: [*Лёд*] *весны, к весны растаит*. Всевол. (Морье).

В материалах по южнорусским говорам были зафиксированы лишь единичные примеры в записях из Курской обл.: *Ну, а яму приижяли начальства*. Хомут. (с. Поды), *Наденим вянки, приходим двару, какушку ету крестим*. Хомут. (с. Поды)². Отметим, что подобные случаи отсутствия предлога *к* при дательном падеже не являются характерными для севернорусских говоров, следовательно, южнорусские беспредложные конструкции вряд ли могут быть поставлены с севернорусскими в один ряд.

Для выявления причин функционирования беспредложных об-

²Волкова Н. А., Праведников С. П. Курские говоры. Звучащая хрестоматия. Часть 1. Курск — Бохум, 1999. С. 50, 53.

стоятельстванных синтагм в севернорусских говорах, необходимо рассмотреть целый ряд различных факторов: фонетический, исторический, географический.

С точки зрения фонетики возникает вопрос о возможности ассимиляции чаще всего опускаемого предлога *в* перед последующим шумным согласным (случаи отсутствия предлога *в* перед словом с начальным звуком *в* нами не рассматривались по причине высокой вероятности слияния этих звуков): *Это было пиисят наверно третьем, вот так, годах*. Кандалакш. (Княжая Губа). Действительно, в большинстве примеров знаменательные слова имеют начальные шумные согласные *с, п, т, д, к*, что обуславливает слабую фонетическую позицию предлога *в*. Однако частотность указанных начальных согласных связана с лексическим составом обстоятельственных синтагм, так, почти половина из них — обозначения года в рассказах о детстве, молодости информантов, следовательно, это двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые годы: *Ну как экспедиция сначала дак может пятидесятих сорок девятих годах была; У нас родилась первая сестра двацать четвёртом году*. Кандалакш. (Княжая губа). Частотность начального *к* обусловлена использованием обстоятельства *колхозе* и географических названий *Княжой Губе, Кандалакше, Кокареве* и др.: *Колхозе стала работать. . .* Вашк. (Ботыгино).

О том, что отсутствие предлога не может быть обусловлено лишь фонетически, говорят случаи, когда предлог оказывается перед сонорным или гласным, т.е. в сильной позиции: *И я маху не дала: Да Ленинграде пешком догнала*. [Из частушек] Подп. (Озёра); *Этом деревне родилась дей в совхозе да колхозе жыла*. Подп. (Озёра); *Рыбколхозе ещё работал*. Онеж. (Нюхчозеро). Таких случаев более десяти.

В историческом плане беспредложные формы не являются чем-то необычным или новым для русского языка. Так, В. Л. Георгиева отмечает в древнерусских памятниках письменности более широкое использование беспредложных форм для выражения пространственных и временных отношений: *семь же лѣтъ* (Пов. вр. л.),

томь вечере (Новг. I л.)³. В. В. Иванов указывает, что «беспредложное управление обнаруживается в конструкциях с род., дат. и местн. пад., имеющими пространственное значение в широком смысле этого слова», приводит примеры из грамот и летописей: *отхожю света сего; седь кыевъ* и др.⁴ Однако в дальнейшем, как отмечают исследователи, развитие русских обстоятельственных синтагм идёт в сторону расширения и укрепления предложных конструкций⁵.

Что же касается беспредложных оборотов, отмеченных в севернорусских говорах, представляется необходимым поточнее выявить территорию их распространения. Географический критерий позволяет сопоставить беспредложные обстоятельственные конструкции с подобными формами выражения места и времени в прибалтийско-финских языках. Так, в карельских и вепсских диалектах временные и пространственные значения выражаются, как правило, внутри слова, аффиксально, при помощи падежных окончаний. На фоне таких форм русские средства выражения пространственно-временных отношений носителям субстрата могут казаться избыточными.

С точки зрения взаимодействия типологически разных языков интересно сопоставить данные севернорусских говоров с материалами говоров других контактных регионов. Так, интересные сведения для данного исследования были получены в ходе экспедиций 2012–2013 гг. в нескольких населённых пунктах Старомайнского района Ульяновской области (в сёлах и деревнях Кремёнки, Кременские выселки, Ивановка, Красная Река, Большая Канда, Базарно-Мордовские Юрткули, Русские Юрткули, Матвеевка). Район довольно непростой в этнолингвистическом отношении. В настоящее время большинство жителей указанных населённых пунктов считают себя русскими. Однако информанты сообщают, что прежде большую часть жителей некоторых из указанных насе-

³Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М., 1968. С. 72–77.

⁴Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983. С. 385–386.

⁵Всеволодова М. В. Предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис. Первые результаты международного проекта // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту / 36. наук. праць, присвячених ювілею А. П. Загнітка. — Донецьк: ДонНУ, 2004. — С. 173–180.

лённых пунктов (Базарно-Мордовские Юрткули, Русские Юрткули, Матвеевка, Красная Река) составляла мордва, в окрестных сёлах проживали татары, чувашаи, что зафиксировано в народном названии этих земель: Чуморстан. Сложные процессы этногенеза местного населения находят отражение и в краеведческой литературе⁶.

В отобранных для анализа материалах по Ульяновской области, по объёму соотносимых с материалами по Приладожью, было отмечено 40 случаев отсутствия предлога в синтагмах, обозначающих обстоятельства времени и места. В большинстве случаев в указанных примерах, как и в севернорусских материалах, отсутствует предлог *в* (37 примеров): *Каждый гот переменяют, на одном месте не бывають **калхозе**. Ани это абрабатывають землю и сажают **разных местах**. Этат гот, например, кукуруза тут, другой гот **другом месте**, потсолнух этат гот тут, апячь другой гот **другом месте***. Старомайн. (Красная Река). Из этих 37 примеров большая часть — 27 синтагм — с именем в предложном падеже: *Пиисят **седьмом**, дефчонки, удовела*. Старомайн. (Красная Река). В остальных случаях имя оформлено винительным падежом: *Она **семнаццать лет** вышла [замуж]*. Старомайн. (Большая Кандада); *Вот кто пошёл **колхоз**, роботай уш **колхозы***. Старомайн. (Красная Река). Встретились единичные примеры обстоятельственных синтагм, в которых можно предположить отсутствие других предлогов (*на*, *с*): *И вот семисят третем году я **заводе** уже работала*. Старомайн. (Красная Река); *Другой стороны **накладываеца** ешо адна сетка с большими ячейкими*. Старомайн. (Кремёнки).

Как и в примерах из севернорусских материалов, в записях по Старомайнскому району отсутствие предлога *в* чаще всего фиксируется в слабой фонетической позиции перед глухим согласным, что, отчасти, обусловлено лексически, так как большинство синтагм представляет собой обозначение года (*Семисят третем году* *вот я шесть дней лежала бес памяти*. Старомайн. (Красная Река); *Ну и черти приташишыли сюда **сорок**. . . **сорок шестом***

⁶Мордвинов Ю. Н. Взгляд в прошлое. Ульяновск, 2007. С. 155, 197, 244, 258.

году. Старомайн. (Базарно-Мордовские Юрткули)), а также обстоятельства *в колхозе, в колхоз (Фсю жизнь калхозе проработал*. Старомайн. (Красная Река)). Таким образом, большая часть словоформ со значением места и времени начинается на глухой согласный (*колхозе, сороковом, пятидесятом, шестидесятом, семидесятом*).

Однако встречаются и примеры со словоформами на сонорный согласный: *Мы айдате маленьку Чалгу, там за грибами*. Старомайн. (Кременские Выселки); *Ани это абрабатывают землю и сажают разных местах*. Старомайн. (Красная Река); — *Она [дочь] в Красной реке? — Нет, Матьвеевке, другом сёле*. Старомайн. (Красная Река). Всего встретилось 5 подобных примеров. Таким образом, и в поволжских материалах случаи отсутствия предлога не объясняются чисто фонетически.

Определённую «поддержку» беспредложным обстоятельственным синтагмам оказывают весьма частотные устойчивые обороты *нынче году, нынче годом*, являющиеся, видимо, результатом определённых контаминационных процессов: *А нынче году учылса [внук]. У дочери живёт*. Старомайн. (Базарно-Мордовские Юрткули); *Нынче годом вот весна-то она и ранняя, но холодная*. Старомайн. (Красная Река); *Вот нынче годом угодила хорошэ погода*. Старомайн. (Красная Река).

В целом севернорусские и поволжские данные выявляют ряд сходных черт: отсутствие предлога (как правило, это предлог *в*) в составе синтагм со значением места (чаще всего упоминается колхоз или конкретные деревни, сёла) и времени (чаще всего это обозначения года). При этом фонетические условия в определённой степени могут оказывать влияние на звуковой облик синтагмы, но не имеют определяющего значения.

Как было указано выше, общей особенностью севернорусских и поволжских материалов является то обстоятельство, что записаны они в контактных регионах. Таким образом, соответствующие говоры могли взаимодействовать с языками типологически отличных систем (с прибалтийско-финскими на севере, мордовскими, тюркскими в Поволжье). Как и в прибалтийско-финских языках, в мордовских и в тюркских (чувашском и татарском языках) временные

и пространственные отношения выражаются синтетически, аффиксально, в частности, при помощи направительных и местных (местно-временных) падежей⁷. В то же время, потенциал грамматической системы русского языка вполне допускает такую синтетическую форму выражения грамматических значений.

СОКРАЩЕНИЯ

- Вашк. — Вашкинский район Вологодской области.
Волх. — Волховский район Ленинградской области.
Всевол. — Всеволожский район Ленинградской области.
Кандалакш. — Кандалакшский район Мурманской области.
Лодейноп. — Лодейнопольский район Ленинградской области.
Онеж. — Онежский район Архангельской области.
Подп. — Подпорожский район Ленинградской области.
Сегеж. — Сегежский район Республики Карелия.
Старомайн. — Старомайнский район Ульяновской области.
Хомут. — Хомутовский район Курской области.

⁷Языки народов СССР, в 5-ти томах. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 48, 144.; Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 180.

НАИМЕНОВАНИЯ ХЛЕБНЫХ ИЗДЕЛИЙ В СЕВЕРНОВЕЛИКОРУССКОМ И ЮЖНОВЕЛИКОРУССКОМ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОЙ И КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Аннотация. В статье рассмотрены наименования хлебных изделий в северновеликорусском (на примере пермских говоров) и южновеликорусском (на примере калужских говоров) свадебных обрядах. Выявлены территориальные принадлежности лексем: распространённость в обоих говорах (такие лексемы чаще обозначают обязательные хлебные изделия, свойственные для великорусских говоров в целом) или только в одном из них (обозначают необязательные хлеба в свадебном обряде). Проанализирована мотивированность данных лексем.

Ключевые слова: лексика, свадебный обряд, хлеб, мотивация, Пермь, Калуга.

Основные хлебные изделия свадебного обряда северновеликорусской и южновеликорусской свадеб имеют общие наименования (*хлеб-соль, каравай, коврига, курник, пирог*) и свойственные только северу (*плакальник, кривулька, мушник, неудача, пельмени*) или югу (*роцца, блины*).

Среди наименований хлебных свадебных изделий, распространённых в северновеликорусских и южновеликорусских говорах, выявлены следующие мотивировочные признаки:

1. Мотивационные признаки в синхронии отсутствуют, этимология неясна: **Коврига** — ‘ломоть хлеба, каравай’, «все существующие этимологии неудовлетворительны» (Фасмер II, 272). В пермских говорах фиксируется в формах *каврижка* — небольшой хлеб, который кусает невеста на благословение, и хлеб, выпекаемый на второй день, содержащий деньги. На территории Калужской области — *карвега, коврижка* — ржаная выпечка (Материалы) — в настоящее

время не фиксируется на свадьбах, лексема малоупотребительна, бытует чаще с уменьшительно-ласкательным аффиксом -чка- (коврижечка), с неточной семантикой. В свадьбах начала XX в. данное изделие приносили с собой в дом жениха гости в качестве дара. Ещё ранее ковриги участвовали в ритуале, показывающим главенство жениха над невестой: до венчания отец невесты и дружка над головами молодых мерялись своими ковригами — чья выше (причём невестина была закрыта холстиной), побеждал всегда дружка, забирал ткань себе в знак того, что они увезут дочь от отца; потом каждый привозил свои ковриги в дом жениха.

2. Наименования, мотивированные образами животных, птиц (корова, курица), являющиеся символами невесты:

Каравай — этимологически лексема связана с *коровой* (*korva) (ЭС), в настоящее время данная мотивационная связь отсутствует в речи респондентов, лексемы *каравай* и *корова* воспринимаются как самостоятельные, независимые.

Каравай — пшеничный хлеб (Материалы) круглой формы. В Пермской области выпечкой каравая, *коровая* занимается мать невесты (ЭС СевПр.). В Калужской губернии *каравайцами* чаще занималась мать жениха с помощью старух родственниц и соседок, его приносили в дом невесты на вечерины или утром непосредственно в день венчания, не отмечается его украшенность (Материалы). В середине XIX века фиксируется выпечка каравая стороной невесты и с различными фигурками (Материалы). В течение всего свадебного дня дружка носил каравай с собой. На почестные, когда все гости разошлись и остались самые близкие родственники, начинается раздача каравая, который разрезает дружка с завязанными глазами. Выпекание каравая сопровождается песнями, в которых создаваемому изделию придаются мифические размеры: «*Каравай каробитця, / По столу катаиця. / И у печкю сажайтця, / Узайди, узайди каравай, / Выше печи, выше брусу, / Выше заднева акошка*», это же характерно для западной и юго-западной России¹, восточной Польши (Etnoling. 79). А. В. Гура

¹Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. — 296 с. (Этнографическая библиотека). С. 108.

отмечает и женское, и мужское начало в образе каравай, «это проявляется в том, что его пекут и у невесты, и у жениха., украшают как мужскими (мужик, петух, медведи . . .), так и женскими (баба, курица . . .) фигурами и изображениями»² — в пермской свадьбе каравай украшался голубками, в калужской свадьбе каравай печётся чаще стороной жениха, а стороной невесты изготавливаются пироги, обязательно украшенные (курник, роцца). Наличие в калужской свадьбе рубежа XIX–XX вв. одновременное существование каравай и пирогов (курника, роцци) говорит о разделении образов: каравай — мужской, курник — женский, возможно за счёт уменьшения образа каравай — данное смещение от этимологически женского образа каравай к мужскому, говорит о потере мотивационной связи ещё в середине XIX в.

Курник — вид свадебного пирога. В Пермской свадьбе *курник* фиксируется в значении свадебного пирога круглой формы с мясной, грибной или овощной начинкой, куриная начинка или украшения в виде курицы отсутствуют. В Калужской — это ‘большой круглый пирог с целой курицей и гречневой кашей, с украшенным верхом’. Изготовлением пирога занимались подруги или мать невесты в день девичника, начиная с утра. Помимо собственно приготовления хлебного изделия, большое внимание уделялось его украшению. На крышку пирога помещались поделки из теста (кружки, фигуры людей, яйца, курицы) или же несъедобные украшения (ёлки, цветы, вензеля, различные изображения).

Данная лексема имеет двойную мотивацию: с одной стороны — курица, как основная начинка пирога (мотивация через метонимический перенос от части к целому), с другой — курица — в качестве символа невесты, как отмечает А. В. Гура: «... символом невесты, также воплощенным в свадебном хлебе, является курица»³. Исходя из этого в калужском варианте присутствуют оба мотивационных признака, в пермском — только последний — отсюда различия в начинках одного хлебного изделия. Также курник «является функ-

²Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012. — 936 с. (Традиционная духовная культура славян: Современные исследования). С. 242.

³Гура А. В. Указ. соч. С. 241.

циональным заместителем каравай на значительной части великорусской территории. . . . Курицу и каравай объединяет то, что оба они символически соотносятся с невестой и подлежат ритуальному дележу»⁴. Данное явление наблюдается в калужской свадьбе. И. С. Лутовинова (Лутовинова 2005) представляет лексему *курник* как позднее суффиксальное образование от общеславянской основы глагола *курити* — «первоначальное значение слова курник связано, по-видимому, со способом изготовления: изделие подвергалось воздействию огня, то есть выпекалось . . . Семантическая и этимологическая связь этого слова со словом курица, возможно, более поздняя»⁵.

3. Наименования, мотивированные номинацией, распространённой в повседневной жизни: *Краюшки*, *краяны* — края.

Краюшки — отрезанные края от пирога в калужском обряде, участвующие в самостоятельном обрядовом действии (благословении молодых) и *Краяны*, *кряяны*, *кряяны* — характерные для севернорусских говоров (Арх, Вологод, Перм) наименования свадебных угощений для незваных гостей. Существование лексемы *краян* (Арх. (СРНГ)) ‘горбушка, ломоть хлеба’ и широко распространённого свадебного образа отрезанного ломтя, позволяет говорить о изначальной не запланированности данного вида угощений, лишь позднее превратившегося в специально выпекаемое хлебное изделие.

4. Наименования, мотивированные номинацией предметов, входящих в состав хлебного изделия: *Хлеб-соль* — состоит из каравай и солонки, хлеба и соли как в северновеликорусском, так и в южновеликорусском свадебном обряде.

5. Наименования, распространённые вне свадебного действия: *пирог*.

В наименованиях, присущих только одному из говоров, мотивационным признаком служит:

⁴Гура А. В. Указ. соч. С. 24–241.

⁵Лутовинова И. С. Слово о пище русской. 2-е изд., перераб. СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. — 288 с. С. 146.

1. Обрядовое действо, связанное с данным хлебным изделием. В северновеликорусском свадебном обряде: хлеб, съедаемый под плач — **Плакальник**: «*Плакальник жених присылал невесте до девичника. Пирог съедали гости и девушки под пение плачей*» (ЭС Сев.Пр.).

Неудача ‘хлеб, выпекаемый на второй день свадьбы невестой при испытании молодой’ (ЭС Сев.Пр.) — первый невесткин хлеб оказывается неудачным, как и все испытания этого дня.

2. Вид и форма хлебного изделия. На севере наименование формы хлебного изделия переносится в номинацию самого изделия: **Кривулька** — сладкий крендель, выпекаемый на свадьбу убёгом (ЭС Сев.Пр.). На юге внешнее сходство хлеба с жизненной реалией мотивирует номинацию хлебного изделия: **Роцца** — круглый большой пирог без начинки в виде лепёшки с украшенным верхом, выпекаемый невестинной роднёй. (Материалы). Обязательными декоративными элементами являются воткнутые в лепёшку и опоясанные ветки, в большинстве случаев украшенные искусственными цветами, бумажками, выпечкой — *кренделюшки, кружалочки, вертушки, птушки-соловейчики*, фигурки коней и свиней, *мужичок* и *бабочка* — символы жениха и невесты, иногда наряженные в лоскуты, в более старинных обрядах с отчётливо вылепленными из теста гендерными признаками, что отсылает к древним брачным союзам, обрядам плодородия (Материалы).

Сама *роцца* служит не столько кушаньем, сколько украшением. Вечером перед венчанием, по прибытии поезда жениха в дом невесты данное хлебное изделие было уже готово (Материалы), на следующий день *роцца* также украшала стол. На *пропои* (происходящие в данном варианте обряда вечером перед свадьбой) *роццу* «*акупают*» — выкупают — жениховые платят подружкам невесты с речевой формулой: «*Ваш лес хорош, годится нам на стройку*» (Материалы). На почестные (в последний свадебный день) *обыгрывают роццу* (Материалы) — поют песни, посвящённые свадебному пирогу, с целью получения вознаграждения, затем её *ломают*. Это последний этап в действиях, связанных с роццей, в отличие от свадебного дерева (которое могут хранить всю жизнь после свадьбы в одной семье или одно и то же дерево трепетно передавать со сва-

дъбы на свадьбу по деревне) свадебный пирог съедают. Обряд *ломания рощи* схож в своих ключевых моментах с обрядом *раскрывания невесты*: сначала снимают ленту, удерживающую воткнутые в пирог ветки, и обвязывают ею головы молодым: «*Штобы маладыи также не расходились*»; потом дружка и полудружье раздают всем гостям по ветке, сопровождая пожеланиями. В поверьях и верованиях многих народов происходит приближение молодой к божествам, приписывание ей сверхъестественных способностей (улучшения урожая и пр.) (СД), таким образом, раздача *рощи* является отголоском этих верований, унося с собой часть пирога (причём чаще всего держа ветки на виду), каждый гость становился обладателем предмета с неким магическим свойством.

Данный вид свадебного пирога (роща) тесно связан со свадебным деревом, обязательным элементом обряда в большинстве районов Калужской области. В начале и середине XX века наблюдается их слияние в один свадебный элемент. Чаще всего съедобными остаются только украшения в виде различных фигур, а сам пирог заменяется элементами дерева, например, в виде палочек, воткнутых в горшок с песком (Материалы). Исчезновение пирога на девичник происходило постепенно, посредством поэтапной замены его элементов. К середине XX в. (после Великой Отечественной войны) пирог на девичнике не фиксируется.

3. Наименования, широко распространённые вне свадебного действия. **Пельмени** — характерная для севера России еда, лексема пермская, «заимствовано из коми, удм. *peł'nap* от коми, удм. *peł'* «ухо» и *nap* «хлеб» из-за формы, которую имеют эти изделия.» (Фасмер III, 230). **Блины** характерное блюда для юга как в качестве обычной пищи, так и обрядовой (в том числе и свадебной), лексема *блин* — от более древней формы *млинъ*, связано с *мелью*, *молоть* (Фасмер I, 175).

Основные наименования хлебных изделий свадебного обряда являются общерусскими, фиксирующиеся на территориях северно-великорусских и южновеликорусских говоров: *хлеб-соль*, *каравай*, *коврига*, *курник*, *пирог*. Среди данных номинаций мотивационный признак может отсутствовать или быть выражен а) образами животных, птиц, являющихся символами невесты; б) явления-

ми повседневной реалии; в) предметами, являющимися составной частью хлебного изделия; г) явлениями, распространенными вне свадебного действа. Лексемы, фиксирующиеся только в одной части России, чаще обозначают не обязательные в свадебном обряде хлеба или хлеба, имеющие свои заменители на одной территории, среди них фиксируются наименования, распространённые вне обрядовой реалии (*блины, пельмени*); мотивационными признаками является а) обрядовая реалья, связанная с данным хлебным изделием (*плакальник, неудача*); б) вид и форма хлебного изделия (*кривулька, роцца*).

СОКРАЩЕНИЯ

Материалы — Материалы к словарю свадебной лексики Калужской области (рукопись).

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 тт. /Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. — 575 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Тт. 1–46. СПб, 1965–2013.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. /Под ред. и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 2-е., стереотип. М.: Прогресс, 1986.

ЭС — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–30. /Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–2003.

ЭС СевПр. — Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья /И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. Пермь: Пермское книжное издательство, 2004. — 360 с.

Etnoling. — Baczkowska Grazyna. Korowaj // Etnolingwistyka. — Vol. 1. /pod redakcja J. Bartminkiego. Lublin, 1988. P. 79–100.

**ТЕРМИНЫ РОДСТВА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА:
СОПРЯЖЕНИЕ «СЕМЕЙНОГО»
И «ТЕЛЕСНОГО» РЕГИСТРОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ)***

Аннотация. Термины родства относятся к группе коннотативной лексики, для которой характерен регулярный метафорический перенос в самые разные области, в том числе в область соматики. В статье на материале архангельских говоров рассматривается, как «семейная» терминология связана с «телесностью», частями тела (соматикой), и наоборот: как лексемы, обозначающие части тела, метафорически переносятся на «семейные» понятия.

Ключевые слова: северные говоры, архангельские говоры, термины родства, соматика, русская диалектология, диалектная лексикология.

1. Одной из популярнейших тем в последние десятилетия стала «языковая картина мира». Анализ производных значений терминов родства (ТР) ярко демонстрирует антропоцентричность этой картины: вторичные значения терминов родства распространяются далеко за рамках «семейной» области и даже далеко за пределы социума. Они тесно связаны с животным, растительным и предметным миром, с мифологическим пространством и абстрактными понятиями, употребляются в качестве антропонимов и топонимов, используются как междометия.

В терминологии С. М. Толстой¹ одна система может становиться «донором» для других систем. К группам-«донорам» в первую

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-04-0013 «Термины родства в архангельских говорах: Словарь».

¹ Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2009. С. 7-22.

очередь относятся слова с богатым коннотативным потенциалом. Ю. Д. Апресян, говоря «об основных разрядах коннотирующей лексики», называет «имена терминов родства, животных, частей и органов тела, природных объектов и явлений, физических действий, цветообозначений...»². Лексико-семантическая группа «Термины родства» является одной из таких групп-«доноров» — группой, в которой регулярно осуществляются семантические сдвиги, происходит как бы выброс элементов (значений терминов) далеко за пределы их протозначений.

К ТР оказываются близки термины, связанные с половозрастной номинацией человека (*девушка, парень, старик, старуха*), его социальным статусом (*старая дева, вдовец, князь, барыня, сударь, король*), а также ласковые наименования людей (*любушка, жданушко*). С одной стороны, они часто употребляются наряду с ТР — вместе с ними как синонимы и даже вместо них; с другой стороны, они, как и ТР, обладают способностью к экстраполяции, интервенции в иные семантические группы.

Предметные области, в которых задействованы термины кровного родства, можно разделить на несколько групп. ТР распространяются на кукол, игрушки — во многом куклы человекоподобны (в обозначении игрушек участвуют лексемы *баба, бабка, бабочка, дедко, девка, девушка, панка, мужик, человечек* и др.), карточные масти (карточная дама — *девка, девочка, девушка, бабушка, жёнка*; король — *дедко, дедушко, хозяин*; валет — *мальчик, парень*); они участвуют в лексике, сопровождающей различные игры (водящий в игре, старший в команде — *баба, матка, кум, пан*); переходят в строительную терминологию (где задействованы многочисленные дериваты от корня *мат-*: *мать, матица, матница, матня, матка, надматка, надматок, подматка, подматок, подматичное, подматица*, а также *старик, баба, бабка, бабочка; князь, князёк, самец, пасынок*); с их помощью называются инструменты, орудия или их части (*баба, бабка, бабушка, дедко, старик; матка, матица, маточка*). Терминология родства

²Апресян Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова // В кн.: Апресян Ю. Д. Избр. труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 156–177.

оказывается втянутой в важнейшие крестьянские занятия: земледелие (название малой укладки зерновых или льна, конопли — *бабка*, *бабочка*), в занятия, связанные с лесом (способ укладки бревен — *бабка*) и лесосплавом (плот сплаваемого по реке леса — *матка*), ткачеством (названия деталей ткацкого станка — *баба*, *бабка*, *бабушка*, *баба-вороба*, *баба-вьюха*; *дедко*, *дедушко*, *пасынок*; сдвоенные нити в ткацком гребне — *сестрицы*, *сестреницы*), ткачеством и вязанием (петля в вязанье — *сестра*, вязаный, тканый или вышитый узор — *посестерной*), рыболовством (названия частей рыболовной ловушки — *матка*, *матица*, *матичка*, *матница*, *матня*; *детинец*, *детенец*, *детей*, *детинок*, *детиночек*, *деток*, *детыш*, *детышок*, сама ловушка может называться *бабницей*). Термины родства используются для наименования печи и ее частей (*баба*, *бабка*, *чёртова бабка*, *матка*, *свёкор*); посуды (медный ковш, из которого поочередно все гости за столом пьют пиво, — *братыня*, *братина*, *братына*, *братынка*, *братынник*, *братынь*, *братынька*); пищи (выпечные изделия носят названия *баба*, *бабник*, *вдовица*, *молодка*, *кумушка*, *няня*, *нянька*, *панушка*); одежды (*молодуха*, *молодой*, *молодичка*, *молодушка*, *свекровница*, *свекровочник*) и т.д.³ Термины родства используются в наименовании частей тела человека и животного (в соматике).

Соматика также является группой-«донором». Н. И. Толстой показывал, как одни и те же лексемы, например «термины частей тела (анатомические)... выступают в регистре географическом как географические термины, в регистре архитектурном как термины народного строительства, частей дома, в регистре техническом как термины народной техники и др.»⁴. В данной статье мы рассмотрим, как термины кровного родства связаны с обозначением частей тела.

³Качинская И. Б. Термины родства и предметный мир (Термины родства и языковая картина мира. По материалам архангельских говоров) // Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 265–283.

⁴Толстой Н. И. Из наблюдений над способом номинации в гидронимии («Семантический регистр» в апеллативной и гидронимической лексике) // В кн.: Толстой Н. И. Избр. труды. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997. С. 397, 398.

2. ТР (и близкие к ним термины) сопряжены с «телесным» регистром и могут обозначать пальцы руки, суставы ноги, женское чрево и чрево животного, женский и мужской половые органы; вздувшаяся в разных местах вена у женщины — *вдовья жила*, излишки плоти, полнота — *вдовье мясо*; зрачок глаза — *человечек*.

Как «семья» рассматривается рука — ладонь и пальцы: *Пальцы на руках: большой, матка, отец, бабка, мезенчик, или дочка*. Безымянный палец руки может называться также *дедко* и *вдовой палец: Вдовой палец — безымянный*. Большое количество похожих примеров, в которых в обозначении пальцев руки участвуют термины родства, зафиксировано во многих русских и славянских говорах⁵. Руки небольшого размера, ручки женщины, девушки — *панчики: Вот вы-то «руцъки» (говорите), а мы-то — «паньцики»*. Возможная мотивация здесь — метонимический перенос с предмета: *панскими рукавицами* называются варежки (есть также *панские носки*) особой вязки, в настоящее время наиболее распространенной (вкруговую, на 4 основных и 1 дополнительной спице): *Как одной иголкой (спицей) вязали — это руска исподка (варежка), а цетьрьмя — то паньска. Паньские рукавицы — вязаны иш шерьсти. Паньчки и делёнки (варежки) ис шерсти вяжут*.

Кость щиколотки — *девушка: Доцька упала, обе девушки от лытки отломила. Деушки обе отломила от лытки-то, обе костоцьки*. Метафорически этот же сустав называют *хозяйкой ноги: Это нога, а это называеца коска маслена — хозяйка ноги: если в этом суставе ногу вередииш, дак никуда*.

Надкопытный сустав ноги крупного или мелкого домашнего животного — *бабка, бабочка: Бабки — это кости от животных, лодыжки: ставили, брали палку, как городки наподобие. Ну они по-разному назывались, но в общэм назывались бабки. У овець бабки, шлюшки и жошки, шлюхи и жохи. У быков звали жох да шлюха, а шлюшки и жошки — это овечьи. От скота такие бабоцьки, и бьют битками*.

⁵Березович Е. Л. Метафорические комплексы, составленные терминами родства, в славянских языках // Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2009. С. 261–271.

Именно этими косточками играли **в бабки (бабочки)**: *Бились в бабки* — игра такая. *В бабки* школьники играли, жохи были налиты оловом. **Бабка, бабочка**, играют, *ладыжки-те* играют. *В казачёк или побитом рошшыбают эту кучу. . . штобы рошшыбить, больше выбить бабок.* А **бабки** разные — козак, шлюшки. **На бапках** бились, *в городки* играли. Раньше робята били **бабочки** побитом. *Годят (метят) в бабоцьки, угодиш — твои, не угодиш — не твои.*

С игрой «в бабки» этимологически связано новое значение ‘деньги’ (**бабки**), что уже вряд ли осознается носителями. В предлагаемом контексте информант пытается связать воедино разные значения слова **бабки**: ‘деньги’, ‘игральные кости’, ‘старухи’: *Шаз бабки деньги, а тогда бабки кости. Можот, потому и назывались — бабки делали холодец-то. Когда животну зарежут, во тогда* (делают холодец).

В игре «в бабки» **бабки** бьют, подбивают, и когда подбивают все бабки (как и при игре в «городки»), игра заканчивается. Отсюда развился новый фразеологизм: *подбить бабки* — ‘закончить что-н.’; ‘сделать расчет, подсчитать’: *Ну чё, тоже бабки подбить тебе, Лена?*

В то же время **бабка** — это ‘сустав ноги’, ‘голень’ человека. *Садит на задние бабки* — приходится приседать от большой тяжести. *Меня так на задни бабки и садит* — значит ‘очень тяжело нести’. Возможно, поэтому еще одна детская игра, при которой бегущие несут на спине (на закорках) партнера (бег наперегонки?), тоже называется **бабки**: *Те садяця, прилепяця на спину, и те несут ых, по-нашему бабки-то.*

Женское чрево, внутренний орган, в котором развивается зародыш, — **матка, мать**: *У меня децка мать, децка матка, я не рожала. Боль худая эта, воротовая трава — у женьшыны што (когда) с маткой — режот, воротит, болит, пьют её. Прекратили эту кровь-ту. Хотели уш и матку убирать. Матка выкатица. У меня веть нездоровьё — у меня ис себя вышло, матка вышла. Я тяжело переселась-то, у меня матка-то вышла. Она больна была, у ей матка выходила, она такой пояс держала. Я видала, у ней матка так выехала.* Возможно, к этому

же значению относится фразеологизм **бабушкино гнездо**: *Бабушкино гнездо, говорю, скоро вывалица в канаву, а она говорит: Ейно гнездо на кладбище.* Но, может быть, бабушкино гнездо — это не матка, а женский половой орган.

Чрево животного тоже называется **маткой, матицей**: *Матка, может, такая (у коровы). Выпад матки — два часа корова живёт — зарезали. Иш матицу отпустила, скоро снашиваца будет* (корова будет телиться). После отела коровий послед закапывают в землю в хлеву и произносят заговорную формулу, в которой корову величают *матушкой*, а ее послед — **батюшкой**: *Его закапывают в землю, штобы не вытащили собаки, а то лягаца будет корова. Приговаривали: Послед-батюшка, лежи не шолохнись, корова-матушка, стой, с ноги на ногу не переступай, хозяйюшке молочко отдавай.*

Детские молочные зубы — **материны (матерние) зубы**: *Рано зубы вылегала материны. Матерни зубы.*

Вздувшаяся вена на внутренней стороне пальцев рук — **вдовья жила**: *Вот вдовья жила под козёнками (козенок, козенок — сустав пальца).* Другое значение того же фразеологизма — вздувшийся на переносице кровеносный сосуд, свидетельствующий о (будущем) вдовстве женщины: *Есь вдовья жила, так такой целовек знает. Вдовья жила — если идёт жилка с переносицы под глаз.*

Полнота, развивающаяся у стареющей женщины, — **вдовье мясо**: *Я была с мужиком сухонька такая, а осталась одна — ожирела, вот, говорят, вдовье мясо накопила. Вдовьево-то мяса накопила, стала некрасная (некрасивая).* Вдовы, **вдовье мясо**. В других архангельских говорах излишние жировые отложения у женщины называются *диким мясом*. Жировые отложения на основании шеи, загривок, — **вдовый холмик**: *Вдовый холмик, говорят, массировать. Горб-то растёт — вдовый холмик говорят.*

Зрачок глаза в некоторых архангельских говорах называется **человечек** — действительно, в зрачке отражается человек: *Белый, чёрныйш — там целовецек есь у нас. Каки хош глаза, а целовецек у кажного есь. В глазе белок и человечек. Чёрно-то человечек называют. Если человечка нет, то и глаз не видит.*

Зрачѣк — целовецек, в **целовецька** тыкнеш — и не завидиш. Хорошо не в **человечка** ткнула. **Человечек** — это зрачѣк, чуть в зрачѣк не попал, ткнула. В самый **целовецек** попало. Называли бельш, да там **человечек** чѣрненький. **Человечек** по-нашему, есь и бельмы намигают на **человечика**, вот бельмо на глазу — и **человечка** не видно. Это зрачки там скажут смотрят, а в кругу — там чѣрны **человечки**. Ну, не пиши **человечки**. Это смала мы глядели, всё **человечки**.

По суеверным представлениям, в глазах колдуна человек отражается вверх ногами: *На икотника (колдуна) смотриш, там веть **человечки**, дак у нево **человечки** книзу.*

С соматикой связано большое количество фразеологизмов, включающих в свой состав термины родства. Так, беспокоится, тревожится за детей **материно (матерное, материнское) сердце: Материно сердце, как ни говори. Коль, говорит, материно серье** чутко. *Вот как **материному-то серцю** переживать?! Отцы дак шо псы, **материнско-то сердца** — та всё болит. Поду Петьку созову — **материнско сердце-то**. Ну ладно, подохне — туды и дорога, но всё ровно **материнско серье**, всё жалко. Пусть я переживала, но на глазах-то их нету у меня (детей), но **материнско серье** всё поцсказыват.* С другой стороны, **материно сердце** — это настроение, душевное состояние матери: **Материно серье** кто будет наблюдать?

Если **материнское (материно) сердце** «следит» за отношениями *мать — дети*, то **бабье сердце** — за отношениями *муж — жена*: **Бабье серцэ** не камень.

Жить без забот, без горя — как в **материной пазухе, как за матенкой**: *Охохоньки, што сделаш, у кого како щасье. Новы живут, как в **материной пазухе**. Как за **матенкой** за хорошей живѣ.* (Ср. с этим: как у Христа в пазушке).

Жить (сидеть) на **материной (маткиной, баькиной, отцовой) шее** — быть нахлебником, жить на иждивении у собственных родителей: *Они-то там теперь живут на **материнных шеях, на родинских**. Батька парализованый, матка тоже не ходит никуда. А сам сижу на **баькиной, на маткиной шее!** Скотина ты, говорю, крокодилина! Робить не хочеш, на **отцовой шее***

сидиш! То же значение у фразеологизма **на материных хлебах**: *Всё пьё, не робит, на материных хлебах живё.*

Мамина одёжа, в чём мать (мама, мамка) родила говорят о босом, о голом или плохо одетом человеке: *Мамина одёжа, говоря, — в чём мама родила, в том и пошла, — босиком дак. А он-то — в чём мать родила, ничего на мне не было. Испугался и бродит в чём мать родила по хлебу.*

Ходить с голыми ногами, босиком — **в маминых ходить (на маминых побежать)**: *Босиком хожу, в маминых. На маминых побежали — на босой ноги, в чём мамка родила.*

Идти пешком — **подпрячь мамкина коня**: *Потпрягу коня мамкина — и пошла, впридачу ешо палочка, колышек.*

Свойственный от рождения, естественный, имеющийся от природы — **родной, родимой**: *Я не знаю-те, родные-те волоса? Родимые кудри, не завиты. Сами родимые кудри. У ей родимые кудри, коса была. У тебя такие (брови) родимы белы?*

С другой стороны, **родимой, родушей** может означать ‘полученный при рождении, младенческий’: *Волоски-то эти родимы, надо стрицци. У него бельмешко (бельмо) маленько было, родушише.*

С родимого ростка, с родущих — полученный от рождения, наследственный (о болезнях): *Он не от роботы больной, он с родимого роска больной. Век-от, с родушших немой.* В пословице говорится о том, что, если болезнь не врожденная, она пройдет: *Не родимо, так сходимо.*

Часто лексемы или фразеологизмы, содержащие корень *род-*, обозначают конкретное телесное пространство. Родимое пятно может быть не только **родинкой**, но и **родимым знаменем (знамечком, местом)**: *Родинка-то щас говорят. Кака побольше (родинка), так родимым знаменем называют. Родимо знамечко. Огненну реку будем переходить по родимому месту.* Под *огненной рекой* здесь имеются в виду эсхатологические мотивы, путешествие после смерти.

Углубление в передней части головы на темени не только в архангельских говорах, но повсеместно называется **родничёк**: *Темя то же само полое место, родничёк. Есь родничёк у маленьких.*

Короста на голове у ребенка — **родимая грязь**: *Родима грязь выступает. У него (у младенца) даже родима грязь выступила. Не мыла она её, не смывала родимой-то грезю.*

3. «Телесный» и «семейный» регистры переплетаются в сравнениях, пословицах, загадках. Так, например, через соматизмы определяется роль в семье мужа и жены (муж — голова, жена — шея): *Муж говорит: я голова, а жена говорит: я шея, куда поверну, так и будет.* В эротических загадках с «невинными» отгадками женский половой орган предстает как *бабкина мохнушка, мамина мохнатина (лохматина), у матушки шанта-панта, у бабушки шаньтя-маньтя*, а мужской — как *дедкина колотушка, папина (татина) рогатина, батюшкин шантык-пантык (шомпур)*:

Рукавица, меховая рукавица: *Ишио загадку загану: Кабы не бабкина мохнушка, замёрзла бы у дедка колотушка — рукавици, руки бы замёрзли у дедка-то. В мамину мохнатину зачихали гольша.*

Плуг (соха) и земля: *Как бы не папина рогатина, заросла бы мамина мохнатина — плуг, землю пашет. Кабы не папина рогатина, так заросла бы мамина мохнатина — так это земля и соха. Без папиной рогатины заросла бы мамина мохнатина. Тот-то как у загадку загаднул: без батюшкиного шомпура заросла бы у бабушки шаньтя-маньтя.*

Веник в избе: *Кабы не татина рогатина, заросла бы мамина лохматина — раньше веники-то делали вицами (из прутьев), татка сделает, а мамка подметат. Вечеровали, пряли, заганула мужикам загадку: Кабы не батюшкин шантык-пантык, заросла бы у матушки шанта-панта. А шанта-панта — это изба, а шантык-пантык — это веник. А мужики подумали, это мана своя родимая.*

К приведенным загадкам примыкает и следующая:

прорубь: *Как татка был, так всё шайда-майда циста была, а татки не стало — вся шайда-майда заросла.*

4. Как мы уже показали, термины родства часто используются для указания на части тела. Но есть и обратное движение: слова с основным предметным значением, в том числе соматизмы, могут метафорически обозначать семью, родство. Так, пальцы руки рас-

сматриваются как члены одной семьи. В то же время мать, говоря о том, как ей дорог каждый из ее детей, сравнивает их с пальцами на руке: *Хоть и шестеро у ней (детей). Какой палец не укуси — все болько. Переживат — дитё веть. Хоть каков укуси палець — сё равно одинакова болесь.* Сын упрекает свою мать в том, что она больше любит дочерей, чем его: *Ты ведь девок лучше любиш.* Мать ему на это отвечает: *У меня пять пальцев, укуси любой — больно будет. Укуси палець — болько, так и дети, кажного жалко!*

Происходит и метонимическая замена. **Женская рука (женские руки)** — женщина, выполняющая свойственную ей работу по дому; соответственно **мужская рука (мужские руки)** — мужчина, выполняющий специфическую «мужскую» работу по дому: *Всё делать заставлял, женской-то руки не было (мать умерла). Нету женской-то руки у ей тут-то. Мужские руки не женские, надо веть всё сделать. Стирать начнёш, до тоо допичкаеш.*

У лексем *кровь, кость, нога (ножка), палец, колено* и нек. др. есть значения, связывающие их с родством. Родня, кровный родственник — **кровь, кровинка**: *А брат-от, кровь веть, родной. А Толя уш не родня, не кровь, веть не от одной матери. Не егова кровь? У него веть по крови одна тётка, пускай попроведат, у нас веть немного роду-племени, кров веть. Это не по крови уж «дедей»-то зовут, так-то — дядя (родного дядю), отцу-то брат был. Бат там осталась кака кровинка где, она к этой жёнке пойдёт.*

Кровный родственник, принадлежащий к тому же роду, — **своя (наша) кровь**: *Своя кров — жалко (внука). Своя кровь есь своя кровь — а цюжжая кровь есь цюжжая кровь, пережитки (переживания). Не своя мама, не своя кров — так цего говорить! Я тех-то (детей) не считаю цего-то, кров-то не наша (сын женился на женщине с детьми).*

О людях, находящихся в близком родстве, говорят, что они **одной крови**: *Мы сёстры одной матери, одной крови. Дак это веть раньше-то говорили, подавали в заказ, не венцели веть, как (когда) вот одной крови дак. А за цюжжово-то — цюжжой дак цюжжой и есь, а и за любово бы пошла за цюжжова, а за своево*

не пошла, **одной крови** дак (о невозможности брака с родственником). Рассуждая о близком сходстве кого-н. между собой, говорят, что это две **капли крови**: *Копия, копия, две капли крови*. Видимо, это близко к фразеологизму «быть похожим, как две капли воды».

Наследственность, наследственные болезни, качества, характерные для родственников, передаются **по крови, по природе, по коленам**: *Кровь-то батька* (такой же, как отец). *Видно, уш по крови нам идёт. По природы, мать говорила, болесь, по коленам.*

Говоря о беременности женщины, используют фразеологизм **живые (новые, маленькие) ножки**: *Перед новыма ножками заболела-то. Вот если мучаеся, месячные тяжёлые, дак ты выпей дак* (растение белоцветку). *Но сразу — живые ножки! Это как тошнить уж начнёт, дак и говорят — на живые ножки пошло. А у тебя не на живые ножки? Тошнит на маленьки ножки. Хочу! Как на маленькие ножки всё равно што!* (как при беременности). *У ей племянница обџелась картошкой* (шутка, связанная с увеличением живота у беременной), *зашевелились живы ножки — в положении. Полтора месяца прожила* (замужем), *на живые ножки понеслась.*

Видимо, о беременности идет речь и в выражении **ноги казать**: *Теперь правнуки есь, двое правнуков, третьи ноги кажут.*

Праздновать рождение ребенка, отмечая это событие вином, выпивкой — **обмывать (обмыть, замывать) ножки**: *Родила — созвали ножки обмывать. Баба мучица рожат, мужики ходят жрут — обмывают ножки. Ходят, раз нать ножки обмыть дак. Бутылку ли не одну выпьет, ножки обмыл, да все. Главно, шо баба родила, ножки обмыть надо. Это вот ребёнок родился, как бы ножки. Сёдне ножки у меня — я сёдне пить буду, у меня ножки — надо ножки обмывать, выпить там. Я говорю: У меня внук родился, а она: Нать ножки обмыть. Купила вина, ножки обмыть. Молодка девку родила — оо, беда, надо ножки оммыть, вот надо 8 бутылок брать. Как токо народица — надо ножки обмыть. Не поставиш же ты: нате, оммойте ножки. Нина родила — ножки замывал. Как сын ро-*

дице или дочи — *нать ножки замывать*. У нас папа не одних *ножек* не *обмывал*, если он не пил.

Воспитать до взрослого состояния, до совершеннолетия — **выкормить до больших ног**: *Одинацать человек выкормила до больших ног*.

По мужской линии родства — **по отцовской ноге**: *По отцовской-то ноги — Мамоны* (прозвище).

Пойти по материным стопам (по материной ступени/пути) — поступать так же, как мать: *Не по материным стопам пошла: чичас уж за секретаря. Теперь внука тоже на Борке, по материной ступени пошла. У меня дочь учительствует. А щас внука по материной ступени пошла. По материной пути пошла и уехала домой*.

Стать близкими родственниками, т. е. как бы уменьшить количество «колен» (степеней) родства, — *протянуть короткую ногу*: *Мы уш все переженались, коротку ногу протянули*.

В значениях ‘семья’, ‘род’, ‘родственники’, ‘родословная ветвь’, ‘поколение’ может выступать лексема **колено**. В пословице порой обыгрывается омонимичность слов. *Колено* — ‘степень родства’ и ‘часть ноги’: *Ф третьим колени — садись на колени*. Речь идет о том, что в третьем колене родственники имеют право вступать в брак.

Во фразеологизме со значением ‘очень дальнее родство’ используются лексемы **нога**, **кость**: *десятая нога; девятая (третья, четвертая, пятая, седьмая, десятая) кость (от жопы, от задницы): Там десята нога, а всё равно роцтво, природа така. Человека опознавали, што он с этой природы. Путь это десятая нога в поколении, как говорица, ты должен через ково-то зайти. Родня-то далёко — дак гоорят: девятая кось от жопы. Вобшэ она мне тётка, но такая тётка — девята кось от жопы. Полькин муж да Анны Лаврентьевны — девята кось от жопы. О дальней родне говорят: третья, четвёрта кость от жопы. Тоже мне роцтво — пятая кось от жопы! Я не знаю, пята кось от задницы, родня-та. А это родница Володьки, како-то, не знаю, десята кось. Он свой-то, да не то, десятая кость от жопы! Сравни с этим выражение седь-*

мое жито от хвоста с тем же значением ‘дальнее родство’: *Семое жито от хвоста*. В общерусской фраземе с тем же значением с «семейным» кодом сопоставляются не соматизмы, а элементы лексико-семантической группы «Пища» (*седьмая вода на киселе*).

В основу статьи легли материалы архангельских говоров, извлеченные из вышедших из печати выпусков «Архангельского областного словаря» (АОС), картотеки АОС («бумажной» и электронной) и собственных полевых записей автора. Однако исследование производных значений терминов родства вполне может быть проведено на материале любых других говоров, просторечия, молодежного сленга и литературного языка на основе славянских и любых иных языков и диалектов. Когда говорят о языковой картине мира, часто добавляют, что речь идет о «реконструкции» этой картины, т. е. мы как бы собираем в целое некие оставшиеся нам осколки прошлой культуры, с помощью анализа элементов синтезируем целое. Но перенос в другие области и регистры терминов из групп «доноров» — таких, как термины родства, названия частей тела и некоторых других, — представляется нам явлением обязательным, типологическим, перманентным, осуществляемым в рамках любой культуры и в любую эпоху.

СОКРАЩЕНИЯ

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–15. М., 1980–2013.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ МЕЖСЛАВЯНСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ*

Аннотация. В статье рассматриваются конкретные примеры лексических совпадений и по форме, и по значению между севернорусскими ладого-тихвинскими диалектами и донскими говорами Волгоградской области.

Ключевые слова: диалектизм, локальный узел, шкала сравнения, семантика.

Когда-то в 60-е годы XX в. русские диалектологи реально располагали словарем Даля, Опытном областного словаря и Дополнением к нему, а также словарями Куликовского, Подвысоцкого, Добровольского¹, Грандилевского.

В разное время на материале различных славянских диалектов мы уже отмечали актуальность сопоставления диалектов не по крупным ареалам и наречиям, а по отдельным локальным узлам и микроузлам. На уровне лексики далеко не все славянские диалекты готовы к такому сопоставлению. Подобные сопоставления основываются на относительно единой и равной шкале сравнения по объему и типу привлекаемых словарей.

В начале XXI века русская диалектная лексикография достигла столь высокого уровня, что подобные сопоставления зон отдельных диалектов между собой вполне возможны. К такому сопоставлению в Европейской России сегодня готовы различные диалекты

* Статья подготовлена при поддержке гранта СПбГУ «Региональные формы русского языка в исторической перспективе», 31.38.291.2014.

¹Филин Ф. П. Проект словаря русских народных говоров. М.-Л., 1961.

Архангельской, Вологодской, Ярославской, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Смоленской, Орловской, Ростовской, Волгоградской областей. Все эти области обладают солидными, подчас многотомными современными диалектными словарями.

Детальное сопоставление лексики по диалектным узлам позволяет наметить тонкие, не лежащие на поверхности междиалектные связи слов и по форме, и главное — по значениям.

Природа таких междиалектных связей различна. Это и наследие праславянского, восточнославянского и общерусского единства, и следы миграций и межэтнических контактов. Выяснение их и составляет одну из задач исторической диалектологии.

Различные типы лексических связей, исходящих из отдельных локальных русских северо-западных микрозон описаны нами в ряде статей².

В настоящей статье проводится сопоставление русских ладогитихвинских говоров (ЛТГ) с донскими диалектами (Дон).

В статье анализируются слова на буквы Н–Я. Если слово и по форме, и по значению совпадает в ЛТГ и донских диалектах, то оно приводится один раз. В случаях расхождения по форме или значению данные по говорам приводятся отдельно. В статье термины «диалекты» и «говоры» условно приводятся как синонимы.

Среди южнорусских диалектов (исключая орловские говоры) донские обеспечены сегодня целым комплексом диалектных словарей, описывающих их с разных сторон.

Ниже источники сопоставления по ЛТГ — «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК), «Новгородский областной словарь» (НОС), «Словарь донских говоров» (СДГ).

Отметим ниже основные, наиболее яркие случаи таких совпадений.

ЛТГ *наволоки* ‘тучи, облака’; дон. *наволок* ‘пасмурная погода’;
ЛТГ, дон. *назем* ‘навоз’;

²Герд А. С. По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии // Севернорусские говоры. Вып. 2 / под ред. Н. А. Мещерского и А. С. Герда. Л., 1975. С. 187–192; см. также: Псковские народные говоры в их истории и современном состоянии. Библиографический указатель / Под ред. Н. В. Большаковой. Псков, 2013.

- ЛТГ, дон. *наклеска* ‘верхний продольный брус в телеге’;
ЛТГ *налой* ‘ливень’; дон. *налой* ‘вода поверх льда’;
ЛТГ, дон. *настольник* ‘скатерть’;
ЛТГ, дон. *натяг* ‘инструмент для натягивания обручей на кад-
ку’;
ЛТГ, дон. *недотка* ‘рыболовная сеть’;
ЛТГ *ночвы* ‘деревянное корыто с ручками’; дон. *ночва* ‘поло-
тенце для укрывание теста’;
ЛТГ *нуда* ‘болезнь, сглаз, порча’; дон. *нуда* ‘тоска, скука’;
ЛТГ, дон. *обечайка* ‘обруч, обод’;
ЛТГ, дон. *облиститесь* ‘покрыться листвой’;
ЛТГ, дон. *обора* ‘веревка, тесемка’;
ЛТГ *объеди* дон. *объедья* ‘остатки пищи, сена’;
ЛТГ, дон. *одер* ‘телега, дроги’;
ЛТГ, дон. *оковалок* ‘большой кусок чего-н.’;
ЛТГ, дон. *орать* ‘пахать’;
ЛТГ, дон. *отбой* ‘то, чем отбивают косу’;
ЛТГ, дон. *паголешки, паголяшки, паголенки* ‘часть носка, ва-
ленка, охватывающая голень’;
ЛТГ, дон. *пелегать* ‘нежить, холить, баловать’;
ЛТГ, дон. *поветь* ‘навес в избе над двором как часть избы’;
ЛТГ, дон. *посудник* ‘настенная полка для посуды’;
ЛТГ, дон. *продушина* ‘топь’;
ЛТГ, дон. *рогач* ‘ухват’;
ЛТГ, дон. *светец* ‘подсвечник’;
ЛТГ, дон. *сидалка* ‘скамья’;
ЛТГ, дон. *скала* ‘валик для теста’;
ЛТГ, *смыкать* ‘чистить, тереть’; дон. *смыкать* ‘ходить часто и
быстро’;
ЛТГ, *сполохать* ‘испугать’; дон. *сполох* ‘испуг’;
ЛТГ, *справа* ‘сборы, одевание’; дон. *справный* ‘здоровый, креп-
кий, хороший’;
ЛТГ, дон. *стебать* ‘ударять, хлестать’;
ЛТГ *сутемки* ‘сумерки’; дон. *сутемки* ‘сумрак’;
ЛТГ, дон. *третьяк* ‘лошадь, корова на третьем году’;

ЛТГ, дон. *упряжка* ‘часть рабочего дня до обеда, после обеда или без перерыва’;

ЛТГ, дон. *хмара* ‘туча’;

ЛТГ, дон. *хряпа* ‘ботва овощных растений’.

Конечно, таких случаев совпадений много больше. Приведенные выше данные не исключают того, что многие из этих слов известны также в курских, орловских, рязанских, воронежских, тамбовских говорах.

Одна из задач исторической диалектологии в аспекте истории каждого диалекта и состоит именно в том, чтобы выяснить, как и когда такие слова попали в тот или иной отдельный диалект — курско-орловский, рязанский или воронежский — и почему, например, слова далекого Русского Севера обнаруживают такие полные и тонкие параллели со словами Русского Юга.

СОКРАЩЕНИЯ

НОС — Новгородский областной словарь. Ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова. Издание подготовили А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2010.

СДГ — Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. Волгоград, 2001.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–6. Под ред. А. С. Герда. СПб., 1994–2005.

**РУССКАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ
КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ
ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ И ПОЛЕВЫХ
ИСТОЧНИКОВ***

Аннотация. В статье анализируется русская микротопонимия Карельского Поморья в ареальном и историческом аспектах. Микротопонимия этой территории отражает все основные виды экономической деятельности местных жителей, которые существовали в прошлом (подсечно-огневое земледелие, добыча соли) и сохранившиеся до наших дней (рыбный промысел). Термины подсечно-огневого земледелия в поморских говорах изменили свою семантику и стали обозначать сенокосные, а не пахотные угодья. Особенностью поморских говоров, отразившейся и в микротопонимии, является сочетание разнодиалектных явлений, которые свидетельствуют об интенсивных междиалектных контактах в прошлом. Большинство лексем, употребляемых в микротопонимии Карельского Поморья, связывают говоры данной территории с новгородскими и псковскими диалектами. Самая малочисленная группа слов является следствием ростово-суздальского влияния (печище, верхотина, репник).

Ключевые слова: микротопонимия, апеллятив, русские диалекты.

В фондах Национального архива Карелии хранится значительный топонимический материал. Большую ценность представляют собой документы второй половины XIX — начала XX в. — дела о сенокосных местах, по отводу земельных и лесных наделов для крестьян, осмотры лесничеств, а также материалы 30–50 гг. XX в. — акты по закреплению сельскохозяйственных угодий, межхозяйственному землеустройству, утверждению внешних границ землепользо-

*Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

вания колхозов¹. В них содержатся списки и ведомости сенокосных угодий, мест рыбной ловли (тонь) населенных пунктов Беломорского и Кемского Поморья.

В исследуемом материале приводятся названия полей, покосов, реже — поселений, островов, рек, озёр, заливов сел Сумский Посад, Вирма, Колежма, Шижня, Лапино, Поньгома, Калгалакша, городов Беломорска (с. Сорока) и Кеми. Значительная доля архивных данных содержит информацию об уже исчезнувших населенных пунктах и их названиях. При этом значительно преобладают микротопонимы — названия пахотных и сенокосных угодий². Отсутствие ударений в названиях, неразборчивое написание некоторых из них не снижают их важности для исследователя-топонимиста и историка.

Для правильной интерпретации топонима требуются дополнительные сведения о смысловом наполнении наименования. Лишь некоторые из этих сведений мы можем почерпнуть из указанных архивных материалов. Так, в них одновременно фиксируются несколько десятков наименований отдельной микросистемы деревни или села, чаще всего содержатся сведения о типе географического объекта (поля, покосы, острова, рыболовные тони и проч.).

Одним из существенных недостатков архивных документов следует признать отсутствие данных о значении географических названий от самих носителей топонимической микросистемы. Подобные объяснения топонимов информантами можно получить только в ходе полевых исследований.

Для получения более полной информации о местных географических наименованиях необходимо сопоставить архивные источники с топографическими картами и полевыми записями. Проведенное нами сравнение показало, что указанные материалы дополняют друг друга. Из 65 названий сенокосных угодий с. Вирма Бело-

¹В работе использованы материалы фондов 27, 83, 755. Географические названия приводятся в современной орфографии.

²Микротопоним — это «собственное имя (чаще) природного физико-географического объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта» (Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 86).

морского района, приведенных в деле №4/47, 17 наименований в полевых записях отсутствуют: *Хотеев, Под Кряжем, Островок Лисьего, Чёрный Ручей, Росплава, Шестая Верста, Березовый Наволок, Грязный Островок, Сперово, Тереба Лопин, Тереба Колтышко-Летницкий Мох, Тереба Терехово, Масленный Бор, Сперово Поле, Карьер, Трубное, Гора Лариониха, Водопойн Ручей*. В отдельных случаях имеются орфографические и грамматические варианты названий: *Пастушья Полянка / Пастушье, Первушинского / Первушинское, Густуха Луда / Густушна Луда, Островок Навагинский / Навагинский, Мендовый Бор / Мендовы Боры, Веревки от Тебручья до Латьнаволока / Веревки, Головина Поле / Головинский Берег, Горушки / Горушка, Толстой Наволок / Толстый Наволок, Кобылина Щелья / Кобылинская Щелья, Кобылья / Кобылье*.

О неполноте полевых данных свидетельствуют практически все архивные документы. Для сравнения приведем полный список сенокосных угодий колхоза «Восход» с. Сумпосад (дело №3/36): *Ероховик (н.), Толстый Наволок, Подветренные (Подветренные Тереба), Левый Ручей (н.), Кожорежские Поля (Кожаренские Тереба), Мальострова, Вегуба (Вёгуба), Рига (Ригачи), Сосновый Ручей (н.), Костин Бор, Палнаволоки (Палнаволок), Тереба в Палнаволоке (н.), Ладручей, Рахостровок, Челузгинские (н.), Сосновая Рада, Нюнибор (н.), Быстрая Курья (н.), Пиручей, Пиозеро, Парахин Мох (н.), Великая Гора (н.), Собачий Ручей, Большая Чупоргора, Тереба Падоринские (н.), Окуневый (н.), У часовни (н.), Борисово Болото (н.), Высокий Мох (н.), Расостров, Малые Половинные (н.), Малая Чупоргора (н.), Черная Ламбина, Тереба у Студеного (н.), Тегоручей, Большое Габозеро, Щучье, Валовские (н.), Порточные (н.), Избной Ручей, Захарьев Ручей (н.), Юковский Зимник (н.), Поповиха (Поповщина)³.*

При анализе будем опираться на все имеющиеся в нашем распоряжении топонимические материалы. Кроме архивных источников в работе используются данные полевых сборов автора, осуществ-

³В скобках приводится информация о полном отсутствии топонима в полевых записях (н.) или вариант топонима, записанный в ходе полевых экспедиций.

ленных в с. Сумпосад и Нюхча, материалы картотеки КГПА, а также памятники письменности XVI в. — Писцовые книги Обонежской пятины 1563 и 1582 гг. и грамоты.

Начало формирования русскоязычной группы поморов относят к XVI–XVII вв.⁴ Основными занятиями поморов стали морское рыболовство и промысел морского зверя, а не земледелие.⁵

По карте диалектного членения русского языка 1914 г. русские говоры этой территории включались в Поморскую, или Северную, группу северновеликорусского наречия.⁶ Диалектное членение русского языка 1965 г. ограничило территорию с севера до 68 градусов северной широты, не включив поморские говоры. Ограничение территории с севера обусловлено рядом соображений. Во-первых, русское население размещено здесь на разорванных территориях, только по течению рек, сформировалось в относительно позднее время. Кроме того, составление атласов северных областей еще не проведено. Во-вторых, здесь не встречаются такие сочетания ареалов собственно местных явлений, которые дали бы основание для выделения самостоятельной группы северного наречия, а лишь повторяются в новом размещении черты расположенных к югу от Поморской группы межзональных говоров северного наречия⁷.

Спецификой межзональных говоров является сочетание разнодиалектных явлений, которые свидетельствуют об интенсивных междиалектных контактах в прошлом. Межзональные говоры выделяются в пределах каждого из наречий на той части территории, где пересекаются пучки изоглосс противоположных диалектных зон и групп говоров⁸.

Подобная «междиалектность», вероятно, характерна и для слов, имеющих отражение в топонимии Карельского Поморья. Так, сре-

⁴Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 70.

⁵Логинов К. К. Этнографические зоны и этнические границы в Карелии // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 96.

⁶Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972. С. 38–39.

⁷Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. С. 32, 121.

⁸Там же. С. 26.

ди них могут быть выделены три группы слов. К первой группе будем относить лексемы, зафиксированные на достаточно большой территории, которая включает новгородские, псковские, ростово-е, реже — южно-русские говоры, а также говоры территорий позднего заселения — Севера и Сибири (*булдырь, ляга, лядина, наволок, нива, пожня, солотина, чища, чищеница*). Ко второй группе слов, употребляемых в топонимии этой территории, можно отнести лексемы, обнаруживающие явные новгородские и псковские истоки (*бор, голдыжина, креж, новина, продух, падун, тереб*). В третью группу слов, самую малочисленную, отнесем явные ростово-суздальские лексемы (*печище, верхотина, репник*).

Некоторые из слов первой группы диалектологи соотносят или с древненовгородским, или с ростово-суздальским потоком заселения севернорусской территории. Нередко вопрос о принадлежности лексемы к тому ли иному потоку заселения носит дискуссионный характер. Так, принимая во внимание то, что термин *чища* ‘росчить под сенокос’ известен в псковских, тверских, онежских, ленинградских говорах, Ю. И. Чайкина отнесла его к словам древненовгородской зоны⁹. Н. С. Бондарчук, опираясь на данные памятников письменности и современных говоров, слова *чисть* и *чища* определяет в ряд лексем северо-восточной зоны, в которую входят области к востоку и северу от Москвы, включая Подвинье и Ростово-Суздальскую территорию¹⁰.

Ю. И. Чайкина считает слово *ляга* новгородской инновацией¹¹. В. Л. Васильев приводит более убедительные доказательства того, что лексема *ляга* имеет ростово-суздальское происхождение. Так, *ляга* известна только основной части новгородских говоров, но незнакома западным новгородским говорам бассейнов Луги и Плюсы. Праславянские образования с суффиксом *-от* (*ляготь, ляготина, лякотина*) незнакомы исконным новгородским диалектам, но образуют отчетливый ареал в юго-восточных севернорусских го-

⁹Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 149; 78–79.

¹⁰Бондарчук Н. С. Проблемы исторической региональной лексикологии. Калинин, 1978. С. 23–24.

¹¹Чайкина Ю. И. Указ. соч. С. 27.

ворах. Обращают на себя внимание и внешние особенности конфигурации ареала (клинообразное вторжение), изображающее направление экспансии ареала¹².

Писцовые книги Обонежской пятины 1563 и 1582 гг. описывают деревни «на Нюкче», «на Суме реке», «на Шижне реке», «в Вирме», «на Колежме» как земледельческие сельскохозяйственные поселения. Например, дер. *на Нюкче* словет *Низовские*: Самсонко Яковлев Плохой, Куземко Семенов да в том же Нестерко Васильев да Иванко Кипров, пол-3 обжы, сеют в поле ячмени 2 коробы, сена косят 100 коп.; дер. *на усть Нюкче*: Тимошка Ильин да в том же двори Поташко Левонтьев да Мартышко Лукин, обжа, сеют в поле ячмени коробью, сена косят 100 коп.; дер. *на усть Сумы реки*: Карпик да Калинка, Дмитр да брат его Захарка, Васка Пятой да Степанко, Филка Лапаков, Дениско Жолоб, Офонаско да сын его Корнилко, Михалка Бочка, 5 обеж, сеют в поле ячмени 3 коробы, без четверки, сена косят 300 копен; дер. *на Суме реки*: Гаврилко да Рычко да Сенка Ивановы дети Шарапова, Гридка да Микифорко Бушко Тимофеевы дети Шарапова, Михалка Ходыка да брат его Тишко... 9 обеж, сеют в поле ячмени 9 коробей, сена косят 400 копен (ПКОП: 1563, 158, 160); дер. *Колежма* на реке на Колежме у погоста, *Рубьевщина* по обе стороны реки Колежмы, а в ней крестьян: Самсонко Семенов, Бориско Фомин, Меншичко Нефедьев, Иванко Данилов... Пашни паханые двадцать чети да перелогу двадцать чети в поле, а в дву по тому ж, сена триста копен. В живущем две обжи, а в пуге две ж обжи; дер. *на реке на Шижне*, а в ней крестьян: Гаврилка Фомин, Иванко Ермолин, Никифорко Валигин, Наумко Понамарев, Никитка Ульянов. Пашни пятнадцать чети в поле, а в дву по тому ж, сена сто копен. Полторы обжи (ПКЗП: 1582–1583, 202–203).

Земледельческое прошлое Поморья подтверждается и анализом микропонимии данной территории. В каждом поморском селезафиксированы наименования земельных угодий, восходящих к терминологии подсечно-огневого земледелия. По словам истори-

¹²Васильев В. Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семаσιологические очерки). Великий Новгород, 2001. С. 202.

ка Г. Е. Кочина, подсечно-огневое земледелие было развито на Руси вплоть до XII–XIII вв.¹³ С середины XIII в. оно постепенно начинает заменяться паровым, или пашенным. Однако на Севере, в частности в Карелии, подсека была чрезвычайно распространена вплоть до конца XIX в.¹⁴ «Отхожая пашня» — подсека разрабатывалась в отдалении от поселений и легко скрывалась от налогообложения.¹⁵

Некоторые поморские микротопонимы прибалтийско-финского происхождения восходят к терминам подсечно-огневого земледелия: *Палнаволок* (Поньгома, Вирма), гора *Палáщелье* (Нюхча) < *palo* ‘подсека, выгоревшее место в лесу’; *Раснаволок* (Колежма), *Расостров* (Сумпосад) < *gasi, gazi* ‘подсека, оставшаяся неспаленной’; *Касельга*, поле *Каски* (Нюхча) < *kaski* ‘подсека’.¹⁶

Наиболее распространенным термином подсечно-огневого земледелия в Беломорье является слово *тереб*. Так, в с. Колежма зафиксировано 17 названий покосов со словом *тереб*: *Голубинские Тереба*, *Грязнов Тереб*, *Засумский Тереб*, *Зашиурáевский Тереб* — в 3 км., *Кирлагин Тереб*, *Кормановы Тереба*, *Костинские Тереба*, *Лёвины Тереба* — в сторону Нюхчи, *Мартыновские Тереба* (*Постниковых*), *Медвёжьи Тереба* — покос в 3 км. на юго-восток от села, *Отáвинские Тереба*, *Подкорожные Тереба*, *Подрéбов Тереб*, *Поспéловские Тереба*, *Рахмановы Тереба* (*Рахмановылуга*) — в 5 км. на юго-восток от села, *Семёновский Тереб*, *Супунóвские Тереба* — в 10 км. от Колежмы; в с. Сумский Посад — 9 названий: *Абра́мов*

¹³Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965. С. 141.

¹⁴Куркина Л. В. К реконструкции древних форм земледелия у славян (На материале лексики подсечно-огневого земледелия) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1998. С. 382.

¹⁵История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск, 2001. С. 148.

¹⁶Кузьмин Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007. С. 31.

Тереб, Воробинский Тереб, Зачургаевские Тереба — за Чургаевым ручьем, *Кожаренские Тереба, Махильковский Тереб, Подвётренние Тереба, Рахманинские Тереба, Тереба в Палнаволоке, Чургаевы Тереба* — вдоль Чургаева ручья, в с. Шуерцкое — 9 названий: *Антроповских Тереба, Богатых Людей Тереба, В Карьере Тереба, Замотаевой Тереба, Каллевых Тереба, Мосорина Тереб, Мүлева Тереба, Тереба у Каргоручья, Федосеевых Тереба*, в с. Вирма — 7 названий: *Анны Александровны Тереба, В Горюшках Тереба, Игнатьевские Тереба, Калинина Тереба, Монаха Тереба, Тереба на Холтышке, Черняевские Тереба*. Имеются подобные названия сенокосных угодий и в Кемском районе: *Тереб на Красной Щелье, Тереб за Сидячим, Тереб на Бабручье, Тереб на Глубоком, Тереб в Мязреки, Шведский Тереб*. Эти покосы располагались в лесу и у ручьев. В беломорских, кемских, кандалакшских, онежских и терских говорах слово *тереб* употребляется в значении ‘вырубленный, выжженный, расчищенный под сенокос участок леса’ (СРГК: 4, 452). Примечательно, что в других славянских языках это слово не сохранилось, что исследователи связывают с ранней заменой на юге подсечного земледелия пашенным. Г. П. Смолицкая отмечает большое количество названий от слова *тереб* на территориях бывшей Новгородской, Псковской, частично Тверской губерний.¹⁷

Для наименований покосов и пахотных угодий используется слово *полянка*: *Подвикюлины Полянки* — в сторону Сумпосада, *Полянки* — покос у коровника, *Полянки за школой, Полянки у моста, Фёдора Степановича Полянки, Шумовских Полянки* (Колежма); *Полянка* — поле (Вирма), *Пастушья Полянка* — покос (Нюхча). В словаре В. И. Даля слово *поляна* приводится со значением ‘кулига, росчисть, подсека’ — без помет (Даль: III, 230). В архангельских, олонечских, северных, нижегородских, ярославских, костромских, саратовских, ростовских говорах слово *поляна* отмечено в значении ‘пахотная земля, пашня вдали от селения (за полями, в лесу)’ (СРНГ: 29, 189).

¹⁷Смолицкая Г. П. Аpellятив и топоним в составе народного говора // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1972. М., 1974. С. 265.

О подсечно-огневом земледелии в Поморье свидетельствуют и названия покосов *Кулига* — на Мягострове (Колежма) и *Кулига* (Нюхча). В вятских, архангельских, олонечких, вологодских, новгородских, северных, ярославских, нижегородских, пермских, свердловских, калужских, московских говорах это слово известно в значении ‘участок из-под леса, расчищенный под пашню, иногда луг’. В значении ‘место в лесу между кустами или на вырубках, где можно косить траву’ слово *кулига* употребляется в беломорских, кемских, архангельских, печорских, мурманских, ярославских, вологодских, калининских, средне-уральских говорах (СРНГ: 16, 60–61). В беломорских говорах слово *кулига* зафиксировано в значении ‘поляна в стороне от основного покоса’ (СРГК: 3, 56).

В с. Шуерецкое зафиксированы названия покосов *Чищины Ананьиных*, *Чищины Плехановых*, в с. Шижня — *Чищеница Варварина*, в Сумском Посаде — *Корольковская Чищеница*. В. И. Даль отмечает, что слова *чисть*, *чищенина*, *чищобь*, *чищоба*, *чища* ‘место, где лес вырублен, выкорчеван и сожжен под посев; пашня, расчищенная из-под леса’ употребляются в северо-восточных говорах (Даль: IV, 607). В псковских, тверских, онежских, ленинградских говорах известно слово *чища* ‘росчисть под сенокос’ (Чайкина 1975). Ряд однокоренных слов и микропонимов с этим корнем встречается в Новгородской области: *чистка*, *чистяк*, *чищенка*, *чищенник*, *Чищеница* — место (Солецкий район), *Чищенники* — сенокосное угодье у д. Жильско (Солецкий район), *Чищенницы* — место (Старорусский район) (НОС: 12, 62).

В с. Шижня известны сенокосные угодья *Узкая Нивка Белого* и *Высокая Лядина*. Слово *нива* в значении ‘вырубленное и выжженное под пашню, огород или луг место в лесу, росчисть’ употребляется в прионежских, архангельских, новгородских, псковских, вологодских, калининских, ленинградских, ярославских говорах. В беломорских, прионежских, пудожских, архангельских, ленинградских, калининских говорах слово *нива* зафиксировано в значении ‘поле, пашня или луг на месте выкорчеванного леса’ (СРНГ: 21, 215). В Словаре русских говоров Карелии слово *нива* в беломорских говорах не отмечено. Слово *лядина* в значении ‘вырубленное и выжженное под пашню или сенокос место в лесу; росчисть’ за-

фиксировано в прионежских, псковских, новгородских, кировских, калининских говорах. В значении ‘участок леса, удобный для подсеки и распашки под новину’ слово известно в беломорских, пудожских, псковских, новгородских, вологодских, ленинградских, калининских, калужских говорах (СРНГ: 26, 263). Словарь русских говоров Карелии фиксирует в беломорских говорах слово *лядина* со значением ‘лесная поляна с мелким кустарником или зарастающая лесом делянка’ (СРГК: 3, 175).

Микротопонимы и памятники письменности свидетельствуют о распространении в XVI–XVII вв. в Карельском Поморье хлебопашества, которое в дальнейшем было вытеснено рыбным промыслом. Лишь Нюхча осталась единственным рыбацким селом, где сеяли ячмень и рожь. Примечательно, что термины подсечно-огневого земледелия в поморском говоре постепенно изменили свою семантику и стали обозначать сенокосные, а не пахотные угодья: *кулига* ‘расчистка в лесу, примыкающая к теребу, небольшой клочок земли на лесной площади, поросший травянистой растительностью, вновь начатая лесная расчистка вблизи от тереба под сенокос’ (Дуров: 2011, 198), *поле* ‘вне обычного значения — сенокосный суходольный луг, расположенный возле берега реки в окрестностях, прилегающих к селению’ (Там же: 319), *полянка* ‘суходольная сенокосная лужайка в лесу’ (Там же: 323), *тереб* ‘расчищенная из-под мелкого кустарника площадь земли под сенокосный луг, лесная расчистка для сенокоса’ (Там же: 404).

В XVI–XVII вв. особую роль в экономике Поморья сыграло солеварение. По мнению историков, солеварение появилось здесь благодаря русским переселенцам, так как оно было традиционным занятием населения Новгородчины и других севернорусских земель. В Беломорье рассолом стала служить морская вода, поэтому варницы находились здесь исключительно у моря.¹⁸ В «Отводной сотной выписи» 1556 г. приводятся варницы, пожалованные государем Соловецкому монастырю. Каждая варница имела собственное наименование по ее местоположению и по имени крестьянина, который

¹⁸История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск, 2001. С. 147–148.

осуществлял солеварение: варница *Гавриловская Захарьина сына Попова в Конручье, на Вег губе* варница *Омельяновская Микитина, на Вегу ж губе* варница *Фетковская Ямлена да Фетка Остафьева сына Биричева да Ефимка Никитина, под Вирмою* варница *Ивановская Офонасова сына Холдыги да Гриши Офонасова сына Сухоноса, под Вирмою* варница *Фетковская Иванова да Ортюшки Кондратова да Тимошки Прокофьева, в Пертострове* варница *Ивановская Федорова сына Ушакова* и т. д. (Гейман: 1941, 184). Писцовые книги Обонежской пятины 1563 и 1582–83 гг. свидетельствуют, что солеварни Соловецкого монастыря располагались в устье реки Сумы в Вехгубе, в Куно-ручью, в Колежме в Чижгубе, на Сухом наволоке, в устье реки Вирмау моря, в Шижне на морских островах. К концу XVIII века солеварение в Поморье практически прекратилось, что было вызвано открытием богатых разработок соли на Урале.¹⁹ В микропонимии Поморья сохранилось несколько наименований покосов, восходящих к нарицательному обозначению солеварни: *Варница* — покос с. Сумский Посад, *Варница* — покос с. Колежма в низком месте, где варили соль, *Варнична Большая* — покос с. Колежма, *Варнична Меньшая* — покос, *Летняя Варница* — покос (Шижня).

Промысел рыбы на Белом море и по рекам составлял основу экономики поморских волостей. Несколько мест рыбной ловли описывает писцовая книга 1563 года. На Суме реке был поставлен кол рыбный, в котором до заморозков ловят морскую рыбу, лосося и сёмгу. На реке Сороке находился ез (сооружение для рыбной ловли, состоящее из частокола, перегораживающего водный поток с небольшим отверстием посередине для установки сети), в котором старец Тимофей ловит рыбу на монастырь. В устье реки Выг на Сороке у моря был рыбный кол, где сетями ловили нюхчане. На пороге Золотец на реке Выг находилась семежная тоня (ПКОП: 1563, 165).

Большое количество микропонимов — названий рыбных тонн зафиксировано в с. Колежма: *Большая тоня, В Омуте, Забор, Залуг, Зимний, Кочинская тоня, Кривулина, Маланьина тоня,*

¹⁹Там же. С. 225.

Меляк, Овечья ямка, Омут, Под забором, Поповские тони, Поповый забор, Пудас, Средняя тоня, Трасса. Все эти тони расположены на реке Колежма, название которой с саамского kuoll(e) переводится как ‘рыбная’.²⁰

Значительный интерес представляет собой слово *печище*, отраженное в топонимии с. Вирма Беломорского района Карелии: *Печища* — сенокосное угодье. Слово это отсутствует в памятниках письменности, относящихся к Карелии, нет его и в топонимии Заонежья.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (15, 40) слово *печище* зафиксировано в трех значениях: 1. ‘место, где стояла печь; остатки печи, жилища’; 2. ‘небольшая северная деревня, преимущественно заброшенная; бывшее родовое поселение большой семьи, общины’; 3. ‘рыболовное угодье в виде мели с ровным дном (? — так в тексте)’. В первом и втором значениях это слово употребляется преимущественно в актах Центра и Северо-Востока, ср.: *А что, господине, сказывают Захар, да Ермак, да Терех, что те деревни ставили, розсекая лесы, а ныне, господине, на тех пустошех на Синцове да на Окулове и сегодня печища старое, а сами, господине, те печища и пашут. И Микула спросил Захара, и Ермака, и Тереха: Есть ли на тех пустошех печища? И Захар, и Ермак, и Терех тако ркли: Есть, господине, на Окулове печищо, а пашем, господине, мы к Юринскому — 1488/90 г., Костромской уезд (АСВР: I, 416); А печищо, господине, одно есть: стояла тут изба да клеть при архимандрите при Варламе на приезд, — приежжали в сенокос с старци и с людьми тех пожен косити, а той избе стояли — 1495/97 г., Ярославский уезд (Там же: II, 221); А Пузанова де у нас за Нельшею нет же: то де, что они называют Пузановым, наши овинные печища с. Медведева — 1660 г., Суздальский уезд (Там же: II, 480). В третьем значении *печище* отмечено также на Северо-Востоке — в архангельских документах: *Яз Матфеи. . . продал есми. . . полдеревни. . . со всеми угодьи, и со всех тех земли и рыбная ловля, а при ней печища, а продал есми вдерьнь — 1556 г., Лодом-**

²⁰ Кузьмин Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007. С. 24.

ская волость Архангельского уезда; *Оброчные статьи. . . у Левки Бокина по Лапшенги речки сенные покосы и печища* — 1682 г., Онежский уезд (СлРЯ XI–XVII: 15, 40).

Ойконимы и микропонимы от основы *печище* зафиксированы в двинских и каргопольских документах XVI–XVII в.: *у Сальнего печища* — 1515/1516 г. (АСМ: 28), *продал. . . свою деревню Олутинскую да з Дыринским печищем* — 1559 г. (Там же: 160), *продал. . . свое посилье на Владычне Максимовское печище Дорина* — 1564 г. (Там же: 174); *деревня Кологривовское печище Левоновское займище тож, деревня Васюковское печище, деревня Ортемовское печище* — 1623 г. (КДУ). Название от данной основы отмечается и в современной микропонимии Новгородской области: *Печище* — поле.²¹

А. О. Подвысоцкий (121) приводит следующие значения слова *печище* в архангельских говорах: ‘отдаленная от других населенных местностей деревня или поселок’ (без указания места), пинежское ‘общее собирательное название расположенных в близком между собою расстоянии деревень, составляющих, по общинному пользованию земельными угодьями, как бы одну, неразделенную населенную местность’, ‘община, сельское общество’ в волостях, ближайших к Архангельску. Г. Куликовский (81) дает подробнейший комментарий к каргопольскому и вытегорскому *печище* ‘пепелище, остатки бывшего когда-то поселения’: «их особенно много в юго-восточной части Олонецкой губернии. Признаки, по которым можно судить о бывшем когда-то поселке, иногда очень слабо заметны: слабые остатки каменной кладки, бывшей вероятно по сторонам проезда в поля, кучки камней, выбранных, по-видимому, из пахотной полосы, иногда следы борозд, когда-то сделанных сохою; последнее в особенности трудно отличить, когда место бывшего поселка поросло лесом. Некоторые из таких печищ народная молва приписывает когда-то жившей здесь чуди, но далеко не все; некоторые из поселков оставлены по-видимому сравнительно недавно; так например *по р. Волошке 7 жителей жило и печище до сих*

²¹ *Васильев В. Л.* Ономастика Каменского новгородского говора // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Вып. 2. Доклады и сообщения 8 российской научно-практической конференции (Орел, ноябрь 2001 г.). М., 2001. С. 217.

пор знат». Похожие предания о вологодских топонимах с основной *печище* отмечает и Е. Л. Березович: д. *Старое Чудское Печище* (нов. *Скочково*) — «тут *чудо* жило когда по преданию» (Никольский район); пок. *Печище* у д. *Паново* — «по преданию, тут польский пан жил, видно, после нашествия Польши, когда не могли Кирилловский монастырь взять. Остался, обрусевший он был уже, от него осталось название Печище» (Кирилловский район).²² П. А. Дилакторский (359) зафиксировал *печище* ‘место прежнего житья со следами стоявших тут когда-то печей’ в Вельском, Кадниковском, Никольском и Тотемском уездах Вологодской губернии.

По данным «Словаря русских народных говоров» (27, 7) *печище* ‘место, где когда-то было жильё, деревня’ известно в олонецких, архангельских, вологодских, ярославских, калининских, московских говорах. В архангельских пинежских говорах слово *печище* употреблялось в значениях ‘одна или несколько деревень, объединенных общим земельным владением’, ‘общее владение, принадлежащее нескольким хозяевам, носящим одну фамилию’, а в пудожских — ‘часть деревни, имеющая общую долю полей и угодий’ (Там же: 7). А. В. Окунев отмечает, что в Пудожском районе на Водлозере деревни (Коскосалма, Путилово, Загорье) делились на печища, обособленные в хозяйственном плане.²³

Приведем данные по слову *печище* из региональных диалектных словарей XX века. Так, Ярославский областной словарь отмечает *печище* ‘часть крестьянской усадьбы, занятая домом и двором’ в мышкинских, пошехонских, ростовских, первомайских, даниловских и костромских нейских говорах, ‘место, где раньше стоял дом’ в пошехонских, любимских, первомайских, пречистенских и костромских говорах. Здесь дается и комментарий Г. Г. Мельниченко: «Печище — ... место, где стоял дом. Остатки кирпича, бугор, след когда-то бывшего жилья. Печища роют, ищут клады, о них существуют легенды. Так, на основании печищ говорят о разоренных панями деревнях. Память о поляках живет... на севере нашей гу-

²²Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. С. 468.

²³Окунев А. В. Этнографический отчет об обследовании деревень Куганаволокской волости. Петрозаводск, 1993 (Хранится в ИЯЛИ КНЦ РАН).

бернии...» (ЯОС: 7, 104). «Новгородский областной словарь» (7, 136) приводит *печище* в значениях ‘остов русской печки’ в Хвойнинском и Дрегельском районах и ‘куча камней’ в Любытинском. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (4, 499) фиксирует *печище* ‘остатки развалившейся печи на пожарище’ в лодейнопольских, подпорожских, тихвинских, вытегорских, каргопольских, шекснинских говорах и ‘небольшая площадь в центре деревни’ в киришских. И. И. Мосеев приводит поморское *печище* ‘остатки от дома, развалины дома’ с отражением цоканья.²⁴

Известный этнограф М. О. Косвен считал *печище* на Русском Севере одной из форм патронимии в эпоху распада родового строя. *Печище* состояло из 2–3 и более родственных семей-дворов и назвалось по имени более отдаленного предка. Также все членыпатронимии могли иметь одну фамилию. Распадом патронимии объясняется то обстоятельство, что *печище* уже состояло из малых семей, коллективы которых теряли свой чисто родственный характер. Такие села, состоящие из небольшого числа родственных дворов, существовали и сохранялись в Архангельском крае вплоть до 70 годов XIX столетия.²⁵ О печижном землевладении как совладении малых семей, составляющих деревню, писал и А. И. Копанев.²⁶

Топонимические и диалектные данные по Архангельской области и Водлозерью убедительно доказывают существование в прошлом печижного землевладения. Подтверждение этому можно найти в диалектной записи, осуществленной в 1990 г. в с. Куганаволок Пудожского района: *Раньше деревни были разделены на семейства, да и болота относились так: Митькино болото, Иваньково болото* (В. А. Данилина, 1930 г.р., д. Качнаволок).²⁷

Современный ареал названий населенных пунктов от *печище* охватывает центральные (Тверская, Ивановская), северо-восточные

²⁴ Мосеев И. И. Поморьска говора: краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 250.

²⁵ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 169–181.

²⁶ Копанев А. И. Крестьянство Русского севера в XVI в. Л., 1978. С. 128.

²⁷ Михайлова Л. П. История края в народном слове. Русские говоры Карелии. Петрозаводск, 2004. С. 19.

(Кировская, Архангельская), западные (Новгородская, Смоленская) и южные (Курская) области России.

Таким образом, в русской микротопонимии Карельского Поморья отразились все основные виды хозяйственной деятельности местных жителей, как существовавшие в прошлом (подсечно-огневое земледелие, солеварение), так и сохранившиеся до наших дней (рыбный промысел). Термины подсечно-огневого земледелия в поморских говорах изменили свою семантику и стали обозначать сенокосные, а не пахотные угодья.

Особенностью поморских говоров, отразившейся и в микротопонимии, является сочетание разнодиалектных явлений, которые свидетельствуют об интенсивных междиалектных контактах в прошлом. При этом большинство лексем, употребляемых в микротопонимии Карельского Поморья, обнаруживают явные новгородские и псковские истоки. Самая малочисленная группа слов является следствием ростово-суздальского влияния. К этой группе принадлежит и слово *печище*, проникшее в Карельское Поморье через Заволочье (Двинской уезд и Каргополье) и отсутствующее в топонимии и в памятниках письменности Обонежья.

СОКРАЩЕНИЯ

АСВР — Акты социальной истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М., 1952; Акты социальной истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964.

АСМ — Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л., 1988.

Гейман — Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941.

Дуров — Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011.

КДУ — Книги Двинского уезду черным волостям Кевроле и Мезени письма и меры Осипа Яковлевича Прончищева да подьячих Семена Реткина да Петра Шарапова. Лета 7131 г. (1623 г.). Хранится в РГАДА. Электронный ресурс [<http://sanatur.ru/forum/viewtopic.php?f=119&t=12047>]

НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.

ПКЗП — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 гг.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск — Йоэнсуу, 1993.

- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2004.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–45. М.; Л., СПб., 1965–2013.
- ЯОС — Ярославский областной словарь / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Т. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

ДЕТЕРМИНАНТЫ СЛОЖНЫХ (СОСТАВНЫХ) НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В ФИННО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В предлагаемой работе автор рассматривает систему детерминантов (есть определитель класса объекта номинации) сложных фитонимов (названий растений) в финно-пермских языках. Детерминанты делятся на две группы: народные таксоны растительного мира, например, дерево, трава, мох, и названия частей растений, например, лист, цветок, корень.

По своему происхождению детерминанты финно-пермских фитонимов делятся на исконные (их большинство) и заимствованные как в отдельные современные языки, так и в древние языковые общности.

Ключевые слова: финно-угорские языки, фитонимия, фитоним, детерминант.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению детерминантов сложных (составных) фитонимов в финно-пермских языках (одной из двух ветвей финно-угорских языков). Детерминант, применительно к структурно-семантическому исследованию лексики, есть определитель класса объекта номинации. Ниже термин *детерминант* употребляется здесь исключительно в указанном значении; в русском языкознании термин традиционно имеет и другое значение (свободная словоформа, обычно находящаяся в начале предложения и являющаяся распространителем его в целом). Изучение детерминанта как определителя класса объекта номинации, его роли в составе словосочетаний, сложных (составных) слов, к сожалению, до сих пор не получило должного развития.

Финно-пермские сложные (либо составные) названия растений, как правило, представляют собой словосочетания с подчинительной связью (сочинительная связь в фитонимах — большая редкость). В соответствии с принятой орфографией того или иного языка, либо

традицией фиксации, если речь идет о бесписьменном языке (наречии, диалекте), такие фитонимы пишутся слитно либо раздельно. В их составе выделяется *детерминант*, являющийся определяемым компонентом и закономерно занимающий последнюю позицию (вслед за определениями). Детерминанты характерны не только для фитонимии и появляются в составе сложных наименований (наименований-словосочетаний) тогда, когда требуется наличие логической классификации, то есть в том случае, когда присутствует целый ряд предметов, обладающих каким-либо одним объединяющим выраженным признаком (например, дерево, трава, гриб, птица, рыба, мастер). Детерминант может представлять собой и название отдельного растения. В этом случае он может рассматриваться и как собственно детерминант, и как носитель признака похожести номинируемого растения на растение, обозначаемое детерминантом.

Классификационная роль детерминанта, собственно, только сказанным выше и отличается от такой же роли иных определяемых компонентов названий растений. Во многих случаях сложные фитонимы различаются только детерминантами, относясь к деревьям, травам, кустарникам, имеющим одинаковые или схожие признаки.

В финно-угорских языках детерминант, как определяемый компонент, закономерно занимает последнее место среди компонентов фитонима. Существенным также является вопрос о представлении сложного (составного) названия растения, содержащего детерминант. В существующих работах по финно-пермским языкам, включая словарные, один и тот же фитоним может быть представлен в традиционном написании либо транскрипции как в слитном, так и раздельном написании. Особенно часто такое явление наблюдается в работах по пермским и волжским финским языкам.

Как правило, детерминант представляет собой простое по форме слово, имеющее значение, существенное для процесса классификации. Однако детерминант может и сам быть сложным по форме — в таком случае трактовка его последней определяемой части как детерминанта всего фитонима в целом непродуктивна; например, *эст.* koera|pööri|rohi ‘белена черная’ можно было бы буквально перевести как ‘трава верчения собаки’, однако именно pööri|rohi (а не rohi) в этом фитониме представляет собой детерминант со

значением ‘белена’.

Во многих случаях в одном языке имеется два или более синонимичных детерминанта. Кроме того, некоторые детерминанты имеют другие значения — более узкие или более широкие; примеры — *венс.* *bol* ‘ягода’ и ‘брусника’, *фин.* *nurmi* ‘луг, покос’ и ‘трава (обычно луговая)’.

Многие детерминанты могут иметь форму множественного числа, например, *фин.* *heinä* — *heinät*, *эст.* *lill* — *lillid*, *lilli*’.

В работе в меньшей степени рассматриваются саамские данные. Это вызвано наличием у саамской фитонимии особенностей, диктуемых особыми природно-климатическими условиями саамского ареала, не характерными для мест проживания иных финно-пермских народов.

Количество значений детерминантов фитонимов, не являющихся самостоятельными названиями растений, ограничено. Эти значения таковы:

А. Народные таксоны растительного мира

Неподготовленный человек интуитивно классифицирует растения, определяя их в крупные группы по внешнему виду (дерево, куст, трава и т. п.), почти всегда верно. Это связано с тем, что признаки, по которым он относит растение к тому или иному таксону, обычно ярко выражены. Ошибки касаются тех сложных случаев, когда для определения таксона почему-либо требуются определенные специальные знания; в качестве примеров приведем неразличение мхов и лишайников, а также некоторых водорослей с цветковыми растениями, живущими в воде.

1) растение вообще (не применяется к деревьям)

эст. *taim*, *tain*

Слово имеет общеприбалтийско-финское происхождение, так как соответствия имеются почти во всех языках ветви; они имеют сходное, но более узкое значение ‘всходы’ (например, *фин.* *taimi*, *taimen*, *венс.* *taimned* ‘всходы’), которое, по-видимому, является первичным. Поиски соответствий в родственных языках не дал до сих пор удовлетворительных результатов. Предполагают (см. *SSAP*

III: 256) заимствование из балтийских языков, однако оно крайне сомнительно по фонетическим соображениям.

Детерминант в своей функции присутствует лишь в эстонском языке.

Примеры использования: *эст.* sinise||villi||taim ‘вороний глаз’, veel||taim ‘лапчатка гусиная’.

2) дерево

Общераспространенный детерминант; практически все слова со значением ‘дерево вообще’ могут выступать в качестве детерминанта. За исключением мордовских и саамских слов, происхождение которых неясно, они имеют древнее (уральское) происхождение. Это также зачастую опциональный детерминант, и иногда — скрытый, трансформировавшийся со временем в часть простого слова (например, *мар.* лупы, lölrö, нёлпöö ‘ольха’, ломбо ‘черемуха’ (*мар.* Г lombâ), *удм.* тыпы ‘дуб’). Большинство названий деревьев может использоваться и без него, ср. *вод.* koivu — koivu||puu ‘береза’.

В прибалтийско-финских языках детерминант со значением дерева (puu) иногда относится и к ветвистым травянистым растениям, также к растениям, имеющим толстые стебли, например, *фин.* ojakais||puu ‘черная смородина’.

фин. puu, *кар. собств.* puu, puw, *кар. люд.* pū, *ижор.* pū, *вепс.* pu, *эст.* puu, *вод.* puu, *лив.* puu, *эрз.* чувто, *мокиш.* шуфта, *мар.* пушенге (и Г. пушанггй, ср. *мар.* пу ‘дрова’, ‘дерево как материал’; никогда не используется в качестве детерминанта), *коми пу*, *удм.* пу. За пределами финно-пермских языков соответствия следующие: *манс.* -pā, -pe (в сложных словах), *венг.* fa, *нен.* p̄ā ‘дерево’, ‘древесина’, *эн.* fe, fää, räa ‘дерево’, *сельк.* rō, *камас.* pa ‘дерево’, ‘лес’, *койб.* pa ‘дерево’, *матор.* cha ‘лес’, *уральск.* *puwe.

Примеры использования: *фин.* taikina||puu ‘костяника’, ‘крушина’; *кар. твер.* virba||puu ‘верба’; *вепс.* jablok||pu ‘яблоня’; *эст.* kase||puu ‘береза’; *вод.* koivu||puu ‘береза’; *лив.* gu’obõ||puu ‘вяз’; *эрз.* боярнь чувто ‘бузина’; *мокиш.* баяравань шуфта ‘бузина’; *удм.* бадь||пу ‘ива’; *коми зыр.* зына||пу ‘бузина’; *коми перм.* дуб||пу ‘ольха’.

В отношении мордовских слов: достоверных соответствий нет. В связи с наличием целого ряда соответствий эрзянского прибалтийско-финскому **p** (например, фин. *pehmeä* ‘мягкий’ — эрз. чехнямс ‘смягчать’, фин. *päivä* ‘день’, кар. *päivä* ‘солнце’, венс. *päi* ‘светло’ — эрз. чи ‘день; солнце’, фин. *piiri* ‘круг; край’ — эрз. чире ‘край’ и т. п.) возможно родство с другими указанными здесь детерминантами со значением ‘дерево’.

Происхождение саам. (здесь — *Кильд.*) *mūrg* ‘дерево’ неизвестно. Это слово относится к той обособленной части основной лексики саамского языка, которой до сих пор не найдено соответствий.

3) куст

Детерминанты, имеющие значение ‘куст’, столь же факультативны, как и имеющие значение ‘дерево’.

фин. *pensas*, венс. *penzaz*, эст. *põõsas*, вод. *põõzaz*; не используются в качестве детерминанта: кар. *собств.*, ливв. *pensas*, кар. люд. *pendzahain'e*, лив. *põõzõz*

В отношении этого детерминанта бесспорным является его прибалтийско-финское происхождение. Соответствий в других родственных языках, а также источников возможного заимствования не выявлено. Саам. *beas'si* ‘береста’ считают прибалтийско-финским заимствованием (< *pensas*), но оно в равной степени может быть и русизмом; ЭВ, напротив, сравнивает кольско-саамское *пёсьь* ‘береста’ с эрз. *пикше* ‘липа’, что также возможно. Однако, авторы словаря в качестве соответствия приводят еще эст. *pähn* ‘липа’ (явно вторичное по отношению к *pärn* ‘то же’) и далее выводят «волжско-финскую» форму **päksnä*, которая вызывает недоумение.

Примеры использования: фин. *pähkinä||pensas* ‘орешник’; венс. *haju||penzaz* ‘черная смородина’; эст. *sõstra||põõsas* ‘смородина’; вод. *bragat(t)si||põõzaz* ‘крушина ольховидная’

фин. *puska*

Кар. *puška* (< фин. *puska*: SKES III: 659) не выступает в качестве детерминанта.

Слово имеет шведское происхождение, ср. шв. *buske* ‘куст’.

Пример использования: *taikinais||puska* ‘смородина альпийская’.

фин. *pehko*, кар. *pehko*, ижор. *pehko*, вод. *pehko*, *põhko*

Детерминант распространен в части прибалтийско-финских языков и связан с глаголами, имеющими значение ‘гнить’ (напр., *кар. собств. pehkouduo*). В собственно-карельском наречии находим *pehko||puu* ‘гнилое дерево’; в этом наречии *pehko* имеет также значение ‘сухостойная береза’. Мы предполагаем, что первоначальными значениями *pehko* были ‘гнилое дерево, древесина’ и ‘мало-пригодное, непригодное дерево’; последнее и было перенесено на кустарник как малопригодное — в отличие от дерева — растение.

Примеры использования: *фин. musta||herukka||pehko* ‘смородина черная’; *кар. rajū||pehko* ‘ива’; *ижор. pähkä||pehko* ‘орешник’; *вод. kauniz pehko* ‘красная смородина’.

эст. puhm

По-видимому, это дескриптивное слово, однако возможна его связь с предыдущим гнездом.

Пример использования: *kitse||puhm* ‘крушина’.

кар. tuhjo.

Возможна этимологическая связь с марийскими детерминантами.

Пример использования: *кар. твер. or'jeha||tuhjo* ‘орешник’.

морд. нетькс (ńefks)

Примеры использования: *эрз. кендял нетькс* ‘крушина’; *мокиш. чивге||нетькс* ‘калина’.

мар. teškä, tüşka (тüşка)

См. *эрз. тикше, мокиш. тیشه* ‘трава’. В марийском языке *тüşка* слово имеет множество значений, из которых ‘куст’ кажется неосновным, вторичным (также ‘группа’, ‘толпа’, ‘скопление’, ‘масса’, ‘куча, груда’, ‘стадо, стая, табун, косяк’ и др.).

Пример использования: *лў мегож тüşка* ‘вереск’ (‘куст вереска’).

мар. вондо (vondo), Г. ванды

Удовлетворительной этимологии для данного слова не было представлено.

Пример использования: *шуан||вондо (Г. шуан||ванды)* ‘шиповник’.

В пермских языках слова со значением ‘куст’ (*удм. байд, коми бадь*) практически не становятся детерминантами фитонимов.

В диалектах коми языка слово **бадь** имеет, кроме основного значения ‘ива’, расширенное значение ‘кустарник вообще’.

4) трава

фин. heinä, *кар.* heinä, hein’ä, *ижор.* heinä, *вепс.* hein, *эст.* hein, hain, ein, ain, *вод.* heinä, einä, ein, *лив.* **āina**

Примеры использования: *фин.* silkki||heinä ‘луговик дернистый, щучка’; *кар.* *собств.* ruskee||heinä ‘росянка’, *кар.* *ливв.* keldu||heiny ‘кульбаба осенняя’, ‘лютик’, ‘одуванчик’; *ижор.* leikkivo||heinä ‘неидентифицированное растение’; *вепс.* ludęg||hein ‘багульник’; *эст.* järve||hain ‘рдест пронзеннолистный’; *вод.* luhta||einä ‘осока’; *лив.* kaštuug||aaina ‘вейник’.

фин. guoho, *кар.* guoho, *ижор.* roho (rōho), *эст.* rohi, *вод.* roho, rohi

Примеры использования: *фин.* kelda||guoho ‘лютик жгучий’, ‘чистотел большой’; *кар.* *собств.* vesi||guoho ‘звездчатка средняя’; *ижор.* koi||roho ‘полынь’; *эст.* maa||rohi ‘ястребинка волосистая’; *вод.* luhta||roho ‘осока’.

Это наиболее активно используемые детерминанты сложных фитонимов в указанных языках, что неудивительно, так как травянистые растения в природе преобладают. Оба слова, по существующим представлениям, заимствованы. Первый из них имеет балтийское происхождение (ср. *лит.* šienas ‘трава’), второй германское (ср. *др.-герм.* *grōzō).

эст. tarn

Ср. *фин.* taarna ‘осока’

Эстонское слово также имеет более узкое значение ‘осока’, однако в качестве детерминанта оно могут обозначать траву, растущую на низменных лугах.

Пример использования: *эст.* sea||tarn ‘сеслерия голубая’.

коми турун ‘трава’, *удм.* турым, турын (также детерминант) сравнивают с данными выше прибалтийско-финскими словами. Однако связать их этимологически затруднительно в отсутствие каких-либо данных из других языков. *SKES*, *SSAP*, *КЭСКЯ* считают как прибалтийско-финские, так и пермские слова древними индоевропейскими заимствованиями, ср. *санскр.* tṛṇa. Современные представления не позволяют признать финские и эстонские слова

«древними индоевропейскими заимствованиями». Источник заимствования для прибалтийско-финских языков, скорее всего — германские или балтийские языки, например, *гот.* *faúrpus* или *прус.* *doḡn* ‘колочка’.

Примеры использования пермских детерминантов: *удм.* *арама турын* ‘валериана’; *коми зыр.* *егер турун* ‘вахта трехлистная’; *коми перм.* *туй||дор||турун* ‘подорожник’.

фин. *yrtti*, *кар. собств.* *yrtti* ‘трава; злак’.

Этот детерминант встречается нечасто и заимствован из шведского языка (поздний *ст.-шв.* *yrt*, также *норв.* *ört* ‘трава; лекарственная трава’); *SSAP* указывает для финского слова значения ‘приправа’, ‘лекарственная трава’ (*III*: 492). Однако в роли детерминанта это слово выступает в составе названий растений, не являющихся ни пищевкусовыми, ни лекарственными (многоножка), а, скорее, даже ядовитыми (вех ядовитый).

Примеры использования: *фин.* *suola||yrtti* ‘солерос’; *кар. собств.* *ves’||yrtti* ‘вех ядовитый’.

эрз. *тикше*, *мокш.* *тише*

По-видимому, родственно *мар.* *teškä, tüška* ‘куст’, *приб.-фин.* **tähkä-* ‘колос’ (< **tšškä-*), в эрзянском языке произошла метатеза. Предлагаемые пермские соответствия, на наш взгляд, сомнительны (см. *КЭСЯ*: 282–283 и др.). Сопоставление с марийским словом, на наш взгляд, встречает семантические трудности (см. выше).

Примеры использования: *эрз.* *чапамо тикше* ‘ярутка полевая’; *мокш.* *лофца тише* ‘молочай’, ‘одуванчик’.

эрз. нар, *ср. мокш. нар* ‘горец птичий’ и др.; в отношении этимологии этих слов — *ср. мар.* *нур* ‘поле’, ‘поляна’.

Примеры использования: *эрз.* *галань нар* ‘горец птичий’; *мокш.* *куз||нар* ‘горец птичий’.

мар. *шудо* (*Г.* *шуды*)

Этимология этого детерминанта неизвестна.

Примеры использования: *йшвуй||шудо* ‘чистяк весенний’, *Г.* *тыманальпй||шуды* ‘белена черная’.

5) *мох*

фин. *sammal*, *кар.* *sammal*, *ижор.* *sammal, sammel*, *венс.* *samal*, *эст.* *sammal, sammel*, *вод.* *sammõl*, *лив.* *soomal, šoomal*

SKES, SSAP, EKET и другие работы не предлагают какой-либо этимологии этого общеприбалтийско-финского слова. Однако при ее рассмотрении невозможно игнорировать наличие *лит. samanios* ‘мох’. По-видимому, источником *приб.-фин. *sam(m)a-* было балтийское слово.

Примеры использования: *фин. valkia sammal, valko||sammal* ‘кладония’, ‘кукушкин лен’, ‘сфагнум’; *ижор. valkea||sammal* ‘лишайник’; *кар. собств. suo||sammal, šuo||šammal* ‘сфагнум’; *венс. kon'd'jan||samal* ‘кукушкин лен’; *эст. põld||sammal* ‘очиток едкий’; *вод. karù||sammeļ* ‘кукушкин лен’; *лив. okkš||šoomal* ‘кукушкин лен’.

эрз. нупонь, мокш. нупонь

Этимология неизвестна. *SKES* (том II, с. 314) сопоставляет это слово с *фин. luppa, luppo, luppi, кар. luppo* ‘лишай, лишайник’, что мы не можем принять по фонетическим причинам.

Примеры использования: *эрз. ашо нупонь* ‘ягель’; *мокш. ведь||нупонь* ‘разновидность водоросли, растущей в болотах и заводях, хорошо прикрепляющаяся к грунту’.

удм. жуй

В отношении этимологии ср. *коми роЙ* ‘древесный мох’, ‘лишайник’ (*КЭСКЯ*: 242), таким образом, слово имеет общепермское происхождение.

Примеры использования: *керы жуй* ‘кукушкин лен’, *писпу||жуй* ‘лишайник’.

коми нитш

К этому слову *КЭСКЯ* (с. 193) приводит самодийские (*нен., эн. n'ada* ‘мох’) и, под вопросом, мансийское (*нюси* ‘лишайник’) соответствия.

Примеры использования: *коми зыр. көк||нитш* ‘кукушкин лен’; *коми перм. көр нитш* ‘кладония’.

б) водоросль (водоросли)

Детерминанты с таким значением очень редки. Появляются они обычно в языках народов, живущих на берегах морей, где наличие/отсутствие водорослей может иметь особое значение для рыболовства. В других случаях водоросли обычно не отличаются друг от

друга людьми. Морские водоросли могут также быть объектом заготовки на корм для скота и для иных целей.

ижор. natta

В *IS* на стр. 336.

Пример использования: *härgin||natta* ‘вид водоросли’.

В. Детерминанты — названия частей растения

Если особо заметной или существенной для человека является какая-либо часть растения, то использование названия этой части в качестве детерминанта является преимущественным.

7) стебель

Слова со значением ‘стебель’ в качестве детерминантов очень редки. В финском языке слово *varsi* входит в состав названий ягодных кустарничков (например, *joulukanvarsi*, *kivenmarjavarzia*, *orjamarjanvarsi*, *puolukanvarsi*), где в качестве определяющего компонента выступает обычное название ягоды.

фин. varsi

Редкий детерминант. Слово является общеприбалтийско-финским и имеется во всех языках ветви (например, *вепс. varz’*, *эст. vars*). ‘Стебель растения’ — одно из его значений (и не первичное). В качестве детерминанта слово используется только в финском языке; кроме прибалтийско-финских соответствий, этимологические работы приводят родственное марийское слово (см., например, *EES*: 593).

Пример использования: *keltataudin varsi* ‘чистотел большой’.

От этой основы образованы названия щавеля в эстонском (*varsikad*) и вепсском (*varziŋg*) языках.

8) дудчатый стебель

В противоположность детерминантам со значением ‘стебель’, имеет широкое распространение. Это вызвано необходимостью особого выделения важного свойства стебля — его полости.

фин. putki, *кар. putki*, *butki*, *but’ki*, *вепс. but’k* (*put’k*), *эст. putk*, (*юж.-эст.*) *pütsk*, *вод. putki*, *putkō*, *лив. pu(t)t’k*, *puṭkōz*, *эрз., мокш. почка*, *мар. пуч, вуч*

Ср. также *саам.* *boska, boská* ‘купырь лесной’. Предлагаемые в этимологических словарях (*SKES, EES*) самодийские данные сомнительны в силу отсутствия каких-либо пермских и угорских соответствий. Второй компонент в *коми зыр.* *зына||пучка* ‘дурман’, по-видимому, имеет русское происхождение, ср. *рус.* *собачья пучка* ‘купырь’; слово *пучка*, в свою очередь, имеет финно-угорское происхождение (например, см. *ЭСРЯ III:415* — Фасмер приводит прибалтийско-финские *фин.* *putki* и *эст.* *putk*, однако, мордовское происхождение *пучка* кажется нам предпочтительным).

Примеры использования: *фин.* *luhta putket* ‘дудник’; *кар. собств.* *kondien||but’ki* ‘дягиль’; *ижор.* *kar va||putki* ‘дягиль’; *венс.* *koiran||but’k* ‘купырь’; *эст.* *jõe||putk* ‘поручейник широколистный’; *вод.* *kõlta||putki* ‘борщевик’; *лив.* *jān’||put’kõz* ‘ятрышник пятнистый’; *мокш.* *вирень почка* ‘борщевик сибирский’; *эрз.* *тракс почка* ‘снуть’; *мар.* *тали||вуч* ‘пастернак’.

удм. *гумы, коми гум*

Детерминант имеет общепермское происхождение. Соответствия в родственных языках неизвестны.

Примеры использования: *удм.* *курут гумы* ‘свербига восточная’; *коми зыр.* *шома гум* ‘шавель’; *коми перм.* *тури||гум* ‘дягиль’.

Кроме этих, распространенных в языковой группе, детерминантов, существуют и такие «полудетерминанты», как *эст.* *pill, vile*, значение которых ‘дудка, свирель’; при этом значение ‘дудчатый стебель’ отсутствует. Но при этом они входят в состав сложных названий дудчатых растений, например, *põld||pill* ‘борщевик сибирский’, букв. ‘полевая дудка’, *mets||vile* ‘дудник лесной’, букв. ‘лесная дудка’.

9) ягода

Распространенный детерминант.

фин. *marja*, *кар. собств.* *marja*, *кар. ливв.* *marju*, *кар. люд.* *m(u)ard’*, *ижор.* *marja*, *венс.* *marj, mard’, mar’g’*, *эст.* *marj*, *вод.* *marja*, *лив.* *moog’a*, *саам.* *Норв.* *muog’je*, *саам.* *Кильд.* *мўррьй* (*саам.* < *приб.-фин.*), *морд.* *марь* ‘яблоко, ягода’, также *эрз.* *умарь* (по-видимому, *марь* также в составе *мокш.* *марлю* ‘ябло-ня’), *мар.* *мõр* (в более узком значении — ‘брусника’, ‘земляника’),

коми -||моль, удм. -||мульы. За пределами финно-пермских языков предлагается соответствие манс. moãri, moɾip: pul-moãri, moɾip pil ‘гроздь ягод’. Мы полагаем, что оно сомнительно, прежде всего, в семантическом отношении.

Часто за этим детерминантом стоит дополнительный, указывающий на характер растения (например, фин. -||marja||pensas, -||marja||puu). Это вызвано тем, что фитонимы с детерминантом ‘ягода’ могут иногда обозначать отдельные плоды; второй детерминант вводится для уточнения отнесения фитонима к целому растению.

Примеры использования: фин. kivi||marja ‘толокнянка’; кар. ливв. kangas||marja, kangaz||marju, kangaz||muarju ‘брусника’, ‘толокнянка’; венс. kägen||mar’jad ‘волчье лыко’; эст. põld||mari, põld||marjad ‘донник белый’, ‘ежевика’, ‘земляника зеленая’, ‘куманика’, ‘паслен черный’; вод. tedrè||marjəD ‘водяника’; лив. kanaa||moog’a ‘водяника’; эрз. чей умарь ‘клюква’, ‘ежеголовник ветвистый’; мокш. мода||марь (MW: modamar ~ modmar, modmar) ‘картофель’; мар. пиры||мөр ‘волчье лыко’; удм. нюр||мульы(||пу) ‘клюква’; коми перм. нюр||моль (нюр||мӧль) ‘клюква’.

коми вотыс

Это суффиксальное производное от вотны ‘брат’.

Пример использования: коми зыр. кӧин вотыс ‘волчье лыко’.

коми тусь

Основное значение ‘зерно’, ср. также мар. туш, удм. тьсь ‘зерно’. Слово представляет собой тюркское заимствование, ср. др.-тюрк. tüş ‘плод’, ‘фрукт’.

Пример использования: коми зыр. маръя||тусь ‘княженика’

10) цветок

Детерминанты с этим значением также относятся к наиболее распространенным. Слова, имеющие значение ‘цветок’, могут становиться детерминантами названий не только растений с одиночными цветками, но и растений с большими соцветиями различной формы, например, подмаренника (пример названия — фин. mehiläis||kukka, букв. ‘пчелиный цветок’).

эст. kann

Эстонский детерминант, образованный диминутивным суффиксом — **kannik(e)** — может иметь значения ‘цветочек’ и ‘фиалка’. Недиминутивная форма **kann** имеет значение ‘цветок’. В эстонской фитонимии этот детерминант получил широкое распространение наряду с **lill** и **õis**.

EES (с. 128) предполагает происхождение слова из детской речи, где **kann** происходит от **kaunis** ‘красивый’.

Пример использования: **kuld||kann, kuld||kannike** ‘солнцецвет монетолистный’, ‘первоцвет весенний’.

фин. **kukka**, *кар.* **kukka, kukkan’е**, *ижор.* **kukka**, *эст.* **kukk, kuku, kukkane, вод. **kukk, kukka, kukkõ, kukaz****

Сколько-нибудь убедительная этимология для этого общеприбалтийско-финского слова отсутствует; обычно сравнивают с *фин.* **kukku, kukkula** ‘холм’, ‘нечто выступающее над поверхностью’ (имеются соответствия в др. близкородственных языках). Однако, предлагаемое семантическое развитие сомнительно, кроме того, нет соответствий за пределами звуковой ветви.

Мы предполагаем, что это слово имеет балтийское происхождение, ср. *лит.* **kunkulas** ‘пузырь’ (латышское соответствие **kunkulis**)¹. В прибалтийско-финских языках ряд цветковых растений называется ‘пузырями’, ‘пузырьками’ (кубышка, кувшинка, купальница), или слова с этими значениями становятся детерминантами фитонимов, например, *вепс.* **vezi||bul’uine** ‘кувшинка’, ‘кубышка’.

При заимствовании слова в прибалтийско-финскую общность его финальная часть была воспринята как суффикс, а на стыке слогов произошла ассимиляция **kunku-** > **kukku-**. Возможность семантического развития прежнего значения слова ‘пузырь’ в двух направлениях: ‘цветок’ и ‘нечто выступающее’, ‘холм’ — не вызывает трудностей.

В вепсском языке соответствия нет; детерминант со значением ‘цветок’ в нем не зафиксирован.

¹*Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. I — II. Berlin, 1962, 1965. S. 311 (нумерация страниц сквозная).

Примеры использования: *фин.* *hepo*||*kukka* ‘кипрей’; *кар. собств.* *kelda*||*kukka* ‘лютик’, ‘кульбаба осенняя’; *ижор.* *sitta*||*kukka* ‘кипрей’; *эст.* *kulles*||*kukk* ‘купальница’; *вод.* *sini*||*kukka* ‘вероника’.

эст. *lill*, *вод.* *l'el'o*

В *EKET*, *SKES* слово трактуется как дескриптивное. Еще одно, по-видимому, первичное, значение его — ‘игрушка’. Сходные слова со значениями ‘игрушка’, ‘кукла’, ‘младенец’ имеются в славянских и балтийских языках и являются результатом редупликации, характерной для детской речи, например, *лит.* *lėlė*, *латышск.* *leile*, *польск.* *lala*, *рус.* *ляля*, *лѐля*².

Примеры использования: *эст.* *võõrasema*||*lill* ‘фиалка трехцветная’; *вод.* *jovana*||*l'el'o* ‘фиалка трехцветная’.

лив. *pus(s)*k

Это слово, по-видимому, можно сравнить с *фин.* *puska* ‘куст’.

Пример использования: *jej*||*pusk* ‘подснежник’.

вод. *svetka* < *рус.* *цветок* (род. *падеж* *цветка*)

Примеры использования: *aloi*||*svetka* ‘алоэ’, *kõlta*||*svetka* ‘одуванчик’.

эст. *õis*, *õis*

Наряду с *lill*, это наиболее распространенный детерминант со значением ‘цветок’ в эстонском языке. Предполагается балтийское происхождение слова (см. *EES*: 625), которое сравнивается с *лит.* *žiedas*, *латышск.* *zieds* ‘цветок’.

Примеры использования: *nõmme*||*õis*, *nõmme*||*õied* ‘марьянник дубравный’, ‘марьянник луговой’, ‘тимьян ползучий’; *sini*||*õis*, *sinised õied*, *sinised õied* ‘василек’, ‘печеночница (перелеска)’.

эрз. *тветка* < *рус.* *цветок* (род. *падеж* *цветка*)

Примеры использования: *лазорево́й тветка* ‘мальва’, *розо́ тветка* ‘василек’, ‘живоко́сть полева́я’.

эрз. *цеця*, *цецька*, *цецяка*, *мокси.* *цеця*, *śäśä*, *мар.* *чача*, *коми* *чача*, *чачей*, *чачо́*, *удм.* *сяська*

²*Мызников С. А.* Обратные финно-угорские заимствования в севернорусских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 12. СПб., СПбГУ, 2012. С. 172–173.

В *КЭСКЯ коми чача* (др. значения ‘игрушка’, ‘безделушка’, ‘штучка’) сравнивается с *удм. чача* ‘цветок’, ‘игрушка’, *мар. чача* ‘цветок’, ‘игрушка’, *венг. csecse, csècs* ‘игрушка’, и, таким образом, ему присваивается общефинно-угорское происхождение.

Как мы полагаем, это неверно. **Чача** в марийском и пермских языках, *венг. csecse* — это прямое заимствование из тюркских языков, ср. *чув. čäčäk, čäčä, тат. čäčäk, тур. çiçek* ‘цветок’. Мордовское слова, а также *удм. сяська*, имеют русское происхождение (ср. *рус. цаца, цацка* ‘игрушка’). Отметим, что *удм. чача* никогда не выступает в качестве детерминанта сложных фитонимов, в этом качестве всегда выступает *сяська*.

По-видимому, все перечисленные выше слова пришли из детской речи, о чем свидетельствует и типичная редупликация.

Примеры использования: *эрз. ожо цеця* ‘лютик едкий’; *мокш. туюя пря цеця* ‘одуванчик’; *мар. тегыт||чача* ‘смолянка малиновая’; *удм. лыз сяська* ‘василек’; коми зыр. *ва чача, ва чачӧ* ‘калужница болотная’, ‘кувшинка’; *коми перм. вӧз||чача* ‘василек’.

мокш. панчф является производным от основы *панӧ-* ‘открытый’, ‘открывать’ (*МКНЭС*: 56).

Пример использования: *сура панчф* ‘сурепка’.

мар. пеледыш, по-видимому, является производным от основы *пеле* ‘половина’.

Примеры использования: *вараксим||пеледыш* ‘гвоздика-травянка’, *ош||пеледыш* ‘ромашка белая’.

коми перм. туту

По-видимому, первоначальное значение слова — ‘игрушка’, и оно происходит из детской речи (налицо указывающая на это редупликация).

Пример использования: *беля туту* ‘ромашка белая’.

коми чвет < рус. цвет ‘цветок’; *коми чветка, цветки < рус. цветок* (форма род. падежа *цветка*)

Примеры использования: *коми зыр. яг||чвет* ‘грыжница’; *коми перм. виж чвет* ‘ромашка желтая’, *вӧз||чветка (лӧз||чветка)* ‘василек’, *веж||цветки* ‘ромашка желтая’.

11) лист

Этот детерминант относится к распространенным.

фин. lehti, *кар.* lehti, leht'i, *ижор.* lehti, *венс.* l'eht, l'ehtez, *эст.* leht, *вод.* lehto, *лив.* leed', lied, lieds (также *саам.* Норв. lās'tâ).

Ср. *мар.* лышташ 'лист'?

По мнению SKES (II: 284), прибалтийско-финским словам родственны марийское и саамские названия листа растения. В SSAP (II: 58) данная версия также является основной, однако под вопросом приводится и версия происхождения прибалтийско-финских слов из балтийских языков, ср. *лит.* lakštas, *латышск.* laksts 'лист'; также приводится версия Й. Койвулехто об их прагерманском происхождении, однако, реконструируемые автором версии прагерманские формы весьма сомнительны. Новейший из финно-угорских этимологических словарей — EES, в целом повторяет статью SSAP (с. 234), за исключением осторожного отнесения реконструкции Койвулехто к «индоевропейским».

Для прибалтийско-финского детерминанта наиболее вероятным мы считаем балтийское происхождение. При этом загадочным остается происхождение *мар.* лышташ; возможно, это также балтизм (в работе Дини П. У. «Балтийские языки»³ приводятся примеры предположительных балтизмов в марийском языке, например, *латышск.* tugaга 'спина', *мар.* могыр 'то же' и *удм.* мугор 'туловище'; *лит.* kaimas 'деревня', kaimunas 'сосед', *мар.* каим 'сосед').

Примеры использования: *фин.* hopea||lehti 'манжетка'; *кар.* твер. doroga||l'eht'i, *кар.* люд. dorog(u)||leht, dorogu||lehted, dorogu||lehtid 'подорожник'; *ижор.* mātška||lehti 'мать-мачеха'; *венс.* son' ||l'ehtez 'подорожник большой'; *эст.* hõbe||leht 'бегония', 'двукосточник тростниковый', 'лунник оживающий'; *вод.* maa||lehto 'подорожник'; *лив.* päärn||lieds 'калужница болотная'.

эрз., мокиш. лопа

Вероятно, слово заимствовано из балтийских языков, ср. *лит.* lapas 'лист'.

Примеры использования: *эрз.* каль лопа 'горец шероховатый'; *мокиш.* варьга лопа 'лопух лесной'.

коми кор, *удм.* куар

Слово имеет общепермское происхождение.

³Дини П. У. Балтийские языки. М., «ОГИ», 2002. 544 с. С. 175–176.

Примеры использования: *удм.* сыркубат||куар ‘будра’; *коми зыр.* шом||кор ‘щавель’.

коми перм. лист < *рус.*

Пример использования: шом||кор ‘щавель’.

12) корень

фин. juuri, *кар.* juuri, *вепс.* jur’, *эст.* juur, *лив.* jūr; не выступающие в качестве детерминанта: *ижор.* juuri, *вод.* juuri, *морд.* юр ‘корень’

По существующим представлениям, это слово имеет финно-пермское происхождение (ср. *коми юр* ‘голова’).

Примеры использования: *фин.* räkä||juuri ‘окопник лекарственный’; *кар. собств.* imalduma(n)||juuri ‘папоротник’; *ижор. вепс.* umbez||jur’ ‘рогоз’; *эст.* sea||juur, sea||juured ‘горичник болотный’, ‘козелец приземистый’, ‘одуванчик’, ‘хвощ полевой’; *лив.* koudõb||jūr ‘горец перечный’.

эрз. корен < *рус.* корень

Пример использования: ламбамо корен ‘солодка’.

13) стручок

эст. kaun

Ср. *фин.* kauna ‘мякина’, ‘отруби’, ‘шелуха’ и др. (EES: 137; приведенное в источнике карельское соответствие сомнительно).

Пример использования: ussi||kaunad ‘купена душистая’, ‘чина весенняя’.

фин. palko, *кар.* palgo; не выступающие в качестве детерминанта: *ижор.* palgo, *вепс.* paug, poug

Слово имеет германское происхождение, ср. *гот.* balgs ‘кожаный мешок’ (SSAP).

Примеры использования: *фин.* hiiren||palko ‘мышинный горошек’, ‘чина луговая’; *кар. ливв.* hiiren||palgo ‘мышинный горошек’.

14) верхушка

Данный детерминант обычно выражен существительным со значением ‘голова’. В большинстве финно-угорских языков они также обладают значениями ‘верхушка’, ‘верхняя часть’ (напр., *фин.* rää, *эрз.* пря, *коми юр*). Ср. также определяемый компонент русских диалектных названий некоторых грибов -||головик: красноголовик, черноголовик. Кроме того, может использоваться и сло-

во с основным значением ‘верхушка’, ‘верхняя часть’ (напр., *фин. latva*).

Примеры использования: *фин. musta||pää, musta||piä* ‘пушица’, ‘timoфеевка альпийская’; *кар. собств. mušta||piä* ‘рогоз’; *ижор. puna||pää* ‘подосиновик’; *венс. must||pä* ‘подберезовик’; *эст. must||pea, must||pead, must||pää, must||pea||hein, must||pea||rohi, must||pee||rohud* ‘осока высокая’, ‘ожика волосистая’, ‘пушица влагищная’, ‘сеслерия голубая’, ‘черноголовка’, ‘чернушка’; *эрз. ашо пря* ‘анис’, ‘клевер горный’, ‘ромашка’, ‘тысячелистник’; *коми зыр. гӧна юр* ‘одуванчик’, ‘пушица болотная’.

С. Детерминанты грибов

Современная биология выводит грибы из состава растений, однако в отношении номинации грибы совершенно идентичны растениям. Опрошенные автором прибалтийско-финские информанты всегда уверенно относили грибы к растениям, руководствуясь при этом общими признаками: «растет из земли», «зимой не растет», «стоит на месте», «размножается, как растение», «его собирают, как ягоды». Именно в связи с этим миконимию как явление языка невозможно отделить от фитонимии, а миконимы рассматриваются нами вместе с названиями растений.

В финно-пермской народной миконимии распространено разделение грибов на пластинчатые и трубчатые. Тем не менее, дифференциация эта неполная, и почти всегда имеются исключения. Если требуется употребление общего детерминанта со значением ‘гриб’, то, по нашим наблюдениям, в этой роли чаще выступает детерминант со значением ‘пластинчатый гриб’. Это, по-видимому, может указывать на более ранний характер употребления в пищу пластинчатых грибов.

15) гриб вообще, пластинчатый гриб

фин. sieni, кар. sieni, šieni, ижор. sieni, sēni, sīni, венс. sen’, эст. seen, вод. seen, seeni, sīn, sīni, лив. seeņ

В этимологических работах это общеприбалтийско-финское слово сравнивается с рядом саамских, марийских и угорских слов, имеющих значения ‘трут’, ‘трутовик’ (см., например, в *SKES, КЭС-*

КЯ). Отсутствие соответствий в других родственных языках, как и некоторые фонетические трудности, делают эти сравнения сомнительными.

Примеры использования: фин. mesi||sieni ‘опенок’; кар. *собств.* kelta||šieni, kelda||šieni, kelda||sieni, кар. ливв. keldu||sieni ‘масленок’, ‘моховик’, ‘лисичка’; ижор. karva||s̄ini, kar va(s)||s̄eni ‘волнушка’; венс. kandon||sen ‘опенок’; эст. kärbse||seen ‘мухомор’; вод. kahtši||siini ‘волнушка’; лив. mie’t||seen ‘вид съедобного гриба’.

кар. griba, grību, kripa, ижор. griba, krippoi, вод. griba, grība, эрз. гриба, грип, коми гриб < рус. гриб

В некоторых из указанных языков может относиться и к трубчатым грибам.

Примеры использования: кар. *собств.* kelda||kripa, кар. ливв. keldu||griba ‘масленок’; ижор. lampān||griba ‘подберезовик’; вод. kauniz||griba ‘подосиновик’; эрз. килей гриба, килей грип ‘подберезовик’, ‘трутовик’; коми перм. гӱрд||гриб ‘подосиновик’.

мокш. губа, удм. губи < рус. губы ‘грибы’

Сюда же, скорее всего, и коми гоб; утверждение, содержащееся в КЭСКЯ (с. 76–77), о невозможности заимствования рус. губы в пермские языки по фонетическим соображениям, по меньшей мере, странно. Высказанное там же предположение о заимствовании рус. губы из пермских языков ошибочно.

Попытки обосновать происхождение коми гоб, удм. губи из древнечувашского языка (< *kṣ̄mp̄ä или *gṣ̄mbä) сопровождаются весьма натянутыми фонетическими объяснениями.

Примеры использования: мокш. люкшя губа ‘свинуха’; удм. возь||губи ‘опенок луговой’; коми зыр. гӱрд гоб ‘подосиновик’; коми перм. чочком гоб ‘боровик’.

коми тшак

Др. значение — ‘трут’; ср. удм. чаккес, чакмыт ‘терпкий’, ‘вяжущий’, ‘безвкусный’, ‘суховатый’ (КЭСКЯ). В статье словаря под вопросом приводятся также обско-угорские соответствия. Рус. чага и, вероятно, кар. *собств.* čakka ‘чесотка’, ‘струп’, ‘проказа’ < коми.

Примеры использования: *коми зыр.* му тшак ‘боровик’; *коми перм.* мыр||дор||тшак ‘опенок’.

16) трубчатый гриб

ижор. obokka, *венс.* babuk, obatk, *вод.* obahka, obakk, *мар.* папка, вапка < *рус.* обабок

Примеры использования: *ижор.* haap||obokka ‘подосиновик’; *венс.* so||babuk ‘подберезовик’; *вод.* kanto||obahka ‘опенок’, tšärpeizè||obakk ‘мухомор’; *мар.* шопке||папка ‘подосиновик’, пўнчы||вапка ‘масленок’.

фин. tatti, *кар.* tatti, *эст.* tatt

Относится только к трубчатым грибам. В отношении этимологии ср. *эст.* tatt ‘сопли’; таково же, по-видимому, и происхождение *венс.* tätük (t’ät’uk) ‘масленок’.

Примеры использования: *фин.* herkku||tatti ‘боровик’; *кар.* твер. voi||tatti ‘масленок’; *эст.* vene||tatt ‘подберезовик’.

эрз. панго, *мокш.* панга, *мар.* понго, вонго (Г. вонгы)

Согласно *UEW* (с. 355), этим словам родственны *хант.* pånk, paŋχ, pəŋk ‘Fliegenpilz’, *манс.* pəŋk, pāŋχ ‘то же’ (даны под вопросом). Происхождение всего гнезда индоевропейское, ср. *авест.* baŋha, bangha ‘название растения и его сока, а также наркотика, изготавливавшегося из него’, *лат.* fungus ‘гриб’.

?? *лив.* pākkaa ‘несъедобный гриб’ (также используется в качестве детерминанта миконимов).

Примеры использования: *эрз.* пиземе панго ‘гриб дождевик’; *мокш.* алаша панга ‘свинуха’; *мар.* ош||понго ‘белый гриб, боровик’.

17) шляпка (‘голова’, ‘верхушка’) — о данном детерминанте см. выше (14).

Название дрожжей (дрожжевого грибка) не осознается как миконим, и дрожжи в народном представлении лишены внешних свойств гриба. Их названия никак не связаны с обычными народными миконимами.

Использование детерминанта обусловлено не только потребностями классификации или специфическими условиями номинации. Большую роль здесь играют экстралингвистические факторы:

например, таковым может являться наличие или отсутствие (распространенность или нераспространенность) определенного класса растений или грибов в языковом ареале. В частности, по нашим наблюдениям, в норвежско-саамской (северно-саамской) фитонимии наиболее распространенным детерминантом является ‘мох’ (относится и к лишайникам), далее — в порядке убывания — ‘ягода’, ‘трава’ и некоторые другие. Такая картина дистрибуции детерминантов обусловлена конкретными природными условиями местности, потребностями хозяйства. Название растения, отсутствующего в языковом ареале, также не может стать детерминантом, и др.

Использование детерминанта в силу его классификационной роли никогда не является случайным, произвольным, в то время как определяющая часть сложного фитонима может свободно варьироваться и не нести никакого номинационного признака (например, название животного, человека).

Частотность употребления детерминанта более всего зависит от распространенности подвергаемых «народной классификации» растений в природе; так как преобладают травянистые, цветковые растения, то детерминанты со значениями ‘трава’ и ‘цветок’ образуют большинство.

Отличительной особенностью детерминантов является их способность к отпадению с образованием эллиптических форм; особенно часто это происходит в прибалтийско-финских языках. Наиболее известным примером является общее для этих языков отпадение детерминанта ‘дерево’ в названиях липы: *кар.* *n̄n̄'i*, *ижор.* *n̄ni*, *эст.* *n̄in*, *вод.* *n̄ni*, *вепс.* *n̄in* имеют значение ‘лыко’, но при этом обозначают и липу. Это следствие выпадения детерминанта **pu(u)** ‘дерево’, ср. *фин.* *n̄ini||puu* и *ижор.* *n̄ini||p̄u* ‘липа’, букв. ‘лыковое дерево’ (из липы добывали лыко). Неясно, почему некоторые исследователи предполагают в этих случаях перенос наименования части растения на целое⁴, ведь во множестве случаев фиксируются как варианты фитонимов с детерминантом, так и без него, что ясно говорит о его отпадении.

⁴Напр.: *Коппалева Ю.Э. Финская народная лексика флоры. Петрозаводск, 2007. С. 123.*

В то же время среди названий растений попадаются и такие, в которых детерминант определенно называет не существующий в действительности объект, например, *эст. kukke||marja* ‘багульник болотный’⁵ (*Vilbaste*). Плоды багульника даже не напоминают ягоды своим внешним видом. В подобных случаях сразу возникает вопрос, адекватно ли собран фитонимический материал. Эстонское название *tedre||mari* ‘ягода тетерева’ относится к лапчатке, у которой нет ягод, однако в данном случае появление фитонима, по-видимому, является результатом действия народной этимологии — ср. похожие названия лапчатки прямостоящей *tedre||mara(a)n*, *tedre||marin*, в которых детерминант сам представляет собой название лапчатки.

По своему происхождению детерминанты, как и простые фитонимы, подразделяются на:

- 1) имеющие древнее происхождение (унаследованные от предшествующих языковых общностей);
- 2) заимствованные.

Заимствования, в свою очередь, могут относиться к различным историческим эпохам, то есть появляться в какой-либо древней языковой общности либо в самостоятельно развивающемся языке, зафиксированном в современную эпоху.

К древним детерминантам относятся, например, *фин. juuri* ‘корень’, *sieni* ‘гриб’, *puu* ‘дерево’, *putki* ‘дудчатый стебель’ (соответствия в большинстве родственных языков).

Заимствованные детерминанты более многочисленны; русское происхождение имеют, например, *кар., ижор. griba*, *коми ягӧд*; к балтийским по происхождению детерминантам относятся *фин. heinä* ‘трава’ (ср. *лит. šienas* ‘то же’) и, по-видимому, *эст. lill(e)* ‘цветок’, ср. *лит. lėlė* и *латышск. lelle* ‘кукла’ (цветок и игрушка в ряде языков обозначается одним и тем же словом); к тюркским — *удм. и коми чача* (ср. *чув. čăčäk, čăčă, тат. čăčäk* ‘то же’).

⁵*Vilbaste G. Eesti taimenimetused. Emakeele Seltsi Toimetised, nr. 20 (67). Tallinn, 1993. 708 lk.*

Образование сложных названий растений с участием детерминантов особенно характерно для некоторых языков, являющихся для финно-пермской ветви контактными: германских и тюркских. В немецком и татарском языках большинство названий растений, в т. ч. вошедших в национальные номенклатуры, образовано именно таким способом, напр., *нем.* **Roggen**||*blume* ‘василек’, *тат.* **башмак чэчэк** ‘льнянка’.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

авест. — авестийский, *балт.* — балтийские языки, *болг.* — болгарский, *венг.* — венгерский, *вепс.* — вепсский, *вод.* — водский, *гот.* — готский, *греч.* — греческий, *др.-герм.* — древнегерманский, *др.-тюрк.* — древнетюркский, *ижор.* — ижорский, *камас.* — камасинский, *кар.* — карельские наречия (*ливв.* — ливвиковское, *люд.* — людиковское карельское наречие, *собств.* — собственно-карельское, *кар.твер.* — тверские говоры собственно-карельского наречия), *койб.* — койбальский, *лат.* — латинский, *латышск.* — латышский, *лив.* — ливский, *лит.* — литовский, *манс.* — мансийский, *мар.* — марийский (*Г.* — горномарийский), *матор.* — маторский, *мокш.* — мокшанский, *морд.* — мордовские языки, *нем.* — немецкий, *нен.* — ненецкий, *польск.* — польский, *приб.-фин.* — прибалтийско-финский праязык, *прус.* — прусский, *рус.* — русский, *саам.* — саамский (*Кильд.* — кильдинское наречие, *Норв.* — норвежско-саамский), *санскр.* — санскрит, *сельк.* — селькупский, *слав.* — славянские, *тат.* — татарский, *тур.* — турецкий, *удм.* — удмуртский, *уральск.* — уральский праязык, *фин.* — финский, *финно-угорск.* — финно-угорский праязык; *хант.* — хантыйский, *чув.* — чувашский, *шв.* — шведский, *эн.* — энецкий, *эрз.* — эрзянский, *эст.* — эстонский (*юж.-эст.* — южноэстонское наречие)

СОКРАЩЕНИЯ СЛОВАРЕЙ

КЭСКЯ — Краткий этимологический словарь коми языка. М., «Наука», 1970. 388 с.

МКНЭС — Келин М. А., Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Мокшень кялень нюръхкяня этимологический словарь. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1981. 92 с.

ЭВ — Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимологиянь валкс. Саранск, 1998. — 240 с. ISBN 5-7595-1042-8

ЭСРЯ — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. — Москва, 2003

EES — Eesti etimoloogiasõnaraamat. Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus. Tallinn, 2012. 792 lk.

EKET – Raun A. Eesti keele etümoloogiline teatmik. Rooma – Toronto, «Maarjamaa», 1992. – XV + 222 lk. ISBN-10 0919635008

IS – Inkeroismurteiden sanakirja. Toim. Nirvi R. E. LSFu 18. Helsinki, 1958

MW – H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. LSFU. B. I–V. Helsinki, 1990. 2703 s. ISBN-10: 9519403523, ISBN-13: 9789519403526

SKES – Toivonen Y.H., Itkonen E., Joki A.J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1981 (I–VII)

SSAP – Suomen sanojen alkuperä. I–III. I – Helsinki, 1992. 486 s., II – Helsinki, 1995, 470 s., III – Helsinki, 2000. – 503 s.

UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1991.

И. А. КОБЕЛЕВА

**О КОМПОНЕНТНОМ СОСТАВЕ
ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ ПЕЧОРСКИХ
И ИНЫХ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ)***

Аннотация. В статье на материале современных севернорусских (преимущественно печорских) говоров рассматривается компонентный состав фразеологизмов с точки зрения этнокультурной специфики и отражения ее в диалектных фразеологических словарях.

Ключевые слова: севернорусские говоры, лексикография, фразеология.

Фразеологическим единицам русского литературного языка, содержащим «элементы старого качества» (**бить челом, беречь как зеницу ока, притча во языцех, лечь костями** и др. под.), посвящен труд Р. Н. Попова «Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов». По наблюдениям автора, особый характер фразеологических единиц, имеющих в своем составе архаизмы разных уровней языковой системы, «создает возможность использования этих единиц для метода внутренней реконструкции языка»¹.

При характеристике диалектной фразеологии исследователи отмечают высокий процент общеупотребительных слов в составе

*Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, НИР «Духовная культура европейского севера: системное описание и исследование источников по традициям Печоры», рег. № 6.2281.2011.

¹Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М., 1976. С. 48.

фразеологических единиц, ср.: «Основу диалектных фразеологизмов составляет общерусская лексика»², «Как показывает материал, более половины всех диалектных фразеологических единиц состоит из слов общенародного языка»³ и т. д. Если же диалектный фразеологизм связан «с примечательными в каком-либо отношении местными природными физико-географическими объектами; с реально жившими (и даже живущими) на данной территории лицами; с характерными для данной этнографической зоны предметами промысла, орудиями труда, отдельными обрядовыми и ритуальными действиями, обычаями, взглядами», то он может включать в свой состав территориально ограниченные слова⁴. Последние, как известно, отличаются от знакомых всем слов литературного языка формально (морфемным или фонемным составом, ударением, грамматическими формами) или содержательно.

По словам Ф. П. Сороколетова, «чтобы определение диалектизма было полным, совершенно необходимо сравнение явлений диалектных с соответствующими явлениями литературного языка»⁵. Принимая этот тезис, составим из диалектной лексики, входящей в состав устойчивых оборотов, следующие группы:

1) диалектизмы словообразовательные (диалектные лексемы, отличающиеся от литературных слов морфемным составом), например: **как мурашки бегают (у кого)** ‘кто-либо ощущает озноб, вызванный чувством страха, тревоги и т. п.’ (ФСРГРК, 135), **лечь на лавочье** ‘умереть, скончаться’ (СРГК, 3: 87) и др.

2) диалектизмы фонематические (диалектные лексемы, отличающиеся от литературных слов звуковым составом), например: **кажное место себе брать (прибрать)** ‘остро реагировать на всё, быть очень впечатлительным’ (ФСРГНП, 1: 296), **ни слыху ни дыху** ‘абсолютно ничего (не знать и т. п.)’ (ФСРГРК, 241) и др.

²Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981. С. 81.

³Брысина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград, 2003. С. 84.

⁴Лавров Н. И. Смысловая структура диалектной фразеологической единицы. Новгород, 1992. С. 48.

⁵Сороколетов Ф. П. Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка // Слово в русских народных говорах. Л., 1968. С. 224.

3) диалектизмы акцентологические (диалектные лексемы, отличающиеся от литературных слов ударением), например: **весь в дóлгах как в рéпьях** ‘бедный, неимущий, задолжавший большую сумму денег’ (ФСРГРК, 39), **в родáх умереть (помереть)** ‘умереть во время родов’ (ФСРГНП, 1: 105) и др.

4) диалектизмы грамматические (диалектные лексемы, отличающиеся от литературных слов различными грамматическими значениями), например: **во всю горлу** ‘очень громко’ (АОС, 9: 347), **полна шапка волосев** ‘об очень сильном испуге, страхе’ (АОС, 5: 52) и др.

5) диалектизмы лексические (диалектные лексемы, отсутствующие в русском литературном языке), например: **пора (надо) на щелье песни петь** ‘пора готовиться к смерти (о старых людях)’ (*щелье* ‘высокий, обрывистый берег реки’) (ФСРГНП, 2: 202–203), **шишко в петлю пихает** ‘кто-либо совершает самоубийство’ (*шишко* ‘бес, черт’) (ФСРГРК, 295) и др.

Еще одну, шестую, группу составляют семантические диалектизмы — слова, совпадающие с лексическими единицами литературного языка в плане выражения и отличающиеся от них в плане содержания. К ним, в частности, можно отнести устаревшие в литературном языке слова, которые в говорах сохранили свои прежние значения, ср., например: **перед смертью живота не хватиться** ‘всех дел не переделать’ (*живот* ‘жизнь’) (СРГК, 3: 395), **совет не пался** ‘нет согласия’ (*совет* ‘дружные взаимоотношения’) (СРГК, 6: 197) и т. п.

Семантические диалектизмы «могут быть более близкими и более отдаленными по отношению к значениям соответственных слов литературного языка»⁶. Поэтому исследователи, исходя из того, что состав семантических диалектизмов является неоднородным, выделяют среди них как диалектные лексико-семантические варианты общерусских слов, так и собственно диалектные слова: первые имеют семы, общие с соответствующими словами русского литера-

⁶Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987. С. 174.

турного языка, вторые их не имеют⁷. В состав диалектных фразеологизмов входят единицы обоих типов.

I. Лексико-семантические варианты. Диалектные варианты общенародных слов, входящие в состав устойчивых оборотов, обязаны своим возникновением прежде всего метафорическим переносам значения слова, но встречаются и переносы метонимические. О метафорической мотивации можно говорить по отношению к таким примерам, как **в пазухе (за пазухой)** ‘в утробе матери’ (СРГНП, 2: 5), **с нёба и с земли** ‘отовсюду; откуда только можно’ (ФСРГРК, 145), **спустить на долгие вожжи (кого)** ‘предоставить кому-либо большую свободу действий; позволить кому-либо поступать по своей воле, по своему усмотрению’ (ФСРГРК, 249), **в тулупах** ‘в кожуре (о картошке)’ (СРГК, 6: 534), **гнуть норку** ‘вести себя высокомерно, не просто’ (АОС, 9: 166), **на голой желудок** ‘на голодный желудок, натошак’ (АОС, 9: 261) и др. Метонимические связи обнаруживаем в примерах: **перепрыгнуть огород** ‘жениться раньше сестры (о брате)’ (*огород* ‘забор, ограда’) (ФСРГРК, 171), **не знать как святые стоят (у кого)** ‘абсолютно ничего не знать’ (*святые* ‘иконы’) (ФСРГРК, 224), **знать икот** ‘зняться с нечистой силой, заниматься магией’ (*икота* ‘мифическое существо, вселяемое в человека колдуном, чтобы вызвать болезнь’) (ФСРГНП, 1: 265–266) и др.

II. Собственно диалектные слова. Собственно диалектные компоненты в составе устойчивых сочетаний являются омонимами слов литературного языка, их появление в говорах может быть вызвано различными причинами, в частности, процессами диалектного словообразования, ср., например: **черепаха не варит** ‘кто-либо не может или потерял способность соображать, думать, понимать’, где *черепаха* (‘черепная коробка, голова’) является суффиксальным образованием от *череп* (ФСРГРК, 287); **беспутая (бестолковая) марка** ‘глуповатый, бестолковый человек’, где *марка* является суф-

⁷См., например: *Гриб Р. Т.* Семантические особенности наречий, имеющих единый план выражения в диалектном и литературном языке (к проблеме общенародного слова в говоре) // *Материалы и исследования по сибирской диалектологии.* Красноярск, 1981. С. 28; *Ширшаков Р. В.* Семантические диалектизмы в пензенских говорах // *Диалектная лексика — 2009.* СПб., 2009. С. 298.

фиксальным образованием от слова *мара*, имеющего значение ‘ки-кимора, дух в облике неряшливой, безобразной, вредящей людям женщины’ (ФСРГНП, 1: 42); **матку класть** ‘ругаться матом’, где *матка* является суффиксальным образованием от слова *мат*, сохраняющим значение ‘нецензурная брань, сквернословие’ (СРГК, 3: 203) и др.

Также к омонимии литературного и диалектного слов может привести необъяснимое с точки зрения современного восприятия совпадение общерусской и диалектной лексем, которое наблюдается, например, в следующих фразеологических единицах: **накласть сумку арестантов** ‘насочинять, навывдумывать, наболтать всяких небылиц и т. п.’ (ФСРГРК, 142), **санки не смыкаются** ‘кто-либо без умолку, постоянно, не останавливаясь говорит, болтает’ (ФСРГРК, 219), **снять последние ряски** ‘лишить себя чего-либо единственного оставшегося ради другого человека; поделиться с кем-либо всем тем, что имеется в наличии’ (ФСРГРК, 243), **жабу драть** ‘громко кричать, ругаться’ (СРГК, 2:30) и др. Очевидно, что лексемы *арестант* (‘мелкая сушеная рыба’), *санки* (‘челюсти’), *ряска* (‘тряпка, тряпица’), *жаба* (‘пасть, рот’) представляют собой такие компоненты устойчивых оборотов, которые в «семантической сетке» не обнаруживают совпадений с современными литературными словами.

Считается, что любой диалектный словарь есть посредник между разными культурами — двумя, если имеется в виду словарь одного говора, или многими, если речь идет о сводных лексиконах. Следовательно, диалектный словарь, содержащий богатейшие данные по истории и географии культуры народа, представляет собой своеобразный и существенный источник сведений по этнографии⁸. Переводя сказанное в лексикографическую плоскость, можно только приветствовать комментарии культурологического характера, которые относятся к компонентному составу диалектных устойчивых выражений, отраженных в новейших фразеологических словарях русских народных говоров: «Словаре псковских пословиц и пого-

⁸Журавлев А. Ф. Должен ли диалектолог быть этнографом? // Русская речь. 1988. № 5. С. 91, 94.

ворок» (2001), «Материалах для идеографического словаря новгородских фразеологизмов» (2004), «Фразеологическом словаре русских говоров Республики Коми» (2004), «Фразеологическом словаре русских говоров Прибайкалья» (2006), «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры» (2008). Отметим, что подобные комментарии сопровождают разработку прежде всего таких диалектных фразеологических единиц, компоненты которых восходят к лексическим и семантическим диалектизмам, ведь именно в этих случаях читателю как человеку, незнакомому с лексическим составом говора и с особенностями духовной и материальной культуры его носителей, может потребоваться справка, способная помочь ему понять не только смысл фразеологизма, но и его мотивирующий фон.

СОКРАЩЕНИЯ

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–12. М.: МГУ, 1980–2004.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: СПбГУ, 1994–2005.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб.: СПбГУ, 2003–2005.

ФСРГНП — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н. А. Ставшина. Т. 1–2. СПб.: Наука, 2008.

ФСРГРК — Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: СыктГУ, 2004.

КТО ТАКИЕ БУСЕНЬКИ И КУЛЕШАТА?*

Аннотация. Статья содержит анализ двух названий злых духов — помощников колдуна, зафиксированных в пермских мифологических текстах. Прослеживаются мотивационные, семантические и этимологические связи данных единиц с другими, функционирующими в говорах Русского Севера и смежных территорий.

Ключевые слова: мифологические тексты Пермского края, демонологическая лексика, злые духи — помощники колдуна, существительные *бусеньки, кулешата*.

Источниками материала для статьи послужили диалектные словари, сборники мифологических рассказов соответствующих территорий (см. список источников) и данные готовящегося к печати «Словаря демонологической лексики Пермского края. Часть I. Люди со сверхъестественными свойствами» (авторы-составители И. И. Русинова, А. В. Черных, К. Э. Шумов, Л. С. Нечаева).

Занимаясь на протяжении многих лет изучением функционирующей в мифологических текстах Пермского края и Русского Севера лексики, описывающей сферу колдовства, знахарства и бытовой магии, мы обратили внимание на большое количество единиц, называющих и/или характеризующих особую категорию нечистой силы — злых духов — помощников колдуна. Эта разновидность злых духов, с одной стороны, реализует связь колдунов с потусторонним миром — миром злых, враждебных человеку субстанций, с другой сто-

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке гранта, выполняемого в рамках тематических планов по заданию Министерства образования РФ, № 6.3782.2011, гранта РГНФ № 12-34-01043а1.

роны, представляет собой метафорическое отчуждение от колдунов их сверхъестественной силы в виде разнообразных существ¹.

Будучи по природе своей демонами, они способны принимать различный облик: антропоморфный, зооморфный, полиморфный, предметный².

В настоящей статье речь пойдет о двух единицах данной группы, имеющих неясную внутреннюю форму, проявить которую возможно при обращении к большому объему мифологических текстов, то есть магиико-ритуальной традиции севернорусского региона, или диалектным и этимологическим словарям.

Первая единица, которую мы рассмотрим, — существительное **бусеньки**: *У нас в деревне живёт колдунья, так как до того, как она приехала, про неё наши говорили, что у неё есть бусеньки — черти. Про отца её то же самое говорили. Говорят, что колдун не умрёт, пока никому своё дело не передаст. Она его всё спрашивала: «Папа, папа, почему ты не умираешь?» И видишь, передал он ей свои знания. Пришла эта соседка как-то к нам, стоит она спиной ко мне, а потом обернулась. Глаза у неё выкачены, губы замерли — сразу видно: ведьма. После этого дед в доме чертей видел: сидят сплошь и рядом. Стёпка видел чертей. У чёрта есть копыта и лохматые ноги (Верх-Язьва Краснов.).*

Морфемный анализ довольно легко позволяет выделить в этой единице корень *-бус-* и суффикс *-еньк-*. Скорее всего, это название нечистой силы образовано от прилагательного *бусенький*. Прилагательные *бусый* и *бусенький*, распространенные в севернорусском, уральском и сибирском ареалах, по данным СРНГ, имеют следующие значения:

¹Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ, РГГУ, 2010. 432 с. С. 162.

²О разнообразных обликах данных мифологических персонажей по пермским данным см.: Русинова И. И. Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010а. Вып. 3(9). С. 18–25; Русинова И. И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010б. Вып. 6 (12). С. 13–17.

Бусенький. 1. Серый, серенький. // Серый с голубоватым оттенком. 2. Неяркий, невзрачный. 3. Пасмурный, несолнечный.

2. Бусой и бусый. 1. Серый, пепельный, дымчатый. ◇О шерсти, масти животных. 2. Седой. 3. Белый в крапинку (о масти коров). 4. Покрытый плесенью. 5. Грязный. (СРНГ 3: 304–307).

Как видим, ведущей (она выделена первой в словарных статьях) выступает цветовая сема. Чтобы понять, почему именно корень с этим цветовым оттенком использован для номинации злых духов — помощников колдуна, надо обратиться к перечню тех образов, которые принимает этот вид нечистой силы.

В говорах и мифологических текстах Русского Севера и смежных регионов обнаруживается довольно большой набор единиц, называющих зооморфный облик этих персонажей. Наиболее часто такие воплощения духов описываются лексикой энтомологической, орнитологической и словами, которые обозначают так называемых гадов³ — крыс, мышей, лягушек, жаб, ящериц, змей и под. Цветовые характеристики бесов в облике насекомых, птиц и предметов (например, по пермским данным) чаще всего яркие и нетипичные для реальных представителей царств животного мира и артефактов: *А колдунья сама помирала когда, по огороду вот такие малюсенькие-малюсенькие **цыплятки** бегали. Там и **красные**, и **жёлтые**, и **зелёные** — всякие бегали* (Сол.). *Биси-то величиной с маленькую **птичку** с **цветастым оперением*** (Черд.). *«Ох, у нас на русле-то всякие птички: **зелёненьки**, **синеньки**, **красненьки**», — она рассказывала. Черти это были* (Краснов.). *Я детей колдунов спрашивала: «Что у вас дома есть?» — «Есть маленькие **птички всяких цветов: голубые, красненькие, зелёные.** В голбце в коробочке сидят»* (Черд.). *Да, черти **мухи всяких цветов*** (Краснов.). *Там у нас Наташа-то видела нечаянно чертей-то у Николы. **Мухи! Зелёные** какие-то, **всякие*** (Черд.). *Тут одна женщина умерла. У неё, видно, сноха туесок взяла в руки, открыла, а там **жуков разноцветных** — не сосчитать!* [А что это за жуки?] *Да черти-то и были* (Черд.). *А ещё у одного тракто-*

³Гура А. В. Животные // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1999. Т. 2. С. 281.

риста были в гостях две девочки маленькие. В голбце нашли они банку со стёклышками, а **стёклышки** такие красивые, **разноцветные**. Не знают же, что это биси (Черд.). У нас когды-ко колдун домашников оставил, ну, как подомашничать. А эти домашники сказали: «Ну-ко, давайте поишим, есть-нет у их черти». И нашли в туеске. . . **угольки**, каких только цветов нету, шевелятся! (Черд.).

Что касается бесов — помощников колдуна в облике «гадов», то на них почти не распространяется эта закономерность. Одним из образов, устойчиво повторяющихся в мифологических текстах обозначенных регионов, выступают **мыши (мышки, мышата)**: [А какие они, эти биси?] А они **серые**, маленькие, как **мыши** (Арх.) (Дранникова: 141). С виду они всяко покажутся. У одной женщины они ночью возились и в ведре с помоями утонули. Она утром приходит, а они в ведре плавают, маленькие, как **мышата**, утонули (Новг.) (Черепанова: 89). У него, у колдуна, в голбце черти сидят. Я один раз в голбец спустилася, там стоит большой туесок, старинный, берестяной. Я поглядела, а там черти-то сидят, рты разевают, как маленькие **мышата**, красные рты (Усол., Перм.). Колдуны бисей имеют. У нас был один старик, у его биси жили в корчаге, в углу она стояла. Сосед у нас раз к нему пришёл за чем-то и подошёл, поглядел через плечо. Видит: в корчаге что-то шевелится. Насчитал тринадцать **мышек**, бесову дюжину (Сол., Перм.). Бисястые ки-ко люди были. В бане, говорят [учили], в баню уводят. Там собака огненная. Ей в хайло лезь, и с бисями будешь. Другие бисястые лечат. В коробнице, в пере их держали, бисей. У кого как птички, у кого-то **мышки** (Черд., Перм.). А ещё ведь черти-то в виде мышей бывают. Всяки **мыши** есть тоже. Вот парень один пошёл нам показывать, в голбец спустился, открыл, а **мыши-то** побежали. Мать-то с поля прилетела, отлупила (Усол., Перм.). У нас одна умерла, до войны ещё, Ориной звали, в соседях была. Она шибко была колдунья. Одна бабушка тут у нас была слепая, она видела, но плохо. Она и говорит: Орина-то умерла, а меня Анна-то созвала, сноха-то, с ей поспать, боится одна-то. Дак она говорит: я

всю ночь на западне спала. Токо шум стоит. **Мыши-то**, говорит, на её набежали, на покойную-то, да только всю ночь у неё на груди лежали **мыши-те**. Вот она колдунья была. . . это черти были, наверно. Черти были! Кошки-то бы не допустили мышей-то (Сол., Перм.). Или вот тут тётя Граша, тожо у неё черти. Надя отставалась у неё кормить скота, ну, в подвал ходила. Там эти **мыши** бегают. [Это тоже черти?] Ага, ну, они выходили (Черд., Перм.).

Нам представляется, что номинация **бусеньки** возникла в пермских говорах не случайно, ее появление обусловлено устойчивым представлением о «мышинном» облике злых духов — помощников колдуна. А для обозначения серого цвета в говорах Русского Севера и смежных территорий как раз часто используются прилагательные *бусый, бусенький*. (см. географические пометы в соответствующих статьях СРНГ).

Наличие ласкательного суффикса -еньк- тоже не является неожиданным. Дело в том, что отношение к «бесенятам» у носителей традиции неоднозначное. С одной стороны, они являются причиной многих болезней (прежде всего «порчи» и «икоты»), которые могут вызвать и летальный исход, если жертве «посажено на смерть». С другой стороны, тексты рассказов о колдунах свидетельствуют об обратном отношении людей к этим духам. «Теплое отношение к бесенятам в пермских быличках. . . создается с помощью образов детенышей животных, маленьких птичек или птенцов, вызывающих скорее умиление, чем брезгливость или отвращение, и уменьшительно-ласкательных суффиксов: *Это были черти. Как зайцы, маленькие, пузатенькие, с ножками, с хвостиками*. (Половодо Сол.). *Черти кажутся где-ко в голбце есть, да как воробушки есть. Его куды-ко садят, этого воробушка. Слыхала, что их кормить надо* (М. Долды Черд.). *А она сама [колдунья] помирала когда, по огороду вот такие малюсенькие-малюсенькие цыплятки бежали, по всем бороздам бежали цыплятки* (Вильва Сол.). Недаром **цыпленок**, теплый, трогательный облик которого знаком каждому, — один из частотных обликов, который

принимают бесы»⁴.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы используются и в том случае, если злые духи имеют другой, не зооморфный облик: *Мужика, женщина одна рассказывала, учить на бесей стали. Привели его в двенадцать часов ночи в баню чёрную, по чёрному топят. Глянул, а там на полке собака рыжая, огромная такая собака сидит. Собака-то пасть расшеперила, он полез скрозь, из заду вылез, а там лебедь бела пасть расшеперила, он тожо полез. С бани-то выходит, а с им **парнишечка** маленькой: «Давай, дядя, хоть корову спортить». Он спортил, а тут ишо **парнишечка**, ну, такой жо. Оне оба стали работу просить (Гадья Черд.).*

К представленным выше можно добавить еще несколько единиц, зафиксированных в пермских мифологических материалах. Часто мелиоративные суффиксы используются в составе единиц, называющих духов, вселенных колдуном в человека. Судя по материалам, это уже другая ипостась представителей нечистой силы, выступающих помощниками колдуна⁵. Будучи внедренным в тело человека, такой дух может обнаруживать себя не только болезненными проявлениями жертвы, но и собственным поведением, в том числе и речевым. Во время приступов он может называть свое имя. Такие имена часто являются неполными или содержат суффиксы, прежде всего ласкательные, например: **Маша** (*Даже какими-то птичками они [черти] кажутся. А у нас у одной здесь в Рябинино ведь [чертенок] разговаривает. Да, **Машей** называет [себя]. Она начала ездить везде по бабкам, чтобы заглушили их... и они [черти]: «Машу нашу, — говорят, — крылышко оборвали». Значит, у одной, видимо, у чертёнка у одного, что-то повредило словками-то, к которым бабушкам она ходила (Рябинино Черд.)). **Егорка, Егорушко** (*Уж во мне сидит, да не один ещё. Крест-от в своё время не носила, колдуны и напоили, опутали. И вот живёт сейчас во мне бес **Егорка**. Тридцать пять лет уж живёт. Живёт он в желудке, растёт постоянно (Пе-**

⁴Русинова И. И. Еще раз об облике бесовском... Статья 1. С. 20.

⁵Более подробно см. об этом в: Русинова И. И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2. С. 13–17.

рино Караг.)). *Вот у нас женщина была порченная. А внутри у неё **Егорушко** сидел, шайтан. Он шибко деньги любил. Дашь ему копеечку, он будущее предскажет. Если кто что украдёт, тоже у икотки узнать можно. Она только скажет: «Вот я слетаю, съезжу туда, потом расскажу». И быстро всё узнавала (Крюково Ел.)). **Мишутка** (У дочери пальто пропало. Пошла я к икотке. Бисёнок у неё **Мишутка**. Она говорит: «Мишутка у меня теперь бестолковый». Сидела она, сидела полчаса, а потом вдруг и говорит: «Раньше нашла бы, а сейчас пальто уже продали и деньги издержали» (Крюково Ел.)).*

Интересный факт нестандартного отношения деревенских жителей к «вселяющимся» духам можно объяснить, на наш взгляд, следующим обстоятельством. Носителем такой болезни, судя по материалам, в подавляющем большинстве случаев выступает женщина. Локализуется «вселенный» дух внутри организма жертвы, чаще в области живота. Женщина оказывается как бы «беременна» этим «существом». Таким образом, народное сознание переносит отношения женщины со своего ребенка на «своего бесенка». Подтверждением нашей гипотезы является наличие тестов, в которых описывается акт «рождения порчи»: [Не слышали, какая она, эта икотка?] *У моей подружки мать **рожала**, а, гыт, как пирожник. Пирожники знаете? Из сочней. Токо мясо. Вся, гыт, в глазах. [Прямо родила ее?] Да, как ребёнка (Асюл Бард.). Одна долго болела женщина, блевала и родила кого-то. Кипятком залили и отправили её в Пермь. Наверное, **порчу родила** (Половодово Сол.). Тятя рассказывал. Женщина пошла в баню и **родила порчу**: кошачья голова, кругом глаза. Они её в туесок и в печь сунули. Так и сожгли (Касиб Сол.). У меня вот свекровь. Она маленькая ишо была, кто-то ей порчу посадил. Она **родила** эту **порчу**. Дак шибко корчилась. Она родила какой-то комок (Верх-Давыдовка Ос.). Сосед приходил, ему чего-то понадобилось. Ему отказали. Через какое-то время он встречается соседку и говорит ей: «Санька (а бабу Александрой звали), ты попомнишь у меня», и дотронулся у ей до плеча. С той поры баба стала хворать. Потом всё же нашли бабку. Она её в баню повела, давай парить. Парила, парила, и из бабы-то*

ребёночек вылезает, грязный, как ком (Покровское Нытв.).

Используются мелиоративные суффиксы в составе и других наименований «вселяющихся» духов (например вынуждающих свою жертву к пьянству): **питушка**, **непитушка** (А дочери-то моей посажен **непитушка**. Вот она пьёт. [Вы его видели?] Да. Как подвид он червяком. Там много колдунов было. Пировали да и посадили ей когой-то. Ей уже шестидесятый год. И всё надо ей пить. Просит: «Мама, подай, мама, подай» (Антуфьево Бард.). У её **питушко** посаженной, вот она и пьёт всё время, спилася (Антуфеево Бард.).

Лексема **бусеньки** в этом ряду, таким образом, не исключение.

Можно предложить еще один вариант мотивировки единицы **бусеньки**. Злые духи — помощники колдуна могут оборачиваться не только людьми и животными, они могут представлять в форме разных предметов. Одним из нескольких признаков, которые служат основой таких номинаций, выступает сема «маленький размер» (ср.: У меня дак две порчи было. Кто его знат, зачем они садят. Куда-то им чертей-то девать? У её же черти, эти как иванушки, **маленькие** (Вильва Сол.). У меня в голове черти сидят. Старушка одна посадила. Как выпьешь сто грамм, песни поют там всякие в голове. . . **Маленькие**-то в голове уснули, а она [порча] говорит: «Ой, маленькие мои, умурились» (Бахари Краснов.). А она может всякую порчу наделать, колдунья-то. У неё **мелкие** каки-то, черти ете. Оне ей покою не дают, колдунье-то. Они велят портить человека-то (Вильгорт Черд.)).

В материалах, зафиксированных в Пермском крае, есть интересная единица, в основе номинации которой лежит данный признак. Это существительное **пылинка**: Вот она [«пошибка»] вселяется, допустим, какой-нибудь **пылинкой** или мухой. Вот проглотишь невзначайно, в рот заскочит, вот тебе и пожалуйста, и вот тебе и пошибка (Северный Коммунар Сив.). Для обозначения пыли в русских говорах, в том числе и пермских, используется слово **бус** (СРНГ 3: 302; СГРС 1: 226; СПГ 1: 67; СРГСПК 1: 168). Бесы, выступающие помощникам колдуна и способные внедряться в тело жертвы, могли получить номинацию **бусеньки** от бус

‘пыль’. Но эта версия мотивировки слова *бусеньки*, на наш взгляд, менее очевидна, поскольку имеется всего одно употребление слова *пылинка* в значении ‘злой дух, вселяемый колдуном в человека и вызывающий у него «икоту» или другую болезнь’, в то время как зафиксировано множество примеров «мышиного» (бусого) облика духов — помощников колдуна.

Есть еще одно соображение относительно формы данной единицы. На наш взгляд, слово *бусеньки*, отмеченное пермскими собирателями, является результатом стяжения полной формы прилагательного *бусенькие*, которое стало осмысляться как существительное. Примеры субстантивированных прилагательных, которые могут называть данный вид нечистой силы, в наших материалах есть: это приведенные выше единицы *маленькие* и *мелкие*. Называя «существъ», которые представляют собой, как правило, совокупность «особей», это слово, скорее всего, попало под влияние других единиц, обозначающих бесов — помощников колдуна и фиксирующихся чаще во множественном числе с финалью -ки: *икотки*, *пистюки*, *человечки*, *чертики* и под.

Вторая единица, которая выступает объектом нашего анализа, — это слово *кулешата*. Приведем пример ее использования: *Ну на осине лист, смотри, он ведь ни ветру, он всё время шумит. Какая тихая погода, а осина всё шумит. Они, колдуны-те, дают на осине лешичий лист считать. [Кому дают?] Кулешатам-ту. Оне работу просят. Кулешам-то, кулешатам. Их кулешатами называли. Он [колдун], говорит, с кулешатами знатся. [Это кто?] А эти, как их опить, ну как же, но, кулеш, нечисты-те, сила (Голубята Добр.).*

Обратившись к материалам СРНГ, мы находим фиксацию этой единицы с аналогичным значением: **Кулешата**. В суеверных представлениях — нечистая сила, находящаяся в подчинении у колдуна. Соликам. Перм., 1898 (СРНГ 16: 60).

Перед нами единица с непрозрачной внутренней формой. Для ее прояснения мы обратились к диалектным словарям и обнаружили в СВГ слова с похожим корнем: **Кулес**. Ряженный в святки. **Кулесёнок**. То же, что кулес. **Кулесить**. Мешать чему-либо, вредить, портить. **Кулеш**. 1. То же, что кулес. 2. Шуба с вывернутым

наружу мехом, которую носили ряженные. 3. Время гаданий зимой, святки (СВГ 1989: 16). СРНГ подает слово **куляжки**. Ряженные (на святках). Верхотур. Перм., 1852. Перм., Даль (СРНГ 16: 77). Вполне возможно, что в данном слове должен быть звук не Ж, а Ш: он находится в слабой фонетической позиции.

Как видим, приведенные единицы называют не злых духов, а людей, которые на святки переодеваются (рядятся) в нечистую силу. Дальнейшее развитие семантики корня в вологодских говорах привело к появлению других, смежных с указанным значений.

Семантический перенос *мифологический персонаж* → *ряженный в святки* типичен для русских, в частности пермских, говоров. В подтверждение этой мысли можно привести следующие примеры. В пермских говорах слова **полудена, полуденка, полудница** называют духа поля, реже — огорода или водного пространства: *Полудена раз в огороде живёт, мне она зелёной представлялась. Мы действительно боялись* (Лобаново Перм.) (СРГЮП 2: 394); *Меня вот стращали всё: «Поди-ко туда, дак тебя полуденка!» Я вот боялася всё, что полуденка меня там какая-то поймат* (Калинино Кунг.) (там же); *Не ходи в огород, там полудница в борозде сидит, мохнатая и с рогами* (Березовка Кунг.) (СПГ 2: 157–158). *После Ильина дня не купаются — полудницы утопят»* (Ос.) (Черных 2007: 95). Эти же единицы называют и ряженого: *Оденут чё-нибудь на себя, лицо закроют и пляшут, да в избу заходят прямо, полудники, полудницы* (Черепаново Черд.); *На Святки обязательно сряжались полудниками...* (Нюзим Черд.) (там же).

Аналогичным образом осуществляется семантический перенос названий духов воды, а также нечистой силы, выходящей и гуляющей по земле во время святок **шуликины, шуликуны** на название ряженных. В пермских говорах, по данным А. В. Черных, ряженные могут называться словами **шуликун, шуликин, шуликан, шульган, шулькан, ошуликан, шулик, шулекон, шеликун, шулюкин, шулилькан** (там же: 93–94).

В СРНГ с корнем *-кулес (кулеш)*- фиксируется не только слово *кулешата*, но и другие в значении ‘нечистая сила’:

Кулиши. В суеверных представлениях — маленькие чертенята

разных цветов, появляющихся во множестве на святках. Глазов. Вят., Зеленин (СРНГ 16: 69).

2. **Куляш**. В суеверных представлениях — чертенок или водяной. Волог., Даль. Вят. (там же: 78). Как видно из примеров, география единиц — Русский Север и Приуралье.

Приведенные единицы свидетельствуют о том, что и слова с рассматриваемым корнем, обозначавшие бесов, чертей, тоже давали семантический перенос и могли становиться терминами ряженья. Интересной единицей, на наш взгляд, обеспечивавшей плавность такого перехода, выступает слово *кулиши*, обозначавшее духов, появлявшихся на святки. Изученные материалы дают основание для следующего утверждения: семантический перенос происходит в том случае, если слова называют духов, так или иначе связанных с водной стихией. Именно таковы *полудница*, *шуликан* и *кулес (кулеш, куляш)*.

Теперь, возвратившись к слову *кулешата*, мы можем сказать, что оно, наряду с другими, зафиксированными диалектными словарями, обозначало представителей нечистой силы, имеющих специфические функции. В данном случае обозначает тех духов, которые даются в услужение колдуну и которых он использует для причинения вреда и вызывания болезней.

Интерес вызывает этимология корня рассмотренных единиц. Не углубляясь в детали, мы можем предположить их связь со словом *куль*, которое известно финно-угорским языкам: **Куль**. 1) черт, сатана, дьявол (КПРС 1985: 200). **Куль** II. Бес, черт (КРС 1961: 334). «Имя **Куль** — общее для наименования злого духа у коми и обских угров: ... в мифах коми о сотворении мира бог Ен как творец хорошей и праведной части мира противостоит своему брату Омолю (или Кулю у коми-пермяков) — создателю всего плохого и злого⁶. «**Куль** — нижний, темный демиург, водяной, после христианизации также черт, дьявол, сатана. Куль в значении «злой дух» этимологи связывают ещё с допермской (прафинно-угорской) эпохой: праф.-

⁶Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 463 с. С. 198.

угор. *ku:г «дух нижнего мира, насылающий болезни»⁷.

Думается, использование русскими заимствованного слова *культ* подчиняется тем же законам, что и слова *черт*: оно (и его производные) может выступать и как название противника Бога-творца, и как общее наименование нечистой силы, и как наименование духов различных локусов (ср. перм.: *Черти, говорят, в речке водятся. Их особенно много там, где мельницы стояли* (Аниковская Черд.) *У моего двоюродного брата в бане черти мылись* (Б. Кусты Куед.). *Черташки в воде казались* (Шульгино Бер.) *А это плели лошаде на гриве, суседко-то. Какой-то дворовой, чертёнок такой* (Ныроб Черд.)), и как наименование духов — помощников колдуна (*Черти в голбце в виде цыплят, во хлеву. Хозяин их кормит* (Городище Сол.). *Она колдун, и мужик колдун был. Она уехала в деревню на рождество. И стали у неё спрашивать, где она чертей держит. Спустились в голбец, а там кадча с пивом. Черти утонут и опять на край кадчи выскакивают* (Губдор Краснов.). *Есть они у нас, колдуны-то, есть. Тут есть одна колдунья. Вот придёшь, там птички-де в голбце летают, как мухи чёрные, эти черти-то, видно* (Бондюг Черд.)).

Проведенное исследование позволило увидеть мотивационные и этимологические связи слов *бусеньки* и *кулешата*, выступающих в пермских говорах обозначениями особой категории нечистой силы — духов — помощников колдуна, с другими единицами, функционирующими в говорах Русского Севера и смежных территорий. Как видно из анализа и примеров, демонологическая лексика представляет актуальный пласт пермского диалектного лексикона и помогает реконструировать значимый элемент мифологических представлений русского крестьянина.

СОКРАЩЕНИЯ СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

Дранникова — *Мифологические рассказы Архангельской области* / Сост. Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. 304 с.

КПРС — *Коми-пермяцко-русский словарь* / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.

⁷Конаков Н. Д. *Культ* // Мифология коми. [URL: <http://www.komi.com/foolk/myth/237.htm> (дата обращения: 28.09.2013)].

КРС — Коми-русский словарь / Д. А. Тимушев, Н. А. Колегова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 923 с.

Мороз — *Знатки*, ведуны, чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Под общей ред. А. Б. Мороза. М.: ФОРУМ; Неолит, 2013. 592 с.

СВГ — Словарь вологодских говоров: Учеб. пособие по русской диалектологии / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда, 1989. К-М. — 92 с.

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1999. Т. 2. 702 с.

СПГ — Словарь пермских говоров: в 2 т. Т. 1. Пермь: Изд-во «Книжный мир», 2000. 608 с.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1. А-В. 364 с.

СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 т. Пермь, 2010–2012.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М.; Л., 1965–2011. Вып. 1–44 (издание продолжается).

Черепанова — *Мифологические* рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комментариев О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 212 с.

Шумов — *Былички* и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Шумов; Художник С. Ковалев. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 410 с.

СОКРАЩЕНИЯ РАЙОНОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Бард. — Бардымский

Бер. — Березовский

Добр — Добрянский

Ел. — Еловский

Караг. — Карагайский

Краснов. — Красновишерский

Куед. — Куединский

Кунг. — Кунгурский

Нытв. — Нытвенский

Ос. — Осинский

Перм. — Пермский

Сив. — Сивинский

Сол. — Соликамский

Усол. — Усольский

Черд. — Чердынский

А. П. БАШМАКОВА

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОВ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. В статье предлагается выделение семантических групп безлично-предикативных слов, существующих в псковских говорах, рассматриваются их особенности в сравнении с литературным языком. Использован материал Псковского областного словаря с историческими данными.

Ключевые слова: диалектология, семантические группы, безлично-предикативные слова.

Безлично-предикативные слова (или слова категории состояния) представляют собой особую лексико-грамматическую группу как в литературном языке, так и в диалектах. Что касается литературного языка, то «дискуссионным остается практически всё, что связано с категорией состояния: и состав этой группы слов, и вопрос об общности их значения, и даже набор грамматических признаков»¹. В диалектах же слова этой группы обычно рассматриваются вместе с наречиями, внутри семантических групп, связанных со значением качественной оценки². Целью таких работ обычно является воссоздание картины мира диалектоносителя или же показ словообразовательного богатства и вариативности диалекта. Собственно

¹Казаков В. П. Категория состояния: проблемы изучения и преподавания // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А. Х. Востокова) / Отв. ред. В. А. Козырев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. С. 292)

²См. например: Драчева Ю. Н. Структурно-семантические особенности наречий в современных вологодских говорах: Автореф. канд. дис. Вологда, 2011; Савёлова Л. А. Наречие в севернорусских говорах (на материале двух частных диалектных систем): Автореф. канд. дис. Северодвинск, 1999.

безлично-предикативные слова как явление языка, как нам кажется, недостаточно привлекают внимание диалектологов³.

Рассмотрим семантические группы безлично-предикативных слов на материале Псковского областного словаря в сопоставлении с литературным языком.

Говоря об отсутствии семантического единства в рассматриваемой лексико-грамматической группе в литературном языке, разные исследователи предлагают различный набор семантических групп, включая или не включая в него те или иные безлично-предикативные слова.⁴ Ни у кого не вызывает сомнения выделение групп слов, выражающих 1) состояние природы, окружающей среды, обстановки (*темно, пусто*), 2) психофизическое состояние лица (*холодно, грустно*), и 3) положительную или отрицательную оценку состояния, действия субъекта (*неловко, легко*) или ситуации в целом (*интересно, хорошо*). В псковских говорах слова этих групп также широко представлены. Приведем примеры.⁵

1. Состояние природы, окружающей среды, обстановки.

а) Состояние природы: *ведрево* ‘ясно, солнечно, сухо’: Как вёдрево, так складём (сено), а дош, так апячь сапрее. Слан.; *весело*⁶ ‘ясно, солнечно’: Вот там вёсяла ф той избё, а тут не, солнышка ня б́удит. Оп.; *ветристо* ‘о ветренной погоде’: Раньшы как-та вятр́и́ста б́ыла: так дирёвья в́и́верне с карн́ям. Остр.; *невесело* ‘пасмурно’: Смурит на улицы, нивесила, наверна дошь будит. Остр.; *неявственно* ‘пасмурно, хмуро’: Ния́ствинна сявóньни, на доши зъварáжываить. Остр. Дождь за́фтра б́удет, со́нцэ закати́лось

³Об этом говорит и их представленность в диалектных словарях (см.: Башмакова А. П. Различия в описании безлично-предикативных слов в диалектных словарях // От буквы к словарю: Сб. статей к 200-летию акад. Я. К. Грота. СПб.: Наука, 2013. С. 104–109).

⁴См. напр.: *Тихонов А. Н.* Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология. М.: Цитадель-трейд, 2002. С. 405–415; *Тираспольский Г. И.* Славянские стивы: Автореф. докт. дис. Сыктывкар, 1996; *Барамыгина И. Б.* Семантика и синтаксис предикативов состояния, отношения и оценки: Автореф. канд. дис. СПб., 1996.

⁵Сокращения районов см.: ПОС, вып. 1, с. 27–41.

⁶Цифра при слове указывает на номер значения многозначного слова, разные значения которого могут оказываться в разных семантических группах.

и штó-то так нея́ственно. Печ.; *немо2* ‘о затихающем, удаляющемся громе’: Нэма, нэма — и свали́лась туча. Пуст.

См. также *ведрено*, *ведряно*, *вольно* и многие другие.

б) Состояние окружающей среды, обстановки: *водиво* ‘сыро, мокро’: Ягат мнoх, но вадыва так вадыва. Вл. На ўлицэ вадывь, толькѣ сапагах прайдѣш. Дн.; *вольненько* ‘прохладно, не душно’: Сявоння прахланнынкь, так вольнинька. Остр.; *вольно8* ‘прохладно, не душно’: Раньшь пологá вѣшьлись ф сенях, нъвархú былъ вольнь. Порх.; *глумно* ‘шумно’: Лѣтнее время в дирѣвне лúчче, в гóраде глúмна — машыны, транва́й. Вл.; *глухо* ‘безлюдно, тихо’: Нет никóва, фсе в баркí ушóфшы, глúхь. Сл. Идѣш с кинé, в дрѣвне глúха, и сабака не загумкаит. Беж.; *немо4* ‘о полной тишине, отсутствии звуков где-н.’: Раньшы што у ёйнай кóмнати, што у мянэ усé слышна б́ыла, а тяпéрь нэма. Нев.

2. Психофизическое состояние лица.

а) Слова, выражающие физическое состояние, испытываемое под воздействием внешних обстоятельств: *боленько* ‘о чувстве боли’: Там бóленька, где-тѣ шшѣрябъл. Порх.; *болько* ‘о чувстве боли’: Как паём — припадаю: живóт бóлька. Вл. Бóлько сёрцу от измѣны. Кар.; *весело3* ‘о чувстве облегчения’: Малéнька адда́ст ат нок, и мне вéсила’. Холм.; *вольно7* ‘просторно, не тесно’: Тебé вóльно там сидѣть? А то я подв́инусь. Пл.; *вохолодь* ‘об ощущении холода’: Скати́лас халóнный вадóй, так вóхълтъ мне. Н-Рж.

Ср. *больковато*, *болькотно*, *больно* и др.

б) Слова, выражающие эмоциональное состояние: *азартно* ‘соблазнительно, так что привлекает внимание’: Дѣфки рубáхи дóлгие насíли, штоп не азáртна б́ыла. Н-Рж.; *бедно3* ‘о чувстве обиды’: Атѣц отн́ял кисли́цу, как он пла́кал, б́ыла б́едно. Н-Рж.; вередо ‘смешно’: Сóски с кóжы сашьѣш, так верéда, смех сказа́ть. Дн.; *весело1* ‘о состоянии веселья’: Рáдива гаварíт, вéсила нам. Вл.; *взгрустно* ‘о чувстве тоски в отсутствии кого-н.’: Взгрусна па им, па ряб́ятам, паéду. Н-Рж.; *вольно4* ‘о чувстве свободы независимости’: Ни так скúшно, здéсь вальнѣе, а рабóты бóльшь. Печ.; *вошеристо* ‘страшно, жутко’: Зимóй так вóлки в́ують, как-та вóшариста здѣлаи́цца. Локн.

Ср. также *бридко*, *боязно*, *вошерно* и др.

в) Слова, выражающие интеллектуальное состояние: *ведомо* ‘известно’: Ведома как сялётку в дярэвни дэлають: нялуплиную ядять. Себ.; *весто* ‘известно’: Где карóву падыскивал? — Ф Качáнови, вéста где. Палк.; *вмятку* ‘помнится’: Мне не вмятку, я забýла. Пыт.; *вневедоме* ‘неизвестно, неведомо’: Вневедоме мне бýло, што с тюрмы́ он. Стр.

3. Оценка

а) Положительная: *аккуратненько* ‘учтиво, обходительно’: Дурьсть фсё бýла, а тяпéрь — акурáтнинька, вéжлива, мне ндрáвицца. Печ.; *баско* ‘красиво, хорошо’: В ызб́и бáско. Н-Рж.; *безобидно* ‘справедливо, не нанося обиды’: Зямля дял́илась пь ядакáм, штóбы бизаб́идна бýла. Печ.; *благодать* ‘хорошо привольно’: Тепéрь благадáть наро́ду. Н-Рж.; *видноз* ‘хорошо, счастливо’: Уч́итгись, и ф калхóзи в́идна б́удить, фсё б́удить. Н-Сок.; *вольно2* ‘легко, беззаботно, без лишних усилий’: В гóраде трудн́ей жыть, в дярэвни вальн́ей жыть. Оп. Не, тепéрь мнóго вальн́ее роботáть. Стр.; *впору1* ‘о хорошем состоянии’: Прибярúть как хлéпца, кúсять и фпóру. Вл.; *вкусно* ‘приятно на вкус’: Как чайкú кáнеш, так ы фкúсна. Холм. Спас́иба, фкúсна бýла. Дн.; *верно* ‘правда, в соответствии с истиной’: Я пров́ерила пошл́а, и в́ерно: бра́шки нет. Пл.; *взабыль* ‘действительно, на самом деле’: Вза́быль, што Вели́кая замёрзла? Пушк.; *вправде* ‘действительно, в самом деле’: И фп́равди, блин́ы-та каќи фкúсныи. Ляд.; *впрямь* ‘действительно, в самом деле’: Он гавар́ит: «Да вот нáша тётка жывёт». Сматрúю — и фп́рямь. Пуст.

Стр. *безопасно, бесценно, благоприятно, блазе, болозё, вадно, важно, вежливо, великатно* и др.

б) Отрицательная: *беда* ‘о плохом состоянии чего-н.’: Ни магú есть, бедá с зубáм. Вл.; *блажь* ‘плохо, худо’: Ув́иди гадь, так и младéнцу блаж б́удит. Гд.; *волокитно* ‘хлопотно, трудно’: Валаќидна, у, валаќиды мнóго с ним, с ним мнóга рабóты. Н-Рж.; *вонько* ‘неприятно пахнет, зловонно’: Вóнько в ызб́е, затó што кос держáли в падызбице. Дн.; *неверно* ‘неудачно, плохо (о делах)’: Фсё гаварили, што будит няверна, правды нигде ни найти. Пуст.; *недобро* ‘плохо, тяжело в каком-н. отношении; неприятно’: У нас недабрó, кало́цца нет. Вл. Кагда́ раскулáчивали, тагда́ бýла недабрó.

Беж. Проста надобръ, надобра, што пють люди многа. Оп.

Ср. *бесполезно, беспутно, бесчестно, вёртко* и др.

Как видим, оценка может характеризовать и чи-н действия (*вольно2*) и ситуацию в целом (*безобидно*). Отметим, что оценка дается с разных точек зрения: этической, утилитарной, эстетической, с точки зрения соотношенности с действительностью или чувственного восприятия. Некоторые исследователи литературного языка включают в эту группу и слова, выражающие пространственно-временную оценку (*далеко, рано*)⁷. Приведем аналогичные примеры из псковских говоров: *близенько* ‘на небольшом расстоянии’: На машыни бы вас падбрóсили, там блízинька. Печ.; *близко* ‘на небольшом расстоянии’ Тут блóска, скóра дайдэш. Дед.

По мнению А. Н. Тихонова, сюда же примыкают слова выражающие оценку с точки зрения слуховой и зрительной воспринимаемости⁸. Примеры таких слов мы тоже находим в псковских говорах: *видно1* ‘можно видеть, рассмотреть’: Затяни занавёски, а то сýльно видна. Кун.; *видко* ‘можно видеть, рассмотреть’: Нарóт запугáлся и хто кудá занýрился, штоп ня вítка бýла. Н-Рж.

4. Большинство исследователей русского литературного языка к категории безлично-предикативных слов относят и модальные слова. Примеры из псковских говоров: *возможно* ‘можно, есть возможность’: Язы́к балтает, сказа́ть фсё вазмо́жна. Дед.; *вольноб* ‘есть условия для осуществления чего-н., можно’: Хатя вóльна тябé аддахnúть, што ётих сарóк дóма нет. Нев.; *впору2* ‘следует, надо, только и можно’: Ф той дерёвне така́я грязь, што фпóру в рýсских сапага́х хламатáть. Пл.; *негоже7* ‘нет возможности что-н. делать’: А как негóжэ каси́ть, так ы павира́ем. Сер. Гаваря́т, колó óзира травá кака́я-та, патаму́ негóжэ диржа́ть кур, падыха́ют. Вл.

В данной группе в говорах обращает на себя внимание не столько развитие чисто модальных значений, сколько случаи, где на уровне семантики сочетается модальность и указание на ее условие (почему можно или нельзя) или на само действие, которое оказывается возможным по той или иной причине: *видко* ‘можно понять,

⁷См. Тихонов А. Н. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология. М.: Цитадель-трейд, 2002. С. 405–415.

⁸Там же.

определить’: А вѣтка, што гарас хóцыцца им патузáцца. Н-Рж.; *видомно* ‘можно понять, определить’: Эта и вѣдамно, што вы фси с аднаво́ мѣста. Н-Сок.; *невзаметкуз* ‘нет необходимости, ни к чему обращать на что-н. внимание, замечать что-н.’ — Бап, вѣдила, там стаяли? — Нет, мне и невзамѣтку, стаяли ани там или нет. Остр. Нам и невзамѣтку слы́шать-та слава. Остр.; *непроходимо* ‘трудно, невозможно пройти’: Ил — в болóте, где непроходíмо. Кун.

Сюда же в качестве подгруппы могут быть отнесены безлично-предикативные слова, выражающие объективную нереальную модальность⁹. Примеры: *негде4* ‘об отсутствии места, пространства для чего-н.’: Нѣгди деть, я их пат пол стáвлю. Пореч. У нас жа пúни нет, нѣуди сѣна хранѣть. Сажúли нѣмцы пúни. Пуст.; *неоткуль* ‘об отсутствии места, источника, где можно было бы взять, получить что-н.’: Кирпичá неоткуль бѣль брать. Дн. Тепѣрича жывѣм и капѣйки неаткуль взять. Слан. Неаткуль мне бѣла дакумѣнтаф взять. Порх.; *некуда* ‘об отсутствии места для кого-, чего-н.’: Мне жалка гарас Вáли, некуда ей бúдя приѣхать. Остр. Мне скúшна и нира́дасна, пат стáрьи гóды некуда приклáницца. Печ. А тапѣрь некудý хадѣть. Остр.

Ср. *некогда, немоготу, недосуга, неопределѣнно* и др.

5. Еще одна многочисленная группа слов — слова, имеющие значение неопределенно-количественного состояния¹⁰: *бой* ‘о недостаточном количестве’: Там зимóй бой с вадóй. Кар.; *вовсю* ‘много, в большом количестве’: У нас вавсѣю агурцóф бѣла. Остр.; *вплотную* ‘много, о большом количестве’: Вот он глядѣт: а эта деля́нка — фплотнúю этих гѣдюкóф. Пуст.; *вполне* ‘много, о достаточном количестве’: А сѣ лѣта упалнѣ травѣны. Нев.; *вполности* ‘много, о до-

⁹В литературном языке эту семантическую подгруппу выделяет М. И. Откупщикова (Откупщикова М. И. Безлично-предикативные слова (категория состояния) в Новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии: Сб. СПб.: ИЛИ РАН, 1995. С. 143).

¹⁰Слова типа *много, мало, достаточно, куча, тьма* включаются в группу безлично-предикативных, в частности, А. Н. Тихоновым (Тихонов А. Н. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология. М., 2002. С. 405–409) и Г. И. Тираспольским (Тираспольский Г. И. Славянские стативы: Автореф. докт. дис. Сыктывкар, 1996).

статочном количестве': Драчёны скóлька хóчиш, б́ыла фпóлньсти, харóшая. Н-Рж.

Ср. *битком, бивком, вволю, вдоволь, вдосталь, вплотное, вплоть* и др.

Таким образом, соответствуя в целом набору лексико-семантических групп литературного языка, безлично-предикативные слова в псковских говорах имеют свои особенности. Даже небольшой иллюстративный материал, представленный в статье (использовались 1–4, а также частично 21 выпуски ПОС), дает возможность показать многообразие словообразовательных вариантов. Обращает на себя внимание и то, что различные значения многозначного безлично-предикативного слова соотносят его с разными семантическими группами (*весело, вольно, бедно, видно* и др.). Эта черта, свойственная и отдельным словам литературного языка, в диалектах представлена значительно шире, что связано, вероятно, не только с вариативностью и многозначностью, но и с размытой структурой значений, диффузностью слова в диалекте.

Вместе с тем можно говорить о единстве семантического значения этих слов: Общим при выделении слов КС служит то, что все эти слова обозначают актуальное положение дел, имеют инактивного субъекта-носителя признака и обозначают неизменность этого признака на протяжении обозначенного или предполагаемого периода времени.

СОКРАЩЕНИЕ

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24, Л.-СПб., 1969–2013. (издание продолжающееся).

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПАРАМЕТРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ ЯЗЫКА*

Аннотация. Цель статьи — выявление факторов, на основании которых возможно выделение современных региональных типов языка. Таковыми факторами являются границы древнейших этноязыковых зон, а также комплексная лингвистическая история региональных центров во всем многообразии типов их языковых состояний.

Ключевые слова: региональные типы языка, диалектология, этнолингвистика.

В 1991 году В. И. Трубинский опубликовал статью «Современные русские региолекты» (Трубинский). Тогда же я, полностью восприняв его идеи и по договорённости с ним, постарался несколько развить далее понятие о региолектах (Герд, 1995).

Понятие региолекта нашло достаточно широкое развитие и распространение в отечественной лингвистике (Ерофеева). В то же время сегодня уже представляется необходимым взглянуть на проблему региолектов несколько шире, исходя из того, какие существуют типы и виды региональных языковых групп и как они формировались в разных странах мира и в разных национальных языках. Термины «региональный», «локальный» и «признак» и «параметр» употребляются в статье как относительные синонимы.

Цель статьи — не описание черт тех или иных языковых групп, а выявление тех факторов, тенденций и параметров, которые послужили причиной и основой выделения таких групп.

* Статья подготовлена при поддержке гранта СПбГУ «Региональные формы русского языка в исторической перспективе», 31.38.291.2014.

Различные виды региональных языковых объединений существуют уже тысячелетия, начиная с эпохи первобытных племён. Например, такие реконструируемые феномены, как праиндоевропейский, прагерманский, балтославянский или праславянский языки, представляли собой не что иное, как группы локальных племенных диалектов. Группы этих племен могли быть весьма различными по своему характеру и величине.

Например, в рамках праславянского выделяются севернославянская группа, в которую первоначально входили предки и всех западных славян, и восточных, южнославянская (предки болгар, сербов, хорватов, словенцев), позднее отделилась большая восточнославянская группа (предки русских, украинцев, белорусов). Основой многих будущих восточнославянских диалектов послужили племена, названные в «Повести временных лет» поляне, словене, кривичи, вятичи, полочане, дреговичи, уличи, тиверцы, бужане, дулебы. Реальность их существования и их роль в истории восточнославянского ареального континуума не раз убедительно доказаны.

Одним из древнейших региональных этноязыковых объединений на территории Восточной Европы является зона Верхней Руси. Её границами на северо-западе является граница по Волхову и далее по Ловати до Холма, ниже проходят границы по верховьям Великой и Ловати. Западной Двины. Эта граница начинается уже с IV–V тысячелетия до н. э.

ИКЗ Верхней Руси складывалась постепенно, тысячелетиями; позднее VIII–IX вв. — по мере продвижения словен с верховьев Западной Двины и Днепра на Селигер и далее, с Верхневолжских озёр на Полу, Полисть и Ловать, освоения ими бассейна Ловати, Приильменья, возвышения Ладоги и Новгорода, а впоследствии, по мере продвижения новгородцев на Запад от Ильменя по Луге, Плюсе на Псков и снова на юг по Великой, — в атмосфере славяно-финского и славяно-скандинавского симбиоза.

ИКЗ Верхней Руси XI–XIII вв. и есть прародина всей севернорусской культуры в целом. Именно отсюда, от Чудского озера от озёр Ильмень и Селигер по Полисти и Ловати, Луге и Волхову, Мсте и Волге, по Чагоде, Мологе, Свири началось в XI–XII вв. освоение и Обонежья, и Заволочья, и Беломорья. Именно здесь лежат исто-

ки большей части всех пластов материальной и духовной культуры Русского Севера.

Образованию столь прочного историко-культурного симбиоза способствовало единство географического ландшафта (обилие моренных холмов, равнинных лугов, лесов, рек, озёр, болот) и климата. Южная периферия Верхней Руси с самого начала была подвержена южным влияниям.

Юго-Восточное Приладожье в течение многих тысячелетий предстаёт в виде гигантского прохода, по которому почти каждое столетие, начиная с эпохи мезолита, устремлялись на север и северо-восток в Заволочье, в бассейн Онеги всё новые и новые миграционные потоки.

Таким образом, основные границы современных диалектов, археологических и этнографических зон в основном сложились задолго до прихода славян на территорию Верхней Руси; более того, и лингвистические, и этнографические ареалы росли и развивались вместе с эволюцией ИКЗ. В то же время по данным археологии, лингвистики, этнографии, этномузыковедения и истории в рамках целостной территории Верхней Руси выделяются следующие наиболее общие типы границ и ареальных зон.

Граница по Волхову и далее на юг от оз. Ильмень разделяет Новгородчину и Приильменье на западную и восточную части. Эта граница проходит далее по Ловати до Поддоря, Холма. Здесь к югу от Поддоря — Холма она перекрывается мощными границами, идущими с запада от Пскова (Серёдки), Порхова (Дедович), Себежа, Опочки и далее на Валдай, Селигер;

граница Псков — Порхов (среднее течение Шелони) и далее на Ловать, на Холм, к Верхневолжским озёрам, к Селигеру;

граница по нижнему течению Шелони, разделяющая Поозерье и районы к югу от Сольцов. Шимска, граница в среднем течении Свири.

Отметим также следующие древнейшие ареальные зоны Верхней Руси: Псковское ядро, Севернопсковская зона, Центральнопсковская (среднепсковская) зона, Южнопсковская зона, Восточнопсковская зона, Гдовская (Гдово-Печорская) зона, Западнопсковская зона, Юго-западная зона, Западноновгородская зона, Северноновго-

родская зона, Южноновгородская зона, Мстинская зона. Да и само обособление будущих исторически первичных русских диалектов относится к рубежу эпох — началу нашей эры, к I тысячелетию.

Именно границы древних племён и региональных объединений, выделенных по языковым признакам, нередко совпадают с древнейшими этнографическими группами. Приведём другие примеры.

В истории древнегерманского языкового ареала, по данным источников, уже в период до III–I вв. до н. э. выделяются такие племенные группы, как ингвеонская (северогерманская), объединявшая предков нижнесаксонских, фризских, англосаксонских диалектов; иствеонская группа (переселенцы германских племён из Скандинавии в низовья Эльбы).

В III тысячелетии до н. э. в районе вокруг Балтийского моря возникает прибалтийско-финское языковое единство, на базе которого позднее сформировались такие локальные объединения, как южноэстонское, североэстонское, хяме, саво, карельское, вепское, ижорское, водское.

В начале I тысячелетия до н. э. прибалтийско-финская языковая общность делится на ряд локальных групп — северную, южную и восточную. На базе северной группы развиваются юго-западные финские диалекты, на базе южной — диалекты Эстонии и северной Латвии, на базе восточной — диалекты южной Эстонии и Приладожья. Впоследствии сформировались ливская региональная группа, водская, карельская, вепсская, хяме. В северном Приладожье формируется корела. На Карельском перешейке — зуремейсцы, севернее — савокоты (саво).

В древнейшую эпоху как в целях обеспечения материального существования, так и обороны нередко заключались племенные союзы, на базе которых постепенно формировались языковые союзы. Примером такого союза может служить союз восточнославянских новгородских и псковских племён (словен и кривичей) и различных прибалтийско-финских племён, возникший для отражения нашествия немецкого ордена.

Родственные племена то сближались, то расходились, вступали в военные столкновения. К I–III вв. н. э. возникают германские племенные и языковые союзы. Так объединились алеманы, баварцы и

саксы (ингвеоны). Эти союзы действовали позднее уже и в феодальный период.

Реликты племенных языковых союзов представлены сегодня чаще всего в зонах межэтнического диалектного контактирования. Таков особый региональный тип русских северо-западных диалектов на крайнем северо-западе Европейской части России, исторически объединяющий новгородские, частично псковские диалекты и ижорские, водские, вепские, частично карельские диалекты.

В этот период формируется основная топонимика региона (названия рек, озёр, особенностей ландшафта).

Во всех зонах как в языке, так и в материальной и духовной культуре ярко проявляется влияние субстрата, например, балтийского и финно-угорского на территории Белоруссии и Верхней Руси.

На этом первом этапе своего формирования диалектные группы сохраняют и проявляют свои древние междиалектные лексические связи. Таковы, например, связи псковских говоров с диалектами предков карпатских славян, сербов, хорватов, словенцев.

На огромном по протяжённости во времени этапе древнейшие локальные племенные группы характеризовались только такими признаками, как особенности в языке, обрядах, типах брака, территориальная обособленность и одновременно частые миграции, подвижность.

Именно первый период отдельных племён и племенных групп, их объединение и разъединение — важнейший в истории формирования различных этноязыковых региональных групп. В этот период закладывается большинство локальных ареалов и групп, которые далее в разное время постепенно трансформируются в новые типы речи и региональных языковых объединений.

На втором этапе на различных территориях по-разному в зависимости от экономических и социальных факторов, от усиления связей между племенами на базе племенных языков формируется язык народности.

В Европе второй этап формирования региональных языковых групп связан с принятием христианства и началом формирования первых феодальных государств. На этом этапе основными призна-

ками, параметрами, формирующими региональный локальный тип, являются:

- территориальная обособленность;
- стабилизация политических границ;
- обособление и упрочение местных диалектных черт;
- возникновение городских диалектов (койне);
- углублённое осознание особенностей своего языка, материальной и духовной культуры, противопоставление соседям;
- упрочение конфессионального сознания, рост монастырей;
- возникновение местной письменности, церковной литературы.

Например, на территории восточного славянства возникает множество княжеств, таких как Псковское, Смоленское, Новгородское. Наряду с особенностями в языке появляются различные жанры местной письменности, как церковные уставы, грамоты, деловые книги монастырей, возникают первые литературные школы.

Например, в Германии язык древних саксов (древнесаксонский) — племенное наречие (ингвеонов) в XIV–XV вв. в эпоху ганзейского союза расцветает в северонемецких городах.

На этом этапе особую роль играют культурные локальные центры.

Древнейшие славянские культурные центры, такие как Киев, Москва, Новгород, Псков, Тверь, Острог, Дубровник, Ресава, Тырново, Краков, представляют собой достаточно обстоятельный объект для рассмотрения.

Славянские культурные центры, включая и крупные монастыри, являются не только компонентами того или иного географического ландшафта, но и оказывают на него своё влияние. Они служат инициаторами строительства церквей, монастырей; вокруг последних вырастают новые поселения.

Эволюция культурных центров тесно связана с тем диалектом, на основе которого он вырастает. В свою очередь, и историю диа-

лектов нельзя понять вне эволюции древнейших историко-культурных зон и центров, которые являются неотъемлемой частью этнокультурного ландшафта в целом. Рассмотрим эту взаимосвязь несколько подробнее.

Типологически история большинства славянских культурных центров, включая великокняжеские канцелярии и монастыри, во многом напоминает эволюцию диалекта. Возникнув, тот или иной культурный центр, как и любой диалект, тесно связан со своим ландшафтом, с ареалом. Исторически, по-видимому, большинство культурных центров полиэтнично в своей основе. Культурный центр средневековья — это всегда одновременно и книжный центр, центр развития разных видов письменного языка. При этом, как правило, письменный язык эпохи средневековья отличается отсутствием непосредственной связи со своим диалектом.

Диалект взаимодействует с языком в минимальной степени, лишь частично проникая в язык обиходных текстов (акты, грамоты, деловые книги, повести). Напротив, письменные тексты различных центров и их язык находятся в сложном и многоаспектном взаимодействии. Так, в большинстве славянских культурных центров средневековья представлены два основных типа языка: 1) церковнославянский язык и 2) язык деловых и летописно-хроникальных документов. Язык центра открыт к влияниям субстрата. В качестве такого субстрата может выступать как «свой» народный диалект, так и «чужой» диалект, распространённый здесь, а кроме того, чужой литературный язык.

Что касается примеров влияния как своего, так и чужого диалекта, то следует отметить, что письменный язык книжных центров открыт для субстратных влияний гораздо в меньшей степени, чем диалект. Оживление такого влияния и книжно-диалектной интерференции наблюдается, как правило, только в эпоху административно-политического обособления, развития деловой письменности и становления местного литературного языка (ср., например, деятельность П. Трубара и Ю. Далматина в Словении или историю письменного языка в Пскове).

Развитие молодого литературного языка на диалектной основе в отдельных культурных центрах нередко протекает параллельно

с другим, более престижным и автономным чужим литературным языком (польский — рядом с латинским в Кракове, украинский — рядом с польским в Остроге, хорватский и сербский — рядом с латинским и итальянским в Дубровнике). Такие центры отличает литературно-языковая диглоссия. Как правило, вся последующая лингвистическая история таких центров представляет собой многовековую интерференцию своего диалекта и разных типов письменного языка. Так же как и диалекты, культурные, книжные центры заключают глубокие потенции к иррадиации. Таковы Новгород и Москва и их влияние на язык Русского Севера; Афон, Тырново. И здесь, как и в исторической диалектологии, можно выделить ареалы ядерные, дающие, порождающие, и ареалы воспринимающие. Например, Москва и Новгород выступают как активные центральные порождающие ареалы по отношению к книжной традиции и языку почти всех монастырей Русского Севера. Тырново выступает как активный порождающий центр по отношению к Кратово, Москве, Пскову.

Примерами центров с ослабленной потенцией к иррадиации могут служить Псков в период своего расцвета в эпоху Псковского княжества в 1348–1510 гг., Дубровник в период его подъёма и независимости в XII–XVII вв. Ареал культурных центров всех типов более, чем диалект, подвержен влиянию и скрещиванию традиций других культурных центров. Так, в истории всех юго-восточнославянских культурных центров прослеживаются традиции Афона, Преслава, Охрида, Тырново; в истории деловой письменности Руси и Западной Руси — влияние языка Москвы. В Остроге на Украине сталкиваются традиции Афона, Тырново, Москвы и Речи Посполитой XIV–XVII вв.

Язык разных центров, с одной стороны, поддерживает и развивает традиции доминирующих иррадиационных типов (церковнославянский язык — у южных и восточных славян, латынь — у западных; деловой язык Москвы — в Пскове, Новгороде, Твери), а с другой — со временем испытывает на себе всё большее влияние народно-разговорного диалектного субстрата. В то же время существует ряд особенностей, достаточно разделяющих историю диалекта и лингвистическую историю культурных центров (городов, монасты-

рей). Так, если история диалектов тесно связана с межэтническими миграциями, то история языка средневековых культурных центров прежде всего связана с возникновением городов, монастырей и с экспансией господствующей религии.

Здесь следует особо остановиться на роли христианства в истории диалекта и в истории письменного языка. По отношению к диалекту христианство, в частности православие, предстаёт первой и едва ли не основной его разрушительной силой. Насаждаемое огнём и мечом среди славян, оно разрушило все собственно народные традиции, древние верования и обычаи, нарушило спокойное спонтанное эволюционное развитие диалекта как саморазвивающейся системы, подорвало потенциально возможное развитие письменного языка на основе диалекта. Таким образом, христианство в лице православия явилось исторически первым разрушителем традиционного народного самосознания и языка, его отражающего. Лишь много позднее, с трудом закрепившись в течение столетий, православие начинает выступать теперь уже в качестве защитника народных интересов, но при этом только тех интересов, которые не противоречат его догмам. Все эти процессы в той или иной степени отразились и на диалектах. Например, по записям XIX–XX вв. не так легко восстановить уже древнюю мифологическую систему или тип и состав обряда.

Для истории книжных центров христианизация имела особое значение. Язык церковных книг, язык высоких разговоров с Богом и о Боге с самого начала был противопоставлен низкому простонародному диалекту. Церковь пристально поддерживала и соблюдала авторитет церковных книг и их языка. Так, во многих центрах возникает не столько собственно языковая, сколько функциональная социолингвистическая диглоссия.

С другой стороны, в конечном итоге православие принесло славянам на юге и востоке письменность, внесло в их среду все достижения византийской культуры. Трудно переоценить культурную роль славянских монастырей.

Итак, как для эволюции диалекта, так и для языка (языков) славянского культурного центра средневековья характерны: 1) связь с ареалом, этносом, этническими миграциями; 2) отсутствие тес-

ной взаимосвязи между диалектным и письменным языком; 3) тенденция к иррадиации; 4) хронологическая неограниченность иррадиации во времени; 5) открытость влиянию субстрата и адстрата; 6) отсутствие резкой политической и географической замкнутости; 7) предрасположенность к междиалектной, межъязыковой интерференции и трансформации в новые типы речи.

Внешнее тождество этих процессов — это тождество вариантов единой инвариантной формы такого явления, как язык. Отмеченные процессы хорошо прослеживаются и в истории поздних малых славянских литературных языков. Кажется бы, все основные процессы в истории диалекта и в истории письменного языка того или иного ареала общие. Почему же так трудно, а может быть, и невозможно написать единую синкретическую историю того или иного языка?

Во-первых — потому, что диалект и письменный язык представляют качественно разные формы, разные типы языковых состояний: диалект — устную форму, язык рукописей — письменную, при этом структурно письменный язык репрезентирует, как правило, не один, а ряд типов языка. Большинство процессов, общих между диалектом и письменным языком, имеют качественно иной характер.

Во-вторых, письменный язык дан в хронологии его книг, рукописей и в последовательной смене хронологических срезов его эволюции в том или ином центре, ареале. Диалект как устная форма дан нам, по существу, в двух противоположных состояниях: 1) в источниках его записей в XIX–XX вв. и 2) в теоретическом реконструированном дописьменном состоянии. Воссоздать историю диалекта от одного хронологического периода к другому исключительно по диалектным данным невозможно. Имеющиеся памятники письменности для отдельных территорий помогают, но проблему не решают.

Если мы не можем написать единую историю того или иного языка, даже для отдельного культурного центра, то вполне реально воссоздать комплексную лингвистическую историю таких региональных центров во всём многообразии типов их языковых состояний. Подобная лингвистическая история культурного центра включает в себя: 1) реконструкцию и историю как основного последнего

по времени фиксации диалекта, так и всех тех диалектов, которые имели здесь место ранее; 2) описание всех типов письменного языка (языков), функционировавших в данном центре; 3) анализ взаимоотношения диалекта (диалектов) и разных типов письменного языка; 4) анализ взаимоотношения разных письменных языков и их типов; 5) анализ влияния разных видов книг, рукописей и типов речи, функционирующих в том или ином центре, на окружающий этнокультурный ландшафт. Разумеется, что полная лингвистическая история культурного центра предполагает профессиональное описание всех его языковых систем. Аналогично можно рассматривать историю литературы и искусства тех или иных центров.

И в этом аспекте комплексная лингвистическая история отдельных региональных культурных центров предстаёт не только как предмет языкознания, но и как одно из направлений лингвистической географии и этнолингвистики. Рассмотрим один пример.

На крайних полюсах славянского географического, языкового и религиозного мира находятся два старейших славянских культурных центра — Дубровник и Псков. В VII–VIII вв. на месте, где впоследствии вырос Дубровник, существовал романский город Рагуза. С IX по X в. в Дубровнике уже определённно даёт себя знать славянское присутствие. На всю историю Дубровника наложили печать его многовековые контакты с Венецией и Италией в целом. При этом во времена Венецианской республики славянская община имела своё вече, высокую степень самоуправления. Дубровник активно торговал как с Италией, так и с Востоком.

Не раз высказывались разные мнения о том, был ли старый славянский дубровницкий диалект VIII–XII вв. первоначально чакавским с чертами икавизма или он с самого начала представлял собой штокавско-екавский диалект. Уже очень рано в Далмации и Дубровнике распространяются славянские глаголические тексты. Первый и едва ли не основной по объёму пласт памятников письменности в Дубровнике представляют собой деловые документы на латинском языке. Вплоть до XV в. по-латински писались почти все торговые, юридические документы. Одновременно в Дубровнике работали и писали по-латински свои труды математики, астрономы, медики, историки, географы.

Исключительное влияние на всю историю культуры в Дубровнике оказало итальянское Возрождение XII–XIV вв. В XV–XVII вв. Дубровник переживает исключительный культурный подъём. Дубровницкая славянская литература XV–XVI вв. — это поэты Менчетич, Джуро, Држич, Д. Раньина, Н. Налешкович, Н. Дмитрович, М. Ветранович, драматург Марин Држич. Многие из них писали свои стихи и пьесы и по-итальянски, и по-славянски. Но в XIV–XVI вв. в Дубровнике имела место и прозаическая церковная литература (Молитвенник 1512 г., книга Либро од мнозијех разлога 1520 г.), развившая хорватский конфессиональный тип языка. Наконец, на XVII в. приходится деятельность классиков литературы Ив. Гундулича, Дж. Палмотича, И. Джурджевича.

Таким образом, в лингвистической истории Дубровника можно выделить следующие компоненты: 1) пласт древних романских диалектов; 2) латинский язык в разных его формах (наука, поэзия, проза, документы); 3) итальянский язык; 4) славянский тип речи: а) славянский штокавский диалект с чакавскими чертами; б) язык глаголических текстов; в) литературный язык поэтов и прозаиков Дубровника XIV–XVIII в.; г) язык церковных произведений.

Исторически Псков, как и Дубровник, вырос скорее всего на базе древнего славянского поселения в устье р. Псковы. Псковский диалект как особая и весьма своеобразная система оформился на базе первоначального смешения одного из архаических западнославянских диалектов с балтийскими и прибалтийско-финскими диалектами. При этом параллельное и основное влияние на формирование псковского диалекта оказали восточнославянские диалекты среднего Поднепровья.

В XIII в. в Пскове появляется письменность. Псковские памятники письменности исключительно разнообразны в жанровом отношении. Классический источник псковской письменности — Псковские летописи и грамоты, но и конфессиональные тексты (евангелие, паляя, апостол), и летописи, и жития, и повести; многообразные деловые тексты, в том числе приходно-расходные и писцовые книги.

Псковский пресвитер Василий написал жития князей Всеволода Мстиславича, Александра Невского, а также Никиты и Нифон-

та Новгородских, Арсения Коневского (1547 г.). особо выделяются оригинальные жития и памятники собственно псковских святых Довмонта, Саввы Крыпецкого, Никандра, Ефросина псковского, Серапиона, Память Саввы, Похвальное слово Ефросину XVI, Духовное завещание Ефросина. Псковским священником Ильёй написано яркое Житие болгарина Георгия Кратовского (Служба Георгию Софийскому).

В средневековой литературе Пскова достаточно широко представлен жанр повести. Это повести О начале и основании Псково-Печерского монастыря преподобного Корнелия, О явлении чудотворных икон (XVII в.), Об Исидоре Юродивом, О приходе Батория на град Псков, О приходе на Псков шведского короля Густава Адольфа.

Литература и язык Пскова развивались в тесной связи с культурной ситуацией, сложившейся к этому времени не только в Москве, но и на Афоне, в Болгарии, Сербии, Валахии. Древнейший период истории таких центров, как Псков и Новгород, в XI–XIII вв. взаимосвязан с историей Киева и Киевской Руси. В целом — это исключительное доминирование разных жанров церковнославянской литературы и церковнославянского языка.

Таким образом, в лингвистической истории Пскова выделяются следующие компоненты: 1) балтийский диалект; 2) прибалтийско-финские диалекты; 3) славянские диалекты западнославянского типа; 4) славянские диалекты среднеднепровского типа; 5) язык летописей; 6) язык деловых документов; 7) церковнославянский язык; 8) койне Пскова.

Сравнивая типологию лингвистического развития двух таких древнейших славянских культурных центров эпохи средневековья до XVII в., как Псков и Дубровник, следует отметить, что общим у них является только тип диалектной основы, и там, и там выделяется дославянский субстрат разных типов, и там и там в определённый период развиваются вторичные славянские диалекты, со временем в обоих центрах они по-разному отражаются в местной литературе. В конечном счёте различие в эволюции Пскова и Дубровника — это отражение кардинальных различий в эволюции целостных историко-культурных и конфессиональных зон на Славян-

ском севере и на Славянском юге.

Литературные региональные объединения выделяются также и по жанрам и типу языка древних письменных текстов. Таковы, например, региональные типы языков славянского средневековья XIV–XVII вв. Объединения эти иногда могут быть очень тонкими и детальными по лингвистическим признакам, но очень сильными в ареальном духовном и статистическом отношении. Ярким примером может быть язык текстов Москвы, Пскова и Тырново в XIV–XVI вв.

Во многих центрах Средневековья возникла диглоссия. В Западной Европе — латыни и народных языков, у восточных славян — церковнославянского и обиходно-разговорных языков.

Третий этап формирования региональных языковых групп характеризуется усилением взаимопротивопоставленных процессов языковой интеграции и дифференциации и параллельно — отмиранием локальных групп. На базе группы территориальных племенных и доминирующих диалектов возникает национальный язык.

В этот период в ходе возникновения и формирования локальных языковых групп основную роль играют следующие процессы и параметры:

- численность этноса;
- стабилизация государства и его границ;
- религия;
- типы конфессиональных объединений;
- политика государства;
- дальнейший рост и укрепление этнического самосознания;
- осознание своей особенности и противопоставленности соседям;
- возрастает роль межэтнических браков;
- социальная самоидентификация индивидов;
- расслоение национального языка на региолекты, полудиалекты, городские социолекты, жаргоны;

- выделяются такие типы языкового состояния, как просторечие, литературный язык, язык публицистики, язык науки и техники и деловых документов; растёт роль нормы.
- возникновение национальной литературы, искусства;
- осознание престижности своего языка, литературы, искусства;
- резкое расширение функций языка: возникает язык прессы;
- активизация ситуаций билингвизма на базе многоязычия;
- растёт степень билингвов;
- социальное осознание особых государственных функций языка;
- усиление ассимиляционных процессов для малых этноязыковых групп;
- отторжение родных региональных языков в пользу языка иного, государственного, доминирующего;
- потеря своих родных языков, борьба за их сохранение и возрождение;
- появление дисперсных территориально удалённых этнических групп.

С одной стороны, все эти тенденции приводят к стабилизации национальных языков, к формированию региональных языков и новых локальных групп теперь уже внутри национальных языков, многие из которых требуют своего официального статуса. С другой стороны — к отмиранию многих малых местных языков и исчезновению старых локальных групп.

Исходя из вышеизложенного, можно более широко смотреть как на терминологию (диалект, региолект, региональный язык, полудиалект и т. д.), так и на то, какой тип регионального (локального) объединения представляют, например, галисийский, окситанский, верхнелужицкий или русинский, лемковский, кашубский или мрандезе.

ЛИТЕРАТУРА

- Беркович Н. А. Племя, народность, нация. СПб., 2001.
- Булкин В. А., Герд А. С., Лебедев Г. С., Седых В. Н. Основания регионалистики. СПб., 1999.
- Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 2005.
- Герд А. С. История славянских диалектов и лингвистическая история славянских культурных центров (Псков и Дубровник) // Вестник СПбГУ, сер. 2. Вып. 3.
- Герд А. С., Муллонен И. И. К проблеме этнической истории прибалтийско-финских народов (по данным языкознания) // Севернорусские говоры. Вып. 6. СПб., 1995.
- Ерофеева Е. В. Вероятностные структуры идиомов. Пермь, 2005.
- Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2011.
- Сравнительная грамматика германских языков. Т. I. М., 1962.
- Mercator guide to Organizations providing information on lesser used languages. Fryske Akademy. Ljouwert-Leewarden, 1990.

**НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК
НОВГОРОДСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
КОНЦА XV — НАЧАЛА XVI ВЕКА
(СЛОВАРЬ К ГЕННАДИЕВСКОЙ БИБЛИИ)**

Аннотация. В статье представлен обзор неизвестного до настоящего времени памятника древнерусской лексикографии, созданного на основе Геннадиевской библии, проекта по переводу полного состава библейских книг, осуществленного в Новгороде в конце XV века.

Ключевые слова: историческая лексикография, историческая лексикология, азбуковник, Геннадиевская библия.

В конце XV века в Новгороде был создан полный рукописный русский библейский свод, известный в науке как Геннадиевская библия. Материалы данного памятника получили свое отражение и в древнерусских лексикографических трудах. Однако публикуемый памятник до настоящего времени не упоминался в исследованиях по данной теме.

Описание рукописи, содержащей данный словарь находится в «Описании церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки» А. Ф. Бычкова, где в «Указателе лиц, мест, предметов и статей» имеется отсылка на «толкование неудобь познаваемых речей из книги Паралипоменон, Юдифь, Есфирь, Премудрости, Иеремии пророка»¹. Данная отсылка ведет к описанию сборника из собрания М. П. Погодина, № 1287², в 4-ку, 313 л. (далее — Сборник). В указанном Сборнике на л. 103 об. — 106 помещается интересующий нас памятник (далее — Словарь), его текст имеет киноварные заголовки (здесь и далее для передачи киноварного выделения используется жирный шрифт):

Ѣ первыѣ книги. даврейѣми^н. ѣже еѣ паралипомено^н. неѣудобь познаваемѣя рѣчи. преводѣнїе:↔ (л. 103 об.),

Ѣ вторыѣ книги. даврейѣми^н, ѣли паралипомено^н; (л. 104),
начинаеть прилогъ, на книгоу, ѣдифь, (л. 104 об.),

Ѣ книги, есѣири, (л. 105 об.),

¹ Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. Ч. 1. Вып. 2. СПб., 1882. С. 136 второй нумерации.

² Там же. С. 488–520 первой нумерации.

проло^г на книпъ прем^грости начинае^г, (л. 105 об.),
начинае^г, йеремїа пр^гркъ • (л. 106).

Рукописный сборник состоит из двух частей. Первая занимает л. 1–145 об., написана одним изменяющимся почерком (начиная с л. 93 почерк становится мельче), имеет нумерацию тетрадей с 1 по 22 (начало тетрадей отмечается в левом нижнем углу тетради, а конец на последнем листе в правом нижнем углу). Филигрانی бумаги³: 1. Кувшинчик одноручный под клевером, с буквами І В и клевером между ними (отдалённо сходен с Лихачев⁴ № 1951 (1594 г.)). 2. Кувшинчик одноручный под полумесяцем, с буквами І D на кузове (сходен с Лихачев №№ 2718, 2719). 3. Сфера с литерой «М» (сходная с Лихачев № 2722). Филигрانی №№ 2718, 2719, 2722 взяты Н. П. Лихачёвым из рукописной Кормчей (РНБ, Ф. II, 74 (=гр. Толстого, Отд. I, № 169)), которая имеет дату написания 27 мая 1517 г., но фактически написана на бумаге ок. 1560 г.

Вторая часть Сборника занимает л. 146 – 313, написана другим почерком, имеет две нумерации тетрадей (первая видна лишь частично, цифирь срезана при обрезке листов, видны лишь титла (л. 154, 162, 178, 194, 202), вторая начинается с л. 257 до конца рукописи). Филигрانی бумаги: кораблик (сходен с Лихачев № 1922–1923 (1567 г.)). Таким образом, по филиграниям бумаги данный список Сборника можно датировать 60-ми годами XVI в.

По лл. 6–10 имеется скрепа: «да^а сїю книгу цвѣт^ки о^кла^ку || в до^м вве^нїя прч^бтые б^ацы и чо^лтво^рца ко^рни^ня. || кела^б старе^ч иевъ^б бя^лни^ци^н⁵ при книга^м хранителе че^рно^м свѣ^цнике нико^лїе || в наслѣ^дїе вѣ^чны^х бл^ггъ. || по своей дше и по свои^х родителе^х на [по]мино^рб⁶». Сборник упоминается в статье А. Г. Сергеева «Библиотека Корнилиево-Комельского монастыря: Проблемы реконструкции»⁷. Здесь на с. 488 приведена скрепа Иева Беяницына.

³ Филигрانی Сборника были описаны в статье Е. К. Пиотровской. *Пиотровская Е. К.* Краткий археографический обзор рукописей, в состав которых входит текст «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора // *Византийский временник*. Т. 37. М., 1976. С. 247–254.

⁴ *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. II и III. СПб., 1899.

⁵ Слово написано над сторокой.

⁶ Буквы в скобках пропущены.

⁷ *Сергеев А. Г.* Библиотека Корнилиево-Комельского монастыря: Проблемы реконструкции // *Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь*. СПб., 2008. С. 477–492.

Текст Словаря обозначен в Сборнике как глава «ме» (45). Кроме словаря в этот раздел входят несколько мелких статей: четыре загадки без ответов, выписки из Лествицы и др. Непосредственно перед Словарем имеется статья, озаглавленная «Учение луннику приведено от жидовских книг» (глава «мг») (43)) и статья, содержащая Пасхалию, начинающуюся с 7004 (1496) года по 7021 (1513) год. Можно предположить, что описываемый Сборник содержит список Пасхалии и исследуемого Словаря, а протограф мог быть составлен в указанный выше промежуток времени.

Рукопись собр. Погодина № 1287 также разбиралась в работе А. И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси», где он упоминает её в главе «Литература жидовствующих» в разделе «Шестокрыл» как рукопись начала XVI века.⁸ Указывалось также на совпадение некоторых статей из Сборника со сборниками Ефросина.⁹

Начало Словаря «ѿ первыа книги. давремянь. яже е̅ паралипомено̅. неудобъ познаваемѣа рѣчи. преводѣнїе» состоит из указания, откуда берётся словарный материал, и названия этого словарного материала, которое можно считать названием всего Словаря. Название «неудобъ познаваемѣа рѣчи» сходно с названием другого лексикографического памятника Древней Руси, «Толкование неудобъ познаваемомъ рѣчемъ»¹⁰, но указание «ѿ первыа книги. давремянь» заставило обратиться к рукописям Геннадиевской библии (далее — ГБ). Сравнение Словаря с этими библейскими книгами подтвердило догадку: Словарь составлен из слов и глосс к ним, выписанных из латинских переводов в ГБ.

Под книгами ГБ обычно понимают саму Геннадиевскую библию, список ГИМ, Синодальное собр., № 915, и рукописи, которые считаются её черновиками, и более поздние её копии. Из множества работ, посвященных данной теме¹¹, выделим работы, касающиеся глосс.

⁸ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси. СПб., 1903. С. 418–419.

⁹ Казан М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Т. 35. Л., 1980. С. 18, 60, 63, 71, 104, 126, 141.

¹⁰ Об этом памятнике см.: Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963.

¹¹ Обзор работ, посвященных Геннадиевской библии см.: Ромодановская В. А. Геннадиевская библия: Основные итоги и перспективы изучения // Письменность, литература, фольклор славянских народов. Истрия славистики: XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 266–285.

Об использовании глосс ГБ в древнерусских азбуковниках писала Л. С. Ковтун. В работе «Азбуковники XVI–XVII вв.» она привела несколько сопоставительных примеров из ГБ и Первого Азбуковника по списку О.ХVI.1.¹² В другом исследовании «Языкознание у восточных славян в XI–XV вв.» Л. С. Ковтун поделила глоссы в ГБ (по списку РНБ, собр. Погодина, № 84) на следующие типы (если пример совпадает с нашим Словарем, приводится пример из Словаря, в скобках указывается лист рукописи РНБ, собр. Погодина, № 84, а также книга и стих)¹³:

1) Переводы иноязычных слов.

олокауста — всесожение (л. 136, 1 Пар, 6)

23. бис'сина. шираною (л. 136, 1 Пар, 15)

24. ѝ ситара. лютни (л. 136, 1 Пар, 15)

лирас — трегудьници (л. 136, 1 Пар, 16)

27. ѿзникꙋлꙋ. разлу^ннеѿ (л. 137, 1 Пар, 16)

2) Иноязычные слова на полях как соответствия избранным при переводе славянским.

6. славни^нши. ѝнкайтꙋ^с (л. 122 об., 1 Пар, 4)

8. поставъ. биссꙋмъ (л. 123, 1 Пар, 4)

10. градовъ, зрбесъ (л. 126, 1 Пар, 6)

12. въ цркѣви. ѝнъ ѿано (л. 131, 1 Пар, 10)

15. въ кромꙋ. ѝнъ ѿрсе • ѝли в выше. горо^нцѣ (л. 131 об., 1 Пар, 11)

41. мастеръ. ет магистратꙋ^с (л. 145, 1 Пар, 25)

48. по посадꙋ^м, ѝнъ зрбибꙋ^с (л. 148, 1 Пар, 27)

50. горницъ, сенакꙋли (л. 149, 1 Пар, 28)

3) Пояснения к иноязычной лексике.

20. пл^нзстрꙋмъ. колесо (л. 134, 1 Пар, 13)

21. кастра, ѿстрогы (л. 135, 1 Пар, 14)

33. трибꙋласъ. каткы. чемъ землю макчать (л. 142, 1 Пар, 21)

42. превекти, чи^н достойны (л. 146, 1 Пар, 26)

4) Словарные толкования иноязычных терминов.

11. ѿзедрас^с, ѿзедра^с е^с жилище ѿкр^сть цркѣви, гдѣ живѣтъ слꙋжебницѣ цркѣвнѣ (л. 130, 1 Пар, 9)

туртума (л. 147, 1 Пар, 27)

¹² Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л., 1989. С. 103–104, 117.

¹³ Ковтун Л. С. Языкознание у восточных славян в XI–XV вв. // История лингвистических учений: Позднее средневековье. СПб., 1991. С. 191–193.

53. ѡнихоно^с. ѡнїхоно^с е^с камень мрамора^н, лице ѡмѣющи ѡ^к ного^т члѣчъ, ѡ^к бака^н. ѡ мраморъ пари ѡба бѣль ѡ^к снѣгъ (л. 149, 1 Пар, 29)

5) Словообразовательные и этимологические справки.

ефи батос (л. 117 об, 118)

67. столпъ, столпъ латынскы раз^нѣлѣтса на три ѡмани, коломна, епестелиоу^м, ѡ басисъ, (Т) коломна столпъ, базисъ по^д столпо^м ѡпо^н, ѡ епистилизмъ, сѣ^т два ѡмена, епи греческїи на рѣ^ски [над?] столо^с греческы, рѣ^ски столпъ (л. 154, 2 Пар, 4)

180. ѣхо, ѣхо, послѣднее слѡво продолжено ре^чтса, гла^с ѡли шѣ^н, ѡѣра в пещерѣ, ѡли в лѣсѣ, ѡли в долѣ, ѡ по басна^м ѣхо, ѡтроковица нѣкаѡ бы^с преѣмна ѡже ѡнона долга, ѡнонь е^с планита, словеса воз^нержаше донде ^ж нимѡе бѣжаша с которыми ѡпитеръ в гора^х полежашие ѡ тако може быти женско ѡма (л. 76 об., Премудрости, 17)

6) Синонимы и близкие по значению слова.

4. мѣста. горо^дкы (л. 121, 1 Пар, 2)

9. ѡ въ ѣлица^х. ѡ въ приѣлко^х (л. 124 об., 1 Пар, 5)

13. телеса. трѣпи (л. 124 об., 1 Пар, 10)

17. вратило ткѣщи^х. пришвица (л. 132, 1 Пар, 11)

19. кумъ трибуни^с. с бѣзаконники (л. 134, 1 Пар, 13)

скажете – поведите (л. 136 об., 1 Пар, 16)

47. дада. ѡцрѣв бра^т (л. 148, 1 Пар, 27)

49. дрѣ^т, прїѡтель (л. 148, 1 Пар, 27)

извожаху — провожаху (л. 136, 1 Пар, 15)

побрит — обрил (л. 139, 1 Пар, 19)

7) Замены, связанные с усвоением церковной терминологии.

51. пре^дставленїа. пре^дло^жнѣ (л. 149, 1 Пар, 28)

кивоту мира — завету (л. 149 об., 1 Пар, 28)

55. ѡбѣты млтвы (л. 150, 1 Пар, 29)

8) Замены слов, когда перевод был сочтен неверным или неясным.

36. бе^з свободы. бе^з ѡстанковъ (л. 144 об., 1 Пар, 24)

18. къ помощи, къ прибѣжищѣ (л. 133, 1 Пар, 12)

сенан — салнад (л. 121, 1 Пар, 2)

сухур — семпей (л. 123, 1 Пар, 4)

9) Изменения конструкций.

певцы же начальник — певцем же начальницы (л. 136, 1 Пар, 15)

господу богу — господа бога (л. 150, 1 Пар, 29)

10) Добавки пропущенных при переводе слов и оборотов, исправления грамматических форм, варианты написания имен.

Абсалон — Авесалом

Отоабигаиль — Отоавиагиль

Иозея — Осиа (л. 122)

14. ф̑ппони^с, в̑дмѣ йма. е̑^сѡитоникъ' (л. 131)

Озан — Оза (л. 134 об.)

25. михоль, мелхоль (л. 136)

11) Поправки к переводу местоименных и служебных слов.

нарече имя ему — того (л. 122, 1 Пар, 4)

и принесоша к Давиду да пить, иже не хотяше — он же (л. 131 об., 1 Пар, 11)

Асаф тако в кимбалех съглашаше — яко (л. 136 об., 1 Пар, 16)

Специальную статью о глоссах ГБ посвятила В. А. Ромодановская¹⁴. Исследовательница упоминает работу Л. С. Ковтун, но предлагает свою классификацию глосс:

1. Собственно лексикографические глоссы, т. е. либо пояснения латинских вкраплений в текст, либо латинские соответствия славянским лексемам.

2. «Вариативные глоссы», включают группу маргиналий, где славянской лексеме соответствует славянская же; маргиналии в таком случае представляют «замены или варианты к уже сделанному переводу».

3. Леммы — отсылочные глоссы, проводящие параллели между определенными частями (книгами и главами) библейского текста.

4. Лексико-энциклопедические глоссы — пояснения и комментарии к иноязычным понятиям и терминологии. Также автор классификации называет их просто энциклопедическими глоссами. В работе рассматривается именно этот тип глосс.

При сравнении двух указанных классификаций видно, что типы глосс 1 и 2 по Ковтун соответствуют типу глосс 1 по Ромодановской, типы 6 и 7 по Ковтун соответствуют типу 2 по Ромодановской, типы 4 и 5 по Ковтун соответствуют типу 4 по Ромодановской. Тип 3 по Ковтун соответствует типам 1 и 4 по Ромодановской. Отсылочные пометы (леммы) Л. С. Ковтун не рассматривала.

Наш анализ исследуемого Словаря показал следующее. Из библейских книг, переведенных с латинского для составления ГБ, в «Неудобь познаваемые речи» вошли 1 и 2 книги Палипоменон, Иудифь, Есфирь,

¹⁴ Ромодановская В. А. Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской библии (1499 г.) // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 138–167.

Премудрости Соломона, Иеремия. Не вошли латинские переводы к 1 Ездры, Неемии, 2–3 Ездры, Товита, Иезекиля, 1–2 Маккеевских книг. В конце Словаря прибавлено 10 словарных статей — перевод греческих слов. Относятся ли эти 10 статей к словарю или они просто присоединены к нему, пока неясно. Количество словарных статей распределяется следующим образом: 1 Пар — 56 статей; 2 Пар — 63 статьи; Иудифь — 20 статей; Есфирь — 13 статей; Премудрости Соломона — 32 статьи; Иеремия — 41 статья. Всего 225 словарных статей. Статьи идут друг за другом в строке, также как и в других памятниках древнерусской лексикографии, и отделены друг от друга киноварной точкой. Иногда эта точка пропущена по невнимательности переписчика. Заголовочное слово или словосочетание отделены от толкования запятой или точкой. Порядок словосочетания словарных статей определяется их порядком слов и глосс в соответствующих книгах ГБ (исключение № 47).

Из какой рукописи могли быть извлечены данные глоссы? В настоящий момент точно ответить на этот вопрос не представляется возможным. Скорее всего, глоссы были извлечены из какой-то одной рукописи, менее вероятно привлечение нескольких рукописей. Для сопоставления текста Словаря с книгами ГБ использовалось два списка: РНБ, собр. Погодина, № 84¹⁵ (далее список РНБ) и БАН, Основное собр., № 33.40.4¹⁶ (далее список БАН). Сопоставление списков БАН и РНБ выявило, что в части примеров пары «слово — глосса» совпадают. В другой части в одном из списков слово и глосса меняются местами. Совпадающие примеры указывают, что в Словаре сначала идёт слово из текста ГБ, а затем глосса в качестве толкования. Расхождения в списках РНБ и БАН представлены в таблице (сначала указывается глосса или остатки глоссы на обрезанном поле знаком [...] для списка БАН, затем слово в тексте; если глоссы нет, указывается только слово).

№	Словарь	БАН	РНБ
13	телеса. трѣпи	трѣпѣ	трѣпѣ — телѣса
15	въ кромѣ. ѿнѣ ѿрсе. или в выше. гороцѣѣ	въ ѿрсе	ѿнѣ ѿрсеѣ или вышнѣ гороцѣѣ — въ кромѣ

¹⁵ Описание рукописи см: Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. Вып. 1. Л., 1988. С. 69–71.

¹⁶ Описание рукописи см: Ромодановская В. А. Распространение переведенных с латыни частей Геннадиевской библии. 1. Рукописи XV — первой трети XVI в. // Источники по истории и литературе: Средневековье и новое время. Сборник научных трудов. Новосибирск, 2000. С. 6–28.

№	Словарь	БАН	РНБ
18	къ помощи, къ прибѣжищѣ	[...] — къ прибѣжищѣ	прибѣжищѣ — къ помѡщи
19	кумъ трибуни ^с . с бѣзаконники	съ законники	со ѡбидѣнныи — коумъ трибуни ^с
21	кастра, ѡстрогы	ѡстрогы	кастра ѡ ѡстрогы — кастра
23	бис'сина, шираню	б[...] — шиданю	шиданю — биссин
24	и ситара, лютни	и [с...] — и лютни	лютний — и ситара
27	ѡзникъ ^л . разлу ^н не	[...]мъ — разлученіе	разлученіе — фойникоу ^л
28	ѡ канселиромъ. ѡ діаконѡвъ	[...р]и — діаконѡвъ	ѡ канселиромъ
29	писарь, книгчиѡ	книгчиѡ	писарь
32	ѡгнетаютъ ѡтеснаютъ	[...]тъ — ѡтеснаютъ	огнетаютъ
33	трибзласъ. катки. чемъ землю макчатъ	к[...] з[...] — и катки	и катки чѣмъ землю мачатъ — и трибуласъ
36	бе ^з свободы. бе ^з ѡстанковъ	б ^з [...] — бе ^з ѡстанковъ	бѣзо ѡстанковъ сирѣчь безча ^л , — бѣзо свободы
37	по посoble ^н ю. по крати ^х	по[...] — по кратѣ ^х	по пособлению
38	кнзи, начальници	н[а...] — и кнзи	и кнзи
40	сневисесъ. пособленіа, и ли краты	ви[...] по[...] — сие краты	Сие ви ^с
55	ѡбѣты мѣтвы	мѣтвы	мѣтвы — ѡбѣты
58	красны коксина	краски	красныи — красныи
61	биссино, шида	[и...] — и шидѡ	и шидѡ — и биссин
62	проселито ^с , нѡ вѣрѣющи ^х	[п...] — нѡвъвѣрѣющи ^х	проселито ^с
64	метрета ^с , мѣр'	мѣръ	мѣръ — метрета ^с
65	кан'целара. по'свѣщники	[...б]ра — по'свѣщники	посвѣщники — канцелара
68	ѡмиаматериа ^ж . темьянница	[...] — и темьянница	темянница — ѡмиаматериа
69	кнзеи, начальни ^к	начальникъ	начальникъ — кнзи
73	проше ^н е, прострѣнїе	прѡшенїе	прѡшенїе — прострѣнїе
74	моле ^н е, проше ^н е	прѡшенїе	молене

6. славни`ши. ѝнќайтѣ^с. Правильно «ѝнќлѝтѣ^с».
19. кумъ трибунѣ^с. с бѣзаконники. Правильно «сѣ законники».
26. сималламъ. смидаль. Правильно «симилламъ».
27. ѳзникълѣ. разлу^ннеѣ. Правильно «разлу^ннеѣ».
30. ѳбрис^с. гра^нскы каткы. Правильно «ѳрбис^с», но в списке РНБ также «ѳбрий^с».

43. ѝ къ валеѳѣ^с, ѝ к домѣ црѣвѣ. Правильно «василеѳѣс».

47. дада. ѳцрѣвѣ бра^т. Правильно «ѳцевѣ».

62. проселито^с, нѣ вѣрѣѳющи^х. Правильно как в списке БАН «нѣвѣ-вѣрѣѳющи^х».

81. пастоан^нны, запасисты. Правильно «настоан^нны».

111. воло^нме^н, преѳбраще^нѣ. Правильно «волѣме^н».

134. ѝ полента ѝ лапате^с, ѣ пицца ѳ моу^н сѣтворена сѣщены смокви. Правильно «палате^с», но оба списка дают чтение «лапате^с».

150. махални, хытрость, лще^на. Правильно «махини».

168. флагелла^с. Пропущено толкование «биешн».

171. гадаю^т, пр^орч^твѣю^т. Оба списка дают чтение «угадаю^т».

202. тилоукъ, каню^н. Правильно «пилюкъ».

203. змии рерѣло^с. цар ишока. Правильно «регѣло^с».

204. препрѣсий ѣмъ. Правильно «препрѣсийѣмъ пло^т краинюю», составитель пропустил «пло^т краинюю» и разбил слово «препрѣсий-ѣмъ» на две части: «препрѣсий ѣмъ».

206. в той кратѣ, ѝпак^свесе. Правильно «ѝнѣак^свесе».

207. пребывает, спѣѣтса. Оба списка дают чтение «прибывает».

209. помрачитса. померкне^н. Оба списка дают чтение «померкне^т».

212. абыѣтредѣ ѝсѣ. ѝже е^с поѣсти ѝмъ. Правильно как в списке РНБ «абыѣтередѣ ѝсѣ», список БАН дает «абыѣтредѣ ѝсѣ».

215. мѣдрамантѣ, непло^ннѣ. Правильно «драмантѣ», «мѣ» присоединено от предыдущего слова: «семѣ драматнѣ».

Большое количество ошибок также подтверждает тезис о том, что исследуемая рукопись содержит, скорее всего, список, а не оригинал Словаря.

Можно предположить, что работа над переводом книг ГБ с латинского языка велась следующим образом. В черновом варианте рукописей ГБ остались непереведенными некоторые латинские слова, для них

на поле глоссой указывался вариант перевода. Будем считать это первым типом глосс. В следующих списках некоторые варианты были приняты редактором рукописи, в таких случаях предложенный вариант перевода перемещался в текст, а латинское слово становилось глоссой. Это второй тип глосс. Также иногда к славянской лексеме предлагались в виде глоссы другие славянские лексемы как варианты перевода. Это третий тип глосс. Четвертый тип — энциклопедические глоссы. Пятый тип — фонетические и морфологические варианты. По такой классификации словарные статьи в исследуемом Словаре делятся следующим образом (некоторые статьи попали в два типа, например 15, 40, 45, 194):

1 тип (тип 1 по Ковтун, тип 1 по Ромодановской) № 3 5 19 20 21 23 24 26 27 28 30 33 35 40 42 54 60 61 62 63 65 68 70 78 80 84 89 91 93 94 98 100 101 104 105 108 111 115 116 120 122 129 131 132 133 135 138 139 142 143 144 145 150 153 165 166 167 170 172 175 176 186 187 188 190 191 194 197 200 203 212.

2 тип (тип 2 по Ковтун, тип 1 по Ромодановской) № 6 7 8 10 12 15 31 41 48 50 52 56 58 66 77 86 87 99 103 109 117 125 126 164 194 206 223.

3 тип (тип 6, 7 и 8 по Ковтун, тип 2 по Ромодановской) № 4 9 13 15 16 17 18 22 29 32 34 36 37 38 40 46 47 49 51 55 57 64 69 71 72 73 74 75 81 82 83 85 88 90 92 96 99 107 110 112 114 118 119 127 137 140 141 147 148 151 152 154 155 156 157 161 162 163 171 174 177 178 179 181 182 183 184 185 189 193 196 198 201 202 205 207 208 209 210 213 214 215 216 219 224.

4 тип (тип 3, 4 и 5 по Ковтун, тип 4 по Ромодановской) № 11 14 53 59 67 76 95 102 106 113 121 123 124 134 136 146 149 155? 158 159 160 169 173 180 195 199 211 217 218 220 221 222.

5 тип (тип 9 и 10 по Ковтун) фонетические варианты № 1 25 39 45 97 128 225, грамматические варианты № 2 45 79.

Две статьи, в которых пропущено толкование (168 и 204), могут попасть или в тип 1, или в тип 2.

Подводя итог исследованию глосс ГБ, Л. С. Ковтун отмечала: «Объектом всей этой правки, разнообразного комментирования, истолкования являлся текст, а целью — все более точная передача (или понимание) оригинала, его сюжетной ткани, заложенных в нем идей и его обрванной фактуры. Но осознавалось ли все это в виде каких-либо обобщений?»¹⁷ Эти слова можно с полным основанием отнести и к Словарю, именно он и стал непосредственным обобщением исследуемой работы.

¹⁷ Ковтун Л. С. Языкознание у восточных славян в XI–XV вв. С. 193.

Для указания параллельных мест в книгах Геннадиевской библии были привлечены следующие рукописи: 1. РНБ, собр. Погодина, № 84¹⁸, БАН, Основное собр., № 33.40.4, латинский текст Вульгаты¹⁹ с указанием стиха, а также цифровая копия издания *Biblia cum postillis Nicolai de Lyra... Nürnberg, 1487* (далее — 1487)²⁰, которое, возможно, послужило оригиналом для перевода латинских книг ГБ. Таким образом, параллельные места выполняют роль иллюстративного материала в современных словарях.

Часть глосс не представлена в списке РНБ, т. к. он имеет неполный состав. В случае со словарной статьей № 106, как это отмечала В. А. Ромодановская²¹, глосса представлена безотносительно к тексту. Для статьи № 34 не удалось найти параллельного места.

(л. 103 об.) ѿ первыѡ книги. давреѡминь. ѡже е^с паралипомено^с.
неоудобъ познаваемѡ рѣчи. преводѣнїе: ↗

1. ѡѣ. тѣ.

[1:3 Enoch Matuſale Lamech

РНБ начинается с середины стиха 1:36: ѡмарѣ. сепфи. гоѡа^с. ...

БАН (л. 2): Ёнохъ: матѣса^сль: ламе^с:]

2. хѣсь, хѣсовы.

[1:9 filii autem Chus Saba et Evila Sabatha et Rechma et Sabathaca porro filii Rechma Saba et Dadan

РНБ начинается с середины стиха 1:36: ѡмарѣ. сепфи. гоѡа^с. ...

БАН (л. 2): Снове же хѣсовы: сава ѡ ѡвила сабаѡа ѡ регма ѡ саваѡака. По семѣ снове регма: сава ѡ дадамѣ.]

3. ѡнемѣ. рѣка.

[1:48 sed et Semla mortuus est et regnavit pro eo Saul de Rooboth quae iuxta amnem sita est

РНБ (л. 120): рѣка — ѡ прѣтѡва въ е^с мѣсто саоуль ѡ роѡвофѣ. ѡже близѣ ѡмне^с поставленѣ е^с.

БАН (л. 2 об.): ѡ прѣтѡва въ ѡго мѣсто саѣль ѡ роѡвоѡѣ. ѡже близѣ ѡнемѣ поставленѣ ѣсть.]

¹⁸ Указание на листы дается по нумерации карандашом на нижнем поле листа.

¹⁹ *Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem*. Stuttgart, 1983.

²⁰ <http://daten.digital-e-sammlungen.de/0002/bsb00025817/images/index.html?fiр=193.174.98.30&id=00025817&seite=1>

²¹ *Ромодановская В. А. Об источниках...* С. 162.

4. мѣста, горо^акы •

[2:23 cepitque Gessur et Aram oppida Iair et Canath et viculos eius sexaginta civitatum omnes isti filii Machir patris Galaad

РНБ (л. 121): **ѣ́орѣ^акы** — приаѣ же гессоуръ ѣ аранѣ мѣста и^арова. ѣ канаѣ ѣ села ѣго. ѣ градѣвъ. всѣ тѣ снѣвѣ махирѣ ѣца галаадѣ.

БАН (л. 3): гор[...] — Приаѣ же гессурѣ ѣ аранѣ мѣста ѣairoва: ѣ канаѣ ѣ села ѣго, ѣ градѣвъ. всѣ тѣ снѣве махирѣ ѣца галаадѣ.]

5. синеи, ѣчнци •

[2:55 cognationes quoque scribarum habitantium in Iabis canentes atque resonantes et in tabernaculis commorantes hii sunt Cinei qui venerunt de calore patris domus Rechab

РНБ (л. 121 об. — 122): **ѣчѣннци** — родовѣ жѣ писаре^а ѣбитающы^а въ ѣаве поющы ѣ | | възлашающы ѣ в жилище^а жиѣвоущы^а си соу^т ѣинеи. и^а приѣдоша ѣ теплоты ѣца домѣ рекаѣвъ:

БАН (л. 3): ѣ[...] — жилищы^а живѣщы^а. Сѣи сѣѣ ѣинеи. и^а приѣдоша ѣ теплоты ѣца домѣ. рекаѣвъ:~]

6. славни^аши, инкайтѣ^а •

[4:9 fuit autem Iabes inclitus prae fratribus suis et mater eius vocavit nomen illius Iabes dicens quia peperit eum in dolore

РНБ (л. 122 об.): **ѣнѣклитѣ^а** — Бы^а же ѣавѣ сѣлавнѣиши пре^а братиею сѣвоею. ѣ матѣ ѣго нарече ѣма ѣго ѣавѣсѣ глѣющы ѣако родихѣ ѣго в болѣзни.

БАН (л. 3 об.): [...]и — Бы^а же ѣавѣсѣ сѣлавнѣиши пре^а братиею сѣвоею. ѣ мѣи ѣго нарече ѣма ѣго ѣавѣсѣ глѣущы: ѣ^а роди^а ѣго въ болѣзни.]

7. долѣ, вал^алис^а •

[4:14 et Maonathi genuit Ophra Saraia autem genuit Iobab patrem vallis Artificum ibi quippe artifices erant

РНБ (л. 123): **вал^алис^а** — ма^анаѣи ро^а ѣфра. сара^аиасѣ же ро^а ѣобавѣ ѣца дѣлоу оумодѣльн[стерто две буквы]оу тоу^т бо ѣмодѣлнѣицы бѣхѣ.

БАН (л. 3об.): Ма^анаѣи роди ѣфра. Сара^аиасѣ же ро^а ѣобавѣ: ѣца дѣлѣ оумодѣлнѣ тѣѣтѣ бо ѣмодѣлнѣицы бѣхѣ.]

8. поставѣ, биссѣмѣ •

[4:21 filii Sela filii Iuda Her pater Lecha et Laada pater Maresa et cognationes Domus operantium byssum in domo Iuramenti

РНБ (л. 123): **бисѣсѣмѣ** — снѣве селла. снѣвѣ ѣоудѣ герѣ ѣцѣ^а халѣѣвъ. и лаада ѣцѣ мареса . ѣ племенѣ домоу дѣлателие по^атаѣва в домоу клатѣвенѣмѣ

БАН (л. 4): бѣѣ[ѣмъ] — Снове селла Снове іюде: геръ ѿѣъ леха: Йлаада ѿѣъ мареса: ѿ племени домъ дѣлателіи поѣтава въ домъ клатвенѣмъ:]

9. ѿ въ ѣлица^х. ѿ въ приѣлко^х.

[5:16 et habitaverunt in Galaad et in viculis eius et in cunctis suburbanis Saron usque ad terminos

РНБ (л. 124 об.): **ѿ ѿ приѣко^х** — ѿ обиташа в галаадехъ. ѿ въ васанехъ. ѿ въ ѣлица^х єго. ѿ въ сѣ^х по^агра^аны^х саронъ да^ж до предѣлъ. БАН (л. 4 об.): [...] оулко^х — Й ѿбиташа въ галаадѣ ѿ въ васанѣ. ѿ въ ѣліца^х єго: ѿ въ всѣ^х по^агра^аны^х саронъ даже до предѣлъ.]

10. градовъ, ѣрбесъ.

[6:60 de tribu autem Benjamin Gabee et suburbana eius et Almath cum suburbanis suis Anathoth quoque cum suburbanis suis omnes civitates tredecim per cognationes suas

РНБ (л. 126): **ѣрѣбесъ** — ѿ колѣна же венѣминова. гавее ѿ подѣрадища єго. ѿ алѣмаѣъ съ грады сѣвоими. анаѣофъ же съ по^аграженѣ сѣвоими. Всѣ^х гра^довъ гѣ съ по^агражены сѣвоимѣ ѿ по племене^м сѣвоимъ.

БАН (л. 6–6 об.): ѿ колѣна же венѣминова гавее: ѿ по^арадища єго. ѿ алѣмаѣъ съ грады сѣвоими: анаѣоѣ же съ по^а | | гражаны сѣвоими. Всѣ^х гра^довъ, гѣ. съ по^агражаны сѣвоими: по племенемъ сѣвоимъ.]

11. ѣзедрасъ, ѣзедра^с ѣ жилище ѡкрѣтъ цркѣви, гдѣ живѣтъ слѣжебници цркѣвныѣ.

[9:26 his quattuor Levitis creditus erat omnis numerus ianitorum et erant super exedras et thesauros domus Domini

РНБ (л. 130): **ѣзѣдрѣ^с ѣ жилище ѡкрѣтъ цркѣви гдѣ живѣтъ слѣжеб^нци цркѣвныѣ** — тѣ^м чѣтыре^м левитомъ врѣчено бѣ все число дверникъ. ѿ бахъ стрегоущѣ ѣзѣдрѣ^с і сѣкровищъ домъ гѣна.

БАН (л. 7): Тѣмъ чѣтыремъ левитомъ врѣчено бѣ все число дверникъ: ѿ бѣбахъ стрегѣще ѣзедрасъ ѿ скровищъ домъ гѣна.]

12. въ цркѣви. ѿнъ ѣано.

[10:10 arma autem eius consecraverunt in fano dei sui et caput adfixerunt in templo Dagon

РНБ (л. 131): **ѿнъ ѣанѡ** — ѡрѣжие же єго пресѣващаша в цркѣви ба сѣвоего. ѿ главъ по^ткоша в цркѣви дагона.

БАН (л. 7 об.): ѡрѣжіе же єго пресѣващаша въ цркѣви ба сѣоего ѿ главъ поткнѣша въ цркѣви дагона.]

13. телеса. трѣпи •

[10:12 consurrexerunt singuli virorum fortium et tulerunt cadavera Saul et filiorum eius adtuleruntque ea in labe et sepelierunt ossa eorum subter quercum quae erat in labe et ieiunaverunt septem diebus

РНБ (л. 131): **трѣпѣ** — вставиша єдинї моужє^х крѣпкы^х. ѥ вѣша телѣса сауолова. ѥ сновѣ е^г. прїнесоша^ж и^х вѣ ѥавесѣ. ѥ погребоша кѣти е^г пот доубо^м ѥже бѣ вѣ ѥавесѣ ѥ по^бтишаса з̄ днїи ;

БАН (л. 7 об.): Вѣста^мша єдинї мѣжїи крѣпкы^х. ѥ вѣша трѣпѣ саула ѥ сновѣ єго: прїнесоша же ѥхъ вѣ ѥавесѣ ѥ погребоша кости єго по^а дѣбомъ ѥже бѣ вѣ ѥавесѣ ѥ постиша^{с̄} з̄ днїи.]

14. фїппони^{с̄}, ѣдмѣ ѥма. е^{с̄} фїтоникъ •

[10:13 mortuus est ergo Saul propter iniquitates suas eo quod praevaricatus sit mandatum Domini quod praeceperat et non custodierit illud sed insuper etiam pythonissam consuluerit

РНБ (л. 131): **ѣдмѣ ѥма е^{с̄} фїтонїкъ** — оумре оубо сауль ра^х безаконїи с̄вои^х. про тоа^ж престѣпї^а заповѣд̄ г^ню, ѥже повелѣ. ѥ не сѣхрани то. Но и паче єще фїтѣнїсѣ сѣвѣтова^а

БАН (л. 7 об.): Оумре збо сауль. ради безаконїи свои^х: про то ѥже престѣпїль єсть заповѣ^а г^ню ѥже повелѣ: ѥ не сѣхрани то: но наипаче єще фїтониссѣ сѣвѣтовалъ.]

15. вѣ кромѣ. ѥнѣ арсе • ѥли в выше. горо^ацѣ

[11:7 habitavit autem David in arce et idcirco appellata est civitas David

РНБ (л. 131 об.): **ѥнѣ арсе ѥли вышнїи горо^ацѣ** — ѣбїта^ж двѣ вѣ кромѣ. се^г ра^х именована^а е^{с̄} гра^а двѣвѣ.

БАН (л. 7 об.): Ѡбїташе же двѣ вѣ арсе: ѥ сего ради ѥменованъ єсть гра^а двѣвѣ.]

16. сѣлицю. ратище •

[11:11 et iste numerus robustorum David Iesbaam filius Achamoni princeps inter triginta iste levavit hastam suam super trecentos vulneratos una vice

РНБ (л. 131 об.): **ратище** — ѥ то число крѣпкы^{мъ} двѣвѣмъ ѥсѣваанъ снѣ агамонѣ начальникъ промежъ тридесати. той въздвизашѣ сѣлицѣ на .т̄. раниены^х єдиною кратъ.

БАН (л. 7 об.): ѥ то число крѣпкы^{мъ} двѣ^{мъ}. ѥсѣваанъ снѣ агамонѣ начальникъ промежъ тридесати. Той възвизашѣ сѣлицѣ свою на триста ранены^х єдиною кратъ.]

17. вратило ткѣщи^х. пришвица •

[11:23 et ipse percussit virum aegyptium cuius statura erat quinque cubitorum et habebat lanceam ut liciatorium texentium descendit ergo ad eum cum virga et rapuit hastam quam tenebat manu et interfecit eum hasta sua

22. мира. завѣта

[15:25 igitur David et maiores natu Israhel et tribuni ierunt ad deportandam arcam foederis Domini de domo Obededom cum laetitia

РНБ (л. 136): Сего ради двѣдъ и вси большій родомъ иль и законъничи идоша ко в'ношенію киотѣ мира гна ѿ домоу аведомъ съ веселиемъ. БАН (л. 10): за[...] — Сего ради двѣдъ и вси большій родомъ иль и законницы: идоша къ вношенію кивота амѣра гна ѿ домъ ѿведонъ съ веселіемъ.]

23. бис'сина. шираною •

[15:27 porro David erat indutus stola byssina et universi Levitae qui portabant arcam cantoresque et Chonenias princeps prophetiae inter cantores David autem indutus erat etiam ephod lineo

РНБ (л. 136): **пѣдѣнѣоу** — паки двѣдъ бѣше ѿдѣанъ ризою бис'синѣ. и вси левити иже ношахоу киотъ завѣта. певцы же начальникъ и ахохонѣ пр'орч'ствъ промежъ пѣснѣи. двѣдъ же ѿблече^н бѣ во ефоудъ лнанный.

БАН (л. 10): б[...] — Паки двѣдъ бѣше ѿдѣанъ ризою шидѣноу: и вси левити иже ношахъ кивотъ завѣта. пѣвцы же и хоненѣа начальникъ пр'орч'ствъ: промежъ пѣснѣи. Двѣдъ же ѿблеченъ бѣ въ ефоудъ лнанныи.]

24. и ситара. лютни •

[15:28 universusque Israhel deducebant arcam foederis Domini in iubilo et sonitu bucinæ et tubis et cymbalis et nablis et citharis concrepantes

РНБ (л. 136): **лютѣннѣ** — Весь же иль из'вожахъ киотъ мира гна, съ во'клицаніемъ и шоумомъ боужнымъ и трѣбнымъ, и цым'балы и нав'ли, и сѣтарѣ глашающѣи.

БАН (л. 10): и [...] — Весь же иль [стерта буква] извожахъ кивотъ мира гна: съ въсклицаніемъ и шѣмомъ бѣксиномъ и трѣбнымъ и цымбалы и навли и лютѣннѣ съглашающѣи.]

25. михоль, мелхоль •

[15:29 cumque pervenisset arca foederis Domini usque ad civitatem David Michol filia Saul prospiciens per fenestram vidit regem David saltantem atque ludentem et despexit eum in corde suo

РНБ (л. 136): **мѣхоль** — егда же приидаше киотъ мира гна даже до града двѣва. мѣхоль т'щи сазла с'мотращѣ въ ѿк'но видѣ пра двѣда скачюща и играюща и зазрѣ еѣ въ ср'дцы с'воемъ:~

БАН (л. 10): Егда же прѣидаше киво^т завѣта гна даже до града двѣва: мѣхоль дщи сазла смотрящи въ ѿкно видѣ пра двѣда скачюща и играюща: и зазрѣ еѣ въ ср'дцы свое^{мъ}:~]

26. сималламъ. смидаль •

[16:3 et divisit universis per singulos a viro usque ad mulierem tortam panis et partem assae carnis bubulae et frixam oleo similam

РНБ (л. 136 об.): ѿмѣдѣа — ѿ раздѣли всѣмъ по единомуу ѿ мою^ж да^ж ѿ до жѣнъ терта хлѣба часть печѣна маса волова пражѣна ѿлѣа ѿмѣдѣа.

БАН (л. 10): си[...] — ѿ раздели всѣмъ по единомуѿ ѿ мѣжъ даже до женъ торта хлѣба ѿ часть печена маса волова: ѿ пражена ѿлѣа ѿмѣдѣа.]

27. ѿзникълѣ. разлу^ннеѣ •

[16:18 dicens tibi dabo terram Chanaan funiculum hereditatis vestrae

РНБ (л. 137): ꙗ^алоу^чѣн^нѣ — глѣци, тебѣ дамъ зѣмлю ханаѡннѡ, ꙗ^алоу^чѣн^нѣ достѡан^нѣа ва^шего.

БАН (л. 10 об.): [...]мъ — глѡщ[заклеено] Тебѣ бѣ дамъ землю ханааню: разлѣчен^не достѡан^нѣа ва^шего]

28. ѿ канселиромъ. ѿ дѣаконовъ •

[18:15 porro Ioaab filius Sarviae erat super exercitum et Iosaphat filius Ahilud a commentariis

РНБ (л. 139 об.): ꙗ^акы ѡаавъ снѣ сарвѣе бы^ч на^а вои ѿ ѡзафатъ снѣ агилъ ѿ канселиромъ.

БАН (л. 11 об.): [...]и — Па^кы ѡавъ снѣ сарвѣе бы^ч надъ вои: ѿ ѡзафатъ снѣ агилъ ѿ дѣаконовъ.]

29. писарь. книгчиѡ •

[18:16 Sadoc autem filius Ahitob et Ahimelech filius Abiathar sacerdotes et Susa scriba

РНБ (л. 139 об.): садѡхъ же снѣ ахитовъ. ѿ ахимелехъ, снѣ авѣфаровъ сщеници. ѿ соуза писарь

БАН (л. 11 об.): Садѡхъ же снѣ ахитовъ ѿ ахимелехъ снѣ авѣааръ сщеницы: ѿ сза кнѣгчиѡ.]

30. ѡбрис'. гра^аскы каткы •

[20:2 tulit autem David coronam Melchom de capite eius et invenit in ea auri pondo talentum et pretiosissimas gemmas fecitque sibi inde diadema manubias quoque urbis plurimas tulit

РНБ (л. 140 об.): ѡбрѣ^ч — в'за же двѣдъ венець мел'хѡны ѿ главы егѡ, ѿ ѡбрѣте в' немъ з'лата тагостию тала^нтъ ѿ безцѣнный каме^н драгый сътвори же ꙗкы себѣ диадѣмъ. плѣнъ же ꙗ^акы цѣкыи многъ взалъ.

БАН (л. 12): ѡ[...] — Вза же двѣдъ вѣнець мелхонъ ѿ главы егѡ ѿ ѡбрѣте в' немъ злата тажелиною талантъ ѿ безцѣнны камень

драги: Сътвори же себѣ паки діадемъ. плѣны же ꙗвѣхъ мнози възвѣсть.]

31. моръ. пестеле^нсіамъ •

[21:12 aut tribus annis pestilentiam aut tribus mensibus fugere te hostes tuos et gladium eorum non posse evadere aut tribus diebus gladium Domini et mortem versari in terra et angelum Domini interficere in universis finibus Israhel nunc igitur vide quid respondeam ei qui misit me

РНБ (л. 141 об.): ꙗли три лѣта моръ. ꙗли три мѣсаци поженуѣтъ та врази твои, ꙗ ото оружїа ихъ не можеши ѡбѣжати. ꙗли три дни мечъ гнѣ ꙗ смръть ѡбратити на землю ꙗ аггилъ гнѣ оубити въ всѣхъ предѣлѣхъ ѡлѣвѣхъ. Нѣѣ бо размотри что ѡвѣщае^{мъ} емъ, ꙗже посла ма.

БАН (л. 12 об.): [...]амъ [...]елство — ꙗли три лѣта моръ: ꙗли три мѣцы поженуѣтъ та врази твои: ꙗ ѡрѣжїа ихъ не можеши ѡбѣжати: ꙗли три дни мечъ гнѣ ꙗ смръть ѡбратити на землю ꙗ аггелъ гнѣ ѡбити въ всѣхъ предѣлѣхъ ѡлѣвѣхъ. Нѣѣ бо расмотри что ѡвѣщае^{мъ} емъ ꙗже посла ма.]

32. ѡгнетаютъ ѡтеснаютъ •

[21:13 et dixit David ad Gad ex omni parte me angustiae premunt sed melius mihi est ut incidam in manus Domini quia multae sunt miserationes eius quam in manus hominum

РНБ (л. 141 об.): ꙗ рече двѣтъ къ гадъ ѡ всѣхъ странъ печали ма оугнетаютъ. но лу^чше ми естъ да впадоу в роуцѣ гни, и^ж мнози соуѣтъ щедрѣты еѣ, нѣ же члѣкомъ.

БАН (л. 12 об.): [...]тъ — ꙗ рече двѣтъ къ гадъ ѡ всѣхъ странъ ма печали ѡтеснаютъ: Но лу^чше ми естъ да впадѣтъ в рѣцѣ гни: ꙗже мнози сѣтъ щедрѣты еѣ: не же в рѣцѣ члкомъ.]

33. трибулѣасъ. катки. чемъ землю ма^кчатъ •

[21:23 dixit autem Ornan ad David tolle et faciat dominus meus rex quodcumque ei placet sed et boves do in holocaustum et tribulas in ligna et triticum in sacrificium omnia libens praebeo

РНБ (л. 142): ꙗ ка^ккѣ чѣ^{мъ} зѣ^млю м^гч^атъ — рече же орнанъ къ двѣду. возми и да створитъ гднѣ мой црѣ елика жѣ ему угодна. но и волове дам на всѣсѣзжжение ꙗ трибулѣасъ во дрова, и пшеницу в жертву.

БАН (л. 12 об.): к[...] з[...] — Рече же орнанъ къ двѣду. Возми ꙗ да сътворитъ гнѣ мой црѣ елика же емъ огодна. Но ꙗ волове дамъ на всѣсѣжеженїе. ꙗ катки въ дрова ꙗ пшеницѣ въ жертвѣ:]

34. ѡсѣае^т. помолит^ъ •

[Параллельного места найти не удалось.]

35. ѿ ко лагана. ѿ ко блино^м •

[23:29 sacerdotes autem super panes propositionis et ad similiae sacrificium et ad lagana et azyma et sartagine[m] et ad ferventem similia[m] et super omne pondus atque mensuram

РНБ (л. 144): **Ѹ ꙗꙗ блѣнѡмъ** — Сщѣніци же на^х хлѣбѣ прѣ^аложѣнѣа ѿ къ симидалоу жер^твѣ, ѿ къ лага^на ѿ опрѣснокомъ. ѿ сковрадникомъ ѿ къ печенію, ѿ надо всею тагостию ѿ мѣрою.

БАН (л. 14): ѿ[...] — Сщѣнницы же надѣ хлѣбѣ прѣ^аложѣнѣа и къ симидалѣ жер^твѣ ѿ къ лага^на ѿ опрѣснокомъ ѿ сковрадникѡ^м ѿ къ печенію ѿ на^х всею тагостию ѿ мѣрою.]

36. бе^з свободы. бе^з ѡстанковъ

[24:2 mortui sunt Nadab et Abiu ante patrem suum absque liberis sacerdotioque functus est Eleazar et Ithamar

РНБ (л. 144 об.): **бѣзѡ ѡста^нковъ сирѣ^ѣ без ча^а**, — оумроша же надавѣ ѿ авивѣ прѣже оца своего бѣз ѡвѡбѡды. сщѣнѣства ^ж ѡбычай е^ѣ элеазароу ѿ ѡамароу.

БАН (л. 14): б^з[...] — Оумроша же надавѣ ѿ авивѣ прѣже оца своего бе^з ѡстанковъ. Сщѣнства же ѡбычай е^{сть} элеазарѣ ѿ ѿамарѣ.]

37. по посoble^ню. по крати^х •

[24:3 et divisit eos David id est Sadoc de filiis Eleazar et Ahimelech de filiis Ithamar secundum vices suas et ministerium

РНБ (л. 144 об.): ѿ раздели ѿхъ двѣдѣ еже е^ѣ садохъ ѡ сновѣ элеазарѣ^н. ѿ ахимелехъ ѡ сновѣ ѿамарѣ по посoble^нию своему ѿ слоуженію,

БАН (л. 14): по[...] — Ѹ раздѣли ѿхъ двѣдѣ еже е^ѣ садо^х ѡ сновѣ элеазаровѣ. Ѹ ахимелехъ ѡ сновѣ ѿамарѣ по кратѣ^х свои^х ѿ служенію:]

38. кнзи. началници •

[24:6 descripsitque eos Semeias filius Nathanahel scriba Levites coram rege et principibus et Sadoc sacerdote et Ahimelech filio Abiathar principibus quoque familiarum sacerdotium et leviticarum unam domum quae ceteris praegerat Eleazar et alteram domum quae sub se habebat ceteros Ithamar

РНБ (л. 144 об.): ѡписа же ѿмъ семеа снѣ нафанаель писарѣ левѣитомѣ прѣ^а прѣмѣ ѿ кнзи ѿ садоха сщѣнника ѿ ахимелеха сна авѣаарѣ. Кнзѣ^н же ѡбителѣи сщѣнѣство^м ѿ левѣитомѣ единѣ домъ и^ж прѡчихъ прѣ^ж бѣ элеазарѣ, ѿ ѿны домъ и^ж по^а собою ѿмать прѡчихъ ѿамарѣ.

БАН (л. 14): н[а...] — ѡписа же ѿмъ семеѣа Снѣ нафанаель писарѣ левѣитомѣ прѣ^а прѣмѣ ѿ кнзи ѿ садоха сщѣнника ѿ ахамелеха сна авѣаарѣ: Начальницы же ѡбителѣи сщѣнѣство^м ѿ левѣитомѣ единѣ

домъ ѿже прочи^х преже бѣ елсазаръ: ѿ ѿныи домъ ѿже по^а собою ѿмать прочи^х ѿамааръ.]

39. ѿезъ. ісѣ.

[24:11 nona Hiesu decima Sechenia

РНБ (л. 145): ѿ іезъ. і сехеніа.

БАН (л. 14): ісѣ[...] — Деватыи іезъ: Десатыи сех^ъеніа:]

40. сиевисесъ. пособленіа, ѿли краты.

[24:19 hae vices eorum secundum ministeria sua ut ingredientur domum Domini et iuxta ritum suum sub manu Aaron patris eorum sicut praecipit Dominus Deus Israhel

РНБ (л. 145): Сіе ви^си^х послоуженіемъ своимъ, да внидоуть в домъ бжїи, і по чиноу своему по^а роукоу аарону оца и^х, ѿко повелѣ гь ѿлѣвъ.

БАН (л. 14): ви[...] по[...] — Сіе краты ихъ послуженіемъ своимъ да внидѣтъ в домъ бжїи: ѿ по чинъ своимъ по^а рѣкъ аарону оца ихъ:]

41. мастеръ. ет магистратъ^с.

[25:1 igitur David et magistratus exercitus secreverunt in ministerium filios Asaph et Neman et Idithun qui prophetarent in citharis et psalteriis et cymbalis secundum numerum suum dedicato sibi officio servientes

РНБ (л. 145–145 об.): **ѣтъ магистратъ^с** — Се^р ради двѣ ѿ мастеръ воины флючїша во слоужбоу сновъ асафовъ еманъ ѿ диоѣмль и^ж прѣрчтвоую^т в гоусле^х ѿ фалтира^х || ѿ кимбалѣхъ по чинъ своимъ прсцено себѣ служащи.

БАН (л. 14 об.): [...] атоу^а — Сего ради двѣ ѿ мастѣръ войны флѣчиша въ службѣ сновъ асафовъ ѿ еманъ ѿ диоѣмль ѿже прѣрчествѣють въ гѣслѣ^х ѿ псалтыра^х ѿ кимбалѣ^х по числѣ своимъ прсцѣнно себѣ чинъ служащи.]

42. преекти, чи^и достойны.

[26:6 Semeiae autem filio eius nati sunt filii praefecti familiarum suarum erant enim viri fortissimi

РНБ (л. 146): **чинъ доѣстойны** — Семей же сноу егò рожені соуть сновѣ прѣфѣкти обителе^м с^увоимъ бѣхоу бо моужі крѣпчѣиши.

БАН (л. 15): [...] — Семей же снѣ егò рожені сѣтъ снове прѣфѣкти обителемъ своимъ бѣхъ бо мужи крѣпчѣиши.]

43. ѿ къ валеоѣ, ѿ к домъ црѣвѣ.

[26:18 in cellulis quoque ianitorum ad occidentem quattuor in via binique per cellulas — нет точного соответствия

РНБ (л. 146 об.): **ѿ к домъ црѣвѣ** — ѿ к вѣаѣлѣоѣ сѣвѣта к западоу двои ѿмѣющи поѣвнѣны^х ѿны^х на поути, двои же по кѣлѣамъ.

БАН (л. 15): [...] — ѿ кѣ вѣсилѣоу съвѣта къ западѣ двои. ѿмѣюци повинены ѿны на пѣти: Двои же по кѣлѣамъ.]

|| (л. 104)

44. повѣненены^х. пониженены^х.

[26:18 in cellulis quoque ianitorum ad occidentem quattuor in via binique per cellulas — нет точного соответствия]

РНБ (л. 146 об.): **повѣненены^х** — ѿ кѣ вѣсилѣоу съвѣта къ западоу двои ѿмѣюци повѣненены^х ѿны на поутѣ, двои же по кѣлѣамъ.

БАН (л. 15): [...] — ѿ кѣ вѣсилѣоу съвѣта къ западѣ двои. ѿмѣюци повинены ѿны на пѣти: Двои же по кѣлѣамъ.]

45. хоре. корѣоу^х.

[26:19 hae sunt divisiones ianitorum filiorum Core et Merari

РНБ (л. 146 об.): Сиа соу^т раздѣленїа двѣр^никовъ сновомъ хоре ѿ мерари.

БАН (л. 15): [...] — Сїа сът^ь раздѣленїа дверникомъ сновомъ хоре ѿ мерари.]

46. на посѣблене, на воз^движене.

[26:27 de bellis et manubiis proeliorum quae consecraverant ad instaurationem et supellectilem templi Domini

РНБ (л. 147): **на во^движенїе** — ѿ бранї ѿ плѣновъ ѿ попѣченїемъ и^ж пресѣаша на посѣбленїе ѿ роукѣати цркви г^на.

БАН (л. 15): [...] — ѿ бранї ѿ плѣновъ ѿполченїемъ ѿже пресѣаша на посѣбленїе ѿ рѣкоати цркви г^на.]

[перебив последовательности, сначала идет 27:32, а потом 27:25 и 27:33]

47. дада. ѿцрвѣ бра^т.

[27:32 Ionathan autem patruus David consiliarius vir prudens et litteratus ipse et Iaihel filius Achamoni erant cum filiis regis

РНБ (л. 148): **ѿцрѣ^т бра^т** — ѿнаоанъ же дада двду съвѣтникъ моу^ж мдръ ѿ книженъ, той ѿ ангель снѣ акамона бахоу съ сны црвы.

БАН (л. 16): ѿ[н...] — ѿнаоанъ же дада ддѣ съвѣтникъ. Мзжъ мдръ ѿ книженъ: Тои ѿ ангель снѣ акамона бѣхъ съ сны црвы:]

48. по посадоу^м, ѿнъ хрбибѣ^т.

[27:25 super thesauros autem regis fuit Azmoth filius Adihel his autem thesauris qui erant in urbibus et in vicis et in turribus praesidebat Ionathan filius Oziae

РНБ (л. 148): **ѿнъ хрбибѣ^т** — На^д скровищемъ же цр^квы^м бы^т ас^моу^ж снѣ снѣ адигель. сѣ^х же с^кровища и^ж бахоу по посѣдоу^м, ѿ по сѣломъ ѿ в кос^трехъ пребываше ѿнаоанъ снѣ ѿзѣ.

БАН (л. 16): ѿ[н...] — На^а съкровищемъ же црѣскы^м бы^с амокъ снѣ адигель. Сѣхъ же съкровища ѿже бѣхъ по подѣдѣ^м ѿ по село^м ѿ в кострѣ^х пребываше Іоаѡанъ снѣ ѡзѣ:]

49. дрѣ^г, прѣдѣтель •

[27:33 Ahitophel etiam consiliarius regis et Husi Arachites amicus regis

РНБ (л. 148): **прѣдѣтель** — ахитовѣлъ еше съвѣтъникъ црѣвъ, ѿ хоусии, арахите^с дрѣ^г црѣвъ.

БАН (л. 16): [...] — Ахитофель еше съвѣтникъ црѣвъ: ѿ хсѣи. Арахтесъ дрѣ^г црѣвъ.]

50. горницъ, сенакзли •

[28:11 dedit autem David Salomoni filio suo descriptionem porticus et templi et cellariorum et senaculi et cubiculorum in adytis et domus propitiationis

РНБ (л. 149): **ѿ сѣнакзлѣи** — дасть же двѣд соломану сноу с'воему ѡписанѣа притворовъ ѿ црѣквѣ ѿ погребовъ ѿ горницѣи ѿ кѣлий тайны^х ѿ домоу ѡчищенѣа.

БАН (л. 16): Дасть же двѣд соломонъ снѣ своемъ ѡ писанѣа притворовъ ѿ црѣкве ѿ погребовъ ѿ горницѣи ѿ кѣлѣи тайны^х ѿ домъ ѡчищенѣа:]

51. прѣдставленѣа. прѣло^жнѣа •

[28:16 aurum quoque dedit in mensas propositionis pro diversitate mensarum similiter et argenti in alias mensas argenteas

РНБ (л. 149): **прѣдѣло^жбнѣа** — злато же дасть на столы прѣдѣлѣнѣа за рѡзны^е с'толы. тако ^ж ѿ сребро на инѣа с'толы с'рѣбреныа.

БАН (л. 16 об.): [...]а — злато же дасть на столы сребранные прѣдѣлѣнѣа за рѡзны^е столы. Тако же ѿ сребро на ѿны^е столы сребранные.]

52. баканы, стибини •

[29:2 ego autem totis viribus meis praeparavi inpensas domus Dei mei aurum ad vasa aurea et argentum in argentea aes in aenea ferrum in ferrea lignum ad lignea lapides onychinos et quasi stibinos et diversorum colorum omnem pretiosum lapidem et marmor parium abundantissime

РНБ (л. 149 об.): **стѣбѣни** — азъ бо всѣми сѣлами моѣми, ѡуготова^х ро^сходъ домоу га ба моего. злато на сѣсоуды златыа, ѿ сребро на срѣбреныа, мѣдъ на мѣденыа, желѣза же на желѣзныа, дрѣва к' древанымъ, каменѣа ѡнѣхинѡсъ ѿкѡ баканы рѡзныѣ лица всѣ^х же честны^х каменѣи ѿ мраморъ парѣова множайши

БАН (л. 16 об.): Азъ бо всѣми силами мойми. Оуготова^х росхо^а домъ га ба моего: злато на сѣсуды златыа: ѿ сребро на срѣбреныа: Мѣдъ на мѣданыа: желѣза на желѣзныа. Дрѣва къ древанымъ: Каменѣ

ѡнихинось ѡ ѡко баканы ѡ розные лица всѣхъ **предраги**^х **честны**^х каменїи ѡ мраморъ парїова мнѡжайше:]

53. ѡнихоно^с. ѡнїхоно^с е^с камень мрамора^н, лице ѡмѣющи ѡ^к ного^т члѣчъ, ѡ^к бака^н. ѡ мраморъ пари ѡба бѣль ѡ^к снѣгъ •

[29:2 ego autem totis viribus meis praeparavi inpensas domus Dei mei aurum ad vasa aurea et argentum in argentea aes in aenea ferrum in ferrea lignum ad lignea lapides onychinos et quasi stibinos et diversorum colorum omnem pretiosum lapidem et marmor parium abundantissime

РНБ (л. 149 об.): ѡзь бѡ всѣми сїлами моїми, оуготова^х ро^сходъ домоу га ба моего. златѡ на съсоуды златыѡ, ѡ сребро на сребреныѡ, мѣдь на мѣденыѡ, желѣза же на желѣзныѡ, дрѣва к' древанымъ, каменїа ѡнїхинѡсь ѡко баканы рѡзные лица всѣ^х же честны^х каменїи ѡ мраморъ париѡва мнѡжайшии

На нижнем поле л. 149 об.: **Сѡнїхино^с е^с каме^н мраморе^н лице ѡмѣюще ѡко ного^т члѣчъ ѡ ѡко бака^н; а мраморъ париѡва бѣль ѡко снѣгъ**

БАН (л. 16 об.): [...к]амень [...]це ѡмѣ [...]члѣчъ и [...]мрамо^п [...ѣ^н] ѡко — ѡзь бо всѣми силами моими. Оуготова^х росхо^н домъ га ба моего: злато на съсуды златыѡ: ѡ сребро на сребреныѡ: Мѣдь на мѣданыѡ: желѣза на желѣзныѡ. Древа къ древанымъ: Каменїе ѡнихинось ѡ ѡко баканы ѡ розные лица всѣхъ **предраги**^х **честны**^х каменїи ѡ мраморъ парїова мнѡжайше:]

54. ѡ солидо^с, денги •

[29:7 dederuntque in opera domus Dei auri talenta quinque milia et solidos decem milia argenti talenta decem milia et aeris talenta decem et octo milia ferri quoque centum milia talentorum

РНБ (л. 150): **дѣнїи** — въздаша же на дѣло домоу г^на злата талантъ ^хѣ. ѡ солидо^с ^хї. с'ребра талантъ ^хї. ѡ мѣди талантъ ^хи^хї. желѣза же ^хр̄.

БАН (л. 16 об.): Въздаша же на дѣла домъ г^на злата талантъ пать тысящъ. ѡ солидо^с десать тысящъ: сребра талантъ десать тысящъ: ѡ мѣди талантъ, ^ип. тысящъ. желѣза же сто тысящъ талантъ:]

55. ѡбѣты млтвы •

[29:9 laetatusque est populus cum vota sponte promitterent quia corde toto offerebant ea Domino sed et David rex laetatus est gaudio magno

РНБ (л. 150): **млтъвї** — възвесел`ша же са людіе ѣгда ѡбѣты вѣлею ѡбѣщаншѡ ѡли желанїѡ ѡ ср^нцемъ в'сѣмъ приношѡхоу гоу, но ѡ двѣдъ цр̄ь възвеселїса радостїю великою.

БАН (л. 16 об.): Възвеселиша же сѧ людїе егда млтвѣи волею ѡбѣщаша. ^ѧИже всѣмъ срѣцемъ въздана г҃ъ. [пропуск на нижнем поле] Но ѧ двѣдъ цр҃ь възвеселиса радостїю великою:]

56. дѣанїа геста

[29:29 *gesta* autem David regis priora et novissima scripta sunt in libro Samuhel videntis et in libro Nathan prophetae atque in volumine Gad videntis РНБ (л. 151): **г҃ѣста** — дѣанїа жѣ двѣда цр҃а пре^ннаа ѧ по^лтѣднаа писанѧ соутъ в кнѣзѣ самоїла видащегò ѧ въ кнѣзѣ наѡана пр^ррка. ѧ въ ѡбращенїи гада видащегò.

БАН (л. 17): г[...] — Дѣанїа же двѣда цр҃а пре^жнаа ѧ послѣднаа. Писана сѣтъ въ кнѣзѣ самоїла видащегò ѧ въ кнѣзѣ наѡана пр^ррка: ѧ въ ѡбращенїи гада видащегò:]

Ѣ вторыѧ книги. давреѧми^ѧ, ѧли паралипомено^ѧ;

57. лю^а твоѧ, полкѣ твой.

[1:10 da mihi sapientiam et intellegentiam ut egrediar coram populo tuo et ingrediar quis enim potest hunc populum tuum digne qui tam grandis est iudicare

РНБ начинается с середины стиха 1:13: мїра г҃ня ѧ цр҃твòва на^л ѧйлѣ^м събра^ж себѣ колѣнїци ѧ ко^нники...

БАН (л. 17 об.): [...]и — Дай мнѣ прем^рость ѧ раз^жм: да внидѣ ѧ ѧзыдѣ пре^л людѣми твоѧми. Кто бо може^т сїи людїи твòа достойно ѧже толикѣ великѣ е^с сѣдити:]

58. красны коксина.

[2:7 mitte igitur mihi virum eruditum qui noverit operari in auro et argento aere ferro purpura coccino et hyacintho et qui sciat scalpere celata cum his artificibus quos mecum habeo in Iudaea et in Hierusalem quos praeparavit David pater meus

РНБ (л. 152 об.): **кòксіна** — пошлѣи оубò м'нѣ моужа оученѧ и^ж вѣсть дѣлати въ златѣ, ѧ сребрѣ, мѣди ѧ желѣзѣ, поур^рпоура крѣснѣ ѧкò жїнѡѣ. ѧ ѧже знаеть рѣзати рѣзѣ с' тѣми оумодеѣльнїки кѣи^х ѧмѣю съ собою въ ѧиудей ѧ въ іер^ллѣмѣ которы^х оуготова двѣдъ ѡцѣ мой.

БАН (л. 18): Пошли жбо мнѣ мѣжа жчена ѧже вѣсть дѣлати въ златѣ ѧ сребрѣ мѣди ѧ желѣзѣ пѣрпѣра краскы ѧ ѧксинѡѣ: ѧ ѧже знае^т рѣзати рѣзѣ съ тѣми жмодѣлники кои^х съ мною ѧмѣю въ ѧиудей ѧ въ іер^ллимѣ: которы^х жготова двѣдъ ѡцѣ мой.]

59. пинеа. пинеѧ е^с древо висо^к в ливанѣ.

[2:8 sed et ligna cedrina mitte mihi et arceuthina et pineae de Libano scio enim quod servi tui noverint caedere ligna de Libano et erunt servi mei cum servis tuis

РНБ (л. 152 об.): **пйна е^с дрѣво високо в ливанѣ** — но ѿ дрѣва кѣдрова пошьли ми ѿ аѳреутина ѿ пинѣа ѿ ливана. вѣмъ бо да раби мои оумѣю^т сѣчи дрѣва ѿ ливана ѿ боудоу^т раби мой с^ь рабы твоими
БАН (л. 18): п[и...] в[ы...] — Но ѿ дрѣва кедрова пошли ми ѿ аѳреѳтина ѿ пинеа ѿ ливана. Вѣмъ бо да раби мои змѣю^т сѣчи дрѣва ѿ ливана.]

60. сата, мѣра •

[2:10 praeterea operariis qui caesuri sunt ligna servis tuis dabo in cibaria tritici choros viginti milia et hordei choros totidem olei quoque sata viginti milia

РНБ (л. 152 об.): **мѣра** — се^т радѣ дѣлательмъ и^ж сѣчыци соу^т дрѣвомъ рабомъ твоимъ да^{мъ} в^ь пищюу пшеници хоро^с *к^ь ѿ ачменѣ хоро^с только же. ѿлѣа же сѣта *к^ь.

БАН (л. 18): [м...] — Сего ра^с дѣлатель ѿ ѿже сѣчыци сѣтъ дрѣво^м рабомъ твои^м дамъ вѣ пищѣ: пшеницы хоро^с, *к^ь. ѿ ачмени хоро^с тако же ѿлеа же сѣта, *к^ь.]

61. биссино, шида •

[2:14 filium mulieris de filiabus Dan cuius pater Tyrius fuit qui noverit operari in auro et argento et aere et ferro et marmore et lignis in purpura quoque et hyacintho et byssu et coccino et qui sciat celare omnem sculpturam et adinvenire prudenter quodcumque in opere necessarium est cum artificibus tuis et cum artificibus domini mei David patris tui

РНБ (л. 152 об.): **ѿ пидѣ** — сна жены ѿ щереѣ дановыхъ ёмоу^ж ѿцѣ бы^с тирѣ и^ж вѣ^с дѣлатѣ вѣ златѣ ѿ сребрѣ, в мѣди ѿ желѣзѣ ѿ мраморѣ ѿ дрѣвѣ. в порпоуре же ѿ азинѣ ѿ биссо^{на} ѿ красны. и^ж вѣсть рѣзати всакоу^м рѣзѣ ѿ ко ѿбрѣтѣнѣю разоуменѣ, ёлико^ж в дѣло подобно е^с, с роукодѣльники твоими ѿ сѣ оумодѣльнико^ы г^дна моего двѣа ѿца твоего

БАН (л. 18): [и...] — сна жены ѿ дшерѣи дановыхъ ёмъ же ѿцѣ бы^с тирѣ ѿже вѣсть дѣлатѣ вѣ златѣ ѿ сребрѣ мѣди ѿ желѣзѣ ѿ мраморѣ ѿ дрѣвѣ: вѣ порпурѣ же ѿ ѿксинѣ ѿ шидѣ ѿ красны: ѿ ѿже вѣсть рѣзати всакоу^ю рѣзѣ ѿ кѣ ѿбрѣтѣнѣю разоуменѣ: ёлико же в дѣло подобно е^с: сѣ рѣкодѣльнико^ы твоими ѿ сѣ змодѣльнико^ы г^дна моего двѣа ѿца твоего.]

62. проселито^с, но вѣрѣющи^х •

[2:17 numeravit igitur Salomon omnes viros proselytos qui erant in terra Israhel post dinumerationem quam dinumeravit David pater eius et inventi sunt centum quinquaginta milia et tria milia sescenti

РНБ (л. 153): Почте бо солóманъ всѣхъ моужей проселито^с и^ж бáхоу в земли ййлѣве по сочтѣнiю дже почиталь двѣдъ ѡцъ ёго и ѡбрѣтени соуть *р*н*г й х̄

БАН (л. 18): [п...] — Почте бо солóмонъ всѣхъ мѡжеи нóвъвѣрѡщи^х йже бѣхъ в земли ййлѣвѣ по съчтѣнiю я^ж почиталь двѣдъ ѡцъ ёго и ѡбрѣтени сѡ^т, рнг. тысащи й, х̄.]

63. абѣегнис', кыты кедровы •

[3:5 domum quoque maiorem texit tabulis ligneis abiegnis et lamminas auri obrizi adfixit per totum scalpsitque in ea palmas et quasi catenulas se invicem conplectentes

РНБ (л. 153): **кѡты кѣдровы** — дóмъ же болшiй сплотиль д'сками древаны^м абѣег'ниѡсѣ й дски з'латы сѡяющи оуглоуби по всемоу. йзрыи же на немъ палмы " йако чепѣчыкы проме^ж себа сплетающи. БАН (л. 18): а̄[...][...] — Домъ же болшiй сплотиль дсками древаны^м абѣегнисъ й д'ски златы сѡяющи зглѣби по всемѣ. Йзры же на немъ палмы: й йако чепчики промеж себе сплетающи]

64. метрета^с, мѣр' •

[4:5 porro vastitas eius habebat mensuram palmi et labium illius erat quasi labium calicis vel repandi lili cariebatque mensurae tria milia metretas

РНБ (л. 154): **мѣрѣ** — пақы толъстота ёго ймаше мѣроу длá^ноуу й гъба бѣ ёго йако гоуба потироу, йли погор'блены лилий, приемлáше *г̄ мѣрѣта^с.

БАН (л. 18 об.): [...б]ра — Пақы толстота ёго ймаше й мѣрѣ дланнѡуу й гъба ёго бѣ йако гъба потириу. йли погорблены лилий приемлáше же три тысащи мѣрѣ.]

65. кан^селабра. по^свѣщники •

[4:7 fecit autem et candelabra aurea decem secundum speciem qua iussa erant fieri et posuit ea in templo quinque a dextris et quinque a sinistris

РНБ (л. 154): **пóдсѣщнiкы** — Сътвори * кан^селáврá златá 1 по ѡбразоу йако повелѣ сътворити, й пос'тави а̄ въ цркви е ѡдесноуоу й е ѡлѣвоуоу.

БАН (л. 18 об.): [...б]ра — сътвори * й по^свѣщнiкы златы деса^т по ѡбразѣ йако повелѣ сътворити. Й поставиа въ цркви, е̄. ѡдеснѡуу й пать ѡлѣвѡу.]

66. й цр^ксю полатѣ, й василика^м •

[4:9 fecit etiam atrium sacerdotum et basilicam grandem et ostia in basilica quae texit aere

РНБ (л. 154): й вáсилiкá^м — сътвори. пақы д'вóрѣ сщѣнiко^м. й цр^ккоюу пóлáтоуу великоуу й двѣри въ василика йже сплете мѣдѣ.

БАН (л. 18 об.): Сътвори паки дворъ сѣнникомъ ѿ цр҃кѣю полатѣ великѣ ѿ двери ѿ василика ѿже сплете мѣдъ.]

67. столпъ, столпъ латынскы разѣлаѣтса на три ѿмани, коломна, ѿпестелиоу^м, ѿ бaсисъ, (Т) коломна столпъ, базисъ по^н столпо^м ѿспо^м, ѿ ѿпистилизъмъ, сѣ^т два ѿмена, ѿпистилизъмъ на рѣ^ски столо^с греческѣ, рѣ^ски столпъ.

[4:12 hoc est columnas duas et epistylia et capita et quasi quaedam retiacula quae capita tegerent super epistylia

4:13 malagranata quoque quadringenta et retiacula duo ita ut bini ordines malagranatorum singulis retiaculis iungerentur quae protegerent epistylia et capita columnarum

4:14 bases etiam fecit et concas quas superposuit basibus

4:15 mare unum bovesque duodecim sub mari

Epistilium, n est capitellum quod superponit columne et dicitur ab epi et stilus quod super ponitur stilo columne Quam epistilia dicunt quasi super stilos id est super columnas Et nota qui tres sunt partes columne scilicet basis id est fundamentum stilis scilicet illud rectum quod super basim exigitur Epistilium vero dicitur illud quod stilo superponitur

РНБ (л. 154–154 об.): На нижнем поле л. 154об.: Стол^п лат^нский разделѣ^сѣ на три ѿмена. Кол^м, на епистилизъмъ, ѿ базисъ (Т) кол^мна тѣ^п базисъ по^н столп^ом ѿсп^о. епистилизъмъ сѣ^т два ѿмена ѿпистилизъмъ греческы на рѣ^ски, столо^с, греческы, рѣ^ски столпъ, — то е^с стол^па || дѣ^лѣ епистилиа ѿ главѣ. ѿ ако нѣкаа мрежица, ѿ главѣ прикасаѣтса на епистилиа. малограната же ѿ ѿ мрежица дѣ^л, ѿко да ѿ^лѣ чѣ^ны малогранатомъ единой мрежицѣ с^ложатса. ѿ защита^т епистилиа ѿ главѣ столпомъ. Базисъ паки сътвори ѿ корыта которы^х поставитъ баземъ море единое въ ловъ же дванадесать по^н море^м, БАН (л. 18 об. — 19): На нижнем поле л. 19: Столпъ латынскы[...] — то е^ст столпа два ѿ епистилиа ѿ главы: ѿ ѿко нѣкаа мрежица ѿже главѣ прикасаѣтса. || на епистилиа. Малограната же, ѿ мрежица дѣ^л. ѿко да два чины малогранатомъ единой мрежицѣ сложатса: ѿже защита^т епистилиа ѿ главы столпомъ. Базисъ паки сътвори ѿ корыта, которы^х поставитъ баземъ море единое: въ ловъ же, ѿ по^н море:]

68. ѿмиматериа^м, темъанници.

[4:22 thymiamateria quoque et turibula et fialas et mortariola ex auro purissimo et ostia celavit templi interioris id est in sancto sanctorum et ostia templi forinsecus aurea sicque completum est omne opus quod fecit Salomon in domo Domini

РНБ (л. 154 об.): **те^ммѣа^ннѣцѣ** — ѿемѣа^нматѣрѣи^а жѣ ѿ кадила ѿ фѣла ѿ готѣи ѿ злата чистѣиша ѿ двери рѣзаны црковныа. вноутре^ннеа ^жстаа стѣ^х ѿ двери црковныа ѿзов^ноу з^лата. тако же съвершено е^с в^се дѣло е^ж сътвори сълома^н в домоу г^нни:~

БАН (л. 19): [...] — ѿ темѣанницы же ѿ кадила ѿ фѣла ѿ ѿготѣи. ѿ злата чистѣиша. ѿ двери рѣзаны црковныа внѣтренаа ѿже въ стаа стѣ^х. ѿ двери црковныа ѿзвѣнз злата. Тако же съвершено е^с все дѣло ѿже сътвори соломонъ въ домѣ г^нни:~]

69. кнзеи. начални^к.

[5:2 post quae congregavit maiores natu Israhel et cunctos principes tribuum et capita familiarum de filiis Israhel in Hierusalem ut adducerent arcam foederis Domini de civitate David quae est Sion

РНБ (л. 154 об. — 155): **нѣчѣлнѣ** — По сѣ^м же събра больше родныхъ ѿла ѿ всѣ^х кнзѣй колѣнъ. ѿ главъ ѿбительныхъ ѿ снѣвъ ѿлѣвъ въ г^рлимъ, || да возведоу^т киѣ мѣра г^нна. ѿ града двѣова ѿже е^с в сѣонѣ

БАН (л. 19): По сем же събра болше ро^ннѣи ѿла: ѿ всѣ^х нѣчѣлнѣкъ колѣнъ: ѿ главъ ѿбителны^х ѿ снѣвъ ѿлѣвъ въ іер^слимъ: да възведѣ^т кивот^ъ завѣта г^на ѿ града двѣва ѿже е^с въ сѣонѣ]

70. василисе, цр^ккыа полаты •

[6:13 siquidem fecerat Salomon basem aeneam et posuerat eam in medio basilicae habentem quinque cubitos longitudinis et quinque cubitos latitudinis et tres cubitos in altum stetitque super eam et deinceps flexis genibus contra universam multitudinem Israhel et palmis in caelum levatis

РНБ (л. 156): **цр^ккыа полаты** — Тако бо сътвори съломанъ базѣ^м мѣданъ, ѿ поста^вѣи ѿго посре^дѣ вѣсѣлнѣсѣ ѿмѣющѣ е^с лако^т долготоу ѿ е^с шириноу. ѿ г^рлакты въ высоту, ста ^жна нь ѿ пото^м преклонѣ колѣнѣ протѣвоу все^т м^ножества ѿла ѿ дланѣи на нѣо въздвѣгъ,

БАН (л. 19 об.): [...]ты — тако бо сътвори соломонъ базѣмъ мѣданъ ѿ поставѣи ѿго посре^дѣ вѣсѣлнѣсѣ. ѿмѣющѣ, е^с лако^т долготѣ ѿ, е^с ширинѣ. ѿ три лакты въ высотѣ: ста же на нь. ѿ потомъ преклони колѣнѣ протѣвѣ всего м^ножества ѿла ѿ длани на нѣо възвѣгъ:]

71. млы, прострѣнѣ •

[6:19 sed ad hoc tantum facta est ut respicias orationem servi tui et obsecrationem eius Domine Deus meus audias et preces quas fundit famulus tuus coram te

РНБ (л. 156 об.): **прострѣнѣ** — но на тѣ только сътворен^н е^с ѿ оузриши молѣнѣ раба твоегѣ ѿ ѿсѣненѣ егѣ. г^н бѣ мои, ѿ оуслыши м^лтѣвы я^ж ѿзлаи рѣбъ твоѣи пре^с тобою

БАН (л. 19 об.): Но на токмо сътворенъ есть: ѿ ѹзриши моленіе раба твоего ѿ ѡсщеніе его. ги бе мой: ѿ ѹслыши млтвы ѿже ѿзла рабъ твой пре^а тобою.]

72. млтѣ, моле^не

[6:21 et exaudires orationem quam servus tuus orat in eo exaudi preces famuli tui et populi tui Israhel quicumque oraverit in loco isto et exaudi de habitaculo tuo id est de caelis et propitiare

РНБ (л. 156 об.): **мѡлѣніѣ** — ѿ оуслышиши млтвоу ею ^ж рабъ твоѿ мѡлит'са в' немѣ, оуслыши прѡстрѣніѣ раба твоего ѿ люди твоѿхъ, ѿла. ѿже к'то помѡлит'са на мѣс'те томъ оуслыши ѿ жилища твоего и^ж е^с ѿ нбсѣ. ѿ ѡчисти

БАН (л. 19 об.): ѿ ѹслышиши млтвѣ ею же рабъ твои молитса в немъ ѹслыши прѡшѣніѣ раба твоего ѿ людїи твоѿхъ ѿла. ѿже кто же помолитса на мѣстѣ томъ: ѹслыши ѿ жилища твоего ѿже е^с ѿ нбсѣ ѿ ѡчисти.]

73. проше^не, прострѣніе •

[6:21 et exaudires orationem quam servus tuus orat in eo exaudi preces famuli tui et populi tui Israhel quicumque oraverit in loco isto et exaudi de habitaculo tuo id est de caelis et propitiare

РНБ (л. 156 об.): **прѡшѣніѣ** — ѿ оуслышиши млтвоу ею ^ж рабъ твоѿ мѡлит'са в' немѣ, оуслыши прѡстрѣніѣ раба твоего ѿ люди твоѿхъ, ѿла. ѿже к'то помѡлит'са на мѣс'те томъ оуслыши ѿ жилища твоего и^ж е^с ѿ нбсѣ. ѿ ѡчисти

БАН (л. 19 об.): ѿ ѹслышиши млтвѣ ею же рабъ твои молитса в немъ ѹслыши прѡшѣніѣ раба твоего ѿ людїи твоѿхъ ѿла. ѿже кто же помолитса на мѣстѣ томъ: ѹслыши ѿ жилища твоего ѿже е^с ѿ нбсѣ ѿ ѡчисти.]

74. моле^не, проше^не •

[6:39 ut exaudias de caelo hoc est de firmo habitaculo tuo preces eorum et facias iudicium et dimittas populo tuo quamvis peccatori

РНБ (л. 157 об.): да оуслышиши ѿ нбсе то есть ѿ крѣпкаго жилища твоего моленіе ѿхъ ѿ сътвори соудъ, ѿ ѡпоустиши люди твоѿ ѿко бо грѣшници.

БАН (л. 20 об.): да ѹслышиши ѿ нбсе то е^с ѿ крѣпкаго жилища твоего прѡшѣніѣ и^х. ѿ сътвори сз^л ѿ ѡпзстиши люди твоѿ ѿко бо грѣшници.]

75. сзпостати, съпротивлени •

[7:19 si autem aversi fueritis et dereliqueritis iustitias meas et praecepta mea quae proposui vobis et abeuntes servieritis diis alienis et adoraveritis eos

РНБ (л. 158 об. — 159): Аще ^ж ѿ соупротивленї боудете ѿ ѡставите

правды моа ѝ повелѣнїа моа и^ж пре^лстави^х вамъ || ѝ ѿидаще
служите бѣмъ чюжїмъ ѝ поклонїтеса ѿмъ

БАН (л. 20 об.): ѿ с[ъ...] — Аще же ѡзїпѡстаѿи бѣдете ѝ ѡставите
правды моа ѝ повелѣнїа моа ѿже пре^лстави^х вамъ: ѝ ѿидащи
слѣжителѣ богомъ чюжїмъ ѝ поклонитеса ѿмъ:

76. въ ѣнигматибѣ^ѣ, ѣнигма нарицаѣтса. тма ѡсѣже^а по по^лобию
вещей •

[9:1 regina quoque Saba cum audisset famam Salomonis venit ut temptaret
eum enigmatibus in Hierusalem cum magnis opibus et camelis qui portabant
aromata et auri plurimum gemmasque pretiosas cumque venisset ad
Salomonem locuta est ei quaecumque erant in corde suo

РНБ (л. 160): На верхнем поле л. 160: **ѣниг^ама нарицаѣ^тца ѿма ѡсѣженїа
по подобїю вещей**; — Црѣца ^ж, сава ѣгда у^ѣлыша слоухъ съломановъ
пр^ѣдетъ да искоушаѣтъ ѣго въ ениг^аматибоусъ, въ іер^лѣмѣ с^ѣ великы^м
бѣгатъство^м, ѝ вельбоуды ѿже ношахѡу ароматы ѝ златѡ многѡ ѝ
каменїе драгоѣ. ѣгда прїиде к солѡманѡу глала ѣ^ѣ ѣмоу, ѣлика ^ж бѣша
в ср^ци ѣа

БАН (л. 21 об.): На верхнем поле л. 21об.: **ѿ** Ени^ама нарицаѣтса.
ѿма ѡсѣженїа по подобїю вещей. — Црѣца же сава ѣгда слыша слѣ^х
соломоновъ прїиде^т да ѿскѣшаѣ^т ѣго въ ѣнигматибѣ^ѣ въ іер^лѣмѣ съ
великы^м бога^тство^м ѝ вельблѣды ѿже ношах^ѣ ароматы ѝ златѡ многѡ
каменїе же драгоѣ. Ёгда прїиде къ солѡмонѣ глала ѣ^ѣ къ немѣ ѣлика
же бѣша въ ср^ци свое^м]

77. властелини, сатрапи •

[9:14 excerpta ea summa quam legati diversarum gentium et negotiatores
adferre consueverant omnesque reges Arabiae et satrapae terrarum qui
conportabant aurum et argentum Salomoni

РНБ (л. 160 об.): **сатрапи з^ѣмети** — прочаа та множе^ѣтва ѣже легати
рѡзны^х ѿзыкъ ѝ потребнїковъ принести ѡбѣщахѡу. вси ^ж црї
арав^ѣстїи ѝ в^ластелинї зѣм^ѣстїи и^ж сношах^ѣ сълѡманѡу златѡ ѝ
с^ѣребрѡ.

БАН (л. 21 об.): прочаа та мно^ѣжества ѣже легати розныхъ ѿзыкъ ѝ
потребнїковъ принести ѡбѣщах^ѣ: вси ^ж црї аравстїи ѝ в^ластѣлїни
земстїи ѿже сношах^ѣ златѡ ѝ сребро солѡмонѣ.]

78. ѣбурнеѣ^ѣ, || (л. 104 об.) носная кость слѡнова •

[9:17 fecit quoque rex solium eburneum grande et vestivit illud auro
mundissimo

РНБ (л. 160 об.): **нѡѣнаѣ кѡѣ слѡнѡва** — Сътвори ^ж црѣ прѣ^ѣтоль
ѣбурнѣѡумѣ великъ ѝ облече тогѡ з^латомъ чистѣишимъ.

БАН (л. 21 об.): [...]лонова — Сътвори же црѣ прѣтлѣ ѣбѣрнѣзмѣ великѣ и ѡблече тоѣ златомѣ чистѣишимѣ.]

79. наваѡ^в, наващѣ •

[9:29 reliqua vero operum Salomonis priorum et novissimorum scripta sunt in verbis Nathan prophetae et in libris Ahiae Silonitis in visione quoque Iaddo videntis contra Hieroboam filium Nabath

РНБ (л. 161): **на̀ва̀щѣ̀ на̀а̀тѡ̀вѣ̀** — прѡчаа ж дѣла сълѡмонѡ перьваа и послѣднаа пи́сана соу́ть въ сѣловесехъ нафа̀на прѡрка. и во кѣнига^х а̀хиа̀ си́лонита̀. въ видѣни́и же а̀ддо̀ вида̀щего. прѡтѣвоу иѣроваа́амѣ сна̀ на̀ва̀а̀ѡ̀вѣ̀а̀.

БАН (л. 22): прочаа же дѣла соломона перваа и послѣднаа писана сѣтъ въ словесѣхъ наѡана прѡрка и въ книгахъ агѣсѣлонита въ видѣнїи же а̀ддо̀ вида̀щаго прѡтивѣ іѣровааама сна̀ наваща.]

80. ѡ̀рреѡ̀ засѣкы •

[11:11 cumque clausisset eas muris posuit in eis principes ciborumque horrea hoc est olei et vini

РНБ (л. 162 об.): **ѡ̀рреѡ̀ еѣ засѣкы;** — егда ж затвори ихъ стѣна́ми положи в ѣни^х нача́льнѣкы, пи́щамѣ же ѡ̀рреѡ̀а̀. то еѣ ѡ̀леи и вино̀.

БАН (л. 22 об.): [...] — Егда же затвори и^х стѣнами положи в нихъ начальники. Пищам же за̀сѣкы: то еѣ ѡ̀лѣи и вино̀.]

81. пастоа́нны, запасисты •

[12:4 cepitque civitates munitissimas in Iuda et venit usque Hierusalem

РНБ (л. 163): взѡ́тъ же грады̀ настоа́нны въ иудѣи прїдѐ да ж до іѣрѣ̀лима̀.

БАН (л. 22): на[...] — взѡ́тъ ж грады̀ за̀па̀сѣ̀исты̀ въ иудѣи: и прїидѐ даже до іѣрѣ̀лима̀.]

82. сказанїи, толкованїи •

[12:15 opera vero Roboam prima et novissima scripta sunt in libris Semeiae prophetae et Addo videntis et diligenter exposita pugnaueruntque adversum se Roboam et Hieroboam cunctis diebus

РНБ (л. 163 об.): дѣла бо ровѡа́мова перьваа и послѣднаа пи́сана соу́ть въ кнѣга^х семеѡ́а прѡрка. и а̀ддо̀ вида̀щаѣ, и настоа́ннѣши^н сказа́нїи. ѡ̀польчахоу ж са̀ прѡтѣвоу себе ровѡа́мѣ и іѣроваа́амѣ в са̀ днѣ.

БАН (л. 23): [т...] — дѣла бо ровѡа́мова перваа и послѣднаа писана сѣтъ въ кнѣга^х семеѡ́а прѡрка и а̀до̀ вида̀щаго: и настоа́ннѣшиемѣ сѣка̀за́нїи. ѡ̀плѣчахѣ же са̀ прѡтивѣ себе ровѡа́мѣ и иѣроваа́амѣ всѣ днѣ.]

83. ѡ̀бразы, идо́лы •

[14:3 et confregit statuas lucosque succidit

РНБ (л. 165): съкроуши ѿ идо́лы. дре́ва ꙗко́ посѣче́.

БАН (л. 23 об.): ѿ съкрѹши идо́лы: дре́ва же посече́:]

84. ѿ ѿано^с ко^ммирници • +

[14:5 et abstulit e cunctis urbibus Iuda aras et fana et regnavit in pace

РНБ (л. 165): ѿ взѧ ѿ всѣхъ г^радовъ и^юны^х ѿл^тари ѿ фано́съ ѿ цр^твова в ми́рѣ.

БАН (л. 23 об.): И взѧ ѿ всѣхъ градовъ и^юдины^х ѿлтари ѿ фано́съ: ѿ цр^твова въ ми́рѣ.]

85. до пог^рбленіѧ, до смрти •

[14:13 et persecutus est eos Asa et populus qui cum eo erat usque Gerar et ruerunt Aethiopes usque ad internicionem quia Domino caedente contriti sunt et exercitu illius proeliantе tulerunt ergo spolia multa

РНБ (л. 165 об.): до смѣртіѧ — ѿ порази́лъ е^с и^х асса и^{же} с нимъ бѣша да^{же} до герара. ѿ падоша еѳиопи да^{же} до пог^рбу́леніѧ. ꙗко́ г^соу биющоу съкроушишасѧ ѿ вои того ѿполъчающе. того ради́ взѧша плененіѧ мно́га.

БАН (л. 24): д[...] — ѿ порази́лъ е́сть и^х асса ѿ людіе ѿже с нимъ бѣша да́же до герара. И падоша еѳиопи да́же до пог^рбленіѧ. ꙗко́ г^с б^гиощъ съкрѹшишасѧ: ѿ вои того ѿполчающе. Того ради́ взѧша плененіѧ мно́га.]

86. трѹбно^м, бѹксинарѹм^м •

[15:14 iuraveruntque Domino voce magna in iubilo et in clangore tubae et in sonitu bucinarum

РНБ (л. 166): трѹбѣ ра́ныѣ шѹмѣ — заклаша же са гоу́ гласомъ вели́кымъ въ восклицаніи, ѿ во звоукоу трѹб^номъ. ѿ в шоумоу боу́зйи^нарѹмѣ.

БАН (л. 24): в[...] — заклаша же са г^с гласомъ великы^м въ восклицаніи: ѿ въ звѹкѹ трѹбно^м ѿ в шѹмѣ бѹкѣйи^нарѹмѣ]

87. перево^з, трибу^тѹм^м •

[17:11 sed et Philisthei Iosaphat munera deferebant et vectigal argenti Arabes quoque adducebant pecora arietum septem milia septingentos et hircos totidem

РНБ (л. 167 об.): но филистѣимѣ иосафату дѧры приношахоу ѿ перево́зъ с^ребрены^ѣ. аравіѧ же пр^ввъжахоу с^коты ѿвѣнъ ꙗзѹ ѿ коз^ловъ то^ѣко же.

БАН (л. 24): [...] — Но ѿ филистими иосафатѣ дѧры приношахѣ: ѿ перево́зъ сребраныи. Арави же привожахѣ скоты ѿвѣнъ, ꙗзѹ. ѿ козель толико же.]

88. мртвечина, трѣпъ •

[20:25 venit ergo Iosaphat et omnis populus cum eo ad detrahenda spolia mortuorum inveneruntque inter cadavera variam supellectilem vestes quoque et vasa pretiosissima et diripuerunt ita ut omnia portare non possent nec per tres dies spolia auferre pro praedae magnitudine

РНБ (л. 171 об.): прїйде бѡ іосафа^т ѝ всѣи людіи с нимъ къ изнатию съвлече^ніа мртвы^х. ѡбретоша ^ж же проме^ж мер^твечи^и различнаѣ соуспеллеителѣмъ, ѡдѣаніа ^ж ѝ съсзды пре^дражаиша ѝ восхитиша тако да всѣхъ носити не могоша, ни по три дни съвлаченіи поимати ради плѣна величествѣ.

БАН (л. 27): Прїйде бо іосафа^т ѝ вси людіи с нимъ къ изнатию съвлеченіи мртвы^х ѡбрѣтоша ^ж промежи трѣпъ различнаа съспеллектилемъ. ѡдѣаніа же ѝ съсзды предражайша: ѝ въсхитиша: тако да всѣхъ носити не могоша ни по три дни съвлаченіи поимати: ради плѣна величества.]

89. класе^н, войско морское •

[20:36 et particeps fuit ut facerent naves quae irent in Tharsis feceruntque classem in Asiongaber

РНБ (л. 172): **воѣско морское** — ѝ оучастникъ бы^с да сътвори^т корабліи ѝже йдоуть въ ѡарсисъ сътвориша ^ж каласемъ въ ѡазіо^нгаверь

БАН (л. 27): ѝ зчастникъ бы^с да сътвори^т кораблии ѝже йдѣтъ въ ѡарсисъ сътвориша же воѣско морское въ азіонгаверь.]

90. пре^дстати, наслѣ^дсти •

[23:8 fecerunt igitur Levitae et universus Iuda iuxta omnia quae praeceperat Ioiadae pontifex et adsumpserunt singuli viros qui sub se erant et veniebant per ordinem sabbati cum his qui iam impleverant sabbatum et egressuri erant siquidem Ioiadae pontifex non dimiserat abire turmas quae sibi per singulas ebdomadas succedere consueverant

РНБ (л. 174): **наслѣдїи** — сотвориша бо левїтїи ѝ весь іюда вса ѝже повелѣ іоада архїерѣ^н. ѝ приаша єдинїи моужїи и^ж по^а собою бѣхоу. ѝ гредѣхѣ по чїноу в соуботоу с тѣми ѝже оуже напълнїша соуботоу. ѝ їзоошѣли бѣхоу. тако бѡ іоада архїерѣи не опоусти ѡтоитїи нарѡда и^ж себѣ по єдинїи ндїи прѣ^дстатїи ѡбѣщахоу.

БАН (л. 28): Сътвориша бо левїтїи ѝ весь іюда по вса ѝже повелѣ іоада архїереи. И прїаша єдинїи мѣжы ѝже по^а собою бѣхѣ: ѝ градахѣ по чинѣ в сѣботѣ с тѣми ѝже зже напълнїша сѣботѣ: ѝ їзошли бѣхѣ. тако бо іоада архїереи не ѡпѣсти ѡїти народа ѝже себѣ по єдинїи несли наслѣдїи ѡбѣщахѣ.]

91. и пелта^с, щиты кръглыѣ •

[23:9 deditque Ioiadae sacerdos centurionibus lanceas clypeosque et peltas regis David quas consecraverat in domo Domini

РНБ (л. 174): **пѣлты кръ҃лыѣ** — дасть * іоада архіерѣи сѣтънико^м сѣценникъ соулицы щиты же ѿ пѣ^атасѣ цра двѣа ѿ^х же ѡсца в дому г^сни.

БАН (л. 28): дасть же іоада сѣценникъ сотникомъ сзлицы щиты * ѿ пѣл^атасѣ цра двѣа которыа ѡсца в домъ г^сни.]

92. лаѣтельство, ловленіе •

[23:13 cumque vidisset regem stantem super gradum in introitu et principes turmasque circa eum omnem quoque populum terrae gaudentem atque clangentem tubis et diversi generis organis concinentem vocemque laudantium scidit vestimenta sua et ait insidiae insidiae

РНБ (л. 174 — 174 об.): **лѡвѣленіе лѡвѣленіе**. — ёгда * видѣ цра стоаща на степѣни въсхода || начальници * и народи ѡкрѣть ёго, всѣ * люди земстий радоующиса, ѿ звоучаща трубы, ѿ розныа роды ѡрганомъ съглашающимъ глсы же хвалащи^х. растеръза ризы с'воа ѿ рече^а лаѣтельство лаѣтельство.

БАН (л. 28 об.): Ёгда же видѣ цра стоаща на степ^сни и въсхода ѿ началници народи же ѡкрестъ ёго. * вси же лю^д зем'стїи радѣющиса ѿ звѣн^ати трзбы ѿ розныа роды ѡрганомъ съглашающимъ гласы же хвалащимъ. растерза ризы своа ѿ рече. ловленіе ловленіе.]

93. ѡпида, горо^аща •

[26:6 denique egressus est et pugnavit contra Philisthim et destruxit murum Geth et murum Iabniae murumque Azoti aedificavit quoque oppida in Azoto et in Philisthim

РНБ (л. 177 об.): **ѡрѡѡпѣа** — па^кы * ѿзыде и ѡполгчыса протївою филис'тимо^м. ѿ разори с'тѣноу геѡѣ ѿ с'тѣноу ам'ниноу с'тѣноу азѡта. създа * ѡпѣда въ азѡтѣ ѿ филис'тимѣ.

БАН (л. 30): Па^кы же ѿзыде ѿ ѡплгчиса противъ филистимъ. ѿ разори с'тѣнъ геѡѣ: ѿ с'тѣнъ ѿамнїю с'тѣнъ азѡта. Създа же ѡпѣда въ азѡтѣ ѿ филистимѣ:]

94. гѣстерна кладазы •

[26:10 extruxit etiam turres in solitudine et fodit cisternas plurimas eo quod haberet multa pecora tam in campestribus quam in heremi vastitate vineas quoque habuit et vinitores in montibus et in Carmelo erat quippe homo agriculturae deditus

РНБ (л. 177 об. — 178): **кладезы** — оустрой * с'толпы в' поустыни ѿскопа ѡуѣ'тѣр'нѣа многы, того ра^а и * ѿмѣаше с'кѡты м'ногы, только

в' пола^x не^ж в поуc'тынѣ с'латинѣ. Винграды^ж ѡмѣль ѡ виноград'нѣкы на гора^x ѡ на кармиль. бѣ бо члѣвкъ поле | тажатель възданъ.

БАН (л. 30): Оўстрой же стлѣпы въ пѣстыни: ѡ ѡскопа гѣстернѣны многы: того ради ѡже ѡмаше многы скоты: толко въ полехъ не же въ пѣстыни слатинѣ. Винограды^ж ѡмѣль ѡ виноградники на гора^x ѡ на кармиль. бѣ бо члѣкъ полетажель възданъ.]

95. михинасѣ, махина^{сѣ} е^{сѣ} всакаа хитроость на потворе^{нѣ}е града, ѡли ѡз града на сѣпостаты •

[26:15 et fecit in Hierusalem diversi generis machinas quas in turribus conlocavit et in angulis murorum ut mitterent sagittas et saxa grandia egressumque est nomen eius procul eo quod auxiliaretur ei Dominus et corroborasset illum

РНБ (л. 178): михина^{сѣ} е^{сѣ} в'слкаа хитроость на потворение града; Или и^{сѣ} града на соупостаты — ѡ сѣтвори въ іер^{сѣ}лимѣ различныа роды махѣйна^{сѣ} и^{сѣ} же во столпѣхъ положи, ѡ въ оуг'лохъ с'тена^x. да мѣчю^т стрѣлы ѡ стѣны великыа. ѡзыде^ж ѡма ѡго далече. того радѣ и^ж помагашѣ ѡмоу гѣ бѣ ѡ оукрѣплашѣ тогѣ.

БАН (л. 30): ма[...] тр[...] гра[...] на[...] — ѡ сѣтвори въ іер^{сѣ}лимѣ различныа роды махина^{сѣ} которыа въ столпѣхъ положи. ѡ въ згло^x стѣнамъ да мещ^т стрѣлы ѡ стѣны великѣа. ѡзыде же ѡма ѡго далече: того ради что помагаше ѡмъ гѣ ѡ покрѣплаше того.]

96. ѡзимѣци, ѡчмени •

[27:5 ipse pugnavit contra regem filiorum Ammon et vicit eos dederuntque ei filii Ammon in tempore illo centum talenta argenti et decem milia choros tritici ac totidem choros hordei haec ei praeberunt filii Ammon in anno secundo et tertio

РНБ (л. 178 об.): ѡчмѣнѣи — то ѡпольчѣса протѣвоу црѣ снѣвъ ѡммон^н ѡ ѡдолѣ ѡго даша^ж ѡмоу снѣве ѡммонѣи въ время то рѣ тала^нтъ с'ребра ѡ х^{сѣ} хоро^{сѣ} пшеници, только^ж хоро^{сѣ} ѡзимѣци. Сѣа ѡмоу въз'даша снѣве ѡммонѣи в лѣто второе ѡ третье.

БАН (л. 30 об.): Тои ѡплѣчиса протѣвѣ црѣ снѣвъ ѡммонь. ѡ ѡдолѣ ѡго. Даша же ѡмъ снѣве ѡммони въ время то. рѣ талантъ сребра. ѡ, х^{сѣ}. хоро^{сѣ} пшеницы. ѡ толко же хоро^{сѣ} ѡзимѣци. Сѣа ѡмъ въздаша снѣве ѡммони в лѣто второе ѡ третѣе.]

97. фасее. факее •

[28:6 occiditque Phacee filius Romeliae de Iuda centum viginti milia in die uno omnes viros bellatores eo quod reliquissent Dominum Deum patrum suorum

РНБ (л. 179): ф̀а̀к̀ѐѐ — оуб̀ же ф̀а̀с̀ѐѐ сн̄ ромелиевъ ѿ іюды ꙗ̀р̀к̀ в̄ дн̄ь е́динъ всѣхъ моужей браниковъ. того раꙗ̀ иже ѡста̀виша га̀ ба̀ ѡцѣ с̄воихъ.

БАН (л. 31): Оуби же факее сн̄ ромеліевъ ѿ іюды сто двадесаꙗ̀ ты́сащъ въ днь е́динъ всѣхъ мѣжеи бранниковъ: того ради иже ѡста̀виша га̀ ба̀ ѡцѣ своиꙗ̀.]

98. палмаꙗ̀, ѡиникоꙗ̀ •

[28:15 steteruntque viri quos supra memoravimus et adprehendentes captivos omnesque qui nudi erant vestierunt de spoliis cumque vestissent eos et calciassent et refecissent cibo ac potu unxissent quoque propter laborem et adhibuissent eis curam quicumque ambulare non poterant et erant inbecillo corpore inposuerunt eos iumentis et adduxerunt Hierichum civitatem Palmarum ad fratres eorum ipsique reversi sunt Samariam

РНБ (л. 179 об.): ф̀и́н̄и́к̄оꙗ̀ — с̀та̀ша же мо̀ужи их иже в̄ше поманоухомъ в̄зѣмлюще пл̄н̄еныꙗ̀ в̄ с̄и иꙗ̀ на́зи б̄ша ѡбл̄ек̄оша ѿ с̄в̄лачен̄ӣи, е́гда ꙗ̀ ѡд̄ба̀ша и́хъ и ѡбо̀уша и поꙗ̀щивахоу б̄ра̄шномъ и питиеꙗ̀, помазаша ꙗ̀ раꙗ̀ т̄роуда и возда̀ша имъ бреж̄еніе. коꙗ̀до ꙗ̀ ходи́ти не мо̀гоша, и б̄ша с̀ла̀бы т̄л̄омъ в̄зложи́ша иꙗ̀ на с̀ко́тъ, и ѡведо̀ша во ерихо г̀ра́дъ іа̀л̄ма́мъ к̄ бра́тӣи и́хъ, т̄ ꙗ̀ в̄зврати́шася в̄ самарію.

БАН (л. 31): ф[...] — сташа ꙗ̀ мѣжы которыꙗ̀ выше поманꙗ̀хомъ. ӣ вземлюще пл̄н̄енныхъ вси же иже нази б̄хъ ѡбл̄ек̄оша ѿ совлачен̄ӣи. е́гда же ѡд̄бахъ и́хъ и ѡб̄ша и потщивахъ брашномъ ӣ питіемъ: помазаша же ради т̄р̄да: ӣ възда̀ша имъ бреженіе: кожꙗ̀ же ходити не могоша: ӣ б̄ша слабы т̄ломъ: в̄зложи́ша иꙗ̀ на скотъ: ӣ ѡведо̀ша въ ерихо граꙗ̀ іа̀л̄ма́мъ к̄ бра́тӣи иꙗ̀: т̄ же в̄зврати́шася в̄ самарію.]

99. во дворѣ домꙗ̀ г̀на, иꙗ̀ вестибꙗ̀лꙗ̀ •

[29:16 sacerdotes quoque ingressi templum Domini ut sanctificarent illud extulerunt omnem immunditiam quam intro reppererant in vestibulum domus Domini quam tulerunt Levitae et asportaverunt ad torrentem Cedron foras

РНБ (л. 180 об.): и́н̄ъ в̄в̄ѣ́т̄и́б̄л̄ꙗ̀ — с̀ц̄ен̄ци ꙗ̀ в̄н̄до̀ша в̄ ц̄р̄ковъ г̀ню да ѡста́т̄ тоу и́знесо̀ша ꙗ̀ в̄ с̄ю нечи́сто́тъ иꙗ̀ в̄ноу́три наидо̀ша в̄ дв̄орѣ д̄мо̀у г̀на е́же в̄за̀ша левітӣи ӣ и́знесо̀ша к̄ пото́коу кеꙗ̀р̄скꙗ̀ || в̄онъ;

БАН (л. 31 об.): [...]ꙗ̀ — С̀ц̄ен̄ницы ꙗ̀ в̄н̄до̀ша в̄ ц̄р̄ковъ г̀ню да ѡста́тъ т̄ꙗ̀ и́знесо̀ша всю нечи́сто́тъ ю́же в̄н̄три наидо̀ша в̄ дв̄орѣ домꙗ̀ г̀на е́же в̄за̀ша левитӣи ӣ и́знесо̀ша к̄ пото́къ к̄д̄рьскꙗ̀ вонъ:]

103. чины, еѣ серемонїаѣсѣ •

[31:21 in universa cultura ministerii domus Domini iuxta legem et caerimonias volens requirere Deum suum in toto corde suo fecitque et prosperatus est

РНБ (л. 184): **ѣтъ ѣрѣмѣолнїаѣ** — и^ж е^с вса слоужба слоуженїа домѣу г^на по законѣ и ч^ины хотащи възс^кати ба с^воегѣ всѣмъ ср^дцемъ с^воимъ сътвори^же и пресп^дваше:~

БАН (л. 33 об.): [...м]онїаѣсѣ — йже ѣсть вса слѣжба слѣженїа домѣу г^на по законѣ и ч^ины: хотащи възс^кати ба с^воегѣ всѣмъ ср^дцемъ с^воимъ. Сътвори же й пресп^дваше:~]

104. бла^гоими, х^ленїе •

[32:17 epistulas quoque scripsit plenas blasphemiae in Dominum Deum Israhel et locutus est adversus eum sicut dii gentium ceterarum non potuerunt liberare populos suos de manu mea sic et Deus Ezechiae eruere non poterit populum suum de manu ista

РНБ (л. 185): **х^ленїе** — епистолїю ^ж писалъ полны блас^фемїи на г^а ба йлева, и гл^л е^с на нь йако бѣзи йзыкъ прочи^х не могоша йзбавити люди своа ѣ роукоу моею тако бѣ ѣзекїинъ йзбавити не мѣжетъ ѣ роуки тоа.

БАН (л. 34): х^л[...] — Епистолїи же писалъ полны блас^фемїи на г^а ба йлева, и гл^л ѣсть на нь. йако бѣзи йзыкъ прочи^х не могоша йзбавити люди своа ѣ р^кы моею. и тако бѣ ѣзекїинъ йзбавити не мѣжетъ ѣ р^кы тоа.

или

32:20 oraverunt igitur Ezechias rex et Esaias filius Amos prophetae adversum hanc blasphemiam ac vociferati sunt usque in caelum

РНБ (л. 185): **х^ленїе** — молиша ^ж са сеѣ ра^х ѣзекїа цр^ь и їсаїа сн^ь амоса пр^рка на сїа блас^фемїа и возопиша соу^т да^ж до нб^си.

БАН (л. 34): х^л[e...] — Молиша же са сего ради йѣзекїа цр^ь и їсаїа сн^ь амоса пр^рковъ на сїа блас^фемїа: и възопиша сът^ь даже до нб^си.]

105. ѣстаѣсѣ. требы •

[32:23 multi etiam deferebant hostias et sacrificia Domino Hierusalem et munera Ezechiae regi Iuda qui exaltatus est post haec coram cunctis gentibus

РНБ (л. 185 об.): **трѣбы** — мнози па^кы приноша^хѣ ѣстїаѣсѣ. и жѣртвы го^у въ йер^лимъ и дары ѣзекїе цр^ю йюдиноу. и^ж въз^вышенъ е^с по сїхъ посредѣ всѣхъ йзыкъ.

БАН (л. 34): трѣ[...] — Мнози па^кы приноша^х ѣстїаѣсѣ. и жѣртвы г^в въ йер^лимъ и дары ѣзекїи цр^ю йюдинъ: йже възвышенъ ѣсть по с^ихъ пре^д всѣми йзыкы.]

106. та́заре, таксаре ^гтъса че́сти, ^глти, о́укрѣпити цѣнѣ о́уоставити, что са прадае^т, ѓз ^лре въ, ѓ гла^в, о́бращеши вса бе^з таксасио́не .

[Глосса представлена безотносительно к тексту.²²

РНБ (л. 186): На нижнем поле л. 186: та́заре гле^тся че́стьи, гла^ти, **зкрѣпѣти цѣнѣ о́уоставити что ся продае^т; ѓз^лре въ ѓ гла^в ѡбрыще^м в^ся бе^з та́засио́не**

БАН (л. 34 об.): На нижнем поле л. 34 об.: [...о́оставити] что са продае^т. ѓзде, въ, ѓ. [...]

107. ѓзгна, ѓзверже .

[33:15 et abstulit deos alienos et simulacrum de domo Domini aras quoque quas fecerat in monte domus Domini et in Hierusalem et proiecit omnia extra urbem

РНБ (л. 186 об.): ѓз^лвѣрѣже — ѓ ѡа^т бгы чюж^и ѓ ѓдолы ѡ дому г^{на} ѡл^тари ^ж которыа сътворилъ в^горѣ до^м г^{на} въ ѓер^лимѣ ѓз^лг^на в^са вонъ ис поса^довъ.

БАН (л. 34 об.): ѓ ѡа^т бгы чюж^и ѓ ѓдолы ѡ до^м г^{на}: ѡл^тари же которыа сътворилъ в^горѣ до^м г^{на} въ ѓер^лимѣ ѓ ѓз^лг^на в^са вонъ ис поса^довъ.]

108. коментарий, каньсерарий .

[34:8 igitur anno octavodecimo regni sui mundata iam terra et templo Domini misit Saphan filium Eseliae et Maasiam principem civitatis et Ioha filium Ioachaz a commentariis ut instaurarent domum Domini Dei sui

РНБ (л. 187 об.): **ка^нсе^ра^ри** — тѣмъ же въ ѡс^моенадесать лѣто цр^тва ѓвдѣго очищѣна оу^жо земля ѓ цр^ковь г^{на}. по^ла са^фамъ с^на с^воегѡ ѓселиа ѓ маас^иа начальника г^рада ѓ ѓога с^на ѓохамъ ѡ к^омѣн^тр^ии да въз^двиг^нуть до^м г^а б^а с^воегѡ.

БАН (л. 35): Тѣмъ же въ ѡс^моенадесать лѣто цр^тва своѣго ѡчищѣна з^же земля ѓ цр^ковь г^{на}. посла са^фамъ с^на ѓселие ѓ маас^иа началника града: ѓ ѓога с^на ѓохамъ ѡ коментар^ии да въз^двиг^нуть до^м г^а б^а своѣго.]

109. на покрѣ^те до^мо^м на контигнасио́не^м .

[34:11 at illi dederunt eam artificibus et cementariis ut emerent lapides de lapidicinis et ligna ad commissuras aedificii et ad contignationem domorum quas destruxerant reges Iuda

РНБ (л. 187 об.): **и^на ко^нѣ^ти^гна^сио́не^м** — ѓ тѣ даша а оумодѣльникомъ ѓ ѓзвестникомъ. да коупа^т каменѣ, ѓ каменная мѣс^та ѓ д^рѣва на разсѣльныхъ създан^иа, ѓ на по^крѣ^тиѣ до^момъ и^ж разорѣша цр^и ѓѓдинѣ.

²² См. об этом: Ромодановская В. А. Об источниках... С. 162.

БАН (л. 35): на ко[...] — И тѣ даша ꙗ̄ змодѣлнѣко^м ѿ ѿзвѣстнико^м да кѣпаты каменіе ѿ каменнаа мѣста ѿ древа на расфѣлныа съзиданіа ѿ нѣа покрѣпѣе домоу ѿже разориша црѣи іюдини.]

110. писарю, книгчию.

[34:15 et ait ad Saphan scribam librum legis inveni in domo Domini et tradidit ei

РНБ (л. 188): кнѣгчию — ѿ рече к сафану писарю кнѣгоу ѿбрѣтоу законѣа в домоу гни, ѿ дасть емъ.

БАН (л. 35): к[н...] — ѿ рече къ сафану писарю. Книгу закона ѿбрѣтоу в домъ гни ѿ дасть емъ.]

111. воло^{ме}, преѿбраще^е.

[34:16 at ille intulit volumen ad regem et nuntiavit ei dicens omnia quae dedisti in manu servorum tuorum esse conplentur

РНБ (л. 188): **преѿбращеніе** — ѿ тои несе вѣлоуменѣ къ црѣю, ѿ ѿзвѣща емоу глѣощи. в са и^ж далъ еси в роукоу рабо^м твоимъ⁺ съвершаю^тса.

БАН (л. 35): п[р...] — ѿ тои несе волѣменѣ къ црѣю: ѿзвѣща емъ глѣощи, в са ѿже далъ еси в рѣкѣ рабомъ твоимъ се съвершаю^тса.]

112. найдено. ѿбрѣтено.

[34:17 argentum quod repperit est in domo Domini conflaverunt datumque est praeffectis artificum et diversa opera fabricantium

РНБ (л. 188): ѿбрѣтѣно — серебро чѣо найдѣно в домоу гни сълѣаша, дано же е^с ма^стеромъ оумодѣлны^м ѿ рѣзныѣ дѣла коуѣщимъ,

БАН (л. 35): ѿ[...] — Серебро чѣо найдѣное в домъ гни сълѣаша: дано же е^ст мастеромъ змодѣлнымъ ѿ рознаа дѣла кѣуѣщимъ]

113. ѿзби ми^р, ⊕ ѿзбие^е мира, съкрѣшеніе срѣца глетса.

[34:31 et stans in tribunali suo percussit foedus coram Domino ut ambularet post eum et custodiret praecepta et testimonia et iustificationes eius in toto corde suo et in tota anima sua faceretque quae scripta sunt in volumine illo quem legerat

РНБ (л. 188 об.): ѿ стоаще оу прѣтола своего ѿзби миръ предъ гѣмъ да ходи^т по немъ ѿ съхранае^т повелѣніа ѿ съвидѣніа, ѿ ѿправданіа е^го всѣмъ срѣце^м своимъ, ѿ всею дше^ю своею. сътворити^ж и^ж писанѣ соу^т в преѿбращеніи томъ,

БАН (л. 35 об.): [...]съкрѣ [...]са — ѿ стоащи з прѣтола своего. ѿзби миръ пре^д гѣдемъ да ходи^т по немъ ѿ съхранае^т повелѣніа ѿ свѣдѣніа ѿ ѿправданіа е^го всѣмъ срѣце^м своимъ: ѿ всею дшею своею: сътворити же ѿже писана съ^т в преѿбращеніи томъ ѿже чташе.]

118. тѣже^{на}, пла^ч.

[35:25 Hieremias maxime cuius omnes cantores atque cantrices usque in praesentem diem lamentationes super Iosia replicant et quasi lex obtinuit in Israhel ecce scriptum fertur in Lamentationibus

РНБ (л. 190): ꙗ́лачѣ — ёремѣа ^ж наипаче. ёмоу ^ж вси певѣци ꙗ́ певѣци да^ж до настоꙗщегѣ дне тоуженїа на осїю ѿвѣщавають. ꙗ́ко законъ въздержа въ їлїи. се писанїе носїтса въ тренїи.

БАН (л. 36): ꙗ́ла[...] — Ёремїа наипаче: Ёмъ же всѣ пѣвцы ꙗ́ пѣвици даже до настоꙗщего дне тѣженїа на іосїю ѿвѣщавають. ꙗ́ко законъ въздержа въ їлїи. Се писанїе носїтса въ тренїи.]

119. в п^ачѣ, во тренїи •

[35:25 Hieremias maxime cuius omnes cantores atque cantrices usque in praesentem diem lamentationes super Iosia replicant et quasi lex obtinuit in Israhel ecce scriptum fertur in Lamentationibus

РНБ (л. 190): в ꙗ́лачѣ — ёремѣа ^ж наипаче. ёмоу ^ж вси певѣци ꙗ́ певѣци да^ж до настоꙗщегѣ дне тоуженїа на осїю ѿвѣщавають. ꙗ́ко законъ въздержа въ їлїи. се писанїе носїтса въ тренїи.

БАН (л. 36): въ[...] — Ёремїа наипаче: Ёмъ же всѣ пѣвцы ꙗ́ пѣвици даже до настоꙗщего дне тѣженїа на іосїю ѿвѣщавають. ꙗ́ко законъ въздержа въ їлїи. Се писанїе носїтса въ тренїи.]

120. во те^мплѣ^м, во цркви: ↯ •

[36:7 ad quam et vasa Domini transtulit et posuit ea in templo suo

РНБ (л. 190 об.): в ꙗ́цркви — ꙗ́ сосѹди г^{на} превелъ ꙗ́ посѣавї а въ їемїлоумъ ѣвое^м.

БАН (л. 36 об.): [...s]мъ — ꙗ́ съсѣды г^{на} превель ꙗ́ поставї а въ ꙗ́цркви своєи.]

начинаеть прилогъ, на книгоу, юдифъ,

121. аѹкторїтѣ^ж, аѹкто|| (л. 105) ритас писанѣ, с како^м толкѹется проста^чство. ꙗ́ли растенїе. нѣ аѹторитѣ^{бе}с кака тлокѹетѣ^с. достой^чство ꙗ́ли древнаѣ •

[1487. Т. 2. Р. 39v. Apud hebreos liber iudith inter agiographa legitur. cuius auctoritas ad roboranda illa que in contentionem veniunt minus idonea iudicatur.

РНБ начинается с середины стиха 3:13.

БАН (л. 80): аѹкто[...] но съ[...] стса[...] или ра[...] тор[и...] лкуе[т...] нство [и...] — Пре^девреи книга юди^тъ проме^ж аѹѹграфа четса. ёмъ же аѹкторїтѣ^ж на ѹкрѣпленїе та ꙗ́же в непомненїе прїдѹтъ менши ключимо сѣдїтса.]

122. синодо^н, соборъ •

[1487. Т. 2. Р. 39v. Sed quia hunc librum synodus nicena: in numero sanctorum scripturarum legitur computasse: acquievi postulationi vestre: immo exactioni: et sepositis occupationibus quibus vehementer artabar: huic unam lucubratiunculam dedi. magis sensum e sensu quam ex verbo verbum transferens

РНБ начинается с середины стиха 3:13.

БАН (л. 80): ѿбо́ръ — Но ꙗже тѣ книгѣ синодо́нъ никейскїи. въ число стѣмъ писанїемъ четса причитати: снабдѣхъ въпрошенїе ваше: паче прилѣжное въпрошенїе. ꙗ ѿставлени прилѣжанїа которы^х сѣло насиловахса. сїю еди́нѣ лѣкѣбра́сїѣнѣкѣлѣ въздалѣ. наипаче зѣмъ ѿ зма не^ж ѿ слова слово преводащи.]

123. лѣкѣбрасїѣнѣкѣла е^с. еди́но мало свѣтлѣе свѣтилникѣ^м •

[1487. Т. 2. Р. 39v. Sed quia hunc librum synodus nicena: in numero sanctorum scripturarum legitur computasse: acquievi postulationi vestre: immo exactioni: et sepositis occupationibus quibus vehementer artabar: huic unam lucubratiunculam dedi. magis sensum e sensu quam ex verbo verbum transferens

РНБ начинается с середины стиха 3:13.

БАН (л. 80): лѣкѣ[б...] е^седи[н...] тлен[...] — Но ꙗже тѣ книгѣ синодо́нъ никейскїи. въ число стѣмъ писанїемъ четса причитати: снабдѣхъ въпрошенїе ваше: паче прилѣжное въпрошенїе. ꙗ ѿставлени прилѣжанїа которы^х сѣло насиловахса. сїю еди́нѣ лѣкѣбра́сїѣнѣкѣлѣ въздалѣ. наипаче зѣмъ ѿ зма не^ж ѿ слова слово преводащи.]

124. кодикѣмъ. кодексъ и^ж е^с книга, в которой стоа^т ризѣныя книги •

[1487. Т. 2. Р. 39v. Multorum codicum varietatem viciosissimam amputavit: sola ea que intelligentia integra in verbis chaldeis invenire potui: latinis expressi.

РНБ начинается с середины стиха 3:13.

БАН (л. 80): кодекс[...] в кото[...] ныѣ к[...] — Мнозѣмъ ко́дикѣмъ розны^я растлѣнїемъ разсѣкаль: токмо та ꙗже разѣмна ꙗсполнена въ словесѣ^х халдѣйскы^х ѿбрѣсти могъ: латынскы распространї^х.]

123а. + еди́на лѣкѣбрасїѣнѣкѣла ꙗже е^с еди́но мало бдѣнїе еди́ноѣ нощи, знаменѣи да той да той лѣкѣбрѣ^м ре^тса, мала свѣтлость. ꙗли малы ѿгнь ꙗ^к творится ѿ свѣтилника ꙗли е́лико ^ж ꙗное, ꙗ твори^тса в сѣни, гдѣ ре^тса лѣкѣбрѣ^м, се^т ра^ж что свѣти^т в сѣни. ꙗ сїѣ лѣкѣбра то^ж. гдѣ лѣкѣбро лѣкѣбра, лоукѣбро^м ре^тса бдѣти, ꙗстинна ³ лѣко^тбра

е̄ бдѣти ко лѣкѣбра и^ж е̄ ко свѣтилникѣ в ноци. паки лѣкѣбра речѣса мало свѣтити. гдѣ сиѣ лѣкѣбра сиѣ, ѿ котора^г сиѣ лѣкоубрасиѣннѣла оумалено.

[1487. Т. 2. Р. 39v. Sed quia hunc librum synodus nicena: in numero sanctarum scripturarum legitur computasse: acquievi postulationi vestre: immo exactioni: et sepositis occupationibus quibus vehementer artabar: huic unam lucubratiunculam dedi. magis sensum e sensu quam ex verbo verbum transferens

РНБ начинается с середины стиха 3:13.

БАН (л. 80): лѣкѣ[б...] е̄ еди[н...] тлен[...]. На нижнем поле л. 80: Ёдина лѣкѣбрасиѣннѣла [и^ж е̄ ...] — Но ꙗже тѣ книгѣ синодѣнъ никейскѣи. въ число стѣмъ писаниѣмъ четѣса причитати: снабдѣхъ въпрошеніе ваше: паче прилѣжное въпрошеніе. и ѿставлени прилѣжаніа которыѣ сѣло насиловахса. сію єдинѣ лѣкѣбрасиѣннѣлѣ въздалѣ. найпаче ѣмъ ѿ ѣма не^ж ѿ слова слово преводаци.]

125. сѣкрѣпле^не. оупо^но^нбле^не.

[1487. Т. 2. Р. 39v. Hanc enim non solum feminis. sed et viris imitabilem dedit: qui castitatis eius remunerator virtutem ei talem tribuit: ut invictum omnibus hominibus vinceret et insuperabilem superaret.

РНБ начинается с середины стиха 3:13.

БАН (л. 80): ѣпод[...]. — Сіа бо не тѣкмо женамъ. но и мѣжемъ сѣкрѣплѣніе слѣдованію дасть: и^ж чистоты еѣ въздатель силѣ еѣ таковѣ въздалѣ. да неѣдолѣное всѣмъ члѣкомъ ѣдолѣ и непоборимѣе поборола:~]

126. кобылица локѣсте.

[2:11 et profectus est ipse et omnis exercitus cum quadrigis et equitibus et sagittariis qui cooperuerunt faciem terrae sicut lucustae

РНБ начинается с середины стиха 3:13.

БАН (л. 80 об.): злата бо и сребра ѿ домѣ црѣва взалѣ много сѣло и ѣзде той и весь вои сѣ колесницами и конники и сѣ стрѣлцы: и^ж покрыша лице земли ꙗко кобылица.]

127. ѣживаи, навѣкаи.

[3:6 veni nobis pacificus dominus et utere servitia nostra sicut placuerit tibi

РНБ начинается с середины стиха 3:13.

БАН (л. 81): и нав[...]. — Прїиди на^н мирный гѣ и ѣживаи работѣо нашею ꙗко ѣгоди^т тебѣ.]

128. амале^x, амали^к.

[4:13 memores estote Mosi servi Domini qui Amalech confidentem in virtute sua et in potentia sua et in exercitu suo et in clypeis suis et in curribus suis et in equitibus suis non ferro pugnando sed precibus sanctis orando deiecit
РНБ (л. 289 об.): ам¹мъмали^к и¹ амали^к и^ж е^с арменїа — Й паматовати^и ймате моџсеа раба г^{на}, И^ж амале^x надѣющи^с силѣ с^{во}еи, и ѓ вельмо^жствѣ с^{во}е^м и о вою свое^м и о шитѣ^x с^{во}и^x и о коле^нїцахъ с^{во}и^x, и о кѳннїцѣ^x с^{во}и^x. не желѣзо^м ѓпо¹чающи но м^лтвами с^тыми молащи ѓдолѣлъ.

БАН (л. 81–81 об.): ама[...] — Паматствовати ймате моџсїа раба г^{на}: и^ж амале^x | | надѣющиса силѣ своей и ѓ вельмо^жствѣ свое^м и ѓ вои свое^м и ѓ шитѣ^x свои^x и ѓ колесница^x свои^x и ѓ конницѣ^x свои^x не желѣзомъ ѓплѣчающи но м^лтвами с^тыми молаши ѓдолѣлъ.]

129. ан¹нона, маннѣ¹.

[5:15 illic fontes amari obdulcati sunt eis ad bibendum et per annos quadraginta annonam de caelo consecuti sunt

РНБ (л. 290): Тоутъ йсточники^{кы} гор^{кы}а оуслажени соу^т и^м на питїе, и по лѣте^x м¹ манноу йз нбси и^слѣдовани соу^т.

БАН (л. 81 об.): Тѣтъ йсточники горкы џслажени сѣтъ ймъ на питїе и по лѣтѣ^x четыредесати^x ан¹нона и³ нбси и^слѣдовани сѣтъ]

130. водово³, вод^отечь.

[7:6 porro Holofernis dum circuit per gyrum repperit quod fons qui influebat aquaeductum illorum a parte australi extra civitatem dirigeret incidi praecipit aquaeductum eorum

РНБ (л. 292): Па^{кы} ѓлофѣр^нъ егда ѓбыде ѓкр^ть, ѓбрѣ¹ да и^сточникъ и^ж възлиаше вѣдоу въз^ненѳу тѣ^x ѳ с^траны ю^жс^{кы}а в^нѣ гра^аа въз^нааше^с, и пресѣчи заповѣда¹ водоте¹ тѣ^x.

БАН (л. 82 об.): Па^{кы} ѓлоферн^ъ егда ѓбыде ѓкр^ть: ѓбрѣлъ йсточникъ йже възлїаше водѣ вож^ненѣ тѣхъ ѳ страны южскы внѣ града водашеса: и пресѣчи заповѣдалъ во^дово^зъ тѣ^x]

131. пре¹ сателито^м, пре¹ велможами.

[7:10 et placuerunt verba haec coram Holoferne et coram omnibus satellitibus eius et constituit per gyrum centenarios per singulos fontes

РНБ (л. 292 об.): п^ре¹ с^ат^ел^ит^ом — Й уго¹ша с^ловеса си^а пре¹ олоѳерно^м, и п^ре¹ в^ел^мѳажам^и е^гѳ. Й по^стави¹ по ѓкр^ть сѣтници по всѣ^м ключе^м.

БАН (л. 82 об.): [...]ами — и џгодиша словеса си пре¹ ѓлоферно^м и п^ре¹ с^ат^ел^ит^ом¹ е^гѳ: и поставиль по ѓкр^ть сѣтници по всѣ^м ключе^м.]

БАН (л. 84 об.): Рекоша ^ж к немъ сателлитѣ его. Кто зничжить люди еврейскы и ^ж такы красны жены имѣють. да ^{ше} про тѣхъ добро достойно ѡполчати противъ ихъ имѣемъ.]

136. въ конапеѡ, конопеѡ и ^ж е^с сѣдалище на которо^м бѣша но бы^с конопеоу^м на вели^чствѣ пр^стла и красоты. е^с же конопеоумъ || (л. 105 об.) запона во исподи крѣгло. а сверхъ тагнетса ѡстро, того ра^н ре^чтса конопеоу^м ѡ коно ѡ че^м выше глалъ, по йны^м бо ре^чтса ѡ конопо ег^птска горо^ка в которо^м перво бы^с ѡбрете^н.

[10:19 videns itaque Holofernem Iudith sedentem in conopeo quod erat ex purpura et auro et zmaragdo et lapidibus pretiosis intextum

РНБ (л. 296): На верхнем поле л. 296: **Конапеѡ е^с шатѣръ а зове^тса конопеѡ потомѡу поне^е же, ѡ кнопо ег^птскаго горо^ка пѣрвоѡ бы^с ѡбрѣтѣнъ:** ~ — Видѣщи ^ж юди^ѡ ѡлофѣр^на сѣдаща в^с конопеѡ и ^ж бѣ ѡ перфирѣ и з^лата и из^марагда и камене^м драгы^м съплете^н.

БАН (л. 84 об.): На нижнем поле л. 84об.: [...] есть ^ж конопеу^м [...] — Видѣщи ^ж юдиѡ ѡлоферна сѣдаща в конопеѡ и ^ж бѣ ѡ перфиры и злата и измарагда и каменіемъ драгимъ съплетенъ]

137. послѣшаю^т, кроткыи •

[11:5 vivit enim Nabuchodonosor rex terrae et vivit virtus eius quae est in te ad correptionem omnium animarum errantium quoniam non solum homines serviunt illi per te sed et bestiae agri obtemperant illi

РНБ (л. 296): Живе^т бо навхо^нносоръ црѣ зем^скы^н, и ^ж веть сила его и ^ж е^с в^с тебѣ на оуправленіе всѣмъ дша^м забложъши^м, ѡко не ток^мо члѣци по^служа^т томѡу тебе ра^н. но и з^вѣрїе по^слстїи по^служаю^т того

БАН (л. 84 об.): живе^т бо навхо^ннасоръ црѣ земскїи: и живеть сила его и ^ж е^сть в тебѣ на з^правленіе всѣмъ дшамъ заблжъши^м: ѡко не токмо члци послужать томъ ра^н тебе: но и з^вѣрїе полстїи по^слжшѡтъ того.]

138. кѣбикъларе^м, постелнико^м •

[14:11 sed cum venissent duces eius et tribuni et universi maiores exercitus Assyriorum dixerunt cubiculariis

РНБ (л. 299): Но ег^да приїдоша въевѡды его и тысоущнїкы и всѣи бѡлышы^ѡ вѣе^м ас^срїискы^м, рѡша по^те^ннїко^м

БАН (л. 86): кѣбї[к...] — Но егда прїидоша его воевѡды и тысащнїкы и вси болшїи воемъ асїрїискымъ рекоша по^стѣлнїкѡ^м.]

139. титанови гигантови,

[16:8 non enim cecidit potens eorum a iuvenibus nec filii Titan percusserunt eum nec excelsi gigantes inposuerunt se illi sed Iudith filia Merari in specie faciei suae dissolvit eum

РНБ (л. 300 об.): Нї бѡ палъ сїльный и^х ѿ юношь, нї сїновѣ титанови поразїша е^а, ни вышнїи гигантї насташа томоу. Но юди^а дїщы мерарї въ ѡбра^з лица с'воегѡ разорїла тогѡ.

БАН (л. 86 об.): [...]ъ — ни бо палъ силенъ и^х ѿ юношь ни сїве тїтанови поразїша єгѡ: ни вышнїи гиганти насташа томѡ но юдиѡ дщи мерари въ ѡбра^з лица своегѡ разорила єгѡ.]

ѿ книги, єсєври,

140. наро^ана, вѣдома •

[1487. T. 2. P. 57v. Que habentur in hebreo plena fide expressi: hec autem que sequuntur scripta repperi in editione vulgata que grecorum lingua: et litteris continetur: et interim post finem libri hoc capitulum ferebatur quod iuxta consuetudinem nostram obelo. id est. veru prenotavimus.

РНБ (л. 284): **вѣдомѡ** — писанѡ ѡбретѡ^х въ преведенїи нѡрѡ^днѡ^м. и^ж г'рѣц'кы^м азыко^м и' с'ловы с'дър'жат'сѡ, и' посредѣ и' по коньцѣ к'нїгы сїѡ гла глашесѡ и^ж побычаю нашемоу ѡбѣл'ѡ^с и^ж е^с ѡбразецъ рожнїи наз'наменѡхом^ъ;

БАН (л. 91): писана ѡбрѣтохъ въ преведенїи нѡрѡ^днѡ иже грецкимъ азыко^м: и' словы с'дър'жатсѡ и' посреди по концы книги сїѡ глава глаголшесѡ: иже по ѡбычаю нашемѡ ѡбѣлѡ иже єсть ѡбразецъ рожни назнаменовахѡ^м.]

141. ключ^а, источнї^а •

[10:6 Parvus fons, qui crevit in fluvium, et in lucem, solemque conversus est, et in aquas plurimas redundavit: Esther est, quam rex accepit uxorem, et voluit esse reginam.

РНБ (л. 284): **Источнїкъ** — Ма^а к'лючъ и^ж възрос'лъ в рекоу. и' въ с'вѣтлость же слїце ѡбращеѡ е^с и' въ воды м'ногы преоумножит'. єс'фїръ е^с єѡ же црѣ поѡт' себѣ в' женѡу, и' хотѣ быти црѣца.

БАН (л. 91–91 об.): Малъ к'лючъ || възрослъ в рѣкѡ и' въ свѣтлость. слїца же ѡбращенъ єсть. и' въ воды многы прѣмножитъ. єсєерь єсть: єѡ же црѣ поѡтѣ женѣ и' хотѣ быти црѣца.]

142. дракона, змїѡ •

[10:7 Duo autem dracones: ego sum, et Aman.

РНБ (л. 284): **ѡмѣѡ** — два ^ж дѣрѡкѡна ѡзь ѡсьмь ѡ амѡанъ.

БАН (л. 91 об.): Два же дѣрѡкѡна ѡзь ѡсьмь ѡ аманъ.]

143. вѡлгата, наро^{на}ѡ.

[1487. Т. 2. Р. 57v. Nos quoque principium erat in editione vulgata: quod nec in hebreo nec apud ullum fertur interpretum.

РНБ (л. 284–284 об.): **ѡрѡдѡна** — то^ж начало бы^с ѡ преведенїѡ вѡлгѡта ѡже ни во евѣрѡскомъ ни пре^л которымъ же гле^тса толкѡвникомъ; БАН (л. 91 об.): То^ж начало бы^с ѡ преведенїѡ вѡлгѡта. и^ж ни въ евѣрѡско^м ни пре^л кѣм же глѣтса толковниковъ:~]

144. в коментарїи соу^т книги. паматованнаѡ.

[12:4 1487. Т. 2. Р. 58. Rex autem quod gestum erat scripsit in commentariis. sed et mardocheus rei memoriam litteris tradidit.

РНБ (л. 285): **Коме^тарїи съ^т книги паматованїѡ** — цѣрь же чѣто сотворенѡ бы^с писа вѣ кѡмѣнѡтарїи^съ. но и марѣдохѡѡ вѣщѣ паметї гѣрамѡтамъ преда^стъ.

БАН (л. 91 об.): [...]^т [...]ѡ — Цѣрь же чѡ створено бы^с писа вѣ кѡмѣнѡтарїи^съ. Но ѡ мардохей вѣщи нама^т грамота^м предасть.]

145. неѡарїи, непо^тбнїиѡ.

[13:7 1487. Т. 2. Р. 58. ut nepharii homines uno die ad inferos descendentes reddant imperio nostro pacem quam turbaverant.

РНБ (л. 285 об.): **нѣпѡдѡбнї** — ѡкѡ нѣфѡрїи члѡкомъ ѡдинаго днѣ ко ѡдѡу схѡдѡтъ. вѡздаю^т цѣрѣтвоу нашѣмоу мїрѣ ѡго же сѡмутиша;

БАН (л. 92): н[...] — ѡко нѣфѡрїи члѡкомъ ѡдногоднѣ кѣ ѡдѣ схѡдаще. вѡздающе цѣрѣтвѣ нашѣмѣ мїрѣ ѡго ^ж смѣтиша~]

146. жезль, жезль е^с чѣть цѣрѡѡ.

[14:11 1487. Т. 2. Р. 58. Ne tradas domine sceptrum tuum his qui non sunt: ne rideant ad ruinam nostram. sed converte consilium eorum super eos. et eum qui in nos cepit sevirare disperde.

РНБ (л. 286 об.): **жезль е^с чѣть цѣрѣтѡѡ** — не предаи же гѣи жѣзль твоѡ тѣмъ и^ж не соу^т, да не посъмѣю^тса разоренїю нашѣмоу. но ѡбрати сѡвѣтѣ ѡхъ на нѡхъ, и^ж на на^с почаль ѡжесточѡтї. расточї.

БАН (л. 92 об.): [...]ѣть — Не предаи ^ж гѣи жѣзль твоѡ тѣмъ иже не сѡтъ. да не посъмѣю^тса разоренїю нашѣмѣ. но ѡбрати сѡвѣтѣ и^х на нѡхъ. ѡ его и^ж на на^с почаль ѡжесточѡти. расточї.]

147. сложно, ѡже е^с нарядно ѡ угодно .

[14:13 1487. Т. 2. Р. 58v. tribue sermonem compositum in ore meo in conspectu leonis et transfer cor illius in odium hostis nostri: ut et ipse pereat et ceteri qui ei consentiunt.

РНБ (л. 286 об.): сло^жно е^с нарядно ѡ угодно, — воздай слово сло^жно в оуста моа пре^а львомъ. ѡ приведи сердце того в ненависть на врага нашего да той изгине^т ѡ прочїи и^ж емоу слагаются, БАН (л. 92 об.): [...н]а [...н]о — въздай слово сло^жно въ уста моа пре^а львомъ: ѡ преведи сердце того в ненависть врага нашего: да ѡ той изгине^т: ѡ прочїи ѡже е^мз слагаются.]

148. ѡбращении^х. книга^х .

[1487. Т. 2. Р. 58v. Exemplar epistole regis artaxerxis quam pro iudeis ad totas regni sui provincias misit: quod et ipsum in hebraico volumine non habetur. РНБ (л. 287 об.): образъ епис^толий ц^ра ар^тазерса. и^ж за ѡуде^ккъ вс^тм^м вла^{ст}емъ ц^рт^ва с^воего посл^а; и^ж того въ ев^рфискы^х ѡбращениахъ не им^тются:~ , , , , ,

БАН (л. 93): к^ниг[...]. — Образ епис^толий ц^ревы ар^тазерсовы. и^ж за ѡудей къ вс^тмъ вла^{ст}емъ ц^рт^ва с^воего посла. и^ж ѡ того въ ев^рфискы^х ѡбращениихъ не им^тются:~]

149. к^зникзли^с, е^с зв^ръ^ръ^ръ^р Коу^ни^кз^л подобе^а з^аяц^з ѡ ме^ши з^аец^а а живе^т в пещера^х пещеры^х ж^ж т^тъ зо^ттся к^зни^кзли — ѡ в толик^о б^зйство наскоч^иша. ѡ т^тх^х и^ж в^вв^рена^а себ^т ч^ины нас^коч^иша възд^рж^атна ѡ тако^о вс^а д^тлають да вс^тмъ довол^нн^н боудо^т л^жамъ коу^ни^кз^ли^с нас^лаю^тса превратит^и.

[16:5 1487. Т. 2. Р. 58v. Et in tantum vesanie proruperunt ut eos qui credita sibi officia diligenter observant et ita cuncta agunt ut omnium laude digni sint: mendaciorum cuniculis conentur subvertere:

РНБ (л. 288): На нижнем поле л. 288: Е^с зв^ръ^ръ^ръ^р Коу^ни^кз^л подобе^а з^аяц^з ѡ ме^ши з^аец^а а живе^т в пещера^х пещеры^х ж^ж т^тъ зо^ттся к^зни^кзли — ѡ в толик^о б^зйство наскоч^иша. ѡ т^тх^х и^ж в^вв^рена^а себ^т ч^ины нас^коч^иша възд^рж^атна ѡ тако^о вс^а д^тлають да вс^тмъ довол^нн^н боудо^т л^жамъ коу^ни^кз^ли^с нас^лаю^тса превратит^и.

БАН (л. 93): е^с зв^ръ^ръ^ръ^р бень[...]. нши[...]. в пе[щ...]. и^ж зов[...]. к^зл[...]. — ѡ в толик^о б^зйство наскоч^иша. ѡ т^тх^х ѡже в^вв^рена^а себ^т ч^ины насто^атели^н възд^рж^ать: ѡ тако^о вс^а д^тють да вс^тмъ хвалы достойни б^зд^ть. л^жамъ к^зни^кз^ли^с нас^лаю^тса превратит^и.]

150. махални, хытрость, лице^на

[16:13 1487. Т. 2. Р. 58v. Nam Mardocheum cuius fide et beneficii vivimus et consortem regni nostri hester cum omni gente sua novis quibusdam atque inauditis machinis expetivit in mortem

РНБ (л. 288 об.): Иже мардохеа̀ его̀ жъ вѣроу̀ ѝ благотвореніемъ живе́мъ. ѝ съжребѣиникъ̀ нашемоу̀ црѣтѣвоу̀ есѣфиръ, съ всѣми людьми своѣми новы́хъ нѣкаторы́хъ неслышаны́хъ махѣнь и́скоусиль на смѣрть.

БАН (л. 93 об.): [...н]ѣа — Иже мардохеа̀ его̀ жъ вѣроу̀ ѝ благотвореніемъ живе́мъ. ѝ съжребѣиникъ̀ нашемъ црѣтѣвѣ есѣерь: съ всѣми людьми своѣми новы́хъ нѣкаторы́хъ ѝ неслышаны́хъ махѣини́ и́скъсиль на смѣрть:]

151. предани. ѿлѣчени •

[16:15 1487. Т. 2. Р. 58v. nos autem a pessimo mortalium iudeos neci destinatos in nulla penitus culpa reperimus: sed econtrario iustis utentes legibus

РНБ (л. 288 об.): мы жъ ѿ злѣишаго смѣртны́хъ ѝюдей смѣрти ѿлоучили́. ни еди́ны никакы́а вины ѿбрѣтохомъ. но по правымъ живѣуща̀ законѣмъ.

БАН (л. 93 об.): Мы же ѿ злѣишаго смѣртныхъ. ѝюдеи смѣрти прѣдани́. Ни на еди́ны никакы́а вины ѿбрѣтохомъ. но противъ правымъ живѣщи законѣмъ:]

152. жити навькати •

[16:19 1487. Т. 2. Р. 58v. Hoc autem edictum quod nunc mittimus in cunctis urbibus proponatur: ut liceat iudeis uti legibus suis.

РНБ (л. 288 об.): Сѣ же повелѣнїе и́жъ нѣѣ посла́хомъ въ всѣа̀ грады́ да прѣложи́са̀ то̀. ѝюдео́мъ же подоба́еть жѣти́ в законѣ́хъ сѣвои́хъ.

БАН (л. 93 об.): Се же повелѣнїе и́же нѣѣ послахо́мъ въ вса̀ грады́ да прѣложитса̀ да подоба́еть ѝюдео́мъ жѣти́ в законѣ́хъ свои́хъ.]

прологъ на книжъ премудрости начинае́,

153. стиллѣсѣ, постатиѣ •

[1487. Т. 2. Р. 307. Liber sapientie apud hebreos nusquam est. Unde et ipse stilus grecam magis eloquentiam redolet, hunc iudei philonis esse affirmant. Qui proinde sapientie nominatur: quia in eo christi aduentus qui est sapientia patris: et passio eius auidenter exprimitur.

РНБ Начинается с середины стиха 1:16: поползноу́ша. ѝ соупроу́жествѣ̀ положи́ша к' не́и ѣако смѣрти до́стоини соуть и́жъ соуть ѿ части то́а̀

БАН (л. 129 об.): [...]ста́е — **Книга** пре́мудрости прѣ́еврѣи́ ни в кое́мъ мѣстѣ́ е́. Гдѣ́ ѝ тои́ стѣлѣ́зъ гре́ское́ наипаче́ провѣщаніе́ блго́зхае́. сего́ ю́дей фѣло́на бы́ти оу́крѣпляю́. и́жъ ѿтѣдъ́ прѣмѣдрѣ́ и́мензѣ́са:

158. карине, карина е̇ дно корабленое пака̀ мѣста в' водѣ ходи́т •
[5:10 et tamquam navis quae pertransit fluctuantem aquam cuius cum
praeterierit non est vestigium invenire neque semitam carinae illius in
fluctibus

РНБ (л. 64 об.): **Ка́рѣня е̇ д'но̀ ка́рабленое Покамѣста ходи́т в
водѣ:**~ — ѝ ꙗко кора́бль и^ж прои^{де} во́лны вода́мъ: его жѣ е̇гда проиде́т
нѣ̇ с'топы о́брести. ни стеза карине то́ вь вѣлна^х.

БАН (л. 131): к[...] [...] — ѝ ꙗко корабль и^ж проиде волны вода^м его
^ж е̇гда проиде́т нѣ̇ стопы о́брѣсти. ни стеза карине того вь волна^х.]

159. ланѣго, ланѣго е̇ о́сотовъ цвѣ́тъ бѣ́ль, ѝли пѣ́на во́лнаѧ •

[5:15 quoniam spes imprii tamquam lanugo est quae a vento tollitur et
tamquam spuma gracilis quae a procella dispergitur et tamquam fumus qui a
vento diffusus est et tamquam memoria hospitis unius diei praetereuntis

РНБ (л. 64 об.): **Ла́ноу҃го е̇ о́со̀товъ цвѣ́тъ бѣ́ль. ѝли пѣ́на во́лнаѧ:**~ —
ѝꙗко о́упова́нїе неч'тиваго ла́ноу҃го и^ж ѿ вѣ́тра по'емле́'са. ѝ ꙗко пѣ́на
ма́г'ка и^ж ѿ боура расто́р'жетьса. ѝ ꙗко ды^м ѝже ѿ вѣ́тра разлиа́нъ е̇̇.
ѝ ꙗко па́мать го́ста е́динаго д́не мѣ́мо хода́ща.

БАН (л. 131 об.): [...]цвѣ́тъ — ꙗко ѝпованїе неч'тива̇ ꙗко ла́ноу҃го
и^ж ѿ вѣ́тра по'емле́'са. ѝ ꙗко пѣ́на маг'ка и^ж ѿ бѣ́ра ратрѣжетса. ѝ
ꙗко ѝ ды^м ѝже ѿ вѣ́тра разлиа́нъ е̇̇: ѝ ꙗко пама́т госта е́диного д́не
мимоходаща.]

160. тора́къ, тора́къ е̇ о́ръжие покрывае́т перси, ѿ ши́ до
стомаха, а по латынскы ѧ́рка •

[5:19 induet pro torace iustitiam et accipiet pro galea iudicium certum

РНБ (л. 65): **Тора́ѣ е̇ о́роу҃жїе покрывае́тъ перси ѿ ши́ до стомаха.
а по латынскы ѧ́рка:**~ — о́блече́' за то́ра̀се́ правдо́у, ѝ прї́ме́'т за
шело́м соуд ѝстиненъ.

БАН (л. 131 об.): [...]о́неи — О́блече́' за то́ра̀се́ правдѣ. ѝ прї́ме́'т за
шоло́м сзды́ ѝстиненъ.]

161. възнегодѣ́е̇, възбѣ́литса •

[5:23 et a petrosa ira plenae mittentur grandines et scandeset in illos aqua
maris et flumina concurrent duriter

РНБ (л. 65): **Ў ѿ ка́мени та г'нѣ́ва по́лна пошлю́'са г'ра́дї, ѝ
въ'негодоуе́'т на ни^х вода мор'скаѧ. ѝ ре́кы потекоу́'т же́с'точае́.**

БАН (л. 131 об.): [...]неба [...]е́'т — **Ў ѿ ка́мени та гнѣ́ва плѣ́на
пошлю́'са гра́м ѝ възнегодѣ́'ет на ни^х вода морска. ѝ рѣ́кы потеку́'т
жесточае́.]**

162. силны^х, владѣщи^х •

[5:24 contra illos stabit spiritus virtutis et tamquam turbedo venti dividet illos et ad heremiam perducet omnem terram iniquitatis et malignitas evertet sedes potentium

РНБ (л. 65): противоу тѣхъ с'тане^т дѣхъ сѣлы, ꙗко вѣхрѣ вѣтрѣ ра^дѣли^т тѣхъ, ꙗ к' поустотѣ ѡведе^т в'сю зѣмлю безаконїе тѣхъ ꙗ лоукав'ство преврати^т прѣстоль сѣльныхъ:•

БАН (л. 131 об.): [...щ]и^х — Противѣ тѣхъ стане^т дѣхъ сѣлы ꙗ ꙗко вѣхрѣ вѣтрѣ раздѣли^т тѣхъ: ꙗ къ пѣстотѣ ѡведе^т всю землю безаконїе тѣхъ ꙗ лѣкавство превратитъ прѣстоль сѣльныхъ.]

163. чювств^о, ѡмъ •

[7:7 propter hoc optavi et datus est mihi sensus et invocavi et venit in me spiritus sapientiae

РНБ (л. 66): оумъ — сего ра^х пожелѣхъ ꙗ дано бы^с м'нѣ чюв'ствѣ, ꙗ възва^х, ꙗ прїиде на ма дѣхъ прм^{др}с'тї.

БАН (л. 132): Сего ради пожелѣхъ. ꙗ дано бы^с мнѣ чювство. ꙗ възва^х: ꙗ прїиде на ма дѣхъ премоудрости.]

164. съста^в, ѣлементорѣ^м •

[7:17 ipse enim mihi dedit horum quae sunt scientiam veram ut sciam dispositionem orbis terrarum et virtutes elementorum

РНБ (л. 66 об.): **Елѣ^менѣторѣумъ**, — Тоѡ бѣ далѣ мнѣ тѣхъ и^ж соу^т оума ѡма ѡстинна, да знае^м ра^ссмотрѣнїе вселеннѣ землї. ꙗ сѣльны^х сѣс'тѣвѣвѣ.

БАН (л. 132): Тѣ^х бо далѣ мнѣ и^ж соу^т оума ѡстинна: да знае^м расмотренїе вселенѣ земли: ꙗ сѣльны^х съставовѣ:]

165. дисѣртѣсѣ, достроче^м •

[7:22 est enim in illa spiritus intellectus sanctus unicus multiplex subtilis mobilis dissertus incoinquinatus certus suavis amans bonum acutus qui nihil vetat benefacere

РНБ (л. 66 об.): **Дѣсѣртѣенѣ** — Е^с бѣ в' тоѡ дѣхъ рѣзоума сѣ^т ѣдїннѣ. м'ногорѣннѣ, хїтрый дїсѣртѣоу^с, подвижи^м, нес'квѣренѣ, ѡстиненѣ, блѣгъ, любѣщѣ добрѣ, ѡстрѣ, и^ж нич'тѣ въздѣрѣжи^т блѣгѣ творїтї,

БАН (л. 132): Е^стѣ бо в' тоѡ дѣхъ разоума сѣ^т: Едїннѣ; мнѣгорѣннѣ: хїтрый: дїсѣртѣ^с: подвижи^м: нескверенѣ: ѡстїне^м: блѣгъ: любѣщѣ добрѣ: ѡстрѣ: ꙗже нич'тѣ въздрѣжи^т блѣгѣ творити:]

166. лꙋкана. свѣто^м.

[11:23 quoniam tamquam momentum staterae sic ante te est orbis terrarum et tamquam gutta roris antelucani quae descendit in terram

РНБ (л. 70): п̀р̀е^л с̀вѣ^о — И^ж ѡко е^с сторожекъ вѣсовъ тако е^с пре^л тобою в'са вселѣнна^а зем'к^а. ѡко капла росы пре^л лоука^на и^ж сниде^т на землю.

БАН (л. 134): Иже ѡко стороже^к вѣсовъ така е^с пре^л тобою вселенаа земскаа. и ѡко капла росы пре^л лꙋка^н и^ж сниде^т на землю.]

167. е дисимꙋла^с, и преставлѣши.

[11:24 sed misereris omnium quoniam omnia potes et dissimulas peccata hominum propter paenitentiam

РНБ (л. 70): ѝ п̀р̀е^ста̀в'лѣ^ш — и милоуеши всѣм и^ж в'са мѡжеши е^б дѣи^си^моула^с грѣх^и члвко^м ра^нс^а покаянїа

БАН (л. 134): д[...] — И милѣеши всѣм иже вса можеши. и пре^ста̀в'лѣши грѣхы члк^ом ра^нс^а покаянїа.]

168. флагелла^с.

[12:22 cum ergo nobis disciplinam das inimicos nostros multipliciter flagellas ut bonitatem tuam cogitemus iudicantes et cum de nobis iudicatur speremus misericordiam

РНБ (л. 71): Бѣ^ши — Егда даеши на^м наказанїе. врагы на́ша многащи флагелла^с да благостыню твою || помышляе^м соудаци, и егда о на^с соудитьса да оуповаемъ мл^грдие твое.

БАН (л. 134 об.): [...]агелла^с — Егда даеши на^м наказанїе: врагы на́ша многащи бѣшїи. да блг^стною твою помышляе^м соудаци: и егда о на^с сди^тса да ѡповае^м мл^грдїе твое.]

169. свѣтованье, свѣтѣва^е || (л. 106) е^с иже за истин'нꙋ съдръжит^т.

[13:7 etenim cum in operibus illius conversentur inquirunt et persuasum habent quoniam bona sunt quae videntur

РНБ (л. 72): ибо з дѣлы того съжишася, в'зыщоу^т свѣтованїе и^ж е^с за истинноу съдръжит^т, и свѣтованїе и^ж е^с ѡуть за истинноу съдръжит^т и свѣтованїе имѣють ѡко блга соуть и^ж вида^тса.

БАН (л. 134 об.): Ибо съ дѣлы то^г съжиша^с: взыщѣ^т и свѣтованїе имѣють ѡко блга съ^т иже вида^тса.]

170. өигьмента, лицемѣриѣ •

[14:16 deinde interveniente tempore convalescente iniqua consuetudine hic error tamquam lex custodita est et tyrannorum imperio colebantur figmenta
РНБ (л. 73): **лицемѣриѣ** — д'рѣвнем^с — пакы проходѣщюу в'ремени възмогающюу пѣрѣвѣому обычаю, то заблуж^неніе^о ѣко законъ съхраненъ бы^с и тирано^м повелѣніе^м чествовахосу фи^г'мѣн'гѣа
БАН (л. 135): фи[...] — Паки проходѣщ' времени възмогающ' древному обычаю: то заблуженіе ѣко зако^м съхраненъ е^с и тирано^м повелѣніе^м чествовахса лицемѣриѣ.]

171. гадаю^т, пр'рч'ствую^т •

[14:28 aut enim dum laetantur insaniunt aut vaticinantur falsa aut vivunt iniuste aut periurant cito
РНБ (л. 73 об.): пр'рч'ствую^т — Ёли бо ког'да веселѣтса безоумствоую^т, илї истинно оугадаютъ лствиваа, илї живую^т неправѣ, илї зак'линаютса лжею с'корѣ.
БАН (л. 135 об.): Ёли бо егда веселѣтса безоумствую^т: илї истинно згадаю^т лствиваа. илї живѣ^т неправо: илї заклинаю^тса лжею скоро:]

172. пикт'ре, пикт'ра е^с иконноѣ писмо •

[15:4 non enim in errorem induxit nos hominum malae artis excogitatio nec umbra picturae labor sine fructu effigies sculpta per varios colores
РНБ (л. 74): **пик'тоура е^с изограф'ѣа**; — Нѣ бѣ в заблуж^ненїи веде^т на^с члѣко^м з'лымъ оумо^м помышлѣнїа, ни сѣнь ип'к'тоуре троу^а бз плода ѡбра^з и звѣаанъ ра^зными лицы
БАН (л. 135 об.): [...]а — Не бо в заблуженїи наведе^т на^с члѣко^м злымъ змо^м помышленїа: ни сѣнь ип'к'т'урѣ: трѣ^а бе^з плода ѡбра^з и звѣаанъ различными лицы]

173. ер'рарий, ер'рарїи сѣ^т тѣ иже лїю^т злат^а, и серебро, и мѣ^д, илї мѣсто гдѣ та хранѣтса •

[15:9 sed est illi cura non quia laboraturus est nec quoniam brevis illi vita est sed concertatur aurificibus et argentariis sed et aerarios imitatur et gloriam praefert quoniam res supervacuas fingit
РНБ (л. 74): **ер'рари соу^т тѣ и^ж лїю^т злато и серебро и мѣ^д или мѣс'то та гдѣ хранѣтса** — Но прилежанїе тому е^с не и^ж троужень е^с, ни ѣко к'ратокъ то^мс животъ е^с. Но по^ввїгне^т златѣкоу^знеца и сребреникы^и и ер'рарїи^б подобитса, и с'лавоу въз'носитъ ѣко вещь выше мѣры лицемѣри^т.

БАН (л. 135 об.): [...]тѣ и^ж лью^т [...]бро и мѣ^л [...]где та [...]са — Но прилежаніе е^с томъ не и^ж зтръженъ е^с: ни ѡко кратокъ томъ живо^т ёсть. Но подвигне^т златокоузнеца и сребреники. но и еррарио^ссъ по^ббитса. и сла^ввъ възноси^т ѡко вещь выше мѣры лицемѣри^т.]

174. за^на^т е^с, в заи^м да^т.

[15:16 homo enim fecit illos et qui spiritum mutuatus est is finxit illos nemo enim sibi similem homo poterit deum fingere

РНБ (л. 74 об.): в^за^ем^ъ д^ал^ъ — Чл^вк^ъ б^о с^ътвори тѣх^ъ, и и^ж д^ха з^аа^лъ е^с с^иц^е лиц^мѣри^т тѣ^х. Ник^то бо себе под^обн^а чл^вк^ъ м^оже^т ба лиц^мѣрити.

БАН (л. 136): вз[...] — Чл^къ бо створи тѣ^х: ни^ж д^ха за^ал^ъ ёсть: сице мѣри^т тѣ^х. никт^о бо себѣ под^обн^а чл^къ може^т ба лиц^мѣрити^т.]

175. ѡртигометра, крастели •

[16:2 pro quibus tormentis bene disposuisti populum tuum quibus dedisti concupiscentiam delectamenti sui novum saporem escam parans eis ortygometrā

РНБ (л. 74 об.): ѡ^рт^иг^ом^ер^та — про кот^оры^х м^ніа б^лаг^о расм^отри^лъ ёси лю^ди т^воа. кот^оры^м далъ ёси хот^ѣніе о^услаженіа с^воег^о но в о^усл^ад^ости п^ищ^оу г^отовлюще и^м к^ра^ст^ели.

БАН (л. 136): про кот^оры^х м^чченіа бл^го расм^отри^лъ ёси лю^ди т^воа: кот^оры^м да^т ёси хот^ѣніе з^слаженіа с^воег^о нов^ъ сла^дости п^ищ^ъ г^отовающ^им^ъ к^ра^ст^ели.]

176. ни малагма, ни пластырь •

[16:12 etenim neque herba neque malagma sanavit illos sed tuus Domine sermo qui sanat omnia

РНБ (л. 75): н^и н^и м^ал^аг^ма — Ёб^о ни трава н^и м^ал^аг^ма и^сц^ѣли и^х, но т^вое г^си с^лов^о и^жё целить в^са.

БАН (л. 136): ни[...] — Ёбо ни трава н^и м^ал^аг^ма и^сц^ѣли и^х. но т^вое г^и с^лов^о и^ж ц^ѣли^т вс^а.]

177. расте^т, ищесне^т •

[16:29 ingrati enim fides tamquam hibernalis glacies tabescit et disperiet tamquam aqua supervacua

РНБ (л. 75 об.): И^сч^ез^ет — Неб^лагод^ар^ни б^о о^упов^ан^іа ѡко з^им^ніи ле^д р^аст^ае^т, и расточ^ит^са ѡко вода выше мѣр^наа:~

БАН (л. 136 об.): Неб^ло^дар^ни бо з^пован^іа ѡко зим^ніи ле^д р^аст^ае^т и расточ^ит^са ѡко вода выше мѣр^наа.]

178. смердъ, селани^и •

[17:16 si enim rusticus quis erat aut pastor aut agri laborum operarius praeoccupatus esset ineffugibilem sustinebat necessitatem

РНБ (л. 76 об.): с'мѣрдъ и^и с'ѣляни^и — Аще бо с'мѣрдъ бы^ѣ к'тò, и^{ли} п'ас'тырь, и^и польскы^и трудо^и дѣлате^ѣ. преобиа^т бы^ѣ, в небѣжаніе тр'паше требованіе.

БАН (л. 136 об.): [...] — Аще бо с'мѣрдъ кто бы^ѣ: и^{ли} пастырь. и^{ли} полскы^и трудо^и дѣлатель преобъятъ бы^ѣ. в небѣжаніе трѣпаше требованіе.]

179. вѣтръ, дхъ

[17:17 una enim catena tenebrarum omnes erant conligati sive spiritus sibilans aut inter spissos ramos avium sonus suavis aut vis aquae decurrentis nimium

РНБ (л. 76 об.): вѣтръ — Ёдиною бò чѣпійò т'мы в'сѣ бахоу с'в'азаній. и^{ли} дхъ с'вищшій, и^{ли} промежоу гоусты^и д'рѣв'нихъ вѣтвїи п'тїичеи шоу^и блгъ, и^{ли} сїла вод'наа текоущїи с'вл'нѣ.

БАН (л. 136 об. — 137): [...] — Ёдиною бо чѣпїю т'мы вси бѣхъ свазани. и^{ли} дхъ свищшци. и^{ли} проме^ж гѣсты^и древни^и вѣтвїи птїиченъ ш^и блгъ: и^{ли} си || ла во^инаа текоущи с'влнѣ:]

180. ёхо, ёхо, послѣднее слово продолжено реч'тса, гла^ѣ и^{ли} ш^и аѣра в пещерѣ, и^{ли} в лѣсѣ, и^{ли} в долу, а по басна^и ёхо, отроковица нѣкаа бы^ѣ през'мна юже юнона долга, юнонь е^ѣ планита, словеса воз'ержаше донде ^ж нимѣе бѣжаша с которыми юпитеръ в гора^и полежаше и тако може быти женско йма •

[17:18 aut sonus validus praecipitarum petrarum aut ludentium animalium cursus invisus aut mugientium valida bestiarum vox aut resonans de altissimis montibus echo deficientes faciebat illos prae timore

РНБ (л. 76 об.): На нижнем поле л. 76 об.: "Ёхò по^ѣлѣ^инеè с'лòвò про^ѣлжèнò речèтъ^ѣ; Г'л'а^ѣ, и^{ли} ш^измъ аѣра и^{ли} в' пещерѣ, и^{ли} в лѣсе, и^{ли} в долоу; А по басне^и ёхо, отроковїца нѣкаа бы^ѣ през'на ю^ж юнона дбля словеса въздер^жашè дбнѣде^ж нимѣе бежашя с которы^и. й^ипитеръ в гора^и полежа и такò мо^ж быти жèнс'кò йма:~ — и^{ли} шоу^и с'влнагò паденїа кáменїе^и, и^{ли} и^иг'рающи^и свѣре^и теченїе невидимò, и^{ли} рыканїа зельны^и з'вѣрей г'ласа, и^{ли} ѿзывáющоу^ѣ ѿ высокы^и горъ "ёхо, òскоудѣвáющы^и с'творáшè тѣ^и за с'трáхъ.

БАН (л. 137): В основном тексте зачеркнуто красными чернилами: послѣднее слово продолжено речетса; гла^ѣ и^{ли} ш^и аѣра в пещерѣ. и^{ли} в лѣсѣ и^{ли} в долоу; а по басна^и. ёхо. отроковица нѣкаа бы^ѣ

презмна ю^ж юнона длѣга словеса въздрѣжаше донде ^ж нимфе бѣжаша. с которыми юпитеръ в горахъ полежаше. ѿ тако може быти женско йма; ёхо: — йли ш^м сѣлна^г паденїа каменїе^м: йли ^нграющимъ звѣре^м теченїе невидимо: йли рыканїа сѣльны^х звѣрей гласа: йли ѿзывающ^{сѣ} ѿ высокы^х горъ. ёхѡ. ѡскѣдѣвающи^х сѣтвораше тѣ^х стра^х.]

181. хвалѣ въздаѣхѣ тебѣ, блгодараще тебѣ.

[18:2 et qui ante laesi erant quoniam non laedebantur gratias agebant et ut esset differentia donum petebant

РНБ (л. 76 об.): ѿ и^ж оубѣженї бѣша ѿко^д не оубѣдахоуа хвалоу въздахоу тебѣ ѿ дабы была разнь, тебе ба прошахѣ.

БАН (л. 137): блго[...] — ѿ йже збѣжѣнї бѣша. ѿко не збѣдахѣса хвалѣ въздаахѣ тебѣ ѿ дабы была разнь тебе ба прошахѣ.]

182. во ѡбитанїе, во пришествїе.

[19:10 memores enim erant adhuc eorum quae in incolatu illorum facta fuerant quemadmodum pro natione animalium eduxit terra muscas et pro piscibus eructavit fluvius multitudinem ranarum

РНБ (л. 78): во прише^{сѣ}тїи — Памети бѡ бахоу ёще ймъ и^ж вѣ ѡбитанїе тѣ^х сѣтворѣна быша. и^ж же ѡбразо^м зарож^ненїе живѡтны^м ѿзде земля мѣхы, ѿ за рыбѣ ѡрыгне^т рекѣ мно^жство жабѣ.

БАН (л. 137 об.): [...]е — Памати бѡ бахѣ ёще и^ж йже вѣ ѡбитанїе тѣ^х сѣтворѣна быша. йм же ѡбразо^м зароженїе живѡ^тны^м ѿзде земля мѣхы ѿ за рыбы ѡрыгне^т рѣка мно^жство жабѣ.]

183. пища во ѿзгланїи зслаженїе брашна. во ѿспрошений.

[19:11 novissime autem viderunt novam creaturam avium cum abducti concupiscentia postulaverunt escam epulationis

РНБ (л. 78–78 об.): зслаженїа бѣрашнїа — послѣдї же видѣша ново творенїе пѣтїца^м, егда || ѿзведени похотѣнїа ѿпросїша пїща.

БАН (л. 137 об.): [...]а^мна — послѣди же видѣша ново творенїе пѣтїца^м. егда ѿзведени похотѣнїа ѿпросиша пїща.]

184. незаконни^х лукавствѣ.

[19:12 in adlocutione enim desiderii ascendit illis de mari ortygometra et vexationes peccatoribus supervenerunt non sine illis quae ante facta erant argumentis per vim fluminum iuste enim patiebantur secundum suas nequitias

РНБ (л. 78 об.): лоуѣавѣстѣ — вѣ испрошенїи бѡ пожелѣнїи вѣзде тѣмъ ѡ мора ѡрѣтїгомѣра, ѿ троуженїа грѣшнїча наидѡша не бе^с

тѣ^х и^ж пре^ж сѣтворена бѣхоу ѡбличеніе^м по силѣ реки. Праве^нно пострадаша по свои^х бѣзакѡнїи^х.

БАН (л. 137 об.): [...]ть — Въ иѣзглании бо пожелѣнии взыде тѣ^м ѡ мора ѡртигометра: и трѣженїа грѣшница найдоша не бе^з тѣ^х иже пре^ж створена бѣхѡ обличенїа по силѣ рѣкы. праведно пострадаша по свои^х бѣзакѡнїи^х.]

начинает, иеремїа прѡркъ .

185. ѡ матриси, ѡ л^оже^нь .

[1:5 priusquam te formarem in utero novi te et antequam exires de vulva sanctificavi te prophetam gentibus dedi te

РНБ начинается с середины стиха 1:17: даю тебѣ, не оубѡиша ѡ лица и^х, ни боѣгиса тебе, сѣтворю лица и^х. ...

БАН (л. 182): Пре^ж не^ж сѣздах та въ чрѣвѣ позна^х та: И пре^ж не^ж иѣзыдеши ѡ матриси ѡсти^х та:]

186. вернакѣл^ѣ. вернакѣл^ѣ е^ѣ иже рабѣ домородный .

[2:14 numquid servus est Israhel aut vernaculus quare ergo est factus in praedam

РНБ (л. 80 об.): Ве^рнакоулоу^ѣ, и^ж е^ѣ рабѣ доморо^дный — Ни ли рабѣ е^ѣ и^ль и^ли вер^накоулоу^ѣ в^ѣскоую сѣтворе^н еси въ плененїе.

БАН (л. 182 об.): Ни ли рабѣ е^ѣсть и^ль и^ли вернакѣл^ѣ. В^ѣскѣю сѣтворен^н еси въ плѣненїе.]

187. ѡнагеръ. дикий ѡсель .

[2:24 onager adsuetus in solitudine in desiderio animae suae adtraxit ventum amoris sui nullus avertet eam omnes qui quaerunt eam non deficient in menstruis eius invenient eam

РНБ (л. 81): дѣкѣнїи ѡсѣлѣ — ѡнаг^ѣрѣ ѡбычен^н въ поустыни въж^ѣлѣнїа дѣша с^ѣвоеа привлѣклѣ вѣт^ѣра люб^ѣви с^ѣвоеа. Никто^ж ѡбрати^т еа в^ѣси и^ж ищю^т еа не ѡс^ѣкоудѣю^т въ менстрѡу еа^ѣ е^ѣж.

БАН (л. 182 об.): ѡнагеръ ѡбычен^н въ пѣстыни въжелѣнїе дѣша своеа привлѣклѣ вѣт^ѣра люб^ѣви своеа. Ничто^ж ѡбрати^т еа в^ѣси и^ж ищѣ^т еа не ѡскѣдѣю^т: въ мен^ѣстрѣ еа ѡбращѣ^т еа.]

188. серотина. серотинѣ е^ѣ поз^нны .

[2:31 generatio vestra videte verbum Domini numquid solitudo factus sum Israheli aut terra serotina quare ergo dixit populus meus recessimus non veniemus ultra ad te

РНБ (л. 81): **сертойноу^с е^с пов^зны^с** — ро^л вашь. видите с^лово г^не. ни ли ёдиненіе с^творенъ ёсмь і^ллю, іли земла ёр^ботіи^на. в^скою бо ре^ч полк^ъ мой ѿидохом не прійде^м ѿселе к теб^ѣ.

БАН (л. 182 об. — 183): ро^л вашь. Видите сл^ово г^не. Ни ли ёдиненіе с^творенъ ёсмь і^ллю: іли земла серотина. Вьск^ю бо рече^т полк^ъ | | мои: ѿидохом не прійде^м ѿселе к^ъ теб^ѣ.]

189. бе^згласіе. іже ё безъгласе^н. іли посрамле^н.

[3:25 dormiemus in confusione nostra et operiet nos ignominia nostra quoniam Domino Deo nostro peccavimus nos et patres nostri ab adolescentia nostra usque ad hanc diem et non audivimus vocem Domini Dei nostri

РНБ (л. 82 об.): Бе^зг^ласіе и^ж е^с бе^зславие или поср^амл^еніе — с^пімъ в постыден^ніи на^ше^м, и пок^рыетъ и^х б^ез^гл^ас^іе на^ше. іако г^оу боу на^ше^моу с^ъгр^ѣш^нихом м^ы и ѿц^и на^ши, ѿ юно^сти на^ши^а да^ж до се^г д^не. и не с^лышахом г^ласа г^а ба на^шего:~

БАН (л. 183 об.): Спи^м в постыд^ніи на^ше^м и пок^рыет^ъ на^ше^моу б^ез^гл^ас^іе на^ше іако г^а б^гл^а на^ше^моу с^ъгр^ѣш^нихом м^ы и ѿц^ы на^ши ѿ юно^сти на^ше^а да^ж до се^го д^не: и не слышахомъ г^ласа г^а ба на^шего:~]

190. преп^ъс^іа преп^ъс^іа іже е^с пл^от^ь крайна^а.

[4:4 circumcidimini Domino et auferte praepudia cordium vestrorum vir Iuda et habitatores Hierusalem ne forte egrediatur ut ignis indignatio mea et succendatur et non sit qui extinguat propter malitiam cogitationum vestrarum

РНБ (л. 83): **препоусіи и^ж е^с пл^от^ь країна^а** — Преобр^ѣжите^с в^ъ г^а и ѿтоймете ір^ѣіоу^сіа ср^ць ва^ши^х моуж^и іюдины, и обит^атели іер^слимоу не оубо іс^ходитъ іакд^о ѿг^нь г^нѣв^ъ мои, и разгоріт^ся и не боудет^ъ к^то оугасит^ъ ра^ноу лок^ав^ст^вь помышл^еніи ва^ши^х.

БАН (л. 183 об.): Преобр^ѣжитес^я в^ъ г^а и ѿм^ѣте преп^ъс^іа ср^ць ва^ши^х м^уж^ы іюдины и обит^атели іер^сл^м не збо іс^ходит^ъ іако ѿг^нь г^нѣв^ъ мои: и разгорит^ся и не б^ѣдетъ кто зг^асити ради л^ок^ав^ст^вь помышл^еніи ва^ши^х.]

191. предопредо и^ж е^с чл^вк^ъ пл^ѣн^ный.

[4:7 ascendit leo de cubili suo et praedo gentium se levavit egressus est de loco suo ut ponat terram tuam in desolationem civitates tuae vastabuntur remanentes absque habitatore

РНБ (л. 83): **предо и^ж е^с чл^вк^ъ пл^ѣн^ный:~** — В^ъыд^е левъ ѿ л^ож^а своего и ір^ѣіо^у із^ыч^ыны^м о^ст^ат^ьс^я. Іс^хель е^с ѿ м^ѣста свое^г да по^ст^авит^ъ з^ем^лю т^вою в^ъ пы^ст^ню. гр^ан^ь т^вой іс^покас^та^тьс^я о^ст^ав^ат^ьс^я б^ез^ъ обит^ат^ел^а.

БАН (л. 183 об.): Взыде левъ ѿ ложа своего ѿ предо ѿзычныи ѿсталъса. Йшелъ еѿ ѿ мѣста своего да поставитъ землю твою въ пѣстыню. Гради твои йспокастатса ѿставляющи^х безъ ѿбитателя.]

192. буѣина. бѣѣина бо еѿ трѣба ратнаѿ.

[4:19 ventrem meum ventrem meum doleo sensus cordis mei turbati sunt in me non tacebo quoniam vocem bucinae audivit anima mea clamorem proelii
РНБ (л. 83 об.): **бѣѣина еѿ трѣба ратнаѿ** — Ч'рево моє ч'рево моє болю, ч'ювства ср'ца моего смоуцѣни соу^т въ м'нѣ. Не оумолчу ѿко гла^с боуѣине оуслышала дша моа въп'ль.

БАН (л. 184): Чрево мое чрево мое болю: чювства ср'ца моего смѣцѣни соу^т въ мнѣ. Не ѣмльчу ѿко гла^с бѣѣине оуслышала дша моа вопль.]

193. не вѣдахъ не познаша.

[4:22 quia stultus populus meus me non cognovit filii insipientes sunt et vecordes sapientes sunt ut faciant mala bene autem facere nescierunt

РНБ (л. 83 об.): И^ж боуи лю^ди моа мене не по^знаша. снове безоум'ни соу^т ѿ бѣс'ни. моудри соу^т да сътвориоу^т з'лаѿ, бл'го ж' творити не по^знаша.

БАН (л. 184): Иже бѣиѣи люди моа мене не познаша. Снове безѣмни сѣтъ ѿ бѣсны. М'ры сѣтъ да сътвориоу^т з'лаѿ. бл'го же творити не познаша.]

194. щѣли. ѿрдѣа. ѿрдѣѿа еѿ мѣста непрходна конми.

[4:29 a voce equitis et mittentis sagittam fugit omnis civitas ingressi sunt ardua et ascenderunt rupes universae urbes derelictae sunt et non habitat in eis homo
РНБ (л. 84): **ѿр'доуа соу^т мѣста непрѡхб'ныа ко^вмѣ** — ѿ гласа кон'с'ка ѿ посылающи^х стрѣлы бѣжи^т всакъ градъ. И въшли соу^т щѣли вси г'ради ѡставлени соу^т ѿ не обитаетъ в нихъ члѣкъ.

БАН (л. 184): ѿ гласа кон'ска: ѿ посылающи^х стрѣлы бѣжи^т всакъ градъ. И въшли сѣ^т щѣли. Все гради ѡставлени сѣ^т ѿ не ѡбитаетъ в нихъ члѣкъ.]

195. стибѣом, стибѣо^м еѿ лицемѣриѣ бл'с'коѣ оукраше^нѣ по ѡбразѣ помазающиса.

[4:30 tu autem vastata quid facies cum vestieris te coccino cum ornata fueris monili aureo et pinxeris stibio oculos tuos frustra conponeris contempserunt te amatores tui animam tuam quaerent

РНБ (л. 84): **стибѣо еѿ лицемѣриѣ бл'с'ко, украшение по образу мазающихъса;** — Ты ж' йспокащѣна ч'тò сѣ^т вори. Ег'да ѡблечѣшиса

с'кóрлато^м ѝ оукрашена боудешѝ монѝсты златѝмѝ ѝ ѝспестрѝши стѝбѝемѝ очи твои соуетно ꙗ^сложѝши. зничѝжиша та любов'ници т'вой дѝпоу твою поѝцоут.

БАН (л. 184): Ты ^ж ѝспокащена что сътвори. Ёгда ѝблечешиса скорлато^м ѝ зкрашена бздешѝ монѝсты златыми, ѝ ѝспестриши стѝбѝемѝ очи твои сзетно сложиши. Оуничѝжиша та любовницы твои. дѝш' твою поѝцзть.]

196. ѝли. аще •

[5:2 quod si etiam vivit Dominus dixerint et hoc falso iurabunt

РНБ (л. 84): Да аще па^{кы} живе^т г^сь рекоут, ѝ то л'жѝво кленѝутьса.

БАН (л. 184): Да аще па^{кы} живе^т гь ре^кзть ѝ то лжывь клензтса.]

197. па || (л. 106 об.) рд^с. рысь •

[5:6 idcirco percussit eos leo de silva lupus ad vesperam vastavit eos pardus vigilans super civitates eorum omnis qui egressus fuerit ex eis capietur quia multiplicatae sunt praevaricationes eorum confortatae sunt aversiones eorum РНБ (л. 84–84 об.): рѝсѝ — Се^т ра^н по || бѝль и^х лѝвѝ ѿ лѝса. вѝлкѝ к' вѝчероу ѝспокасти^т и^х, пѝр'дѝсѝ б'дацѝ на градѝхъ и^х. вса^къ и^ж с'ходацѝ боудеть ѿ ни^х вѝзметьса, и^ж м'нога соу^т престоуплѝнѝа и^х покрѝплѝны соу^т обрацѝнѝа и^х.

БАН (л. 184): Сего ради побиль и^х левъ ѿ лѝса: волкѝ кѝ вечерѝ ѝспокасти^т ѝхъ: пардосѝ бдацѝ на градѝхъ и^х. Вса^{кѝ} ѝже ѝсходацѝ бздеть ѿ ни^х вѝзметса ѝже мнѝога сзѝт престзпленѝа ѝхъ покрѝплѝны сзѝт ѝбрацѝнѝа и^х:]

198. черство. жестоко •

[5:23 populo autem huic factum est cor incredulum et exasperans recesserunt et abierunt

РНБ (л. 85): чер'ствѝ — Люде^м же си^м бы^с ср^дце невѝрно ѝ жѝс'тѝкѝ. ѿидѝша ѝ поидѝша,

БАН (л. 184 об.): Люде^м же си^м бы^с ср^дце невѝрно ѝ жестоко. ѿидѝша ѝ пойдѝша:]

199. зѝници, пѝпиладѝ, сѝница е^с младенець не ѝмѝюща ѿца. но мѝтръ токмо ѝзѝ. а сирота е^с которы не ѝмаѝт ѿца ни мѝтри •

[5:28 incrassati sunt et impinguati et praeterierunt sermones meos pessime causam non iudicaverunt causam pupilli non direxerunt et iudicium pauperum non iudicaverunt

РНБ (л. 85): пѣпилъи зѣница е̄ млѣнцъ не имѣющи оца токмо матерь. а сирота е̄ которой не има̄т нї оца ни матери:~ — оутѣли соӯт ѝ оутолѣстѣли ѝ мимойдоша с̄лове̄ моӣх злѣише. Прю вдовицы не соудиша. прю зѣницы не оуправиша. ѝ соуда оубогы̄м не соудиша.

БАН (л. 184 об.): оутыли сътъ ѝ зтольстѣли. ѝ мимойдоша словесъ моӣх злѣише. Прю вдовицы не сѣдиша. Прю зѣницы не зправиша ѝ сѣда збогы̄м не сѣдиша.]

200. тѣсз е̄ бѣлы̄и темнѣнъ •

[6:20 ut quid mihi tus de Saba adfertis et calamum suave olentem de terra longinqua holocaustomata vestra non sunt accepta et victimae vestrae non placuerunt mihi

РНБ (л. 86): т̄оӯ е̄ бѣлы̄ӣ т̄ѣмнѣнъ; — Вѣс̄коую м̄нѣ т̄оӯсѣ̄ ѿ сава принесете, ѝ касіа блѣгы̄м обонаніе̄м ѿ земли дальнаа. Всесъжженіа ва̄ша не соӯт зго̄на, ѝ закланіа ва̄ша не оугодиша м̄нѣ.

БАН (л. 185): Вѣскю мнѣ тѣсѣ ѿ сава принесите ѝ касіа блѣгы̄м обонаніемъ ѿ земла далнаа. Всесъжженіа ваша не съ̄т оугодна: ѝ закланіа ваша не згодиша мнѣ.]

201. на площадѣ̄х. на стогна̄х •

[7:17 nonne vides quid isti faciant in civitatibus Iuda et in plateis Hierusalem
РНБ (л. 87): Нї ли видиши ч̄тò сїи твора̄т въ градѣ̄х іюдины̄х ѝ на площадѣ̄х іер̄лима,

БАН (л. 185 об.): Ни ли видиши что сїи твора̄т въ граде̄х іюдины̄х. ѝ на площаде̄х іер̄лма:]

202. тилюкѣ̄, каню̄кѣ̄ •

[8:7 milvus in caelo cognovit tempus suum turtur et hirundo et ciconia custodierunt tempus adventus sui populus autem meus non cognovit iudicium Domini

РНБ (л. 88 об.): Каню̄кѣ̄ — Пилю̄кѣ̄ на нбси поз̄на вре̄ма с̄вое̄, горлица ѝ ластовица ѝ сиконіа съхраниша в̄ре̄ма прише̄ствіа свое̄. лю̄дѣ̄ же мой̄ не поз̄наша соуда г̄на.

БАН (л. 186): Пилюкѣ на нбси позна время свое: горлица ѝ ластовица ѝ сиконіа съхраниша время пришествіа своего: лю̄дѣ̄ же моӣ не познаша сѣда г̄на.]

203. змии перѣло̄ѣ̄. цар ишока •

[8:17 quia ecce ego mittam vobis serpentes regulos quibus non est incantatio et mordebunt vos ait Dominus

РНБ (л. 92 об.): П^ра^веден^ь о^уб^о ты [̀]еси г^и. ꙗ^кже п^рюса с тобою о^ба^че правед^{на} възг^лю к^ь теб^ѣ, вскою по^ут^ь неч^тивы^м прибыва^етъ бл^го е^с вс^ѣмъ и^ж пре^стоупа^ютъ ѿ незаконно д^ѣю^т.

БАН (л. 188): П^равед^{ен}ъ збо ты еси ги. ꙗ^кже прюса с тобою о^ба^че праведна възг^лю к^ь теб^ѣ. въск^жю п^рт^ь неч^тивы^м прибыва^етъ: бл^го е^стъ вс^ѣмъ и^ж прес^тѣпа^ютъ ѿ незаконно д^ѣю^т.]

208. ѿтрыли. просмрадиша •

[12:10 pastores multi demoliti sunt vineam meam conculcaverunt partem meam dederunt portionem meam desiderabilem in desertum solitudinis

РНБ (л. 93): п^ро^см^ра^ди^ша — Пастыре^и мнози ѿ^трыли^ша со^утъ виногра^д мой. потоп^нша часть мою. Даша часть мою въз^жел^ѣбно^ю в поус^тыню о^уединен^на,

БАН (л. 188): Пастыре^и мнози ѿ^трыли^ша съ^ть виногра^д мои. потоп^нша часть мою. Даша часть мою въз^жел^ѣнн^ю в п^рестыню з^вединен^на:]

209. помрачитса. померкне^м •

[13:16 date Domino Deo vestro gloriam antequam contenebrescat et antequam offendant pedes vestri ad montes caligosos expectabitis lucem et ponet eam in umbram mortis et in caliginem

РНБ (л. 94): да^дите г^оу боу ва^ше^моу с^лавоу пре^жне^ж м^ер^кн^етъ, ѿ пре^жне^ж с^вгр^ѣша^т ноз^ѣ ва^ши на гора^х м^гл^аны^х. По^ждите с^вѣтлос^ти ѿ положи^т е^а въ с^ѣнь см^ртноую, ѿ въ м^гла^ноую.

БАН (л. 188 об.): Дадите г^оу б^оу ва^ше^му с^лав^у пре^жне^ж меркне^т. ѿ пре^жне^ж с^вгр^ѣша^т ноз^ѣ ва^ши на гора^х м^гл^аны^х. Пождте св^ѣтлос^ти. ѿ положи^т е^а въ с^ѣнь см^ртн^ю ѿ въ м^глен^ю.]

210. по кратѣ, по силѣ •

[16:21 idcirco ecce ego ostendam eis per vicem hanc ostendam eis manum meam et virtutem meam et scient quia nomen mihi Dominus

РНБ (л. 97 об.): се^т ра^тн^ю а^з покажоу и^м по кратѣ сей покажоу и^м роукоу мою, ѿ сілоу мою. ѿ познаю^т и^ж ѿма мнѣ г^ь:~

БАН (л. 190): Сего ра^тн^ю се азъ покаж^у и^м по кратѣ сей покаж^у и^м р^укоу мою: ѿ сил^у мою ѿ познаю^т ѿже ѿма мнѣ г^ь:.]

211. мирисе. мирисе е^стъ трава. ни чем^ъ не треб^ѣтъ токмо печь топити. ꙗ^к по ф^ра^нскы генестра. ѿ цвѣ^т е^а пчела не ѿбона^етъ, ꙗ^к цвѣ^т е^а зим^ѣ зеле^на.

[17:6 erit enim quasi myrice in deserto et non videbit cum venerit bonum sed habitabit in siccitate in deserto in terra salsuginis et inhabitabili

РНБ (л. 97 об.): **Мирѣсе ѿ трава ничему не требѣ ток'мо пѣ топиѣ А по фраскыи генѣтра. И цвѣта ея пчела не обонаетъ. А цвѣт' ея к' зимѣ зеленъ:**~ — Боудеѣ бѣ ѿко мѣрѣсе въ поустыни, ѿ не оузриѣ егда прѣидеѣ блго. но обитаеѣ в соухотѣ в поустыни в' зѣмли горцѣи ѿ небобитающе.

БАН (л. 190 об.): Бѣдеѣтъ бо ѿко мирисе в пѣстыни: ѿ не зриѣ егда прѣидеть блго: но обитаеѣ в сѣхотѣ в пѣстыни в земли горцѣи ѿ небобитающеи.]

212. ѿбыѣтредѣ ѿсѣ. ѿже еѣ попѣсти ѿмѣ.

[18:23 tu autem Domine scis omne consilium eorum adversum me in mortem ne propitius iniquitati eorum et peccatum eorum a facie tua non deleatur fiant corruentes in conspectu tuo in tempore furoris tui abutere eis

РНБ (л. 99 об.): **ѿбѣоуѣтерѣе ѣсѣ ѿ еѣ попоусѣти ѿмѣ** — Ты ѿ гѣи вѣси вса сѣвѣты иѣ на ма в' смѣртѣ. Не иѣцѣлѣша безакѣнѣа иѣ ѿ лица твоего не изглѣдѣса. бѣдоуѣ раѣроушѣни преѣ тобою, вѣ время ѿростѣ твоеа ѿбѣоуѣтерѣе ѿсѣ:~

БАН (л. 191): Ты ѿ гѣи вѣси вса сѣвѣты иѣ на ма вѣ смѣртѣ. Не ѿцѣлѣши безакѣнѣе иѣ ѿ лица твоего не ѿзглѣдѣса. Бѣдѣтъ разрѣшѣни преѣ тобою: вѣ время ѿростѣ твоеа ѿбѣѣтредѣ ѿсѣ.]

213. стерва плоти.

[19:7 et dissipabo consilium Iudae et Hierusalem in loco isto et subvertam eos gladio in conspectu inimicorum suorum et in manu quaerentium animas eorum et dabo cadavera eorum escam volatilibus caeli et bestiis terrae

РНБ (л. 100): ѿ раѣточю сѣвѣтѣ ѿдѣѣ ѿѣрѣлѣмоу в' мѣсте сеѣ, ѿ превращоу иѣ мечеѣ преѣ врагы сѣвоѣми, ѿ в роукоу ѿщѣоуѣщиѣ дѣшѣ иѣ, ѿ даѣ сѣтерѣва иѣ ѿдѣ пѣтѣцаѣ нѣбѣныѣ ѿ звѣреѣ земныѣ.

БАН (л. 191 об.): ѿ расточю сѣвѣтѣ ѿдѣѣ ѿѣрѣлѣѣ в мѣстѣ семѣ ѿ превращѣ иѣ мечеѣ преѣ врагы своими: ѿ в рѣкѣ ѿщѣоуѣщиѣ дѣшѣ иѣ: ѿ дамѣ стерва иѣ ѿдѣ пѣтѣцаѣ нѣбѣныѣ ѿ звѣреѣ земныѣ:]

214. лицемѣриѣ. скѣделеѣ.

[22:28 numquid vas ficile atque contritum vir iste Iechonias numquid vas absque omni voluptate quare abiecti sunt ipse et semen eius et proiecti in terram quam ignoraverunt

РНБ (л. 103): **ѣкѣдѣлѣѣѣ** — Нѣ ли сѣсоуѣ ѿлицемѣриѣ ѿ сокроушенѣ моуѣ тоѣ иѣхонѣа. нѣ ли сѣсоуѣ без всакаго хотѣнѣа, вѣскоую ѿриновенѣ соуѣ тоѣ ѿ сѣма ѣго ѿ повержѣни соуѣ в' зѣмлю еѣ ѣ не вѣдѣша.

БАН (л. 193): Ни ли съсъдъ лицемѣрїа ѿ съкръшенъ мъжъ тои іехонїа. Ни ли съсъдъ бе³ всакого хотѣнїа. Въскзю ѿринени сътъ тѣ ѿ ѿ сѣма єго ѿ поврѣжени сътъ в землю єа не вѣдѣша.]

215. мѣдрамантѣ, неплотнѣ.

[22:30 haec dicit Dominus scribe virum istum sterilem virum qui in diebus suis non prosperabitur nec enim erit de semine eius vir qui sedeat super solium David et potestatem habeat ultra in Iuda

РНБ (л. 103): **нѣплѣбнѣ** — сїа ре^т г^ѣ. Пиши моужоу семоу д^раматнѣоу моужоу и^ж въ д^не^х свои^х не^{пр}еспѣ^{ва}еть ни б^о боуде^т ѿ сѣмени єго моуж^и и^ж с^аде^т на пр^ѣтолѣ двдѣѣ ѿ в^ласть ѿмать к^т томоу въ і^юде:~

БАН (л. 193): Пиши мъжъ семѣ драматнѣ мъжоу. и^ж въ д^не^х свои^х не приспѣвае^т. Ни бо бѣде^т ѿ сѣмени єго мъжъ и^ж с^аде^т на пр^ѣтлѣ двдѣѣ: ѿ ѿ власть ѿмать к томѣ въ і^юдѣ:~]

216. въ оуѣдиненїа, ѿ во ѿпѣстенїа.

[25:9 ecce ego mittam et adsumam universas cognationes aquilonis ait Dominus et ad Nabuchodonosor regem Babylonis servum meum et adducam eos super terram istam et super habitatores eius et super omnes nationes quae in circuitu illius sunt et interficiam eos et ponam eos in stuporem et in sibilum et in solitudines sempiternas

РНБ (л. 105 об.): і во опѣстнїа — Се а³ пос^лю ѿ въспрїймѣ вса племена сѣверскаа ре^т г^ѣ ѿ нав^хо^носора ц^ра вавилонска раба моего ѿ приведу и^х на зем^лю сїю, ѿ на ѿбитателї єа, ѿ на вса рож^ненїа и^ж ѿкр^ѣтъ тог^о соу^т, ѿ оубїю и^х, ѿ по^тав^лю и^х въ ж^асѣ ѿ въз^виз^занїе, ѿ въ оуѣдїнїенїе вѣчнаа.

БАН (л. 194): се азъ послю ѿ въспрїймоу вса племена сѣверска рече гѣ ѿ навхо^носора ц^ра вав^лон^ска раба моего ѿ приведѣ ѿхъ на землю сїю ѿ на ѿбитатели єа ѿ ^{на} вса роженїа и^ж ѿкр^ѣтъ тог^о соу^т ѿ оубїю ѿхъ ѿ поставлю и^х въ ж^асѣ ѿ въ звизданїе ѿ въ зѣдиненїа вѣчнаа.]

217. келеоума. пѣ^ѣ пою^т єгда ѿбѣмлетса виногра^н. ѿ тѣ зоветса келема.

[25:30 et tu prophetabis ad eos omnia verba haec et dices ad illos Dominus de excelso rugiet et de habitaculo sancto suo dabit vocem suam rugiens rugiet super decorem suum celeuma quasi calcantium concinetur adversus omnes habitatores terrae

РНБ (л. 106 об.): **пѣ** пою^т **ѣг**а виногра^а о^бемле^тса, и то зове^тса **келеоум**а — **И** ты^м пр^оречеши к['] ним^м в[']са с[']ловеса с[']а. и речеши к['] ним^м. **Г**ѣ ѿ высоты възреве^т, и ѿ жилища с[']таго свое^т да^т гла^т с[']вои. Ревоуши възреве^т на красотоу с[']вою, к[']ѣлеоум^а **я**ко топчющи^х начьне^тса на вса обитател[']а зем[']ли.

БАН (л. 194 об.): **И** ты проречеши к['] нимъ вса словеса с[']а: и речеши к['] нимъ. **Г**ѣ ѿ высоты възреветъ: и ѿ жилища с[']тго своего дасть гла^т с[']вои: Ревѣщи възреветъ на красотоу свою: Келеѣма **я**ко топчющихъ начнетъса на вса обитатели земли.]

218. клей лѣкарны. по еврѣйскы клей лѣкарны зоветса. **ѳ**ри^а. **ѳ**ри^а. иже знаменѣтъ. **ѳ**ри^акъ •

[46:11 ascende in Galaad et tolle resinam virgo filia Aegypti frustra multiplicas medicamina sanitas non erit tibi

РНБ (л. 107): **по еврѣйскы клей лѣкарскы зоветса т^уриати^т и^ж з[']наменуе^т ѳи^риакъ**; — възыди в['] галаа^а и възми к[']леи лѣкар[']скыи два д[']щерь ег[']пет[']ска, соуе^тно оум[']ножиша^а врачеваніе исцелѣн[']іе боуде^т тебѣ.

БАН (л. 204 об.): Взыди в галаадъ и възми клеи лѣкарныи два дщерь ег[']пет[']ска. Сзѣтно змножиша врачеваніе исцѣленіе не бздетъ тебѣ.]

219. драматы. неплоды •

[48:6 fugite salvate animas vestras et eritis quasi myrice in deserto

РНБ (л. 108 об.): **неп[']лбды** — бѣжитѣ и спсите дш[']а ва[']ша, и боудете **я**ко д[']рама[']ты в поу[']стыни.

БАН (л. 205): Бѣжите спсите дш[']а ваша: и бздете **я**ко драматы в п[']стыни.]

220. с бѣимыи. с бѣимыи смоковникомъ. иже е['] съ чл[']комъ. дикиа^м дш[']ци. смокви. или па[']кы дѣмони в таковѣмъ ѳбразѣ явл[']ациса •

[50:39 propterea habitabunt dracones cum fatuis ficariis et habitabunt in ea strutiones et non habitabitur ultra usque ad sempiternum nec extruetur usque ad generationem et generationem

РНБ (л. 113 об.): **съ боуими смокв[']нныи и^ж е['] чл[']кы дикы^м и ядущими с[']мокви или па[']кы дѣмони в['] таково^м образѣ явл[']ются:** ~ — се['] ра['] обитают['] д[']раконес[']. съ боуими смокв[']нныи и обитают['] в['] не['] строусы. и не обитае[']тса к['] томоу да[']ж до века. ни съзиже[']тса ѿ рода и['] рода.

БАН (л. 208): Сего ради ѡбитаю^т драконесъ. Съ бѣи^ими смоковники ѡбитають в немъ стрѣсы. И не ѡбитае^тса к томѹ да^ж до вѣка ни съзижет^{са} да^ж ѿ рода ѡ рода.]

221. стрѣсъ е^с птица. подобиемъ жаравлевымъ но велика. ѡ ѡимат^ь зъ соба коныта ка^к воловы. ѡ желѣзо пожирае^т ѡ проправи^т. строуфоками^н зовет^{са}.

[50:39 propterea habitabunt dracones cum fatuis ficariis et habitabunt in ea strutiones et non habitabitur ultra usque ad sempiternum nec extruetur usque ad generationem et generationem

РНБ (л. 113 об.): На нижнем поле л. 113 об.: "С^троу^с е^с птица подобие^м жеравины^м, но велика. А ѡимат^ь зъ себе коныта ѡко волѡвы ѡ желѣзо пожирае^т ѡ пробивает^ь; строуфоками^н зовет^{са} — се^т ра^ж ѡбитаю^т д^раконе^с. съ боу^ими смѡковныи^кы ѡбитають в^нем^ь строу^сы. ѡ не обитае^тса к^т томоу да^ж до века. ни съзижет^{са} ѿ рода ѡ рода.

БАН (л. 208): Сего ради ѡбитаю^т драконесъ. Съ бѣи^ими смоковники ѡбитають в немъ стрѣсы. И не ѡбитае^тса к томѹ да^ж до вѣка ни съзижет^{са} да^ж ѿ рода ѡ рода.]

222. селезѡма селеоума е^с пѣснь вины^м торго телемъ за оумноже^не || (л. 107) вина. сиѡ радость сотвораю ѡно та пѣ^с зовет^{са}. селеоума.

[51:14 iuravit Dominus exercituum per animam suam quoniam replebo te hominibus quasi brucho et super te celeuma cantabitur

РНБ (л. 114 об.): селеоума е^с пѣ^с вин^ны^м торг^гателе^м. за умноженіе вина сію радѡ^сь сътвори^ют^ь и та пѣ^с зовет^{са} селезѡма — закла^тса г^б въинство^м по дш^и своіи ѡко ѡспол^ню та члѡкы ѡко проу^т, ѡ на та сел^еоум^а въ^споет^ьса.

БАН (л. 208 об.): закла^тса г^б воинство^м по дш^и своей. ѡко ѡсполню та члѡкы^на прѡг^ь. ѡ на та селезѡма въспое^тса.]

223. жезль. скипетръ

[51:19 non sicut haec pars Iacob quia qui fecit omnia ipse est et Israhel sceptrum hereditatis eius Dominus exercituum nomen eius

РНБ (л. 114 об.): не ѡко сіа е^с часть ѡковла и^ж и^ж сътвори^н в^са тои е^с ѡг^ьль с^кипетръ до^стоян^на е^го г^б въинство^м ѡма е^го.

БАН (л. 208 об.): Не ѡко сіа часть ѡковла. и^ж и^ж сътвори^н вса той е^с ѡг^ьль скипетръ достоян^на е^го г^б воинство^м ѡма е^с.]

224. пѣхлости некрѣпости •

[51:34 comedit me devoravit me Nabuchodonosor rex Babylonis reddidit me quasi vas inane absorbit me sicut draco replevit ventrem suum teneritudine mea et eiecit me

РНБ (л. 115 об.): Из'асть ма пожре ма навхо^нносоръ црѣ вавилон'скы^ѣ. ѿдал мнѣ ѿко сосоу^а в' соуетоу, поглотѣ ма ѿко дракѣнѣ. ѿспол'ни ч'рево с'воє поухло^{тѣ} моєа. ѿ ѿвер'же ма.

БАН (л. 208 об.): Из'асть ма пожре ма навхо^нносоръ црѣ вавѣлоньскыи. ѿдал мнѣ ѿко със^а в' съету, поглоти ма ѿко драко^а: ѿполни чрево свое пѣхлости моєа. ѿ ѿверже ма.]

225. на бе^а. на ви^а. ѡ:

[51:44 et visitabo super Bel in Babylone et eiciam quod absorbuerat de ore eius et non confluent ad eum ultra gentes siquidem et murus Babylonis corrui

РНБ (л. 115 об.): ѿ посѣщѣу на бель вавѣлонѣ ѿ ѿзрѣноу ч'тѣ проглоти^а ѿ оустѣ єгѣ. ѿ не совокоуп'са к' неѣ ѿзыцѣи. ѿ истиннѣ ѿ стѣнѣу вавило^аскоуѣ роуша^а.

БАН (л. 209): ѿ посѣщѣ на бель въ вавѣлонѣ ѿ ѿзринѣ что проглоти^а ѿ оустѣ єго: ѿ не съвѣкѣпатса к' неѣ ѿзыцы ѿ истинно ѿ стѣнѣ вавѣлоньскѣю рѣшатѣ:]

ABSTRACTS

L. Mikhailova, T. Rutt. The composition and the principles of the construction of the ethnic and cultural dictionary of Russian dialects of Karelia.

In the article by L. Mikhailova, T. Rutt the authors try to show that the existing ethnographic descriptions of the local culture of the Beloe sea region, the region of Zaonezhye, the region of Vodlozero and the other territories allows to identify the essential features that characterize the way of life, perception of the world, the spiritual world, the moral precepts of the inhabitants of Karelia as a special multi-ethnic region, and to present its reflection in a special dictionary which simultaneously could serve as an addition to the famous «Dictionary of Russian dialects of Karelia».

As the sources of the dictionary that is composed it is assumed to use the works by the ethnologists, onomatologists, historians, folklorists, musicologists, researchers of the culture of peoples of Karelia, archival materials, containing information of an ethnic character.

The question about the selection of the vocabulary into the dictionary, about the submission of the material on the thematic groups is put, and the samples of the dictionary entries are provided.

Keywords: dialect lexicography, ethnic culture, language sources.

O. Borisova. Precedent texts in an exemplary zone of regional dictionary (on the material of the polysystemic Dictionary of Kuban dialects).

The role of dialect precedent texts in practical lexicography, their genre and thematic diversity and inclusiveness is discussed in the article on the material of the regional polysystemic dictionary of Kuban dialects which is currently being.

Keywords: illustrative zone of the dialect dictionary, dialect precedent text, ethno-cultural background of the vocabulary entry, creative linguistic personality.

L. Yatskevich. Processes degrammaticalization and grammaticalization category of a genus of nouns in the Vologda dialects.

In paper the most divergent grammatical category — a genus of nouns in the Vologda dialects is considered. Two opposite trends are determined: 1) processes degrammaticalization category of a genus of nouns, namely loss of the obligatoriness of their designations on the particular genus, widely spread variance of a genus; 2) processes of secondary grammaticalization category of a genus of nouns, amplification of their morphological labeling on a genus. Both processes interdependent among themselves: degrammaticalization of genus leads to its secondary grammaticalization in the dialect language.

Keywords: the Vologda dialects, a category of a genus, processes degrammaticalization and grammaticalization, feeble formative, secondary suffixation.

L. Zorina. On degree of traditional folk good-wishing formulas preservation.

The article describes the unique good-wishing formulas, which have been fixed in Vologda dialects, characterizes their semantics, gives the examples of some structural

types of good-wishing phrases and appraises the degrees of those formulas presentation in the mentality of dialects bearers on the eve of XX and XXI centuries.

Keywords: Vologda dialects, category of politeness, traditional good-wishing formulas.

R. Gaidamaško. On genetic link of the northern Russian dialects and Russian dialects of the Kama region (based on the dialectal landscape lexics).

Current article describes the dialectal landscape lexics of the Kama region, corroborating the genetic link of the northern Russian dialects and Russian dialects of the Kama region. Toponyms of the Kama region originating from the northern Russian antroponymy and demonymy are given after the introductory remarks, that cover the history of formation of the Russian dialects of the Kama region in the aspect of linguistic interaction. The major part of the article is devoted to the northern Russian dialectal landscape lexics in the Russian dialects of the Kama region and to the differentiation of the central areas of such lexics.

Keywords: linguistic geography; northern Russian dialects; Russian dialects of the Kama region; dialectal landscape lexics.

S. Myznikov. Multiple layers of lexicon of a Finno-Ugric origin in pinega dialects.

This work represents continuation by the author of etymological development of lexicon of the North Russian dialects of a Finno-Ugric origin. In the present article some lexemes of the Zyrian, Baltic-Finnish and the Lappish origin in pinega dialects are investigated.

Keywords: Komi, Sami, Baltic-Finnish, Finno-Ugric, Russian dialects

E. Puritskaya. The Vocabulary of Pskov Dialects in Historical Perspective : Dynamics and Stability (Based on the «Pskov Regional Vocabulary with Historical Data».

The article analyzes two lexical systems: the lexical system of modern Pskov dialects and the lexical system of written documents of the XIV–XVIII centuries, presented in the "Pskov regional vocabulary with historical data". The author describes their functioning and makes observations on the dynamic processes in Pskov dialects.

Keywords: lexicology, dialectology, dialect lexicography, Pskov regional vocabulary with historical data.

E. Lunkova. The functioning of the suffix *-en'* in the Smolensk dialects

The article is devoted to the functioning of the suffix *-n'* in the Smolensk dialects in a frame of a derivational niche. This derivational niche is understood as a combining unit of four derivational types and shows a peculiarity of the dialect word-formation.

Keywords: Smolensk dialects, suffix *-en'*, derivational niche.

L. Mikhailova. Lexicalization of the transition [ó] > [á] in Russian dialects.

The article presents a large group of Russian vocabulary, has experienced the transformation of the vocal ó in the position under stress, the transition into á. The

areas of the existence of the lexical units with the unusual phonemic serie are identified. At the initial stage they were the phonetic variations of well-known or dialectal words.

The formal relations of the described words with the initial lexemes are established, as well as the nature of the semantic relations between them. An attempt to detect the reasons of the described phenomenon widespread in different dialects is made.

Keywords: phonetics, dialectal vocabulary, the area of the phenomena, language contacts.

N. Markova. Dialect Perfect Designs in One Onega Dialect and Idiostyle.

In the article devoted to different perfect forms of short past active and passive participles in one dialect, it is claimed that competing forms *on — no/-to, — nos/-tos* and *on — shi* are synonyms. The quantitative ratio of two forms of a perfect in a separate idiolect and style of the writer writing on a dialect is established. Replacement of verbal adverb forms by forms of passive participles is noted.

Keywords: quasipossessive perfect, quasipossessive construction, syntactic synonyms, specific dialect system, idiolect, idiostyle.

Y. Myznikova. The specificity of functioning of prepositional constructions in the North Russian dialects and the dialects of the Middle Volga.

The article deals with the specificity of the use of prepositions in the North Russian dialects. Missing prepositions in the adverbial syntagmas occur not only in the North Russian dialects. They also can be find in another language contact region in the dialects of the Middle Volga.

Keywords: North Russian syntax, adverbial syntagmas, prepositions.

M. Mironovich. The names of bread products in nortgreat-Russian and southgreat-Russian wedding rites (on the example of the Permian and Kaluga dialects).

In this article are considered the names of bread products in nortgreat-Russian (on the example of the Permian dialects) and southgreat-Russian (for example, Kaluga dialects) wedding rites. Identified territorial accessories of lexemes: the prevalence in both dialects (such lexemes are usually indicate required bread products, peculiar to Great-Russian dialects in general) or only one of them (denote optional bread in the wedding ritual). Analyzed motivation of the these lexemes.

Keywords: lexicon, wedding rite, bread, motivation, Perm, Kaluga.

I. Kachinska. Terms of kinships and the language picture of the world: the links of a family and somatic registers (on materials by Arkhangelsk dialects).

The Terms of kinship belong to the group of connotation vocabulary, which is characterized by a regular metaphorical transfer in a variety of areas, including in the area of parts of the body. In the article on the material by Arkhangelsk region is seen as «the family» terminology associated with parts of the body.

Keywords: Northern dialects, Arkhangelsk dialects, kinship terms, somatic, Russian dialectology, dialects lexicology.

A. Gerd. Some Materials on the History of Regional Ties among the Slavs.

The article deals with specific examples of lexical matches in form and meaning between the northern Russian Ladoga-Tikhvin dialects and Don dialects of the Volgograd region.

Keywords: dialectism, local node, comparison scale, semantics.

A. Priobrazhensky. Russian microtoponymy of the Karelian Pomorje according to the written and field data.

The article analyzes the Russian microtoponymy of the Karelian Pomorje in areal and historical aspects. Microtoponymy this territory reflected all of the major economic activities of local inhabitants, which existed in the past (slash-and-burn agriculture, salt production) and extant (fishing). Terms of slash-and-burn agriculture in the dialects of Karelian Pomorje changed their semantics, and came to mean haymaking, not arable land. The peculiarity of the Pomorje dialects, reflected in microtoponyms, is the combination of the phenomena of various dialects which testify to intensive contacts between them in the past. Most of the words, used in the Russian micro toponyms of the Karelian Pomorje, are connected with the territory of the Novgorod and Pskov dialects. The smallest group of words is a consequence of the Rostov-Suzdal influence (*pechische, verkhovina, repnik*).

Keywords: microtoponymy, appellative, Russian dialects.

I. Brodsky. Determinants of composite phytonyms in finno-permic languages.

In this paper, the author examines the determinants of nomination object classes in composite phytonyms (plant's names) of Finno-Permic languages. Determinants are divided into two groups: people taxa of flora, such as tree, grass, moss, and the names of the parts of plants, such as leaf, flower, or root.

In its origin determinants of the Finno-Permic phytonyms are divided into ancient original (most of them), and borrowed in modern languages and ancient protolanguages.

Keywords: Finno-Ugric languages, phytonym, plant's names, determinant.

I. Kobleva. About components of dialect idioms (on the phraseological data of the Lower Pechora and other Russian northern dialects).

This article deals with the components of Russian dialect idioms in consideration of ethnic and cultural specific and its lexicographical representation in the modern dialect phraseological dictionaries.

Keywords: Russian northern dialects, lexicography, phraseology.

I. Rusinova. What are busenki and kuleshata?

Two names of evil spirits — wizard's assistants recorded in the mythological texts of Perm region — are analyzed in this paper. Some motivational, semantic and etymological connections of these words with the other lexical units operating in the Russian North dialects and adjacent territories are considered.

Keywords: mythological texts of Perm region, demonological vocabulary, evil spirits — wizard's assistants, nouns *busenki, kuleshata*.

A. Bashmakova. Semantic groups of impersonal predicative words in Pskov dialects.

The article offers a selection of semantic groups of impersonal predicative words existing in Pskov dialects, and discusses the features of such groups in comparison with the literary language. The article uses material of the Pskov regional dictionary with historical data.

Keywords: dialectology, semantic groups, impersonal predicative words.

A. Gerd. Major trends and parameters of the regional types of language.

Purpose of the article is the identification of factors, that modern regional language types allow to describe. Such factors are the most ancient ethno-linguistic border areas, as well as a complex linguistic history of the regional centers in a variety of their linguistic states.

Keywords: regional types of language, dialectology, ethnolinguistics.

A. N. Levichkin. About an unknown manuscript of Novgorod beginning of XVI century (Dictionary of the Gennady Bible).

The article presents an overview of unknown monument of Old russian lexicography, created on the basis of Gennady Bible translation project of the whole biblical books, implemented in Novgorod in the late XV century.

Keywords: historical lexicography, historical lexicology, Azbukovnik, Gennady Bible.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Башмакова Анна Павловна — научный сотрудник ИФИ филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: apbash@yandex.ru.

Борисова Ольга Геннадиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кубанского государственного университета. E-mail: ganevika@rambler.ru

Бродский Игорь Вадимович — кандидат филологических наук, доцент кафедры уральских языков, фольклора и литературы ИНС РГПУ им. А. И. Герцена. E-mail: kodima@mail.ru

Гайдамашко Роман Валентинович — младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). E-mail: gaidamashko@gmail.com

Герд Александр Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: msk.philol@mail.ru

Зорина Людмила Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета.

Качинская Ирина Борисовна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: kacza@yandex.ru

Кобелева Ирина Арнольдовна — доктор филологических наук, доцент кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета. E-mail: kobir@list.ru

Левичкин Александр Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. E-mail: alevi66@gmail.com

Лунькова Екатерина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Смоленского государственного университета. E-mail: ttf32lunkova@yahoo.com; rina4@yandex.ru

Маркова Нина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета. E-mail: markova_nina@mail.ru

Миронович Мария Сергеевна — аспирантка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). E-mail: maria.mir@mail.ru

Мызников Сергей Алексеевич — доктор филологических наук, зав. Словарным отделом Института лингвистических исследований РАН. E-mail: myznikovs@rambler.ru

Мызникова Янина Валерьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: janinam@mail.ru

Михайлова Любовь Петровна — кандидат филологических наук, доцент, профессор Петрозаводского государственного университета. E-mail: posnm87@bk.ru

Прибраженский Андрей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета. E-mail: primlp47@list.ru

Пурицкая Елизавета Владиславовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. E-mail: purichi@list.ru

Русинова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: irusinova@mail.ru

Рутт Татьяна Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент Петрозаводского государственного университета. E-mail: posnm87@bk.ru

Яцкевич Людмила Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета. E-mail: VAYatskevich@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Михайлова Л. П., Рутт Т. Е.</i> Состав и принципы построения этнокультурного словаря русских говоров Карелии	3
<i>Борисова О. Г.</i> Прецедентные тексты в иллюстративной зоне регионального словаря (на материале полисистемного Словаря кубанских говоров).....	17
<i>Яцкевич Л. Г.</i> Процессы деграмматикализации и грамматикализации категории рода имен существительных в вологодских говорах	41
<i>Зорина Л. Ю.</i> О степени сохранности традиционных народных формул благопожеланий	58
<i>Гайдамашко Р. В.</i> К вопросу о генетической связи севернорусских и прикамских говоров (на материале диалектной лексики ландшафта)	71
<i>Мызников С. А.</i> Многослойность лексики финно-угорского происхождения в пинежских говорах	87
<i>Пурицкая Е. В.</i> Функционирование лексики псковских говоров в исторической перспективе: динамика и устойчивость (на материале «Псковского областного словаря с историческими данными»)	96
<i>Лунькова Е. С.</i> Функционирование суффикса <i>-ень</i> в смоленских говорах.....	108
<i>Михайлова Л. П.</i> Лексикализация перехода [o] > [a] в русских говорах.....	118
<i>Маркова Н. В.</i> Диалектные перфектные конструкции в одном заонежском говоре и идиостиле	137
<i>Мызникова Я. В.</i> Специфика функционирования предложно-падежных конструкций в севернорусских говорах и говорах Среднего Поволжья.....	149
<i>Миронович М. С.</i> Наименования хлебных изделий в северновеликорусском и южновеликорусском свадебном обряде (на примере Пермской и Калужской областей)	158
<i>Качинская И. Б.</i> Термины родства и языковая картина мира: сопряжение «семейного» и «телесного» регистров (по материалам архангельских говоров).....	165
<i>Герд А. С.</i> Из материалов по истории межславянских региональных связей	178
<i>Приображенский А. В.</i> Русская микропонимия Карельского Поморья по данным письменных и полевых источников	182

<i>Бродский И. В.</i> Детерминанты сложных (составных) названий растений в финно-пермских языках	199
<i>Кобелева И. А.</i> О компонентном составе диалектных фразеологизмов (на материале фразеологии печорских и иных севернорусских говоров)	223
<i>Русинова И. И.</i> Кто такие <i>бусеньки</i> и <i>кулешата</i> ?	229
<i>Башмакова А. П.</i> Семантические группы безлично-предикативных слов в псковских говорах	242
<i>Герд А. С.</i> Основные тенденции и параметры формирования региональных типов языка	249
<i>Левичкин А. Н.</i> Об одном неизвестном памятнике новгородской письменности начала XVI века (Словарь к Геннадиевской библии)	265
Abstracts	337
Сведения об авторах	342

CONTENTS

<i>Mikhailova L., Rutt T.</i> The composition and the principles of the construction of the ethnic and cultural dictionary of Russian dialects of Karelia.....	3
<i>Borisova O.</i> Precedent texts in an exemplary zone of regional dictionary (on the material of the polysystemic Dictionary of Kuban dialects) .	17
<i>Yatskevich L.</i> Processes degrammaticalization and grammaticalization category of a genus of nouns in the Vologda dialects.....	41
<i>Zorina L.</i> On degree of traditional folk good-wishing formulas preservation	58
<i>Gaidamaško R.</i> On genetic link of the northern Russian dialects and Russian dialects of the Kama region (based on the dialectal landscape lexics)	71
<i>Myznikov S.</i> Multiple layers of lexicon of a Finno-Ugric origin in Pinega dialects	87
<i>Puritskaya E.</i> The Vocabulary of Pskov Dialects in Historical Perspective : Dynamics and Stability (Based on the «Pskov Regional Vocabulary with Historical Data»)	96
<i>Lunkova E.</i> The functioning of the suffix <i>-en'</i> in the Smolensk dialects	108
<i>Mikhailova L.</i> Lexicalization of the transition [ó] > [á] in Russian dialects	118
<i>Markova N.</i> Dialect perfect designs in one zaonezhsky dialect and idiostyle	137
<i>Myznikova Y.</i> The specificity of functioning of prepositional constructions in the North Russian dialects and the dialects of the Middle Volga.....	149
<i>Mironovich M.</i> The names of bread products in northgreat-Russian and southgreat-Russian wedding rites (on the example of the Permian and Kaluga dialects).....	158
<i>Kachinska I.</i> Terms of kinships and the language picture of the world: the links of a family and somatic registers (on materials by Arkhangelsk dialects).....	165
<i>Gerd A.</i> Some Materials on the History of Regional Ties among the Slavs	178
<i>Priobrazhensky A.</i> Russian microtoponymy of the Karelian Pomorje according to the written and field data	182
<i>Brodsky I.</i> Determinants of composite phytonyms in finno-permic languages.....	199

<i>Kobeleva I.</i> About components of dialect idioms (on the phraseological data of the Lower Pechora and other Russian northern dialects)	223
<i>Rusinova I.</i> What are <i>busenki</i> and <i>kuleshata</i> ?	229
<i>Bashmakova A.</i> Semantic groups of impersonal predicative words in Pskov dialects	242
<i>Gerd A.</i> Major trends and parameters of the regional types of language	249
<i>Levichkin A.</i> About an unknown manuscript of Novgorod beginning of XVI century (Dictionary of the Gennady Bible)	265
Abstracts	337
List of authors	342

Научное издание
СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Выпуск 13

Верстка И. А. Магина

Подписано в печать 31.10.14. Формат 60×84¹/₁₆

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 16,05. Тираж 240 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел (812) 235-15-86

Почта: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Нестор-История»
198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812) 622-01-23